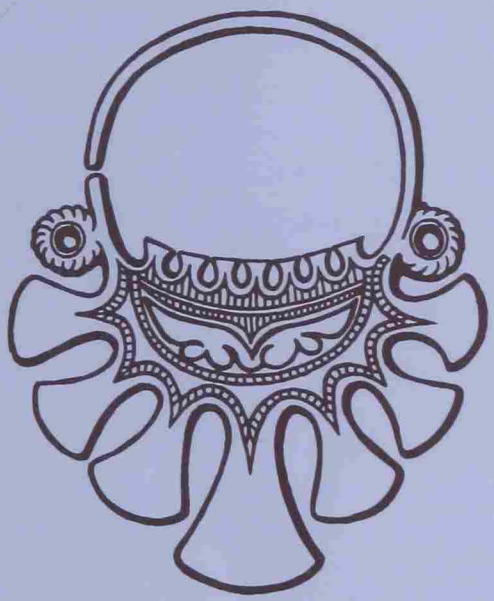
ISSN 0869-6063

275 лет Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



1999 1

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Р. М. Мунчаев (председатель),
Т. И. Алексеева, А. П. Деревянко, В. П. Любин,
Н. Я. Мерперт, М. Г. Мошкова, Е. Н. Носов, А. Д. Пряхин,
Б. А. Рыбаков, В. В. Седов, А. А. Формозов,
А. И. Шкурко, В. Л. Янин

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

В. И. Гуляев (главный редактор),
Х. А. Амирханов, Л. А. Беляев (зам. главного редактора),
А. Н. Гей, И. С. Каменецкий, Г. А. Кошеленко,
Н. А. Макаров, В. С. Ольховский (ответственный секретарь),
Е. Н. Черных

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ
МОСКВА

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

1999 1

Журнал основан в январе 1957 г.

Выходит 4 раза в год

СОДЕРЖАНИЕ

Гайдуков П.Г. К семидесятилетию академика Валентина Лаврентьевича Янина 5
Матюхин А.Е. О технологическом анализе каменных изделий 12
Спиридонова Е.А., Алешинская А.С. Периодизация неолита-энеолита Европейской России по данным палинологического анализа 23
Гей А.Н. О некоторых проблемах изучения бронзового века на юге Европейской России 34
Авилова Л.И., Антонова Е.В., Тенейшвили Т.О. Металлургическое производство в южной зоне Циркумпонтийской металлургической провинции в эпоху ранней бронзы 51
Марковин В.И. К методике полевого изучения дольменов 67

Публикации

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Агапов С.А., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., Тенейшвили Т.О., Вальков Д.В. Археологические памятники эпохи бронзы на Каргалах (поселение Горный и другие) 77
Антипина Е.Е. Костные остатки животных с поселения Горный (биологические и археологические аспекты исследования) 103
Журбин И.В. Электрометрические исследования на поселении Горный 117
Савченко Е.И. Мощевая Балка – узловой пункт Великого Шелкового пути на Северном Кавказе 125
Векслер А.Г., Осипов Д.О. Мастерская сапожника на улице Пречистенка в Москве 142
Бойцов И.А. Красноглиняная керамика XV–XVI вв. из Большого Гнездниковского переулка (Москва) 152

Заметки

Сидоров В.В., Смирнов К.А. Зооморфная рукоять со Старшего Каширского городища.... 165
Давидан О.И. Новые находки гребней в Старой Ладоге 167
Богатская И.А., Панова Т.Д. Новый источник по истории городища Старая Рязань 175

© Российская академия наук
Институт археологии, 1999 г.

Недошивина Н.Г. О больших колтах Святозерского клада 182
Алексеенко Н.А. Печать киевского митрополита Кирилла из Херсонеса 186
Колызин А.М. Средневековая гирька из Московского Кремля 190
Буров В.А. О печати "Марфы-посадницы" (из истории фальсификации) 193

Археологические фонды музеев

Шишлов А.В., Колбасина Л.А. Археологические фонды Новороссийского государственного исторического музея-заповедника 197

Дискуссии

Шер Я.А. О состоянии археологии в России (продолжение полемики) 209

Критика и библиография

Беляев Л.А. *Teteriatnikov Natalia B.* The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia. Pontificio Instituto Orientale. Roma, 1996 (Orientalia christiana analecta, 252) 224
Бгажба О. *Терехова Н.Н., Розанова Л.С., Завьялов В.И., Толмачева М.М.* Очерки по истории древней железообработки в Восточной Европе. М., 1997 228
Крадин Н.Н. *Иванов И.В., Васильев И.Б.* Человек, природа и почвы Рын-песков Волжско-Уральского междуречья в голоцене. М., 1995 231
Кулаков В.И. *Okulicz-Kozarin Ł.* Dzieje prusów. Monografie Fundacji na rzecz nauki polskiej. Ser. humanistyczna. Wrocław, 1997 235

Хроника

Безруков А.В. Конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М.М. Кобылиной (Москва, 1997) 240
Мастыкова А.В., Гавритухин И.О., Казанский М.М. Международная конференция "Византия и Крым" (Севастополь, 1997) 242
Гуляев В.И., Ольховский В.С. Круглый стол "Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений" (Москва, 1997) 246
Сташенков Д.А. II международная археологическая конференция "Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э." (Самара, 1997) 250
Каменецкий И.С. Александру Александровичу Формозову 70 лет 252

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF ARCHAEOLOGY
MOSCOW

ROSSIYSKAYA ARKHEOLOGIYA

1999 1

Founded in 1957
Published quarterly

Editor-in-Chief
V.I. Gulyaev

CONTENTS

Gaidukov P.G. To the 70th Anniversary of Valentin Lavrentyevich Yanin 5
Matyukhin A.E. Technological Analysis of Stone Goods 12
Spiridonova E.A., Aleshinskaya A.S. Devision into periods of the Neolithic – the Eneolithic of Europian Russia according to the palynological data 23
Gey A.N. Some Problems Related to the Study of the Bronze Age in the South of European Russia 34
Avilova L.I., Antonova Y.V., Teneyshvili T.O. Metallurgical Production in the Southern Zone of the Circumpontic Metallurgical Province during the Early Bronze Age 51
Markovin V.I. Methodology for Field Studies of Dolmens 67

Publications

Chernykh E.N., Kuzminykh S.V., Lebedeva E.Yu., Agapov S.A., Lunkov V.Yu., Orlovskaya L.B., Teneyshvili T.O., Valkov D.V. Archaeological Bronze Age Sites at Kargaly ("Gorny" settlement and Others) 77
Antipina Ye.Ye. Animal Bones Refuse from the Site Gorny (Biological and Archaeological Aspects of Investigation) 103
Zhurbin I.V. Electrometric Research at the Gorny Site 117
Savchenko E.I. Moshchevaya Balka as a Key Center of the Great Silk Way in the North Caucasus 125
Veksler A.G., Osipov D.O. A Shoe-maker Shop in the Street Prechistenka in Moscow 142
Boitsov I.A. Red-clay Ceramics of the 15th – 16th centuries from Bolshoi Gnezdnikovsky Side-walk (Moscow) 152

Notes

Sidorov V.V., Smirnov K.A. Zoomorphic Handle from the Elder Kashira Hilltop Site 165
Davidan O.I. The new Discoveries of the Combs in Staraya Ladoga 167
Bogatskaya I.A., Panova T.D. A new Source Related to the History of Old Ryazan 175
Nedoshivina N.G. On Large Boilers from the Svyatozerks Treasure 182
Alekseenko N.A. A Seal of the Kiev Metropolitan Kirill from Chersonese 186
Kolyzin A.M. A Medieval Weight from the Moscow Kremlin 190
Burov V.A. On the Seal of Marpha-Posadnitsa 193

Archaeological Museum Funds

Shishlov A.V., Kolbasina L.A. Archaeological Funds of the Novorossiysk State Historical Museum-Preserve 197

Discussions

Sher Y.A. On the State of Archaeology in Russia 209

Critique and Bibliography

Belyaev L.A. *Teteriatnikov Natalia B.* The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia. Pontificio Instituto Orientale. Roma, 1996 (Orientalia Christiana analecta, 252) 224
Bgazhba O. *Terekhova N.N., Rozanova L.S., Zavyalov V.I., Tolmacheva M.M.* Essays on the History of Ancient Iron Processing in Eastern Europe. M., 1997 228
Kradin N.N. *Ivanov I.V., Vasilyev I.B.* Man, Nature and Soils of Ryn-sands of the Volga-Urals reguion in the Holocene 231
Kulakov V.I. *Okulicz-Kozarin Ł.* Dzieje prusów. Monografie Fundacji na rzecz nauki polskiej. Ser. humanistyczna. Wrocław, 1997 235

Chronicle

Bezrukov A.V. The Conference Dedicated to the 100th Anniversary of the Birthday of M.M. Kobylina (Moscow, 1997) 240
Mastykova A.V., Gavritukhin I.O., Kazansky M.M. International Conference "Byzantium and the Crimea" (Sevastopol, 1997) 242
Gulyaev V.I., Olkhovsky V.S. Round Table Discussions "Funeral Rite: Reconstruction and Interpretation of the Earliest Ideological Concepts" (Moscow, 1997) 246
Stashenkov D.A. The Second International Archaeological Conference "Steppe Cultures of Eurasia in the Second Half of the I Millennium AD" (Samara, 1997) 250
Kamenetsky I.S. Aleksandr Aleksandrovich Formozov is 70 years old 252

К СЕМИДЕСЯТИЛЕТИЮ АКАДЕМИКА ВАЛЕНТИНА ЛАВРЕНТЬЕВИЧА ЯНИНА

Исполнилось 70 лет Валентину Лаврентьевичу Янину – действительному члену Российской Академии наук и профессору Московского гос. университета, историку и археологу, талантливому лектору и блестящему популяризатору науки, человеку широчайшей исторической и культурной эрудиции, который своими фундаментальными трудами по русской истории навсегда вошел в отечественную науку. Научная деятельность Валентина Лаврентьевича, начатая почти полвека назад – яркий этап в развитии русской истории и археологии.

В четвертом номере журнала "Преподавание истории в школе" за 1952 г. появилась первая печатная работа аспиранта В.Л. Янина "Культура Великого Новгорода по археологическим данным". С тех пор прошло 47 лет жизни исследователя, заполненные каждодневным, напряженным и самозабвенным научным творчеством. Средневековая Русь – вот та тема, изучению которой Валентин Лаврентьевич отдал все эти годы. Список трудов В.Л. Янина, стремительно пополняющийся, насчитывает около 1000 наименований и сейчас невозможно себе представить отечественную историографию без его исследований.

Научное наследие Валентина Лаврентьевича огромно и многогранно. Трудно поверить в то, что все это сделано одним человеком. Вот перечень лишь основных направлений его творчества: нумизматика и сфрагистика, археология и источниковедение, генеалогия и метрология, эпиграфика и лингвистика, историческая топография и топонимика, монументальное и прикладное искусство, библиография и музыковедение. Однако без всякого сомнения, проблемы социально-политической истории Новгородской феодальной республики занимают центральное место в научной деятельности исследователя.

Подробный анализ научной, педагогической и общественной деятельности В.Л. Янина – тема отдельной большой работы. В этой статье, посвященной юбилею замечательного русского ученого, возможно лишь оконтурить основные этапы его жизни и перечислить важнейшие направления его многогранной деятельности.

Валентин Лаврентьевич Янин родился 6 февраля 1929 г. в Вятке (ныне г. Киров), куда его отца, молодого специалиста, направили работать после завершения учебы в московском ВУЗе. Через несколько месяцев семья Яниных переехала жить в Москву, где Валентин Лаврентьевич прожил всю жизнь. Его отец – Лаврентий Васильевич, санитарный врач; мать – Елизавета Степановна, школьная учительница.

В 1946 г. Валентин Лаврентьевич с золотой медалью закончил 7-ю образцовую школу и поступил на Исторический факультет Московского университета. Истфак был выбран не случайно. Интерес к древностям России появился уже в детстве. Еще до войны отец подарил ему небольшую коллекцию русских и иностранных монет, которая не только пробудила интерес к коллекционированию, но и помогла понять, что монеты могут быть объектом серьезного научного исследования. Именно это говорил абитуриент В.Л. Янин члену-корреспонденту АН СССР М.Н. Тихомирову, принимавшему у него вступительный экзамен по истории. И именно нумизматика стала его первой научной темой.

В июле 1947 г., в составе группы студентов второго курса для работы в археологической экспедиции под руководством профессора А.В. Арциховского, Валентин Лаврентьевич впервые приехал в Новгород. Эта поездка, вероятно, во многом способствовала формированию научных интересов В.Л. Янина, а история средневекового Новгорода заняла центральное место в его творчестве.

Уже в студенческие годы проявилась творческая одаренность В.Л. Янина. Исторический факультет Московского университета конца 40-х – начала 50-х годов, где он слушал лекционные курсы А.В. Арциховского, С.В. Бахрушина, К.К. Зельина, А.И. Неусыхина, Е.В. Тарле, дал молодому исследователю очень солидный общеисторический фундамент знаний. Для специализации была выбрана кафедра археологии, а научным руководителем – А.В. Арциховский. На кафедре археологии в те годы работали такие известные советские археологи как В.Д. Блаватский, Б.Н. Граков, С.В. Киселев, Б.А. Рыбаков, А.П. Смирнов. Их спецкурсы помогли представить студенту В.Л. Янину многовековую историю человечества на территории нашей страны во всей ее сложности и многообразии. С выбором темы дипломной работы проблемы не было – школьное увлечение коллекционированием монет выросло в серьезные занятия нумизматикой периода домонгольской Руси.

В 22 года Валентин Лаврентьевич – уже аспирант Исторического факультета по кафедре археологии. Под руководством А.В. Арциховского им была написана и в 1954 г. защищена кандидатская диссертация "Денежно-весовые системы домонгольской Руси". В 1954 г. В.Л. Янин был зачислен на работу в должности младшего научного сотрудника на кафедру археологии Исторического факультета МГУ и с тех пор вся его жизнь тесно связана с крупнейшим университетом России. С 1958 по 1964 гг. он старший научный сотрудник, с 1964 по 1978 гг. – профессор, а с 1978 г. и по настоящее время – заведующий кафедрой археологии.

В 1956 г. вышла в свет первая книга Валентина Лаврентьевича "Денежно-весовые системы русского средневековья. Домонгольский период". В основу ее легла кандидатская диссертация. В этой работе было прослежено образование древнейшей денежно-весовой системы Руси, ее трансформация и распад на две локальные системы в эпоху нарастания феодальной раздробленности. В книге определены веса древнейшей русской гривны, куны, ногаты, резаны, изучены эволюции этих весовых норм, увязаны элементы денежно-весовой системы с арабскими дирхемами и западноевропейскими денариями. Эта интересная и талантливая книга, написанная хорошим русским языком, заявила читателям, что в отечественную медиевистику пришел незаурядный молодой ученый. Не случайно, что этот труд сразу после выхода получил высокую оценку среди историков и нумизматов. Книге уже более 40 лет, но

до сих пор она является настольной для любого исследователя, занимающегося изучением денежного обращения на территории Восточной Европы в древнерусское время.

Уже в студенческие годы, работая летом в Новгороде, В.Л. Янин увлекся еще одной вспомогательной дисциплиной истории – древнерусской сфрагистикой. Статья "Печати новгородских тиунов как исторический источник" (1953) – стоит одна из первых в списке его печатных работ. В то время изучением древнерусских печатей никто не занимался. Это важное направление, начатое в отечественной историографии в начале XX в., в течение 30 лет успешно разрабатывалось Н.П. Лихачевым – крупнейшим российским знатоком нетрадиционных исторических источников. В 1930-х годах, в связи со смертью Н.П. Лихачева, оно надолго прервалось. Огромный и ценнейший для истории материал печатей средневековой Руси почти на затрагивался историками. В.Л. Янин возродил изучение этой дисциплины. В целой серии сфрагистических работ 1950-х годов он показал, что изучение печатей князей, епископов, посадников, тысяцких требуют параллельного анализа других источников: летописей, актовых материалов, писцовых книг.

Работая в Новгородской археологической экспедиции и постоянно соприкасаясь с материальными остатками жизни Великого Новгорода, Валентин Лаврентьевич обратил внимание на отсутствие сколько-нибудь обстоятельного исследования по истории государственного аппарата этого великого города. И поэтому свою вторую крупную научную тему он посвятил изучению механизма организации государственной власти Новгородской феодальной республики.

Всего через шесть лет после первой книги, в 1962 г., появилась вторая книга В.Л. Янина "Новгородские посадники", за которую ему была присуждена ученая степень доктора исторических наук (1963 г.). В этой монографии автором наряду с традиционными источниками – летописями и актами, впервые были широко привлечены печати и берестяные грамоты, которые открывали новые стороны деятельности исторических персонажей. Возникновение, развитие и упадок власти новгородских посадников рассматриваются В.Л. Яниным на широком фоне напряженной политической борьбы, которой была пронизана вся история средневекового Новгорода. В книге обстоятельно показано, как институт посадничества формировался на основе представительства бояр от концов города, как он развивался и какую роль в управлении Новгородом играл.

В.Л. Янин относится к числу ученых, которые задумывают, ставят перед собой и успешно решают задачи, посильные лишь большим научным коллективам. К такой научной проблеме, изученной одним человеком, по праву следует отнести фундаментальное двухтомное исследование В.Л. Янина "Актовые печати Древней Руси X–XV вв." (1970). Выход этой монографии, поражающей объемом вводимого в научный обиход исторического материала, остававшегося ранее неизвестным или малодоступным исследователям, явился заметным и ярким научным событием в отечественной историографии. Признание булл важнейшим источником для изучения истории, состава и развития органов власти в древней Руси стало для В.Л. Янина определяющим фактором в подходе к материалу исследования. Методика изучения печатей, примененная автором, исходит из утвердившегося в сфрагистике принципа выделения определенных групп печатей, объединенных общими специфическими признаками: изображениями и легендами на лицевой и оборотной сторонах, диаметром и толщиной печати, характером ободка и пр.

Каждый том делится на две части. В первой содержатся материалы многолетнего исследования печатей, а во второй – сводный каталог всех известных к тому времени булл (1543 экз.). Форма каталога, тщательно продуманная В.Л. Яниным, может быть образцом при издании разных серий памятников нумизматики, эпиграфики, палеографии и пр. Почти двадцатилетний опыт работы с печатями позволил В.Л. Янину обобщить материал в сводный каталог, в котором с исчерпывающей полнотой переданы все имеющиеся сведения об издаваемых памятниках. Книге предшествовала

целая серия работ, в которых атрибутировались отдельные печати или исследовались целые сфрагистические разряды. Несмотря на это, подготавливая двухтомник к изданию, В.Л. Янин пересмотрел ряд своих ранее высказанных суждений и признал неубедительность некоторых своих прежних атрибуций. В связи с этим, значительное количество разделов в тексте книги были написаны автором заново.

Сфрагистическое исследование В.Л. Янина показало, что средневековые русские печати всегда были регалией высоких государственных институтов и, следовательно, употреблялись только при официальных актах. Это их свойство превращает систему хронологической и функциональной классификации таких печатей в важнейший источник по истории российской государственности. Возникновение и исчезновение конкретных сфрагистических разрядов отражает возникновение и исчезновение соответствующих им государственных институтов. Изучение печатей многое прояснило в истории русских государственных реформ и преобразований органов власти – в первую очередь в средневековом Новгороде, откуда происходит подавляющее большинство сфрагистических находок.

В последующие годы В.Л. Янин не терял интереса к проблемам древнерусской сфрагистики и не оставлял без внимания новые находки печатей. Тщательная регистрация новых булл позволила ему в 1998 г. издать третий том серии "Актовые печати древней Руси X–XV вв.", структурно повторяющий изданные ранее книги (совместно с П.Г. Гайдуковым). За прошедшее после издания двухтомника время материалы древнерусской сфрагистики возросли почти вдвое. В третьем томе опубликованы 1130 булл, находки которых были зарегистрированы в 1970–1996 гг.

Многолетние занятия вспомогательными историческими дисциплинами привели В.Л. Янина к мысли о том, что успешное развитие нумизматики, сфрагистики, генеалогии, эпиграфики не только открывает совершенно новые направления исторических исследований, но и порождает опасность превращения этих дисциплин в замкнутую область знания. В 1973 г. в статье "К проблеме интеграции в изучении вещественных и письменных источников по истории русского средневековья" Валентин Лаврентьевич сформулировал свои взгляды на взаимоотношения вспомогательных исторических дисциплин с историческим источниковедением в целом. "Синтез источников в едином исследовании – главное средство развития исторической науки сегодня, а нашей главной задачей должно стать совершенствование приемов этого синтеза и преподавание таких приемов в высшей школе. Что касается исторического источниковедения, то именно ему следовало бы усвоить в качестве главной цели заботу о синтезировании всех видов источников и разработку новых плодотворных методов, возникающих при взаимодействии слишком далеко разошедшихся дочерних дисциплин истории. Цельное здание истории может твердо стоять только на цельном фундаменте источниковедения". Этих принципов Валентин Лаврентьевич в дальнейшем строго придерживался сам и настойчиво рекомендовал следовать им всем своим ученикам.

В учебном пособии "Очерки комплексного источниковедения. Средневековый Новгород" (1977) В.Л. Янин продемонстрировал методическую проблему комплексного исследования разнообразных источников и использования достижений специальных и вспомогательных исторических дисциплин на конкретных примерах истории средневекового Новгорода. В отдельных источниковедческих миниатюрах автор дал читателю представление о том, что кардинальные проблемы истории могут изучаться только путем освоения всего фонда письменных и материальных источников.

В историко-генеалогическом исследовании "Новгородская феодальная вотчина" (1981) В.Л. Янин исследовал становление и развитие крупного землевладения в Новгородской земле XII–XV вв. Впервые в широком масштабе было осуществлено сопоставление данных новгородских писцовых книг конца XV в. с актовыми материалами XII–XV вв., позволившие провести реконструкцию землевладельческих родословий по судьбе наследственных вотчин и восстановление истории вотчинных владений наряду с родословиями.

Монография "Усадьба новгородского художника XII в." (в соавторстве с Б.А. Колчиным и А.С. Хорошевым, 1981) рассказывает об открытой в Новгороде на Троицком раскопе усадьбы Олисея Гречина – художника, жившего в XII в. Установить имя хозяина усадьбы, род его занятий помогло исследование обнаруженных на усадьбе материалов, в том числе берестяных грамот, а также других письменных источников.

Книга В.Л. Янина "Некрополь Новгородского Софийского собора" (1988) посвящена захоронениям в главной новгородской святыне. На протяжении 700 лет Софийский собор использовался для погребения наиболее авторитетных деятелей новгородской истории: князей, посадников, владык. Время, перестройки храма и нужды церковного возвеличения многих причисленных к лику святых погребенных породили уже в XVII в. фальсифицированную топографию некрополя. В книге восстановлена достоверная топография софийского пантеона.

В книге "Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий" (1990) проанализирован весь известный к настоящему времени комплекс новгородских актов (на пергамене и на бумаге), включающий 371 документ XII–XV вв. Принятые в литературе даты этих документов были во многих случаях приблизительны, а порой и неверны. В.Л. Янин заново исследовал эту проблему, привлекая широкий круг источников (летописи, материалы сфрагистики, исторической географии, денежных систем, генеалогии), и внес существенные хронологические уточнения, необходимые для более правильного использования новгородских актов в исторических и филологических построениях.

Новгородские берестяные грамоты – одна из самых любимых научных тем В.Л. Янина. Цикл его работ об этом новом виде письменных источников большой, разноплановый и постоянно пополняемый. В серии "Новгородские грамоты на бересте" (Изд-во "Наука", 1953–1993) перу В.Л. Янина принадлежат три книги: Из раскопок 1962–1976 гг. (совместно с А.В. Арциховским, 1978), из раскопок 1977–1983 и 1984–1989 гг. (совместно с А.А. Зализняком, 1986 и 1993).

В книге "Новгород и Литва. Пограничные ситуации XIII–XV вв." (1998) впервые на основе комплексного изучения исторических, археологических и картографических данных исследованы взаимоотношения этих средневековых государств в пограничных районах, которые в XV в. находились в двойном подчинении.

Велика роль В.Л. Янина в деле популяризации исторических и археологических знаний. Десятки работ исследователя изданы в различных газетах и журналах. В научно-популярных работах историка удачно совмещаются строгая научная логика с интересным популярным изложением. Наиболее характерно эта грань его таланта проявилась в книгах "Я послал тебе бересту..." (1965, 2-е доп. изд. – 1975, изд. на венгерском языке – 1980) и "Берестяная почта столетий" (1979). В 1998 г. было издано третье издание книги "Я послал тебе бересту...", которая существенно дополнена новыми главами о результатах двадцатилетних работ Новгородской экспедиции на Троицком раскопе.

Творческий путь В.Л. Янина неотделим от Московского университета: с 1954 г. он работает на кафедре археологии исторического факультета, а с 1978 г. – возглавляет ее. Научная деятельность исследователя неразрывно связана с учебным процессом и практически все его фундаментальные труды выросли из специальных курсов, читавшихся студентам. "Русская нумизматика", "Русская сфрагистика", "Источниковедение Новгорода" – вот лишь некоторые темы этих курсов. В одном из газетных интервью В.Л. Янин однажды признался, что он очень дорожит своей преподавательской деятельностью и видит в ней черезвычайно важный элемент своего научного творчества. Живое общение со студентами и аспирантами, их вопросы и ответы, порой не только наталкивают на постановку новых тем исследования, но и заставляют по иному взглянуть на старые и, казалось бы, давно решенные проблемы.

Творческое воздействие В.Л. Янина на своих учеников огромно: под его научным руководством написано около 60 дипломных работ и 19 кандидатских диссертаций. Двое из его учеников стали докторами исторических наук. Не будет преувеличением

сказать, что Валентин Лаврентьевич создал научную школу, основанную на комплексном методе исторического исследования, и десятки его учеников и последователей работают в различных, иногда далеко разошедшихся друг от друга, областях науки.

В.Л. Янин никогда не избегал научно-организационной, редакционной и общественной деятельности. С 1962 г. он руководит коллективом Новгородской археологической экспедиции, который за прошедшие с тех пор 37 лет благодаря раскопкам открыл десятки новых ярких страниц в истории и культуре средневековой Руси. Многие журналы, серийные издания, монографии, сборники статей и тезисов докладов научных конференций в выходных сведениях имеют фамилию В.Л. Янина (как ответственного редактора, члена редколлегии или редсовета). Четверть века он работал в составе Президиума Центрального Совета Всероссийского общества охраны памятников истории и культуры (1967–1991), в 1986–1991 гг. состоял в Правлении Советского фонда культуры. Последние годы Валентин Лаврентьевич тесно сотрудничает с Российским гуманитарным научным фондом, с 1996 г. являясь Председателем Совета фонда.

Нельзя не упомянуть замечательную филофоническую коллекцию Валентина Лаврентьевича, составлению которой он отдал много времени, сил и средств. Им спасены от уничтожения десятки ценнейших русских записей начала XX в., некоторых из них нет даже в Центральном государственном архиве звукозаписи. Это собрание насчитывает несколько тысяч предметов и является важной частью общенародного культурного достояния нашей страны. В.Л. Янин занимается не только коллекционированием старой грамофонной пластинки, но и активно пропагандирует ее в публичных концертных выступлениях.

Циклы лекций В.Л. Янина по разным направлениям истории русской музыки начала XX в. с демонстрацией звучания старых записей в 1970–1980-е годы можно было прослушать в Москве: в "Доме пропаганды" ВООПИК, в "Доме ученых" АН СССР. В последние годы подобные лекции звучат в Новгороде, в Центре музыкальных древностей. Оставаясь ученым во всем, и в этом, казалось бы, далеком от науки увлечении, Валентин Лаврентьевич находит богатый материал для научного творчества. В 1978 г. была опубликована статья "Старая граммофонная пластинка как объект источниковедения", убедительно показавшая важность сохранения пластинок и продемонстрировавшая приемы их источниковедческого изучения. В.Л. Яниным подготовлен к изданию каталог вокальных записей крупнейшей отечественной фирмы "Граммофон", на долю которой приходится основное число русских дореволюционных пластинок.

Научная, педагогическая и общественная деятельность Валентина Лаврентьевича всегда высоко оценивалась в научных и правительственных кругах. В 1966 г. он был избран членом-корреспондентом, в 1990 г. – действительным членом АН СССР, а в 1991 г. – членом Президиума РАН. В.Л. Янин – лауреат премии им. М.В. Ломоносова (1966), Государственных премий (1970, 1996), Ленинской (1984) и Демидовской премии (1993). Ученый имеет правительственные награды: орден "Дружба народов" (1975), орден Трудового Красного Знамени (1980), медаль "Ветеран труда" (1984), орден Ленина (1990).

Более пятидесяти лет жизни исследователя отдано изучению прошлого Новгорода. Этот русский город стал ему родным и горячо любимым. Если пересчитать время, которое он прожил там только в период летних полевых работ Новгородской экспедиции, то получится около 14 лет. Свои отпуска в последние годы Валентин Лаврентьевич проводит также в Новгороде. Академик В.Л. Янин – человек, хорошо известный многим новгородцам: от многих поколений "отцов города" до рядовых граждан. Им опубликованы десятки научно-популярных статей в новгородских газетах, он часто выступает по новгородскому радио и телевидению с рассказами о раскопках. Постановлением Исполкома Горсовета г. Новгорода от 25 февраля 1983 г. Валентину Лаврентьевичу было присвоено звание "Почетный житель города Новгорода".

Даже беглый просмотр трудов В.Л. Янина за последние годы свидетельствует о том, что он находится в расцвете своих творческих сил. Достаточно сказать, что в 1998 г. вышли в свет три его новые книги.

Будем надеяться, что Валентин Лаврентьевич еще долго будет делиться с нами своими методами научного поиска и своей радостью новых открытий, что в свежих номерах научных журналов мы снова и снова будем находить работы исследователя и учиться на них постижению истории. Я уверен, что новые труды Янина закроют еще не одно "белое пятно" на карте русского средневековья, потому что, повторяя слова самого Янина, написанные им в 1973 г. о своем учителе А.В. Арциховском, "каждую, даже самую небольшую свою публикацию" он "переживает как главное дело своей жизни".

Пожелаем же нашему юбиляру еще долгой творческой жизни, докладов и лекций, книг и статей, талантливых молодых учеников и интересных раскопок в Новгороде – всего того, в чем видит он свое предназначение ученого и смысл всей своей жизни.

Институт археологии РАН,
Москва

П.Г. Гайдуков

ОСНОВНАЯ ЛИТЕРАТУРА О ЖИЗНИ И ТРУДАХ В.Л. ЯНИНА

Валентин Лаврентьевич Янин: Биобиблиографический указатель / Вступ. статья и сост. библиографии П.Г. Гайдукова. Новгород, 1997. 94 с.

Рыбаков Б.А., Горский А.Д., Колчин Б.А. 50-летие В.Л. Янина // ВИ. 1979. № 1. С. 110–112.

Хорошев А.С. Ученый, педагог, гражданин: К присвоению чл.-кор. АН СССР, проф. В.Л. Янину Ленинской премии // ВМУ. 1984. Сер. 8: История. № 5. С. 3–7.

Федоров-Давыдов Г.А. К 60-летию В.Л. Янина // Археографический ежегодник за 1989 г. М., 1990. С. 168–171.

А.Е. МАТЮХИН

О ТЕХНОЛОГИЧЕСКОМ АНАЛИЗЕ КАМЕННЫХ ИЗДЕЛИЙ

В последние годы технологический анализ изучения изделий каменного века приобрел существенное значение. Появилось немало интересных и ценных данных, касающихся самых разных аспектов технологии древнего производства. Нельзя, однако, не заметить, что обращение к технологическим проблемам стало едва ли не современным методологическим поветрием, а для многих – уровнем оригинальности научных исследований. Цель настоящей статьи – рассмотрение вопросов, связанных с познавательным значением, ролью, функциями и структурой технологического анализа и его взаимоотношением с другими формами исследования в первобытной археологии.

Интерес к вопросам технологии обработки камня появился у археологов давно (Evans J., 1860, p. 289–293; Lubbok J., 1876, p. 71–82; Mortillet G., 1883, p. 79–85; Commont V., 1909, p. 115–197; Vayson A., 1920, p. 457–469), проявляют его и многие современные исследователи типологической ориентации (напр.: Schild R., 1980, p. 57–85; Hahn J., 1990, p. 79–83). Однако современный технологический подход включает наряду с типологией и морфологией другие методические приемы, в частности эксперимент, ремонтаж, механику раскалывания горных пород, реконструкции и т.д.

Отметим, что углубленный типолого-морфологический анализ является начальным этапом исследования технологических проблем. Здесь осуществляются вычленение комплекса наиболее значимых признаков, составление общей (гипотетической) схемы технологического процесса, предварительное описание технологических связей, способов и приемов обработки и т.п. Вообще всякого рода информация объективно выражена в соответствующих морфологических признаках. Именно форма (изделий) непосредственно "дана нам в ощущениях". Для целей технологического анализа важным представляются все уровни типолого-морфологического исследования: классификация (тип-листы); формально-необходимое описание, например, метрических параметров и формы изделий; детальное и целевое ее описание, когда учитываются технологически значимые признаки. На этом уровне также находит реализацию объяснение отдельных признаков и типов изделий. Все это означает, что содержательный анализ технологии обработки камня нельзя проводить только с позиции формальной типологии.

В деле изучения прежде всего технологии первичного расщепления в последние годы существенную роль играет ремонтаж. Изучению подвергаются материалы памятников всех эпох палеолита (Bergman C.A., Roberts M., 1988, p. 105–109; Marks A.E., Volkman P.V., 1983, p. 13–33; Cahen D. et al., 1980, p. 209–259). Эта методика позволяет восстановить последовательность и динамику процессов первичного расщепления, отдельные технологические приемы, способы и операции, а также замысел и конкретные действия древних мастеров. Благодаря ремонтажу можно установить связи между технологически значимыми продуктами обработки, показать их место и роль в технологических процессах. Он не только способствует объяснению признаков при анализе изделий, но и обладает реконструктивными возможностями. Ремонтаж во всех случаях – это трудоемкая и кропотливая процедура. Нередко он превращается в малопродуктивное, формальное занятие и не дает новых сведений. В таком случае ремонтаж может быть вполне заменен результатами типолого-морфологического

© А.Е. Матюхин, 1999 г.

анализа или эксперимента. Но это ни в коей мере не умаляет значимости рассматриваемого приема исследования.

Недостаточное применение в технологическом подходе получил микроскопический анализ изучаемых изделий (Матюхин А.Е., Григорьева Г.В., 1881, с. 245–251; Ibanez J.J. et al., 1990, p. 547–553). Многие важные технологические (не функциональные) признаки можно установить с помощью бинокулярного микроскопа, т.е. при слабом увеличении. Так, изучению техники и приемов обработки помогает, в частности, фиксация микроплощадок или морфологии негативов сколов на таких орудиях, как бифасы, листовидные острия, топоры и др. Это касается в равной мере выяснения типов отбойников или детальной классификации ретуши.

Важнейшей составной частью технологического подхода по праву является эксперимент, который сводится в первую очередь к моделированию недостающих или неясных технологических или функциональных процессов, а также признаков и свойств предметов с целью получения вероятностного представления об их природе, содержании и значении. Теоретическое обоснование эксперимента дано в ряде работ (напр.: Матюхин А.Е., 1973, с. 78–80; Coles J., 1979, p. 46, 47; Коробкова Г.Ф., 1987, с. 34–40; Гиря Е.Ю., 1993а, с. 31–35). По своей методологической значимости эксперимент обладает объяснительной и верификационной функциями. Следует выделять несколько типов эксперимента: модельный, лабораторный, полевой, этноархеологический и мысленный.

Модельный эксперимент по своей стратегии может быть разделен на два вида. Первый сводится к получению моделей обобщенных типов предметов и процессов. Так, ставится задача вопроизвести в общетехнологическом смысле процессы изготовления чопперов и бифасов (Матюхин А.Е., 1983, с. 137–165), леваллуазский способ расщепления (Bradley B.A., 1977, p. 19–97), приемы получения пластин с помощью отжима (Pelegrin J., 1988, p. 37–53) и т.д. Второй подход касается моделирования конкретных археологических изделий, отдельных операций, приемов обработки, признаков и др. (См. напр.: Callahan J., 1985, p. 23–39; Lenoir M., 1986, p. 153–160). Оба подхода научно обоснованы и применяются в соответствующих ситуациях и в связи с поставленной задачей. Проводимые опыты обоих видов должны быть методически строгими и контролируемыми. Однако контроль не следует сводить к строгости физических опытов. Археологические эксперименты моделируют реальные изделия первобытных людей. Задача археолога-экспериментатора заключается в том, чтобы в ходе анализа конкретных материалов правильно провести эксперименты и получить нужные результаты. Этому в немалой степени способствует тщательная фиксация экспериментов (фотографии, рисунки, схемы, описание и т.д.). Контролируемость, а также истинность экспериментов связаны с постоянным сопоставлением археологических и экспериментальных данных. Причем это осуществляется не только на уровне близости их формы, но также и процессов, в частности последовательности их стадий. В расчет принимаются признаки, наблюдаемые у большой серии разнообразных экспериментальных изделий. Поэтому есть основания считать, что сходство формы археологических и экспериментальных предметов неслучайно. Экспериментатор не слепо копирует, а воспроизводит предметы, как процессы.

Определенное место в археологических исследованиях занимают результаты лабораторных экспериментов. Они направлены преимущественно на объяснение отдельных морфологических признаков изделий с учетом физических закономерностей раскалывания горных пород, условий обработки, формы заготовок и т.п. Обычно такие эксперименты проводятся учеными неархеологического профиля с помощью специальных приборов и с использованием стандартных заготовок (Speth J.D., 1972, p. 34–60; Lawrence R.A., 1979, p. 113–121; Cotterell B., Kamminga J., 1979, p. 97–112). Так, используя результаты лабораторных экспериментов, можно установить связь тех или иных морфологических признаков у отщепов и орудий с силой, местом удара, морфологией ударных площадок, обрабатываемой поверхности и т.п. Признавая большую важность подобного рода экспериментов, отметим, что археологические

эксперименты не могут принять лабораторный характер. Археолог изучает и воспроизводит различные в морфологическом и технологическом отношениях предметы, изготовленные не из стандартных заготовок, а из пород, имеющих различные физические и технологические свойства, в неодинаковых условиях, с помощью разнообразных способов и приемов и с определенной целью. Эти эксперименты имеют для археологии вспомогательное значение.

Полевой эксперимент получил наименьшее значение в первобытной археологии. В полевых условиях могут быть проведены опыты, например, по образованию естественной ретуши. Интересны эксперименты по моделированию мест расщепления кремня (Boëda E., Pelegrin J., 1985, p. 19–36) и тепловой обработке кремня (Purdu B.A., 1978, p. 34–36).

Под влиянием лабораторных исследований по теории разлома изотропных пород в 1970-е годы в первобытной археологии появилась своеобразная тенденция в технологическом изучении каменных изделий (Bonnichsen R., 1977, p. 76–149), которая не получила распространения в дальнейшем, хотя в настоящее время имеет своих ревностных сторонников (Гиря Е.Ю., 1993б, с. 20–38). Согласно этой точке зрения, технология как знание отождествляется по сути с физической дисциплиной, а как процесс – с различными действиями по управлению физическими явлениями, в частности трещиной разлома (ударным импульсом), которая возникает в изотропном теле в момент приложения к нему силы. Задача археолога (?) заключается в том, чтобы зафиксировать различные плоскости расщепления, их морфологию, которые и определяют общую морфологию изделий. Для решения этой задачи нужны абсолютно строгие модельные эксперименты, которые должны проводиться с помощью специальных приспособлений, имитирующих человека (Bonnichsen R., 1977, p. 76–80). С такой оценкой технологии вряд ли можно согласиться. Технология как строгое управление физическими процессами не осуществима даже в рамках современного производства. У Е.Ю. Гири технология представлена в виде эффектных, но искусственных и "неработающих" на деле схем и моделей, где связи между их отдельными компонентами носят формально-детерминированный характер. Указанными авторами произведен перенос современной понятийной сетки на прошлое: знание и опыт нынешних изготовителей (исследователей) внедряются в сознание первобытных людей. Это элементарная логическая ошибка. При таком подходе технология лишается своего археологического содержания и перестает быть реальной и многообразной человеческой деятельностью. Характерно, что при анализе конкретных материалов авторы забывают о своих теоретических установках. С какой же целью их нужно было излагать? Кстати, отметим, что Р. Бонищен (Bonnichsen R., 1977, p. 174–209) является одним из зачинателей так называемого когнитивного (познавательного) подхода к изучению технологии изготовления первобытных орудий. Ставится задача реконструировать мышление и психологию древних людей, исходя из экспериментальных данных. Однако очевидно, что здесь главенствующая роль принадлежит не археологу.

Большая роль в технологическом подходе принадлежит таким реконструктивным формам исследования, как редукционная последовательность ("операционные цепи" у французских авторов), редукционные ряды, схема технологического процесса, технологические контексты. Первое понятие предполагает реконструкцию последовательности стадий, операций и актов изготовления изделий, а также характер изменения их формы. Более широким является понятие схема технологического процесса, куда кроме перечисленных выше элементов входят такие составляющие, как приемы, способы и техника обработки, сам изготовитель, его цели, намерения действия, технологические ситуации и т.п. Близкое по названию, но не по толкованию понятие мы находим у ряда авторов (Pelegrin J. et al., 1988, p. 57–59; Karlin C., 1992, p. 111–120). Несмотря на то что понятие редукционная последовательность было введено в научный обиход в начале 1960-х годов (Leroi-Gourhan A., 1964, p. 133–137), широкое распространение оно получило в последующие годы прежде всего в США (Callan E.,

1979; Bradley B.A., Sampson C.G., 1986, p. 29–45), России (Матюхин А.Е., 1976, с. 8–24; 1983, с. 134–157) и Франции (Geneste J.-M., 1985; Pelegrin J. et al., 1988, p. 55–62; Boëda E. et al., 1990, p. 43–80). При реконструкции технологических процессов всякое археологическое изделие рассматривается не как абстрактная единица, а как неотъемлемая и составная часть, как его продукт. Схема редукционной последовательности охватывает разнообразные стадии: поиски, добыча, отбор и опробование сырья, изготовление изделий, их переоформление и выброс (Pelegrin J., 1985, p. 80; Geneste J.-M., 1985, p. 250; Karlin C., 1992, p. 111, 112). С другой стороны, схему технологического процесса в самом обобщенном виде можно представить следующим образом: поиски, оценка, первичная обработка сырья, конкретный замысел и составление реального плана работы, соответствующие способы, приемы и техника обработки, различные стадии, ступени, операции обработки, постоянная оценка совершаемых действий, принятие и изменение решений, реализация опыта, знаний, контроль технологических акций, мускульные движения, переоформление орудий и их выброс. Повторим, что речь идет не о законченной схеме, а об ее отдельных составляющих.

Всякого рода сложные орудия (бифасы, топоры, наконечники и др.) в ходе изготовления проходят через ряд стадий, постоянно меняя свою форму, т.е. типологический облик. Так, в одной из технологий изготовления треугольных наконечников могут иметь отношение следующие предметы: желваки без сколов, желваки с единичными сколами, нуклевидные орудия, атипичные орудия с двусторонней обработкой, бифасы и др. Причем орудия здесь располагаются в стадиальной технологической последовательности. Для иллюстрации подобной динамической последовательности и соответствующего изменения формы изделий мы предложили термин редукционные ряды (Матюхин А.Е., 1995, с. 23). Заметим попутно, что для трех отдельных технологий изготовления треугольных наконечников, происходящих из мастерской Бирючья балка 2, насчитывается 8–10 вариантов таких рядов.

Понятие технологический контекст означает совокупность прежде всего разных типов изделий, но объединенных определенными связями и имеющими отношение к тому или иному конкретному процессу изготовления изделий (Bradley B.A., 1972, p. 2–5; Гиря Е.Ю., 1993б, с. 17–21). Применительно к процессу изготовления треугольных острий кроме перечисленных выше форм, т.е. орудий, следует также добавить отщепы, обломки, осколки и чешуйки, другими словами, все продукты конкретного процесса обработки (рис. 1). В данном случае приемлемо понятие реальный (узкий) контекст, означающее совокупность продуктов одного, разового процесса, например расщепления единичного нуклеуса, что наглядно демонстрирует ремонтаж (Гиря Е.Ю., 1993б, с. 17–19). Однако на деле всякая индустрия представляет собой не единый, целостный комплекс, а совокупность многих узких контекстов, выделить которые часто бывает невозможно. В итоге контексты могут быть полные и неполные (отсутствие тех или иных изделий), реальные, обобщенные, а также контексты разных технологий, процессов, рядов и т.д. Кстати, приведенный выше редукционный ряд для треугольных наконечников демонстрирует пример обобщенных (схематичных) контекстов, что вполне допустимо для целей конкретного анализа. Контексты могут быть представлены в виде схемы, где показаны основные типы технологически значимых изделий (рис. 1).

При использовании всякого рода редукционных и контекстуальных схем археологические изделия в ходе анализа, включаясь в конкретный типолого-морфологический контекст, на деле становятся составной частью реконструируемых технологических процессов. В инвентаре мастерских и стоянок-мастерских многие орудия являются не самостоятельными, функционально значимыми, а незаконченными, технологически значимыми орудиями, иллюстрирующими разные стадии изготовления того или иного профильного типа, в частности наконечника. Группировка изделий в пределах редукционных контекстов осуществляется главным образом на основе их типологической значимости. Так, уверенная связь таких орудий, как бифасы, атипичные орудия с двусторонней обработкой, конвергентные скребла с утонченным

Рис. 1. Эксперимент по изготовлению (одного) треугольного наконечника. Обобщенный контекст технологического процесса. Сколы, снятые роговым (*1–14, 25–79*) и каменным (*15–24*) отбойниками; *80–87* – один из редукционных рядов первой технологии

основанием, двусторонние остроконечники и др. с процессом изготовления наконечников объясняется в первую очередь сходством морфологии этих предметов. Менее определенной является типологическая связь с данным процессом, например, нуклевидных орудий, отщепов с утонченным основанием, скребел с утонченным корпусом, двойных скребел с частичной двусторонней обработкой и т.д. Здесь следует обращать внимание на некоторые общие технологические признаки, например уплощение

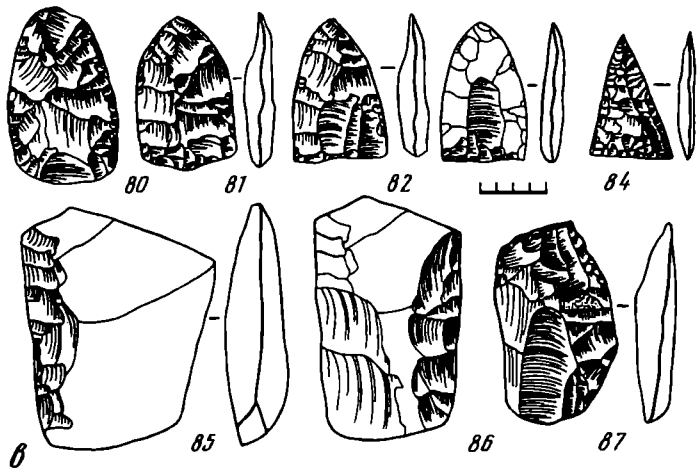


Рис. 1. (*продолжение*)

корпуса изделий, частичную двустороннюю обработку, усложненность формы и др. Более условно, гипотетически будут причислены простые грубые скребла, зубчатые и выемчатые формы, отщепы с ретушью и т.п. Однако, учитывая тип памятника (мастерская), его производственный профиль, типологический состав индустрии, количество и характер типичных форм, такое допущение может оказаться правдоподобным. Заметим, что в контексте поселений многие из перечисленных орудий будут иметь другое содержание, а именно функциональное.

В итоге уместно прийти к выводу о том, что главная цель технологического анализа – реконструкция конкретных процессов и технологий во всей их полноте и многообразии, начиная с добычи сырья, через стадии его обработки, например изготовление орудий, до их использования в работе, подправки и выброса (Матюхин А.Е., 1996, с. 7). Технология – это, с одной стороны, исследовательский подход, а с другой – сам реальный процесс, т.е. производственная деятельность. Многие авторы рассматривают технологию как часть культуры, как социоэкономическое явление (Cresswell R., 1990, p. 39–54). Технология – живой процесс, в ходе которого осуществляется реализация практических навыков, опыта, знаний, традиций, мастерства, индивидуальной манеры исполнения и целей древних изготовителей через сложную психооперационную систему, контроль отдельных производственных актов, операций, приемов и способов обработки, соблюдение элементарных технологических и физических норм и правил обработки, проявление интуиции, инерции, автоматизмов, проб, ошибок и т.п. Если ограничиться кратким определением, то технологию следует связывать с целенаправленным, контролируемым стадиальным процессом обработки, осуществляемым с помощью оптимальных приемов и на основе наличного опыта и знания.

Хотелось бы особенно подчеркнуть, что всякий технологический процесс в той или иной степени предполагает контроль со стороны изготовителя за совершаемыми действиями и соблюдение определенных правил обработки. Однако в реальных условиях это проявляется различным образом. Строгое, осознанное соблюдение элементарных технологических норм обработки происходит обычно при изготовлении сложных орудий, расщеплении леваллуазских и объемных нуклеусов, а также во всех затруднительных технологических ситуациях. Часто же обработка носит неосознанный, инерционный характер. Многими мастерами в ее ходе наносится большое число нерезультативных, нерассчитанных ударов, допускаются разнообразные технологические ошибки, о чем свидетельствуют материалы разных эпох, в том числе неолита и бронзы. Неоправданно поэтому каждый технологический процесс, тем более отдельный акт, сводить к действиям по управлению ударным импульсом, т.е. к физическим процессам, происходящим внутри камня.

Предлагаемая схема технологического анализа довольно сложна. Кратко остано-

вимся на некоторых особенностях правого блока схемы. Анализ начинается с использования результатов типолого-морфологического описания. Существенным представляется целевое описание метрических и морфологических признаков, имеющих технологическое значение. Следующая стадия связывается с эмпирическим объяснением морфологических признаков. Привлекаются данные планиграфии, типолого-морфологического анализа, ремонтажа, эксперимента, механики раскалывания камня и т.д. Объяснение сводится к определению веса, значения и природы признаков, а также отдельных изделий. Однако недопустимо научное понимание изучаемых изделий и процессов (тем более физических) делать достоянием поведения и мышления древних людей, как это случилось у названных выше авторов. На этой стадии исследования вместо формальных появляются содержательные типы. Так, делается вывод (уверенно или в гипотетической форме), что данный бифас – это не готовое, функционально значимое, а незаконченное, неполучившееся орудие, например наконечник, оставленный на начальной стадии обработки. Стадия изучения археологических изделий заканчивается введением таких понятий, как схема технологического процесса, редукционная последовательность, редукционные ряды и др. Создается обобщенная, предполагаемая модель технологического процесса. Осуществляется перегруппировка изучаемых изделий, но уже на основе содержательных типов. Упомянутые выше, а также другие понятия, в частности стадия, операция, приемы, способы, техника обработки и др., используются на следующем этапе – реконструкции технологических процессов. Здесь привлекаются самые разнообразные данные. Вообще технологические реконструкции связаны с одной из важнейших стадий научного исследования, а именно с синтезом. Осуществляется выяснение различных сторон технологических процессов. Ставится задача воссоздать их во всей полноте и многообразии. Таким образом, технология как научный подход предполагает в первую очередь интерпретацию морфологических признаков у изучаемых изделий и полную реконструкцию технологических процессов. Следовательно, основной задачей первобытной технологии как подхода является изучение в ходе реконструкции производственной деятельности древних людей. Оправданно будет считать, что всякого рода эмпирические реконструкции являются непременным условием и основой широких обобщений и построений исторического, и в том числе культурного, характера (Матюхин А.Е., 1983, с. 143–145; Массон В.М., 1996, с. 70–72).

Примерная и обобщенная схема технологического анализа археологических изделий приводится ниже.

Источники и методы исследования	Структура
	А. Уровень изучения изделий
Типолого-морфологическое описание Планиграфия Ремонтаж Микроскопические исследования Эксперименты Петрография Этноархеология Механика раскалывания горных пород	1. Результаты формально-типологического (тип-листы), детального морфологического и целевого описания.
	2. Объяснение природы и характера признаков, выделение технологически значимых признаков; выяснение содержания отдельных изделий; выявление законченных и незаконченных орудий, типичных и атипичных форм.
	3. Составление в предварительном виде схем редукционной последовательности, редукционных рядов и контекстов.
	Б. Уровень реконструкции технологических процессов.
	4. Задачи и цели древних изготовителей (в обобщенном виде).
	5. Добыча, отбор и опробование сырья.

6. Технологические и технические способы и приемы обработки.

7. Стадии, операции, ситуации, акты; выяснение реальной редукционной последовательности и всей схемы технологических процессов.

8. Оценка результатов, принятие решений.

9. Технологические нормы, правила и формы контроля за выполнением операций.

10. Мастерство, знание, опыт, навыки, индивидуальная манера исполнения, традиции.

11. Переоформление орудий и их выброс.

Важным является вопрос о критериях выделения отдельных технологий, т.е. конкретных схем обработки изделий. Что отличает одну технологию от другой? Это такие компоненты, как форма изделий, техника обработки (Гиря Е.Ю., 1993б, с. 15, 16), а также типы исходных заготовок (если это возможно), особенности технологических и технических приемов обработки, число стадий, характер их последовательности, сложность самого технологического процесса, типы отбойников и т.п. Так, относительно грубые бифасы, с одной стороны, и тщательно обработанные – с другой, происходящие из ашельской стоянки Боксгроув (Англия), представляют разные технологии. Близкая технология объединяет топоры из памятников эпохи бронзы Вьетнама и неолита Белоруссии. Сложность технологического процесса не всегда связывается с числом стадий. С другой стороны, минимальное число стадий не во всех случаях указывает на простоту технологии обработки. Например, изготовление аббевильских бифасов носит в целом однолинейный характер. В то же время изготовление многих ашельских и особенно мустьерских бифасов отличается значительной сложностью. Как правило, это стадиальный, многолинейный процесс. Еще большей сложностью отличается процесс оформления наконечников из крупных исходных заготовок. Однако последние могут быть изготовлены в ходе непрерывной, однолинейной обработки, если исходными заготовками служат некрупные плоские и прямоосные отщепы. Технологический объем и технический арсенал обработки будут минимальными, а по сути дела экономичными и целесообразными. Применительно к первичному расщеплению отдельная технология – более широкое понятие, чем способ. Так, различные технологии получения пластин слагают основу одного (объемного или традиционно – призматического) способа расщепления. Несколько технологий включает также леваллуазский способ расщепления.

В итоге мы приходим к заключению, что технология как научный подход представляет собой сложную по структуре систему. Отдельный исследователь (или группа ученых) должны стремиться в той или иной степени к реализации всех ее компонентов. Однако вполне допустимым и приемлемым является преимущественное использование одного или двух профильных методов, в частности эксперимента и морфологии. Попытка заменить конкретный источниковедческий анализ так называемым мысленным экспериментом, т.е. логической (одной к тому же) операцией, ослабляет научную значимость технологического подхода как комплексного по своей сути научного приема исследования, что противоречит логике науки. При технологическом изучении одновременно происходят описание, объяснение, а также реконструкция разнообразных технологических процессов. Задача археолога заключается в том, чтобы рассмотреть изучаемые предметы не изолированно, а в контексте того или иного технологического процесса. Технологический подход вносит существенную ясность и коррективы в описание морфологии изделий. Можно не без основания считать, что технологическая и функциональная информация о каждом предмете составляет значительный, а нередко и полный объем сведений о нем. На деле, как нам представляется, культурная (как этносоциальная) информация в палеолитических предметах минимальна или вообще отсутствует. Из этого следует, что традиционное описание изделий приводит к

фиксации не культурной, а неполной информации о функции, технологии, сырье, реальных ситуациях и т.д. Поэтому понятие культура часто носит стилистический, категориальный, а не реальный, содержательный смысл. Культуру как сложное явление необходимо изучать на интерпретационном, и в том числе реконструктивном, уровне с использованием разных исследовательских подходов.

Технология – это не какая-то особая, тем более физическая дисциплина, а археологический подход, изучающий производственную деятельность древних людей. Критерием истинности всякого научного исследования является в первую очередь то, насколько он способствует пониманию (!) изучаемых предметов и явлений, а не эффективность его языка. Технологический анализ реализует на деле основные принципы всякого исследования – описание, объяснение и синтез, что приводит к пониманию содержания, а это и есть высшая цель всякой науки.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гиря Е.Ю., 1993а. Технологический анализ каменных индустрий в советском палеолитоведении // Петербургский Археологический Вестник. Вып. 3.

Гиря Е.Ю., 1993б. Технологический анализ пластинчатых индустрий. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб.

Коробкова Г.Ф., 1987. Хозяйственные комплексы ранних земледельческо-скотоводческих обществ юга СССР. Л.

Массон В.М., 1996. Исторические реконструкции в археологии. Самара.

Матюхин А.Е., 1973. Структура, функции и цели археологического эксперимента при изучении наидревнейших орудий // Тез. докл. сессии, посвящ. итогам полевых археологических исследований 1972 г. в СССР. Ташкент.

Матюхин А.Е., 1976. Экспериментальное изучение техники изготовления галечных орудий // СА. № 3.

Матюхин А.Е., 1983. Орудия раннего палеолита // Технология производства в эпоху палеолита. Л.

Матюхин А.Е., 1995. Особенности анализа двустороннеобработанных изделий каменного века // РА. № 3.

Матюхин А.Е., 1996. Палеолитические мастерские Восточной Европы. Автореф. дис. ... д-ра ист. наук. СПб.

Матюхин А.Е., Григорьева Г.В., 1981. Технология изготовления наконечников из позднепалеолитической стоянки Корпач // СА. № 2.

Bergman C.A., Roberts M.D., 1988. Flaking Technology at the Acheulian Site of Boxgrove, West Sussex (England). Actes du colloque "Cultures et industries paléolithiques en milieu loessique" // Rev. Anthropol. № 1/2.

Boëda E., Geneste J.-M., Meignen L., 1990. Identification de chaînes opératioires lithiques du paléolithique ancien et moyen // Paléo. № 2.

Boëda E., Pelegrin J., 1985. Approche expérimentale des amas de Marsangy // Archéol. Expérim. № 1.

Bonnichsen R., 1977. Models for Deriving Cultural Information // Archaeological Survey of Canada. Paper № 60. Ottava.

Bradley B.A., 1972. "Lithic Reduction Sequences": a Glossary and Discussion. Paper Presented to the IXth Int. Congr. of Anthropological and Ethnological Sciences. Chicago.

Bradley B.A., 1977. Experimental Lithic Technology with Special Reference to the Middle Paleolithic. Ph.D. Dissertation. Cambridge.

Bradley B.A., Sampson C.G., 1986. Analysis by Replication of two Achelian Artefacts Assemblages // Stone Age Prehistory. Studies in Memory of Charles McBurney. Cambridge.

Cahen D., Karlin C., Keeley L.H., 1980. Mèthodes d'analyse technique, spatial et fonctionnelle d'ensembles lithique // Helinium. T. 20.

Callahan J., 1985. Experiments with Danish Mesolithic Microblade Technology // J. Danish Archaeol. V. 4.

Callan E., 1979. The Basics of Biface Knapping in the Eastern Flutted Point Tradition a Manual for Flintknappers and Lithic Analysis // Archaeology of Eastern North America. V. 7.

Coles J., 1979. Experimental Archaeology. New York.

Commont V., 1909. L'industrie moustérienne dans la region du Nord de la France // Congres préhistorique de France. Beauvais.

Cotterell B., Kamminga J., 1979. The Mechanics of Flaking // Lithic Use-Wear Analysis. New York.

Cresswell R., 1990. "A New Technology" Revisited // Archaeological Review from Cambridge. V. 9. № 1. Technology in the Humaities. Cambridge.

Evans J., 1860. On the Occurence of Flint Implements in Industurbed Beds of Gravel, Sand and Clay // Archaeologia: or Miscellaneous Tracts Relating to Antiquity. V. XXXVIII. London.

Geneste J.-M., 1985. Analyse lithique d'industries moustériennes du comportement des groupes humains au Paléolithique moyen. Thèse de l'Université de Bordeaux I.

Hahn J., 1990. La technologie des pointes bifaciales de Rorshain et leurs relation avec l'Allemagne du Sud // Feulles de pierre. Les industries à pointes foliacées du paléolithique supérieur Européen. Actes du Colloque de Cracovie, 1989. Études et Recherches Archéologique de l'Université de Liège. № 42. Liège.

Ibanez J.J., Gonzalez J.E., Lagüera M.A., 1990. Knapping Traces: their Characteristics According the Hammerstone and the Technique Used // Le Silex de sa genèse a l'outil. Actes du 5e Colloque Int. sur le silex. Paris, 1990. Paris.

Karlin C., 1992. Connaissances et savoir faire: Comment analyser un processus technique en Préhistoire introduction // Technologia y Cadenas Operativas Liticas. Reunion International, 15–18 enero de 1991. Bellaterra (Barcelona).

Lawrence R.A., 1979. Experimental Evidence for the Significance of Attributes Used in Edge-Damage Analysis // Lithic Use-Wear Analysis. New York.

Lenoir M., 1986. Un mode d'obtention de la rétouche "Quina" dans le moustérienne de Combe-Grenal (Domme, Dordogne) // Bull. Soc. Anthropol. T. 21. № 3.

Leroi-Gourhan A., 1964. Le geste et la parole. T. 1: technique et langage. Paris.

Lubbock J., 1876. L'Homme Préhistorique // Étudié d'apres les monuments retrouvés dans le differeréntes parties du monde. Paris.

Marks A.E., Volkman P.V., 1983. Changing Core Reduction Strategies: a Technological Shift from the Middle Lewant // The Mousterian Legacy. Human Biocultural Change in the Upper Pleistocene. BAR International Series. T. 164. Oxford.

Mortillet G. de, 1883. Le préhistorique: antiquité de l'homme. Paris.

Pelegrin J., 1985. Réflexions sur le comportement technique // La signification culturelle des industries lithiques. Actes du Colloque de Liège du 3 au 7 octobre 1984. BAR International Series. T. 239. Oxford.

Pelegrin J., 1988. Débitage expérimental par pression "du plus petit au plus grand" // Technologie préhistorique. Notes et monographies technique. № 25. Paris.

Pelegrin J., Karlin C., Bodu P., 1988. "Chaîens opératoires" : un outil pour le préhistorien // Technologie préhistorique. Notes et monographies technique. № 25. Paris.

Purdu B.A., 1978. Primitive Pyrotechnology: a Trybute to Don E. Crabtree // Lithic Technology. V. 6. № 2.

Schild R., 1980. Introduction to Dynamic Technological Analysis of Chipped Stone Assemblages // Unconventional Archaeology: New Approaches and Goals in Polish Archaeology. Warschawa.

Speth J.D., 1972. Mechanical Basis of Percussion Flaking // AA. V. 37.

Vayson A., 1920. La plus ancienne industrie de Saint-Acheul // L'A. T. 30.

Институт истории материальной культуры РАН,
Санкт-Петербург

A.E. MATYUKHIN

TECHNOLOGICAL ANALYSIS OF STONE GOODS

Summary

The objective of this paper is to determine the significance, the role and the place of the technological approach in the study of stone goods that includes a number of methodological techniques used to conduct research: typology, experiment, re-montage, mechanics of rock fracture, reconstruction, etc. Such reconstruction techniques of research as a reduction (stage) sequence, reduction rows, a scheme of the

technological process, technological contexts (Figure 1) are of great importance. Goods related to one technological process, for example, a process of making leaf points, can be attributed ot various typological categories (Figure 1). The main objective of the technological analysis is a reconstruction of specific processes and technologies in all their diversity starting with raw material recovery, going through stages of its processing, including tool making, and ending with their use in operation, reworking and discharge. The technology is looked upon as a scientific approach and as a live stage and controlled process of raw material processing implemented with the help of optimal techniques and methods, traditions and knowledge and a certain objective set. When the technical approach is used, scientific research goes through its main stages: description, explanation, synthesis which helps understand goods and phenomena under consideration.

Е.А. СПИРИДОНОВА, А.С. АЛЕШИНСКАЯ

ПЕРИОДИЗАЦИЯ НЕОЛИТА-ЭНЕОЛИТА ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ ПО ДАННЫМ ПАЛИНОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА

Любое веками сложившееся сообщество растений вместе с окружающей его средой представляет собой функционально единую и целостную динамическую систему высокой степени сложности, устойчивость которой зависит от нормального существования ее разнородных комплексов. Нарушение какого-либо элемента неизбежно затрагивает всю ландшафтную систему. Устойчивость и изменчивость – два взаимосвязанных качества любого ландшафта, познание которых имеет важное значение для изучения динамики развития природной среды. Палинологический спектр/комплекс является по существу производным прежних экосистем, отражая совокупность тех биоценозов, которые ранее определяли ландшафт территории. Следовательно, палинологический метод позволяет определить динамику изменения палеоландшафтов во времени, что в полной мере нашло отражение в данной работе. Проблемы изучения изменений экологических условий и в первую очередь климата и растительности голоцена, позволяют приблизиться к пониманию современного механизма явлений природы.

Учитывая особенности геолого-геоморфологического районирования, геоботанического и флористического деления, можно отчетливо проследить связь ландшафтной зональности природной среды с полученными спорово-пыльцевыми данными. При поиске основных закономерностей в формировании флоры и растительности различных ландшафтных зон Европейской части России и выраженности этих особенностей на спорово-пыльцевых диаграммах удалось выделить 10 основных уровней-рубежей (рис. 1):

1. Среднепребореальное потепление – 9500–9300 лет назад (л.н.).
2. Позднепребореальное похолодание – 9300–9000 л.н.
3. Бореальное потепление – 8600–8300 л.н.
4. Похолодание на рубеже B/Atl – 8200–7900 л.н.
5. Потепление начала атлантики – около 7200 л.н.
6. Похолодание середины атлантики – около 6000 л.н.
7. Максимальное потепление атлантики – 5600–5300 л.н.
8. Раннесуббореальное похолодание – 4500 л.н.
9. Среднесуббореальное потепление – около 4000 л.н.
10. Субатлантическое потепление – 2200 и 1000 л.н.

Общность спорово-пыльцевых спектров перечисленных уровней, определенная их последовательность позволяют выделить несколько типов диаграмм, которые по существу характеризуют бореальную и степную зоны с северной и южной подзонами, а также пустынную зону. Знание этих закономерностей в изменении палинологических спектров в различных ландшафтных зонах, а также использование геологических, педологических и гидрологических материалов, полученных в нашей лаборатории за последние годы по большому числу стоянок, а также данные других исследователей позволяют создать общую концепцию изменения природной среды голоцена Европейской России, которая контролируется данными археологии и радиоуг-

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований по проекту № 98-06-80006.

© Е.А. Спиридонова, А.С. Алешинская, 1999 г.

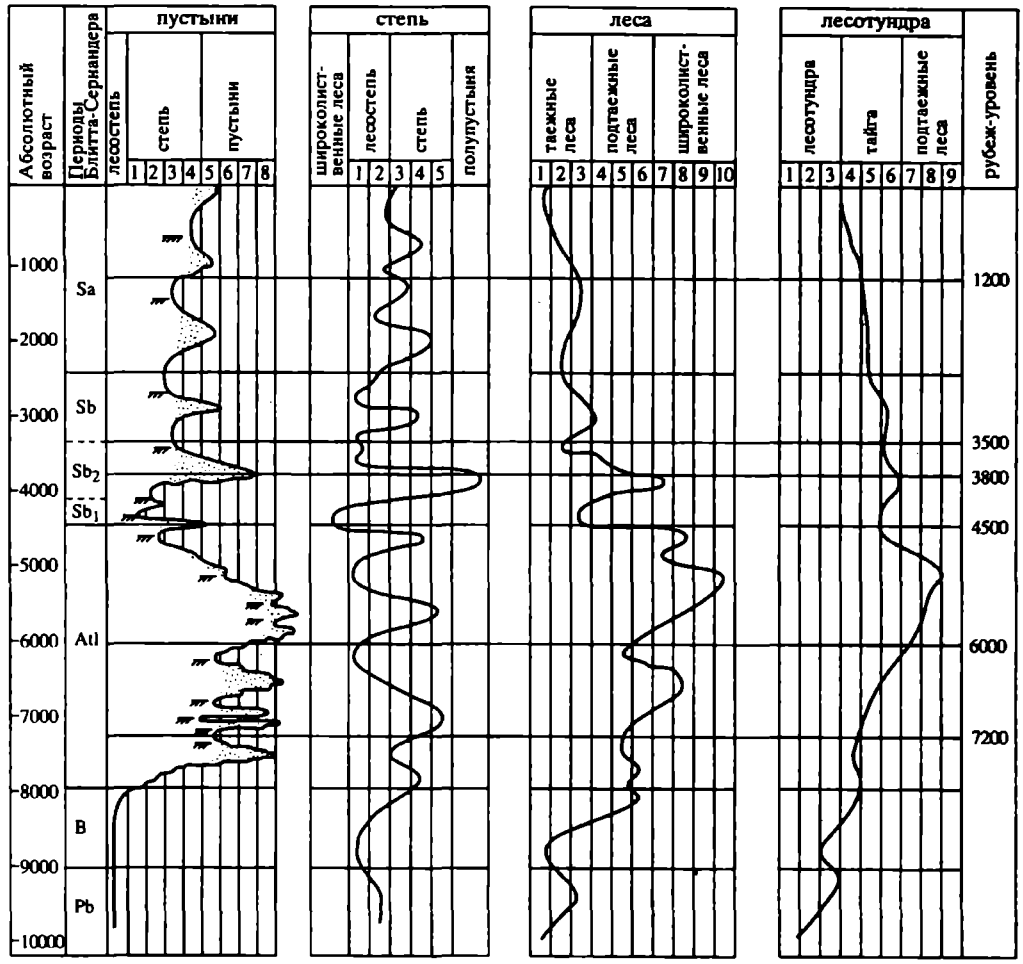


Рис. 1. Изменение ландшафтных зон в голоцене. Пустыни: *1* – степь разнотравная; *2* – злаковая; *3* – кустарничковая; *4* – кустарниковая; *5* – пустыня полынная; *6* – хвойниково-кустарничковая; *7* – галофитно-кустарничковая; *8* – злаково-маревая.

Степи: *1* – лесостепь с участием широколиственных пород; *2* – с березой и сосной; *3* – степь разнотравная; *4* – злаковая; *5* – полынная.

Леса: *1* – леса таежные березовые; *2* – сосновые; *3* – еловые; *4* – леса подтаежные еловые; *5* – сосновые; *6* – ольховые и березовые; *7* – леса широколиственные смешанные; *8* – липовые; *9* – вязовые; *10* – дубовые.

Лесотундра: *1* – лесотундра березовая; *2* – сосновая; *3* – еловая; *4* – тайга березовая; *5* – сосновая; *6* – еловая; *7* – леса подтаежные березовые; *8* – сосновые; *9* – еловые

лородным методом. Все эти данные также дали возможность изучить последовательные изменения климата и растительности этого региона в атлантическое время и по определенным хроносрезам провести сопоставление наиболее важных этапов в жизни людей с теми процессами, которые происходили в природе.

Имеющиеся палинологические данные позволяют говорить о достаточно постепенном изменении палеоландшафтов на границе между бореалом и атлантическим периодом в рассматриваемом районе. Более того, на некоторых участках Европейской части России в начале **атлантического периода** существовали палеоландшафты, близкие по своему типу к бореальным. Это были хвойные леса того же состава, но с большей ролью неморального флористического комплекса. Культурные слои стоянок Ивановское III, Озерки 5, Нушполы датируются интервалом времени 7500–7200 л.н. и по данным археологов относятся к позднему мезолиту. Интересно, что этот интервал времени приходится на фазу понижения уровня озерных водоемов, трансгрессия которых началась около 8000 л.н. и совпала с началом Литориновой трансгрессии Балтики и трансгрессии Тапес для Белого и Баренцева морей.

Большое значение для жизни первобытного населения южных районов имели

колебания уровня Каспийского моря. Наиболее значительная Новокаспийская трансгрессия проявлялась на протяжении длительного периода голоцена, но наибольшее повышение уровня до отметок минус 19–20 м произошло также около 8000 л.н.

Возможно, это явление связано с общей тендецией изменения климата в сторону большей аридизации, которая наиболее отчетливо выявилась по материалам современной лесостепи и степи.

Максимальный уровень аридизации на всех палинологических диаграммах не только лесной зоны, но и степей Европейской России выделяется около 7200 л.н., что, возможно, может рассматриваться в качестве естественного рубежа между мезолитом и неолитом, во всяком случае в пределах современной подтаежной зоны Волго-Окского междуречья. Именно эта аридизация климата привела к сохранению таежного флористического комплекса только в северных широтах, тогда как в Волго-Окском междуречье господствующими формациями стали смешанно-широколиственные леса. В настоящее время самым молодым слоем финального мезолита по каменному и костяному инвентарю является стоянка Озерки 5 (Тверская обл.), где абсолютный возраст пяти проб древесины и угля укладывается в интервал времени от 7330 до 7010 л.н. (Жилин М.Г., 1996). Близкий, или несколько более молодой возраст, имеет ряд стоянок в Южной Карелии по западному и восточному берегам Онежского озера с кварцево-сланцевым и кремневым инвентарем. По мнению ряда исследователей, в позднем мезолите Карелии прослеживаются две группы памятников, отражающих две различные этнокультурные общности. Одна из них является местной, развивающейся с раннего мезолита, с кварцево-сланцевым инвентарем, вторая – пришлая, с кремневым. Памятники последнего типа скорее всего оставлены племенами, пришедшими с Волго-Окского междуречья (Гурина Н.Н., 1989), где начал складываться неолит.

В самое последнее время стали известны результаты абсолютного датирования по наиболее ранним памятникам неолита Волго-Уральского междуречья – стоянкам на р. Сок Чекалино IV и Лебежинка IV. Здесь по скоплению раковин *Unio*, которые устилали пол жилища, получены даты 7950 ± 130 л.н. (ГИН-7086) и 8470 ± 100 л.н. (ГИН-7088). Эти результаты, по-видимому, свидетельствуют о том, что нижний рубеж неолита для этого региона определяется в рамках, близких к нижней границе атлантического периода. В это время даже в северных районах рассматриваемой территории существовали настоящие злаковые степи. Возможно, небольшие перелески из березы и ильма сохранялись только в условиях долины реки, где были развиты и пойменные луга более мезофитного характера. Близкие ландшафты существовали и в более восточном регионе по рекам Ток и Турганьик. Установление степных условий отмечается и в Южном Зауралье. Следовательно, рубеж бореал – атлантика связан со становлением настоящих степей в границах современной ландшафтной зоны степей.

Временной срез атлантического периода, связанный с иссушением климата, изучен по материалам стоянки Ивановская, находящейся в 2,5 км от с. Ивановка в Оренбургской обл. на небольшом всхолмлении старицы р. Ток, правого притока р. Самара. Здесь культурный слой раннего неолита с керамикой елшанского типа залегает в основании погребенной почвы. Исходя из результатов палинологического анализа, в окрестностях стоянки существовала аридная обстановка, которая способствовала засолению грунтов и произрастанию полупустынных марево-полынных группировок. Этот интервал скорее всего может быть сопоставлен с наиболее сухим периодом первой половины атлантического периода, максимум которого, как уже было сказано выше, приходился примерно на 7200 л.н. По мнению И.Б. Васильева и А.А. Выборнова (1988), памятники елшанского типа не имеют явных местных генетических корней с накольчатой керамикой Поволжья, обладая несомненным сходством с восточнокаспийскими и среднеазиатскими культурами неолита. Может быть эта культурная особенность памятников елшанского типа находится в прямой зависимости от экологической обстановки региона, ведь южнее и восточнее создавалась еще более кризисная природная ситуация и люди вынуждены были мигрировать к северу.

По всем другим стоянкам Оренбуржья в разрезах нашли отражение другие отрезки атлантического времени, с которыми не связаны находки материальной культуры. Анализируя эти палеоботанические материалы, можно сделать вывод, что даже в наиболее влажные этапы атлантики в пределах исследованной территории островки леса не выходили за пределы долин рек и, следовательно, здесь была степь, т.е. условия внешней среды были более аридные, чем в наши дни.

В настоящий момент большинство исследователей начало неолита в лесной зоне Восточной Европы связывает с появлением керамики. По имеющимся радиоуглеродным датировкам керамика в Волго-Окском междуречье появилась около 7000 л.н. (Жилин М.Г., 1996). В последнее время стали известны даты нижнего слоя верхневолжской культуры стоянки Окаемово XVIII (6800 ± 60 л.н. – ГИН-6416, получена по черепу лося), Окаемово V (6800 ± 140 л.н. – ГИН-6193, прослойка сапропеля с фрагментами керамики). На протяжении всего периода существования верхневолжской культуры вплоть до 6100 л.н. в пределах Волго-Окского междуречья коренными лесами этой территории являлись хвойно-широколиственные сообщества, образованные дубово-липово-елово-сосновыми и липово-дубово-сосновыми формациями. В сложении травянистого покрова основную роль играли виды неморально-бореальной и восточно-неморальной группы. По понижениям рельефа, особенно вдоль рек, по берегам озер и болот возрастала роль березы и ольхи. Гидрологический режим на реках и озерах характеризовался относительной стабильностью, с небольшими весенними паводками. Севернее Валдайской возвышенности на всем пространстве северо-запада, включая побережья Белого моря, Карелию, Приладожье и Карельский перешеек, исходя из данных по естественным разрезам, а также полученным материалам по ряду неолитических стоянок (Елина Г.А., 1981; Девятова Э.И., 1986; Малясова Е.С., 1976; Малясова Е.С., Спиридонова Е.А., 1967), характер растительного покрова этой территории отличался только меньшей ролью неморальных элементов флоры и широколиственно-хвойные леса, чаще из сосны, занимали огромные площади. Продвижение к северу отдельных пород широколиственного леса достаточно хорошо было изучено Г.А. Елиной (1981) по материалам различных частей Карелии и Кольского п-ова. Ранее всего на север произошло расселение вяза. Изохрона рациональной границы вяза в Южной Карелии датируется 7800 л.н., тогда как проникновение дуба приходится на интервал времени от 6500 до 6000 л.н. Важным отличием в характере растительного покрова этих северных областей является также более значительная заболоченность территории, которая, по-видимому, определялась не только более прохладным и влажным климатом, но и трансгрессивным уровнем воды в таких бассейнах, как Белое и Баренцево моря, в крупных озерах, а также в Балтике.

В более аридных областях юга зоны широколиственных лесов и лесостепи после этапа аридизации климата (уровень 7200 л.н.) в течение раннего этапа неолита до 6500 л.н. не происходило продвижения границы леса к югу. Это подтверждают палинологические материалы по среднедонской неолитической культуре по р. Дон. Такой же процесс фиксируется и данными по елшанской культуре Волго-Окского междуречья.

В пределах Прикаспия, благодаря Дагестанской трансгрессии, по-видимому, увеличивалось количество озерных водоемов, на берегу которых селились люди. В настоящее время известен ряд памятников, абсолютный возраст которых укладывается в рамки 6900–6400 л.н.

В течение всего этого интервала, начиная от берегов Каспия и включая современные южные степи, широкое развитие получили злаково-полынные группировки и в более благоприятных условиях увлажнения произрастали более задернованные злаковые сообщества, обладающие большей биологической продуктивностью. Только севернее р. Иргиз появлялись разнотравно-злаковые степи. При сравнении растительного покрова Волго-Уральского междуречья с западными степями Северного Причерноморья выявляется их биоценотическая близость. По мнению ряда исследова-

телей, этот первый этап атлантического времени для западных районов был более сухим, чем последующий. По-видимому, климат этого интервала был более континентальным. Следовательно, циркуляция основных воздушных масс была несколько иной по сравнению с современной.

Следующий крупный теплый и на большей части территории влажный период, связанный с существованием на территории Европейской России позднего неолита и энеолита, охватывает отрезок времени от 5900 до 5100 л.н. По сравнению с предыдущим теплым этапом основной особенностью ландшафтов северных районов, включая весь северо-запад до Валдайской возвышенности на юге, стало значительное заболачивание, вызванное заторфовыванием водоемов, когда темпы этого природного явления значительно превосходили масштабы зарождения озер. Самые крупные массивы осоковых болот были приурочены к обширным низменностям. Мезоевтрофные болота по берегам рек и озер редко покрывали большие площади. Такая природная обстановка способствовала значительному развитию черноольшатников и заболоченных березняков по окрайке болот. Достоверных данных о более северном распространении неморального комплекса, как это отмечалось для предыдущего этапа, пока нет. На более приподнятых элементах рельефа (Валдайская и Вепсовские возвышенности) широкое развитие получили сосново-березовые и сосновые леса с участием широколиственных пород. Далее на юг заметно возрастала роль широколиственных лесов, образованных липой и дубом.

На территории Волго-Окского междуречья этот этап связан с бытованием льяловской культуры. В эколого-фитоценотическом отношении этот интервал, по данным всех изученных стоянок и естественных разрезов, может быть подразделен на три подэтапа, связанных с наибольшим развитием различного состава широколиственных лесов. На первом этапе это были в основном дубравы, на следующем доминировали ольшатники, было больше вяза, а на завершающем отрезке времени значительно возросла роль липняков.

Новые материалы, полученные по стоянке Воймежное, дают возможность определить временны́е рамки существования раннельяловской культуры (около 5700 л.н.), ее развитого этапа (около 5500 л.н.) и завершающей стадии (около 5300 л.н.). Исходя из данных абсолютного датирования, эти подразделения льяловской культуры четко сопоставляются с выделенными выше фазами развития растительности. Важно отметить, что над культурными слоями развитого льялова почти по всем стоянкам прослеживается значительное поднятие уровня озерных водоемов. Это особенно отчетливо видно по материалам стоянок группы Замостье, Окаемово, Ивановское III. В этой связи можно сказать, что по сравнению с человеком верхневолжской культуры, льяловская общность людей должна была быть более пластичной по отношению к изменению природной обстановки.

Наиболее сложным вопросом для данного этапа атлантического периода является достаточно объективная оценка южной границы леса. Палеоботанические материалы по югу Русской равнины, включая Средне-Русскую возвышенность, оказались достаточно противоречивы. Так, Т.А. Серебрянная (1976), а затем Л.С. Исаева-Петрова (1980) считают, что климат атлантического времени был теплее и суше современного, тогда как К.В. Кременецкий (1987), Н.А. Хотинский (1977) и многие другие придерживаются иной точки зрения, определяя климат этого периода как более влажный и менее континентальный, в связи с чем происходило резкое сокращение зоны степей.

Работы нашей лаборатории последних лет по изучению голоценовых отложений в Оренбургской, Самарской, Саратовской и Волгоградской областях с привлечением других опубликованных данных позволили составить палеофитоценотическую карту (рис. 2) на временной срез 5800–5400 л.н.

Наиболее полно ранние этапы этого интервала получили отражение по погребенной почве и культурному слою на стоянке Лебежинка III, где были датированы раковины Unio из настила пола 5960 ± 180 л.н. (ГИН-7087), а также по культурному слою по раковинам Unio на стоянке у плотины недалеко от Варфоломеевки на

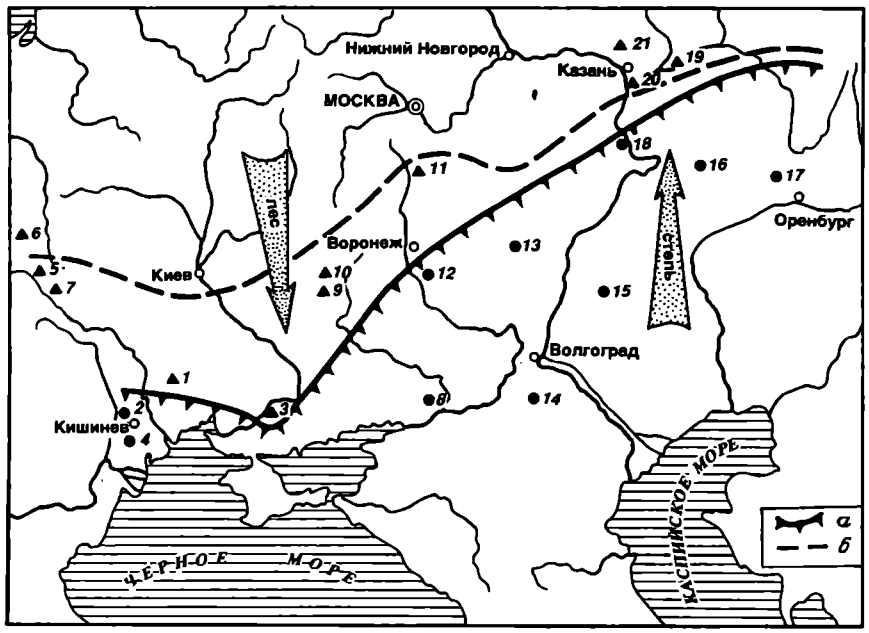


Рис. 2. Положение границы лес – степь в неолите и в настоящее время. Основные разрезы голоценовых отложений на временной срез 5800–5500 л.н.: *1* – торфяник Должок; *2* – поселение Друцы; *3* – торфяник Кардашинское; *4* – поселение Вулканешты; *5* – торфяник Ганачево; *6* – торфяник Березовка; *7* – торфяник Звенигород-Капуровское; *8* – поселение Раздорское; *9* – торфяник Ворскла; *10* – торфяник Сафановское; *11* – торфяник Лупишки; *12* – стоянка Малый Лужок; *13* – разрез у оз. Ильмень; *14* – разрез у оз. Сор; *15* – стоянка Варфоломеевка; *16* – стоянка Лебежинка IV; *17* – стоянка Ивановская; *18* – торфяник у оз. Мартын; *19* – торфяник Даварь; *20* – торфяник Репьевское; *21* – торфяник Старая Кама (Кременецкий К.В., 1991; Артюшенко А.Т., 1970; Артюшенко А.Т. и др., 1973; Нейштадт М.И., 1957; Спиридонова Е.А., 1991). *а* – положение границы лес – степь 5800–5500 л.н., *б* – современное положение границы лес – степь

р. Малый Узень. Здесь раковины, устилающие пол жилища, имели возраст 5790 ± 80 л.н. (ГИН-6559).

Стала известна датировка абсолютного возраста по стоянке позднего неолита Тентек-Сор. Она равна 5500 ± 150 л.н. (ГИН-6177).

Близкие даты и такую же палинологическую характеристику имеет другой памятник Северного Прикаспия – Каир-Шак 6, где, по данным археолога П.П. Барынкина, керамика находит аналогии в материалах памятников хвалынской энеолитической культуры и, в частности, Хвалынского могильника. Такую же культурную ориентацию имеет целая серия аналогичных стоянок, в том числе и Кара-Худук, являющаяся опорным памятником для изучения хвалынской энеолитической культуры Волго-Уральского региона (Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1986). Следовательно, на территории Прикаспия одновременно существовали стоянки позднего неолита и энеолита.

Характер спорово-пыльцевых спектров по всем разрезам Северного Прикаспия по своим особенностям включает и область бессточных впадин и рек Большой и Малый Узень (стоянка Варфоломеевка), свидетельствуя о заметном изменении условий внешней среды по сравнению со временем предыдущего этапа неолита.

Широкое развитие получили сначала полынно-маревые и маревые сообщества, а затем в наиболее оптимальных условиях появились полынно-злаковые и злаковые группировки. Эти растительные биоценозы создавали большую сомкнутость травостоя и хорошую дернину. Принимая во внимание процентное участие доминирующих семейств в спектрах, следует признать, что высокое участие маревых наряду со злаками характерно только для флоры более южных пустынь. Следовательно, циркуляция основных воздушных масс на данной территории в этот отрезок времени еще в большей степени определялась субтропическими, средиземноморскими воздушными массами, которые препятствовали проникновению западных, влажных и более

умеренных атлантических воздушных масс. Создалась уникальная природная ситуация, когда в пределах единой степной зоны стала существовать различная циркуляция атмосферы – запад находился под влиянием влажных атлантических течений, а на востоке происходило максимальное проникновение субтропических воздушных масс. На западе значительно расширилась полоса широколиственных лесов, тогда как на востоке возросло значение аридных ландшафтных зон. При существовавших высоких летних температурах происходили повышенное испарение, падение уровня грунтовых вод, выпаривание солей в депрессиях микрорельефа, что определило широкое расселение галофитного флористического комплекса к северу от Каспийского моря. Ядро этой флоры составляли маревые.

Большинство исследователей флоры пустынь считают, что центры происхождения многих родов растений находятся в западной части Средиземноморской области, в Северной Африке и Южной Испании. Отсюда они распространились на восток, где получили возможность интенсивного развития.

В настоящее время маревые в растительном покрове пустынного Прикаспия не играют такой большой роли, как в пустынях Туранской низменности.

Таким образом, в период существования хвалынской культуры энеолита Северный Прикаспий находился в ландшафтной зоне южных пустынь с достаточно высокой продуктивностью фитоценозов.

Нельзя не принимать во внимание и такой фактор, как возрастание доли площадей круглогодичных пастбищ, так как для южных пустынь характерны более мягкие и менее продолжительные зимы, тем более что в годовом цикле жизнедеятельности кочевых племен наиболее тяжелым периодом являлась зима.

Все эти данные свидетельствуют о том, что описываемый отрезок времени по комплексу природных условий был наиболее благоприятным для обитания человека в Северном Прикаспии. Именно с этим временем связано максимальное количество изученных стоянок.

Около 5000 л.н. после регрессии гаусанского водоема начала развиваться аридизация климата, произошло усиление эоловых процессов. Жизнь в условиях Прикаспия стала трудна. В более северных областях существовали полынно-злаковые степи.

Этот пока еще плохо изученный отрезок голоцена удалось более подробно проследить по материалам Майкопских поселений недалеко от Маздока по р. Терек – Галюгай I и Галюгай III. Здесь по погребенной почве, где отчетливо прослеживается уровень залегания культурного слоя, С.Н. Кореневским (1993) получены две даты абсолютного возраста по Галюгаю I: 2530 ± 70 (OxA–3777) и 2650 ± 80 (OxA–3778) лет до н.э. и по Галюгаю III: 2980 ± 120 (OxA–3779) лет до н.э.

Палеоэкологические условия, связанные с **завершающими этапами атлантического периода,** удалось изучить по материалам ранних энеолитических стоянок бореальной зоны. Анализ обстановки более северных районов достаточно подробно изучен по разрезам побережья Онежского, Ладожского озер и Карелии (Елина Г.А., 1981; Девятова Э.И., 1986; Панкрушев Г.А., 1984).

Палинологическое изучение отложений всех изученных разрезов показало, что для бореальной зоны это было время подъема уровня воды во всех водоемах и людям приходилось укреплять берега кольями или делать настилы. На побережьях таких крупных озер, как Ладожское и Онежское, все стоянки человека четко привязаны к террасам. Высота энеолитических стоянок над современным урезом воды Онежского озера возрастает от 1,2–2,3 м на юге озера до 9–12,2 м у г. Повенца. Это свидетельствует о том, что в конце атлантического периода началась трансгрессия, которая привела к затоплению всех более ранних стоянок в южной части озера и поздненеолитических стоянок – в северной. На севере Ладожской котловины, как и на юге, следы трансгрессии также хорошо устанавливаются по интенсивному формированию дюн и береговых валов, под которыми встречаются погребенные органогенные образования. На северо-восточном побережье Ладоги под дюнами местами захоронены остатки деревьев с корнями, почвой и другой органикой. Возраст такого

дерева, найденного к югу от с. Юля-Ууксу, составил 4860 ± 80 л.н. (ТА-256). Эта радиоуглеродная датировка дает представление о том, что уже около 4800 л.н. появились признаки воздействия начавшейся трансгрессии на рельеф побережья. В составе лесных фитоценозов заметно уменьшается доля теплолюбивых широколиственных пород, таких, как дуб, вяз, липа. Широко распространяются еловые леса. Климат становится более прохладным и влажным.

В последние годы в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН получены новые данные по ряду стоянок Волго-Окского междуречья. Завершающие этапы атлантического периода и самое начало суббореала связаны с заселением Волго-Окского междуречья людьми–носителями волосовской культуры, относимой к энеолиту. Это было время постепенного похолодания климата, которые вызвало серьезные изменения в структуре палеоландшафтов, сформировавшихся в более ранние этапы атлантического времени. В лесной зоне происходила постепенная деградация формаций широколиственного леса. Основным ядром флоры как по господствующему положению, так и по фитоценотической роли, становятся таежные и подтаежные элементы, которым сопутствуют среднеевропейские неморальные и восточноевропейские умеренные лесные виды растений. С северо-востока происходило проникновение сибирского таежного комплекса, многие виды которого в Волго-Окском междуречье имели свои западные и северо-западные пределы распространения. Основным коренным типом леса становятся сосняки различного состава с бóльшим или меньшим участием ели и широколиственных пород. К концу этого периода в лесах заметно усиливалась роль ели, особенно на востоке территории по ровным и слабо дренированным участкам водоразделов. Наряду с похолоданием климата происходили постепенное заболачивание территории междуречий и подъем уровня озер. Этот процесс отчетливо прослеживается по материалам памятника Воймежное. Население стоянки, борясь с подъемом воды в озере, вынуждено было укреплять берега, создавая частокол из двух рядов кольев шириной 40–70 м. Огромное количество кольев из березы и сосны, судя по дендрологической кривой, составленной О.В. Стефанчук и А.В. Урьевой, относятся к двум близким по времени периодам строительства. Датируются колья по C^{14} 4720 ± 50, 4730 ± 60 и 4870 ± 80 л.н. (ГИН 6862, 6863, 6864). По данным В.В. Сидорова и А.В. Энговатовой (Древние охотники..., 1997), дальнейшее поднятие воды в озере привело к разрушению окраинной части поселения и развалы сосудов лежат в слое озерного песка. Подобная картина отмечается по материалам многих стоянок этого времени в Волго-Окском междуречье.

В пределах степной зоны в это время уже происходило становление ямных культур ранней бронзы.

Резкая смена в природных экосистемах произошла на рубеже атлантического и суббореального периодов. **Начальный этап суббореального периода** – период глобального похолодания климата продолжительностью около 500 лет – привел к значительным изменениям в структуре палеоландшафтов, сформировавшихся в атлантический период. По данным В.А. Климанова (Климанов В.А. и др., 1995), температура июля в Карелии была на 2°, а в средних широтах на 1–0,5° ниже современного уровня. Наиболее важными особенностями этого преобразования явились деградация аридных областей, включая зону пустынь в Прикаспии, смещение к югу зоны широколиственных лесов, степей и становление тайги на севере зоны смешанных лесов, в том числе и в Волго-Окском междуречье. В целом с рассматриваемым этапом связаны конец энеолита и вся эпоха бронзы.

В лесной зоне исчезли формации широколиственных лесов, сменившиеся еловыми таежными лесами даже с участием сибирских элементов флоры. Граница распространения широколиственных лесов сместилась к югу, занимая западную часть северных степей. Соответственно ультрааридная обстановка области современных пустынь оказалась в зоне семиаридного климата с широким распространением черноземов и разнотравных степей. Это было время существования, в частности, поселений поздне-

го энеолита на севере рассматриваемой территории по границе с лесостепью, а южнее в степях и Прикаспии представлены археологические материалы репинской культуры (ранний период – конец энеолита), которая позднее сменилась ямной культурой (ранняя бронза).

В палеоэкологическом отношении происшедшие изменения в природной обстановке не получают однозначной интерпретации. Так, для лесной зоны переход от формаций широколиственного леса к тайге можно рассматривать как палеоэкологический кризис. В то же время преобразования природной обстановки в ультрааридной зоне можно оценивать как палеоэкологический оптимум.

Таким образом, рассматриваемый этап отличался чрезвычайно большой скоростью коренных преобразований палеоландшафтов. Наиболее важной особенностью этого преобразования явилась деградация ультрааридной обстановки, зоны пустынь в Прикаспии, смещение к югу зоны широколиственных лесов и степей и становление тайги в современной таежной зоне. Не исключено, что все эти существенные преобразования природы были связаны с тем, что произошло усиление влияния сибирского антициклона и соответственно уменьшился западный (атлантический) перенос воздушных масс.

Начавшийся подъем воды в крупных северных озерах, а также более мелких водоемах в конце атлантического периода, заметно уменьшился в начале суббореала, и началось интенсивное заболачивание в пределах бореальной зоны. Этот процесс отчетливо фиксируется на многих стоянках энеолита волосовской культуры на Волго-Окском междуречье (Ивановское IV, V, Окаемово, Замостье, Воймежное, Репище), где наблюдается постепенная смена литологического комплекса осадков от типичных глубоководных глин до мелководных илов, накапливавшихся в условиях застойного гидрологического режима. Непрерывное доминирование споровых в палинологических спектрах является надежным свидетельством возрастающего процесса заболачивания прилегающих к водоему территорий. Наиболее достоверные датировки древесины из слоя волосовской культуры или самой палеопочвы в подобных экологических условиях равны 4600–4500 л.н.

В пределах Средне-Русской возвышенности, по данным Т.А. Серебрянной (1976) и Е.А. Спиридоновой (1991), в интервале времени от 4600 до 4300 л.н. по целому ряду естественных разрезов прослеживается максимальная за весь период голоцена облесенность этой территории. В ландшафте господствовали широколиственные леса. Основными лесообразующими породами были липа и дуб.

Для этого интервала по стоянкам Волго-Уральского междуречья имеются две даты абсолютного возраста. Одна получена на северо-западе рассматриваемой территории по волосовской культуре на стоянке Чекалино IV на р. Сок, а другая – по стоянке Каир-Шак 3 в Северном Прикаспии; они равны 4600 ± 100 (ГИН–7249) и 4500 ± ± 250 л.н. (ГИН–5904) соответственно.

Кроме этого почти по всем изученным стоянкам в большей или меньшей степени имеются палеоботанические материалы, которые позволили восстановить растительный покров Волго-Уральского междуречья в течение первого этапа суббореального времени.

Так, на севере произошло смещение к югу зоны леса. Сначала это были березовые и сосновые леса с участием вяза, дуба, а затем и липы. Такая последовательность появления широколиственных пород связана, по мнению С.Ф. Курнаева (1980), с приуроченностью формаций чисто дубового леса к лесостепи и степи, что позволяет этим формациям благополучно сосуществовать с настоящими степными видами. Дуб – это порода сухой степной природы в противоположность липе, которую следует считать породой типично лесной и достаточно влажного климата. Именно поэтому дуб формирует свои коренные ценозы в степной области, а липа – в лесной. Для оптимального развития дуба требуется сумма температур вегетационного периода 2000°С и температура июля 16,5–18°С, тогда как для липы – 1500–1600°С и температура июля всего 15–16°С. Эта экологическая особенность дуба и липы

отчетливо видна на многих спорово-пыльцевых диаграммах, где появление липы связано с высоким участием пыльцы древесных пород в общем составе. На рубеже 4600–4500 л.н. лес существовал не только в пределах долины р. Самара в ее западных и восточных районах, но и продвинулся к югу вплоть до р. Большой Иргиз. По-видимому, это были смешанные леса. Возможно, к р. Самара в это время близко подходил ареал ели, так как в очень небольшом количестве пыльца этой породы отмечается в палинологических спектрах максимального похолодания суббореала.

О расширении бореального флористического комплекса свидетельствуют и данные, полученные по Южному Зауралью. Здесь в спектрах постоянно присутствует пыльца сибирского кедра и единично пихты. Южнее Большого Иргиза существовали разнотравные степи, и только в Прикаспии это были настоящие злаковые, полынно-злаковые степи, под которыми развивались черноземы. Хороший палеоботанический материал был получен по стоянке Кзыл-Хек I, где помимо злаков широко представлено разнотравье – цикориевые, астровые, встречена пыльца астрогала, щавеля и даже крапивы.

В конце рассматриваемого периода снова произошло потепление климата, которое способствовало постепенному сокращению леса и становлению зоны пустынь в Прикаспии. Это было время полтавкинской катакомбной культуры средней бронзы, представленной в Прикаспии максимальным количеством изученных памятников, но часто с нарушенным культурным слоем.

По данным С.И. Варущенко (Варущенко С.И. и др., 1987), уровень Каспийского моря в интервале 4300–4100 л.н. еще был выше современного и имел отметки от –22 до –18 м.

Лучше всего культурные слои сохранились на стоянках Кзыл-Хак I и Кзыл-Хак II, где удалось также проследить стратиграфическое соотношение репинских и полтавкинских погребенных почв; под светлой слабогумусированной песчаной прослойкой полтавкинской почвы залегал черноземовидный горизонт с керамикой репинского типа.

Начатые нами работы по изучению памятников неолита-энеолита Европейской России в настоящее время продолжаются, что в дальнейшем позволит выявить более детальные изменения характера растительного покрова при переходе от неолита к энеолиту и от энеолита к эпохе бронзы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артюшенко А.Т., 1970. Растительность лесостепи и степи Украины в четвертичном периоде (по данным спорово-пыльцевого анализа). Киев.

Артюшенко А.Т., Пашкевич Г.А., Паришкура С.И., Карева Е.В., 1973. Палеоботаническая характеристика опорных разрезов четвертичных (антропогеновых) отложений средней и южной части Украины. Киев.

Барынкин П.П., Васильев И.Б., 1986. Новые энеолитические памятники Северного Прикаспия // Археологические памятники Европейской территории СССР. Воронеж.

Варущенко С.И., Варущенко А.Н., Клиге Р.К., 1987. Изменение режима Каспийского моря и бессточных водоемов в палеовремени. М.

Васильев И.Б., Выборнов А.А., 1988. Неолит Поволжья (степь и лесостепь). Учебное пособие к спецкурсу. Куйбышев.

Гурина Н.Н., 1989. Мезолит верховьев р. Волги // Археология СССР. Т. 2. Мезолит СССР. М.

Девятова Э.И., 1986. Природная среда и ее изменения в голоцене. Петрозаводск.

Древние охотники и рыболовы Подмосковья, 1997. М.

Елина Г.А., 1981. Принципы и методы реконструкции и картирования растительности голоцена. Л.

Жилин М.Г., 1996. Некоторые итоги раскопок поселения Озерки 5 в 1990–1994 гг. // Тверской археологический сборник. Вып. 2. Тверь.

Исаева-Петрова Л.С., 1980. История луговой степи Среднерусской возвышенности в голоцене // Палинология плейстоцена и голоцена. М.

Климанов В.А., Хотинский Н.А., Благовещенская Н.В., 1995. Колебания климата за исторический период в центре Русской равнины // Изв. РАН. Сер. географ. № 1.

Кореневский С.Н., 1993. Древнейшее оседлое население на Среднем Тереке. М.

Кременецкий К.В., 1987. Антропогенное воздействие на растительный покров Нижнего Подонья в голоцене // Методы естественных наук в археологии. М.

Кременецкий К.В., 1991. Палеоэкология древнейших земледельцев и скотоводов Русской равнины. М.

Курнаев С.Ф., 1980. Теневые широколиственные леса Русской равнины и Урала. М.

Малясова Е.С., 1976. Оценка степени детальности фитоценологических реконструкций по результатам спорово-пыльцевого анализа осадков различного генезиса // Северо-Запад. Вып. 10. Л.

Малясова Е.С., Спиридонова Е.А., 1967. Некоторые вопросы палеогеографии голоцена Карельского перешейка (по результатам спорово-пыльцевого анализа донных отложений озер) // История озер Северо-Запада. Л.

Нейштадт М.И., 1957. История лесов и палеогеография СССР в голоцене. М.

Панкрушев Г.А., 1984. Формирование берегов Онежского озера в голоцене (по археологическим данным) // Археологические памятники бассейна Онежского озера. Петрозаводск.

Серебрянная Т.А., 1976. Взаимоотношения леса и степи на Среднерусской возвышенности в голоцене // История биогеоценозов СССР в голоцене. М.

Спиридонова Е.А., 1991. Эволюция растительного покрова бассейна Дона в верхнем плейстоцене – голоцене. М.

Хотинский Н.А., 1977. Голоцен Северной Евразии. М.

Институт археологии РАН,
Москва

E.A. SPIRIDONOVA, A.S. ALESHINSKAYA

DEVISION INTO PERIODS OF THE NEOLITHIC – THE ENEOLITHIC OF EUROPEAN RUSSIA ACCORDING TO THE PALINOLOGICAL DATA

Summary

A generalization of palinological analysis data using more that 200 archaeological sites dating to the Mesolithic and Eneolithic and data on natural sections within the European part of Russia made it possible to identify certain spatial regularities of paleolandscape development in this territory. It enabled to define chronological frames of specific cultures' existence, compare them and outline migrations routes of the population. While searching main regularities in the flora and vegetation development in various landscape zones of the Holocene and availability of these regularities in pollen diagrams, it became possible to identify 10 main levels-boundary lines. The following levels are such boundary lines: 7,200, 6,000, 5,600–5,400 years ago when catastrophically fast changes in environment conditions were taking place. A maximal level of aridization in all palinological diagrams and not just in the diagrams of the forest zone and steppes of the European Russia is recorded around 7,200 years ago which may be considered within the forest zone as a natural boundary line between the Mesolithic and the Neolithic. Damper and warm or warm and dry stages cover intervals of the Neolithic from 7,000 to 6,100 and 5,800 to 5,100 years ago. The first interval corresponds to the time of the Upper Volga culture existence and the second determines time frame of the Lyalovo Neolithic culture of the Volga-Oka region. A cooler climate at the end of the Atlantic – the beginning of the Subboreal periods caused considerable changes in the paleolandscape structure. It is this boundary line that coincided with the beginning of the Eneolithic within the forest zone and the beginning of the Bronze Age in more southern regions of the steppes.

А.Н. ГЕЙ

О НЕКОТОРЫХ ПРОБЛЕМАХ ИЗУЧЕНИЯ БРОНЗОВОГО ВЕКА НА ЮГЕ ЕВРОПЕЙСКОЙ РОССИИ

Изучение памятников бронзового века степной и лесостепной зон Восточной Европы всегда занимало важное место в отечественной науке. Пожалуй, можно даже говорить, что в рамках этого направления оформилась особая отрасль, которую я бы назвал "курганной археологией". Известное обособление ее в рамках всей археологической науки связано с ярким своеобразием курганных могильников как археологических и исторических источников, требующих особых приемов изучения, начиная с самого процесса раскопок и вплоть до интерпретаций различного уровня. Немаловажно и то, что данный вид погребальных памятников широко представлен в названных регионах, а в некоторых из них, прежде всего в степной полосе, является основной категорией источников по энеолиту – бронзовому веку. И это придает определенную специфику выделяемым здесь культурным образованиям и процессам, предопределяет их отличие от культур других территорий, там где основной категорией источников являются поселенческие материалы.

"Золотой век" "курганной археологии" пришелся на 1970–1980-е годы, когда в Причерноморье, Поволжье и Предкавказье велись широкомасштабные работы по мелиорации и орошению. Хозяйственная целесообразность их находится, мягко говоря, под большим вопросом, экологический ущерб в большинстве случаев очевиден, но для археологии осуществление этих проектов оказалось в целом полезным, поскольку позволило изучить памятники различных территорий, во многих случаях достаточно детально. Десятки огромных новостроечных экспедиций в этот период раскапывали сотни курганных насыпей и тысячи древних захоронений ежегодно. Конечно, были и издержки – часть добытых материалов, и, как выясняется, немалая, является явно ущербной, поскольку раскопки и фиксация проводились по ускоренной программе, нередко с нарушениями принятых методических правил и приемов (которые и сами по себе, особенно на первых порах, часто были недостаточными для полноценного извлечения информации). Тем не менее в результате "новостроечного бума" в России, на Украине и в Молдавии накоплен колоссальный по объему материал по бронзовому веку, не имеющий аналогов нигде в мире. Речь идет о тысячах памятников, давших многие десятки тысяч захоронений. Так, в степной части Краснодарского края, где раскопанные курганы в конце 1960-х годов насчитывались единицами, к началу 1990-х годов было изучено 350 курганов, содержавших до 2000 захоронений энеолита – среднего периода бронзового века. В Ростовской обл. по предварительным данным, можно говорить примерно о 800–1000 курганов и 4000–5000 погребений того же времени.

В начале 1990-х годов ситуация с накоплением материалов резко изменилась. Канули в лету тоталитарные хозяйственные программы, а с ними и наиболее масштабные источники финансирования археологии. Резко, наверное до уровня 1920–1930-х годов, сократились объемы экспедиционных работ и приток новых материалов из южных районов. К сожалению, это совсем не означает торжества неразрушающей археологии и так называемой этики консервации памятников, поскольку масштабы разрушения памятников, в том числе курганных, остаются в лучшем случае такими же, как в СССР, с той разницей, что раньше такое разрушение

© А.Н. Гей, 1999 г.

производилось, если можно так выразиться, централизованно и в соответствии с действовавшим законодательством обеспечивалось изучение значительной доли разрушаемого археологического наследия. Теперь же, когда новые правовые нормы находятся в процессе оформления, в удобной неразберихе разнообразных "приватизаций" практически без боя были отданы все (за редчайшим исключением) памятники, расположенные на землях, выделенных под частную застройку. Как самостоятельное явление оформилось (местами и легализировалось!) кладоискательство в виде бесконтрольного ограбления и торговли древностями. Последнее особенно актуально именно для южных районов (Северо-Западный Кавказ, Приазовье, Причерноморье), где действуют настоящие банды вооруженных современным оборудованием грабителей. При общей ориентации на античные древности они не брезгуют и раскопками курганов, в том числе и с использованием техники (Черкессия, Карачай, Краснодарский край, Ростовская обл.). Продолжается "рутинная" хозяйственная деятельность – распашка полей с находящимися на них курганами, уносящая, как известно, в среднем до 1 м высоты курганной насыпи за десятилетие. А это грозит в ближайшей перспективе тотальным уничтожением памятников тех культур, которые практиковали преимущественно впускные неглубокие захоронения в насыпях (срубной к примеру), и таких важных характеристик, как стратиграфия насыпей, внутри- и подкурганные конструкции, а в несколько более отдаленной, но уже ясно видимой перспективе – уничтожением основной массы курганных памятников как таковых.

В такой ситуации остается только жалеть о временах "новостроечного бума" и желать скорейшего введения в действие и применения на практике нового российского законодательства по охране памятников истории и культуры. Наверное, и при распределении средств в такой новой форме финансирования – поощрения научной деятельности, какой являются гранты, выделяемые различными фондами, а они ориентируются и ориентируют исполнителей в направлении так называемых фундаментальных теоретических исследований, следует учитывать катастрофическое положение с источниками для целого ряда фундаментальных историко-археологических тем. И соответственно сформулировать приоритеты среди экспериментально-экспедиционных направлений, без которых невозможно или скоро станет невозможно фундаментальное теоретизирование.

Но это к слову. Вынужденное сокращение объемов полевых работ и темпов прироста фонда источников, бесспорно, имеет и свои плюсы, поскольку дает возможность оглядеться и ликвидировать очевидное отставание с обработкой и осмыслением добытых материалов. Настоящий очерк собственно и является попыткой оценить положение дел, охарактеризовать существующие на данный момент тенденции и наметить некоторые задачи (разумеется, без претензий на исчерпывающую полноту и абсолютную истинность).

Говоря об основных тенденциях в изучении эпохи бронзы, наметившихся в 1990-е годы, следует отметить очевидное перемещение исследовательских интересов из южных, собственно степных районов, в лесостепь, до сих пор пребывавшую как бы в некоторой тени. Связано это не только с прекращением на юге мелиоративных работ, но и с нестабильной ситуацией в Северокавказском регионе, и с тем обстоятельством, что обширные участки степной зоны оказались теперь для нас как бы "заграницей". В лесостепных областях России по многим причинам (среди которых можно назвать и ориентацию на изучение широко представленных здесь поселенческих памятников, раскопки которых не требуют применения дорогостоящей землеройной техники и могут проводиться силами студентов-практикантов, и сохранение определенных объемов новостроечных работ, связанных, в частности, с размещением выведенных из Европы войск) общий спад археологических исследований оказался не столь заметным, что хорошо видно по материалам возобновленных "Археологических открытий".

Здесь возникают новые научно-исследовательские учреждения, вроде Института

истории и археологии Поволжья в Самаре, финансируемого из муниципальных средств (факт сам по себе примечательный). Проводятся научные конференции специально по эпохе бронзы или такие, где эта тематика является одной из ведущих: например, липецкая конференция 1992 г. ("Теория и методика исследований археологических памятников лесостепной зоны". Липецк, 1992), российско-украинская конференция по эпохе бронзы Доно-Донецкого региона ("Доно-Донецкий регион в системе древностей эпохи бронзы Восточноевропейской степи и лесостепи". Вып. 1–2. Воронеж, 1996), конференция в честь полувекового юбилея воронежской археологии ("Пятьдесят полевых сезонов археологов Воронежского университета" // Археология Восточноевропейской лесостепи. Вып. 10. Воронеж, 1997). Выходят из печати сборники статей ("Археология Восточноевропейской лесостепи". Вып. 5. Саратов, 1992; "Древние культуры лесостепного Поволжья". Самара, 1995; "Древние индоиранские культуры Волго-Уралья (II тыс. до н.э.). Самара, 1995; "Археологические памятники лесостепного Придонья". Липецк, 1996 и многие др.) и целый ряд публикаций (Васильев И.Б. и др., 1994; Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994; Моргунова Н.Л., 1995; Пряхин А.Д., 1993; 1996 и др.). Значительный интерес представляет собой монографическое исследование А.Т. Синюка "Бронзовый век бассейна Дона" (Синюк А.Т., 1996), в котором дана содержательная характеристика основных культур Среднего Подонья – ямной, иванобугорской, среднедонской катакомбной, воронежской, донской абашевской, срубной[1].

Вполне естественно, что такой перенос центра тяжести исследований в лесостепные районы послужил причиной сосредоточения внимания на проблемах культур именно этих территорий. В значительной степени способствовали этому и замечательные открытия последних десятилетий, связанные именно с культурами конца средней – поздней бронзы, вроде синташтинской культуры, "квазигородов" Зауралья, археологических памятников Каргалинского месторождения и др. Все это – особая тематика, бурно обсуждаемая в настоящее время. Мне же хочется остановиться на вопросах несколько более общего характера, во-первых, и связанных в целом с более ранним временем, во-вторых, – прежде всего на проблемах этнокультурной интерпретации археологических данных, возникших в связи с подготовкой тома "Бронзовый век степной полосы" серии "Археология".

Этнокультурная проблематика была и остается одним из основных направлений археологических исследований. Собственно говоря, именно здесь фокусируются достижения практически всех областей археологического знания – методики, классификации, хронологии, естественнонаучных и лабораторных методов, множества смежных дисциплин. Успехи, достигнутые в реконструкции древнейшей истории, очевидны при сопоставлении наших знаний в 1960–1970-е годы и современных. Вместе с тем вряд ли будет ошибкой сказать, что потенциал колоссального фонда источников, накопленного в годы "новостроечного бума", реализован в очень незначительной степени. Обработка и осмысление его, бесспорно, послужат основой для очень серьезных изменений ставших привычными представлений, причем наиболее серьезные изменения, как кажется, коснутся прежде всего "макроуровня", т.е. уровня крупных этнокультурных общностей и областей. В основе этого лежат безусловные успехи в исследованиях "микроуровня" – уровня отдельных культурных групп и типов, за которыми в ряде случаев просматриваются уже реальные коллективы первобытности. Рискну высказать даже парадоксальную мысль, что знаменитая дискуссия об археологической культуре и соотнесении ее с этническими образованиями в значительной мере утратила свою актуальность для "курганных" культур, поскольку здесь появи-

[1] Разумеется, не приходится говорить о полном упадке "курганной археологии" в южных районах: здесь продолжаются и полевые работы, и публикация материалов. Упомяну лишь принципиально важные работы по энеолиту – раннему бронзовому веку, вводящие в оборот данные по интересным неямным культурным группам (Княшко В.Я., 1994; Шишлина Н.И., 1997) и публикации курганных материалов из крайне слабо исследованных северных и восточных районов Ростовской обл. (Парусимов И.Н., 1997), однако эти примеры не опровергают общей тенденции.

лась реальная возможность первичной группировки материалов по принципам, выходящим за рамки традиционной археологической классификации, уже предварительно учитывая их связь с "малыми этносами" типа семьи, рода, клана.

Но и на более высоком уровне археологических культурных типов, групп и культур мозаичность картины, предстающей перед исследователями, буквально в каждом регионе поразительна. Приведу только один пример. В ходе работы над электронным банком данных по курганным материалам энеолита – средней бронзы Нижнего Подонья (в границах Ростовской обл.) только предварительная и очень грубая, предшествующая собственно исследованию разбивка материалов позволила наметить 24 таких группы, каждая из которых вполне реальна. Чтобы не быть голословным, перечислю их с краткими пояснениями, где это необходимо. Раннеямно-бережновско-хвалынская, ямная "классическая", ямная "донская" (с западной ориентировкой погребенных), "постмариупольская", репинская, "нижнемихайловско-новосвободненская", раннеямно-майкопская, "койсугская" (аналог новотиторовской культуре Прикубанья), "степная северокавказская" (вытянутые захоронения), полтавкинская, преддонецко-приазовская раннекатакомбная с возможным выделением особой кадамовской подгруппы, раннекатакомбная "загадочная" (отличная от преддонецкой), ямно-катакомбная (гибридная), донецкая катакомбная, западноманычская катакомбная (правобочные захоронения), восточноманычская или калмыцкая катакомбная (левобочные захоронения), ростово-луганская катакомбная, среднедонская катакомбная, катакомбная с "елочной" керамикой, ингульская катакомбная, батуринская катакомбная, своеобразная "финально-катакомбная", многоваликовой керамики, наконец. И это не предел, поскольку многие из перечисленных групп включают в свою очередь по несколько обрядово-стратиграфических групп; кроме того, не менее половины от числа учтенных погребений по разным причинам не поддаются распределению по названным группам и могут быть обозначены более общими определениями типа "ранняя бронза", "средняя бронза", "катакомбное без уточнения" и т.д. Среди них наверняка присутствуют и нераспознанные новые культурные типы.

Такая же или сходная ситуация характерна практически для любого района степи и лесостепи. Что касается изученности, то на данный момент существует серия локальных разработок с характеристиками той или иной части такой "мозаики" в отдельном регионе (и лишь для некоторых имеются сравнительно полные региональные характеристики), существует серия работ межрегионального охвата, связанных с изучением распределения отдельных признаков, типов, категорий или их ограниченного набора, и практически нет исследований, посвященных культуре или культурному типу в целом, на всей территории его распространения. Это обстоятельство отчетливо проявилось при подготовке тома по бронзовому веку степей серии "Археология". Мы можем охарактеризовать данную культуру или культурную группу на определенной территории, там, где она широко представлена и хорошо изучена. Трудности возникают, когда надо определить ее распространение и отношения с соседями. Конечно, здесь присутствуют и такие факторы, как недостаточная изученность ряда территорий, "размытость" границ в силу особой подвижности и контактности скотоводческого населения степей, но проявляется, и очень сильно, "феодальная раздробленность" исследований и исследователей со всеми вытекающими последствиями начиная с терминологического разнобоя и вплоть до неадекватного представления о сути явлений и процессов. Ликвидация этой раздробленности и создание межтерриториальных исследований по культурам и культурным типам, как представляется, и послужит основой для достаточно серьезной, местами принципиальной перегруппировки материалов, трансформации и углубления наших знаний об исторических, этнокультурных и этногенетических процессах в эпоху бронзы.

В качестве примера возможностей такой перегруппировки приведу массив подкурганных (по преимуществу) захоронений позднего энеолита – ранней бронзы, выявленных в разных районах Причерноморья и Предкавказья. Отличаясь очевидным единообразием в обряде (компактные подкурганные кладбища, овальные ямы,

ямы с уступами, отдельные образцы подбойных и даже катакомбных могил, поза "адорации"), сопровождающем инвентаре (темнолощеная керамика кубковых форм, красно- и желтоглиняные сосуды с намеченной биконичностью тулова, костяные и металлические булавки-"крючки", с крохотным отверстием в средней части стержня), а также в стратиграфической позиции (явное предшествование основной массе древнеямных захоронений практически во всех регионах), комплексы такого рода пока описаны в литературе в качестве целого ряда сугубо локальных групп. Таковы уткоиосовский тип (Алексеева И.Л., 1987), хаджидерский тип (Петренко В.Г., 1989) и (с некоторыми оговорками) подкурганные усатовские захоронения в Северо-Западном Причерноморье, "нижнемихайловские" памятники Побужья и Нижнего Поднепровья, животиловский тип (Ковалева И.Ф., 1978) в Днепровском Надпорожье, ряд "энеолитических" групп Приазовья (Рассамакин Ю.Я., 1992), памятники II и IV обрядовых групп нижнего Дона (Кияшко В.Я., 1974), некоторые материалы из Калмыкии (Шишлина Н.И., 1997), наконец, значительная серия из степей и предгорий Северо-Западного Кавказа, относимая то к майкопской (Трифонов В.А., 1991), то к новосвободненской (Кондрашов А.В., Резепкин А.Д., 1988) культурам. Специалисты по триполью склонны включать их непосредственно в состав трипольской общности и признают за трипольские импорты даже некоторые находки характерных сосудов в Закубанье (Збенович В.Г., 1976). Кавказоведы, наоборот, фиксируют майкопские "импорты" в Поднепровье и на Одесщине (Нечитайло А.Л., 1991). Сходство их не ускользнуло от внимания многих исследователей, но до сих пор объяснялось в русле довольно расплывчатых и уязвимых для критики миграционных гипотез (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1974; Резепкин А.Д., 1991; Рассамакин Ю.Я., 1992 и др.).

Представляется, что накопленных данных достаточно для того, чтобы объединить все перечисленные группы в рамках особой этнокультурной общности второй половины IV – первой половины III тыс. до н.э. Общности яркой и резко отличающейся от "днепро-волжского течения" ямной, общности типично степной и скотоводческой по своему хозяйственному типу, но в большей степени, нежели другие степные группы, ориентированной на контакты с соседними земледельческими культурами (трипольем на западе и майкопом на юго-востоке). Именно эти контакты предопределили своеобразие наборов посуды (явно заимствованной, когда речь идет о расписной керамике на западе и красноглиняной на востоке) на крайних флангах этой общности, а также транспортировку соответствующих "импортов" и с запада на восток, и в диаметрально противоположном направлении, при достаточно заметном паритете этих направлений, что отнюдь не подтверждает излишне прямолинейные миграционные объяснения. В целом, сходной оказывается и последующая судьба носителей данного типа культуры на западе и востоке ее ареала – от уткоиосовского и хаджидерского типов к классическому усатову (синкретизация с поздним трипольем); от "степной новосвободненской группы" к новосвободненским памятникам предгорий Закубанья и так называемым позднемайкопским памятникам Центрального предкавказья (поздний, или, как его часто называют, новосвободненский этап майкопа, "долинский майкоп", по терминологии С.Н. Кореневского, синкретические майкопско-новосвободненские памятники в моем понимании).

Особая тема – характер, репрезентативность и дальнейшие судьбы таких памятников в срединной части ареала (Доно-Кубанское междуречье, Приазовье, Поднепровье), где они могут быть названы относительно более "чистыми", чем на окраинах. По публикациям складывается впечатление, что по числу известных "нижнемихайловско-новосвободненских" памятников эти территории заметно уступают "усатовскому" и "майкопскому" флангам, что, кстати, и является одной из причин, препятствующих до сих пор конституированию единого образования, толкающей исследователей считать его не более чем кратковременным эпизодом, следом ускоренного марша некоей мигрирующей группы (Кияшко В.Я., 1994, с. 80). Думаю, что такой взгляд связан в значительной степени с недостаточной разработанностью фонда накопленных источников и недостатком публикаций. Определенные трудности

связаны и с распознаванием интересующих нас материалов – в целом ряде случаев они по сходству позы погребенных с погребальным каноном срубной культуры определяются раскопщиками как позднебронзовые. К примеру, из восьми погребений в курганах у ст-цы Днепровская только два, содержавших керамику, определены как "новосвободненские", а шесть безынвентарных, хотя и с охрой, – как позднебронзовые (Бочкарев В.С. и др., 1983). И этот пример достаточно типичен. Ревизия имеющихся материалов Нижнего Дона и Прикубанья показывает, что и здесь счет захоронений рассматриваемого типа идет на сотни (около 100 в степном Прикубанье, около 60 на Нижнем Дону), что вполне сопоставимо с окраинами (около 180 подкурганных погребений усатовской культуры – см. Дергачев В.А., Манзура И.В., 1991). В любом случае внимательный пересмотр с таких позиций всего фонда накопленных материалов в разных районах степной полосы будет полезным. Предлагаемая же перегруппировка, как кажется, достаточно логична и может послужить для содержательного объяснения целого ряда разрозненных пока наблюдений, касающихся связей и параллелей в энеолите – ранней бронзе Предкавказья и Северо-Западного Причерноморья. В принципе она не является абсолютно новой и неожиданной, поскольку элементы именно такого понимания неоднократно высказывались и ранее, хотя не получали должной оценки и развития. Назову для примера лишь взгляды М. Гимбутас и А.Я. Брюсова, отделявших усатовскую культуру от собственно триполья и считавших ее вариантом степных культур (Gimbutas M., 1956; Брюсов А.Я., 1958).

Вторая тема, которую стоит затронуть в этой связи, – проблема этнокультурной дифференциации такого огромного и в хронологическом, и в территориальном плане образования, каким является древнеямная общность/область. Нет смысла перечислять весь спектр мнений, высказанных за десятилетия изучения разными исследователями, важно попробовать оценить общую ситуацию. Главным здесь, с моей точки зрения, являются то обстоятельство, что, несмотря на многократно высказанные соображения о принципиальной невозможности рассматривать ее как нечто единое, о сложности внутренней структуры, о наличии внутри нее разных линий, течений, территориальных вариантов и культурных групп, на деле в огромной массе исследований, сводов, публикаций различия эти оцениваются как территориальные, прежде всего, в соответствии с теми территориальными по сути вариантами, которые были выделены в основополагающей диссертации Н.Я. Мерперта, быть может с вариациями или более дробными градациями, или как хронологические – в соответствии с обрядово-стратиграфическими группами, методика выделения которых была предложена и блестяще реализована тогда же (Мерперт Н.Я., 1968). Однако, как это бывает, если создатель метода воспринимал его прежде всего как инструмент для строгого научного анализа несистематизированных до той поры материалов и никогда не отрицал культурных вариаций и полилинейности внутри области (напротив, подчеркивал это, вводя термин этнокультурной "области" в противовес "общности" и всюду, где можно, отмечая возможность такой полилинейности, сопоставляя между собой сходные обрядово-стратиграфические группы разных территорий и давая этому историко-культурные истолкования), то в массе последующих работ, вплоть до настоящего времени, можно говорить об абсолютизации метода, далеко не всегда оправданной. Во-первых, из-за накопления данных, свидетельствующих о несовпадении границ выделенных территориальных вариантов и культурных типов ямного времени, во-вторых, из-за накопления материалов, показывающих, что стратиграфические различия даже разнотипных захоронений в степных курганных памятниках далеко не всегда связаны с хронологическими моментами, а допускают и иные объяснения (например, существование определенных правил формирования подкурганных кладбищ у конкретных коллективов при безусловной вариативности одновременно практикуемых форм обряда), что отмечалось не только мной (Турецкий М.А., 1992, с. 67). Абсолютизация хронологического фактора в методе обрядово-стратиграфических групп на деле приводит к затушевыванию культурных различий внутри ямной области, к тому, что среди исследователей, связанных с курганными

древностями степей, но не занимающихся вплотную ямными памятниками, продолжает бытовать более или менее отчетливый взгляд на ямную культурно-историческую область (далее – КИО) как нечто достаточно однородное в культурном отношении. Сказывается это и при написании крупных обзорных работ, посвященных этногенетическим процессам первобытности, в том числе индоевропейской проблематике. Такой стихийно-"монистический" подход к ямной КИО, с моей точки зрения, в настоящее время остается одним из основных факторов, тормозящих решение проблем сложения отдельных составляющих культур следующей по времени крупной степной общности – катакомбной. Время достаточно убедительно продемонстрировало несостоятельность миграционных (как западноевропейско-средиземноморских, так и кавказско-ближневосточных) гипотез сложения катакомбной КИО и ее составляющих. Вряд ли имеет преимущества перед ними и высказанная в последние годы среднеазиатская гипотеза (Хлопин И.Н., 1990), основанная на привлечении опять же одиночных признаков-параллелей, вроде катакомбной формы могильного сооружения, проявления которой к тому же далеко отстоят друг от друга во времени и пространстве без особой надежды на обнаружение промежуточных звеньев. И только нерасчлененность древнеямной КИО препятствует, как мне кажется, не обнаружению, они уже давно известны, а определению и признанию в рамках ямной КИО местных пракатакомбных культурных типов и пересмотру ставшего аморфным термина "ямно-катакомбное время" – "ямно-катакомбный тип" (среди материалов, обозначаемых в литературе этими терминами, необходимо различать: а) пракатакомбные образования "ямного времени" или "катакомбные культуры до появления собственно катакомб"; б) материалы собственно переходного периода от эпохи ранней к эпохе средней бронзы; в) пережиточные, собственно ямные в строгом этнокультурном понимании памятники, существовавшие бок о бок с ранними катакомбными и в тесном взаимодействии с ними).

Возвращаясь к вопросу об этнокультурном содержании древнеямной КИО, следует признать, что работа по вычленению и распознаванию генетически различающихся ее этнокультурных составляющих идет давно, восходя к гипотезе В.Н. Даниленко об особой "азово-черноморской линии" развития в энеолите (Даниленко В.Н., 1974). Присутствие этой неямной по сути этнокультурной линии затем стало отмечаться и для ряда памятников, включаемых в ямную КИО, однако указания эти приобрели ощутимую конкретность лишь после накопления больших серий материалов из курганных раскопок на южной и западной периферии ямного ареала, что позволило в итоге наметить два крупных субареала или течения внутри него. С одной стороны, это классические, "днепро-волжские", "волго-уральские" или, как их часто не очень удачно называют, "городцовские" ямники. С другой – "общности культур захоронений с повозками", по моей терминологии (новотиторовская, "койсугская", старосельская, степная "кеми-оба", буджакская), "днепро-кубанская" или "кубано-днепровская", по В.А. Сафронову (Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1983). Принципы расчленения и группировки материалов сильно различаются у разных авторов и в разных регионах. Наиболее последовательно они проведены, пожалуй в Прикубанье, где достаточно четко различаются местные "ортодоксальные" ямники и памятники новотиторовской культуры (Трифонов В.А., 1991; Гей А.Н., 1991), и на противоположном фланге, в Поднестровье, где обоснованно разграничиваются "днестровский" (преимущественно ямный в моем понимании) и "буджакский" (напрямую связанный с общностью культур погребений с повозками) варианты ямной общности (Дергачев В.А., 1986). Больше сложностей и нюансов проявляется при попытках разграничения этих линий в Побужье, Поднепровье и в степном Крыму. Собственно старосельскими здесь признаются захоронения с деревянными перекрытиями, а ямными – с каменными (Шилов Ю.А., 1995, с. 77). При этом абсолютизируются признаки случайные или малозначащие для этнокультурной темы, свод "ямных" памятников Побужья (Шапошникова О.Г. и др., 1986) как раз показывает, что именно погребения с каменными перекрытиями содержат преимущественно керамику, сопоставимую с буджакской и

новотиторовской. Крымские же погребения напрямую вводятся А.А. Щепинским в состав кеми-обинской культуры (Щепинский А.А., 1972). Возможно, здесь переплетение и взаимодействие разных линий было более тесным, чем на прилегающих с востока и запада территориях, однако сама возможность такого разграничения вряд ли вызывает сомнения и представляется крайне важной для последующей реконструкции этногенетических процессов, в особенности для увязки всей общности или блока культур захоронений с повозками с упоминавшейся более ранней нижнемихайловско-новосвободненской общностью и последующей раннекатакомбной культурой.

Весь приведенный экскурс в область украинского и молдавского Причерноморья важен не только как пример возможных вариантов переосмысления, казалось бы, устоявшихся традиционных представлений. Он важен для современной российской археологии бронзового века в связи со сравнительно недавними открытиями в Волго-Уральском регионе. Долгое время казалось, что именно Волго-Уралье является территорией наиболее чистой ямной культуры, не осложненной северопричерноморскими связями и контактами. Как своего рода эталон, как регион, откуда распространялись основные импульсы, предопределившие лицо общности на всей ее территории, рассматривался Волго-Уральский регион и в работах Н.Я. Мерперта. Работами последнего десятилетия здесь открыты новые типы памятников, сильно отличающиеся от известных ранее. В первую очередь это касается серии правобочных захоронений в ямах с уступами, сопровождавшихся сложным по составу инвентарем и сложными околомогильными конструкциями (Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994). Исследователи склонны трактовать их как памятники особой социальной или этносоциальной группы ямного населения (Моргунова Н.Л., 1992; Кравцов А.Ю., 1992). Вместе с тем бросается в глаза, что основные характеристики этой серии по сути близки как раз памятникам культур захоронений с повозками из Северо-Западного Предкавказья и Калмыкии (характерная поза на спине с наклоном вправо или на правом боку, использование ям с уступами, в том числе с несколькими, присутствие частей повозок или символики повозок в виде воспроизведений колес, западные и кавказские параллели в инвентаре и т.д.). Предлагаемые датировки в рамках второй половины III тыс. до н.э. также близки к датировкам западных культур. Все это заставляет уже на данной стадии сформулировать ряд вопросов, требующих скорейшего разрешения. Не является ли появление подобных памятников в Приуралье результатом именно западных и юго-западных воздействий? Каким путем могли осуществляться эти воздействия? Имеем ли мы дело с прямыми миграциями неких групп населения (см. например: Кузнецов П.В., 1996), оставившего захоронения с повозками к западу от Волги, сквозь кордоны "чистых" ямников Нижней Волги, или и в Поволжье присутствует, но не опознан исследователями данный тип культуры?

Не буду предрешать ответы на эти вопросы. Замечу только, что они, безусловно, важны для последующей истории восточной периферии ямного мира. Прежде всего для выяснения характера и путей сложения таких ярких и остродискуссионных образований эпохи средней бронзы, как синташта, "квазигородская" культура Зауралья, петровские и потаповские древности, в составе которых наряду с местными традициями ощущается явное наследие не только абашевского мира, но и степных культур пракатакомбного и катакомбного круга. Не менее важным уяснение этих отношений может стать и для остающейся остродискуссионной полтавкинской проблемы.

И наконец, третий пример связан как раз с отмеченными выше успехами в изучении памятников бронзового века лесостепной полосы. Здесь можно отметить целый ряд проблемных ситуаций, и по большому счету все они так или иначе связаны между собой. Одна из них связана с тем обстоятельством, что выделение неоэнеолитических и раннебронзовых культур (тут они по существующей традиции отставания периодизации на шаг по сравнению с югом обозначаются исключительно как энеолитические) с самого начала было ориентировано на южных, а иногда на

северных соседей. Так, на Среднем Дону появились "нижнедонская" и репинская культуры (Синюк А.Т., 1979; 1981). Затем керамика, близкая "нижнедонской", была обнаружена западнее вплоть до Южного Буга (Котова Н.С., 1993), присутствие "нижнедонского" и "репинского" типов отмечено и северо-западнее, вплоть до Среднего Подесенья (Смирнов А.С., 1991, с. 79–88). Одновременно юго-восточные границы распространения репинских материалов в степях отодвинулись вплоть до полупустынных районов Северного Прикаспия (Барынкин П.П., 1986; Васильев И.Б. и др., 1986).

Трудно представить, на чем могли базироваться реальные общности, протянувшиеся через три природные зоны от низовьев Волги и Дона до Подесенья. Разве что на многоступенчатой, через ряд опосредованных звеньев, системе контактов, возможных в силу существования большого количества меридиональных водных путей. Другой возможный вариант – многоступенчатая исследовательская процедура сравнений, когда при переходе от аналога к аналогу происходит дрейф содержания понятий, тем более что оба конца цепочек – нижнедонской и деснинский в первом случае и прикаспийский и деснинский во втором – имеют в действительности мало общего.

В случае с репинской культурой А.Т. Синюк предполагает ее формирование именно в лесостепном Подонье с последующим распространением на юг, в степь, откуда в обратном направлении продвигаются группы ямного населения, что приводит к образованию смешанных ямно-репинских культурных типов (Синюк А.Т., 1981; 1996). Такая позиция не лишена противоречий, так как не объясняет случаев нахождения типичной репинской керамики в архаичной группе древнеямных погребений Поволжья, обозначенной самим автором как "проторепинская". Возникает в этой связи и целый ряд вопросов. Что представляют собой эпонимный памятник – поселение у хутора Репина на Волге, близкие ему донские поселения типа Самсоновки, расположенные на естественно защищенных высоких мысах и одним этим резко отличающиеся от низких прибрежных репинских стоянок лесостепи? Как быть с бесспорно близкой Репину Михайловкой II на Днепре и ставшим классическим понятием всей украинской археологии "ямной культурой времени /типа Михайловки II"? Как быть с глубоко укоренившейся традицией включать эти памятники в число собственно ямных?

Очевидная попытка учесть эти обстоятельства заметна в недавно высказанной гипотезе В.А. Трифонова. Принимая в общем и целом положения о первоначальной локализации репинской культуры на Среднем Дону и последующем выходе ее в степи, он в корне отвергает концепцию формирования ядра древнеямной общности (в данном случае именно общности) на основе хвалынско-бережновских памятников и считает, что сам процесс территориального расширения репинского ареала и является первоначальным этапом формирования ямной культуры (Трифонов В.А., 1996). Иными словами, делает репинскую культуру основным предшественником и главным компонентом ямной.

Внутренняя противоречивость такого построения еще более очевидна. И дело не только в дискуссионности вопроса о генетической связи хвалынско-бережновского пласта с "классической" ямной культурой Волго-Донского региона, которая оспаривалась не только В.А. Трифоновым (см.: Шилов В.П., 1991). Для меня совершенно очевидно, что главная причина такого подхода коренится в абсолютизации различий хвалынско-бережновских и "классических" ямных памятников между собой при недостаточной разработанности темы о подкурганных захоронениях, занимающих промежуточное положение между первыми и вторыми. А они существуют. Приведу в качестве примера раскопанный более четверти века назад и до сих пор не привлекший внимания исследователей замечательный кург. 1 Крепинского I могильника в низовьях Маныча (Лагоцкий К.С., 1973), содержавший подкурганное кладбище из 16 захоронений, расположенных в три ряда, часть которых совершена по типично хвалынскому обряду, часть – по типично ямному, а одно из поздних погребений

содержит сосуд "позднебережновского" облика. Близкие материалы обнаружены в кург. 4 могильника Отрадный II (Саяпин В.В., 1989). Такие раннеямные памятники, круг которых еще предстоит очертить, и демонстрируют либо реальное перерастание хвалынской культуры в ямную, либо сложение ямной культуры в процессе синкретизации позднехвалынских групп с некими исконно степными "праямными" группами, сущность которых пока недостаточно ясна из-за невыразительности сопровождающего инвентаря. Последнее кажется мне наиболее вероятным.

Наиболее уязвимым местом гипотезы В.А. Трифонова является то обстоятельство, что все генетические моменты решаются на основании типологии инвентаря, даже еще у́же – сравнения керамики из репинских и ямных комплексов. При этом совершенно игнорируется обстоятельство первостепенной важности – принципиальное различие их погребальной обрядности. Для репинских памятников Среднего Дона характерны захоронения с вытянутым положением покойников, для собственно ямных, начиная с самого раннего времени – скорченные в подавляющем большинстве случаев на спине. Это принципиально разные традиции, имеющие свою историю и в предшествующее, и в последующее время. Носители их иногда вступают во взаимодействие между собой, но свести их воедино либо вывести одну из другой невозможно. Важность же данного признака для этногенетических построений безусловна, как безусловен и приоритет перед вещеведческой типологией.

Таким образом, налицо явная конфликтная ситуация, требующая помимо устранения таксоно-терминологических несогласованностей и ответа на вопрос, в какой же из областей "нижнедонская" и репинская культуры являются "настоящими", переоценки всей системы отношений степных и лесостепных культурных групп, широтных и меридиональных связей, принципов сопоставления и объединения поселенческих находок и материалов из погребальных памятников. При этом не исключено, хотя и требует самой тщательной проверки, что репинские поселения степной зоны, включая сам Репин Хутор и Михайловку II, придется дистанцировать от собственно ямных и связать с особыми группами оседлого населения, существовавшими в долинах крупных рек в окружении подвижного скотоводческого ямного населения, но связанных общим происхождением с близкими культурами лесостепи. А многочисленные и бесспорные схождения в материальной культуре этих поселений и подкурганных ямных захоронений объяснять уже не принадлежностью одним популяциям и единой культуре, а скорее через взаимодействие разных по своей природе групп оседлого и подвижного обществ. Пока это не более чем предположение, один из возможных, но не таких уж невероятных вариантов.

От репина и его вытянутых захоронений – прямой путь к следующей теме, где назрела насущная потребность коррекции существующих представлений. Речь идет о лесостепных культурных группах именно с такой формой погребального обряда, контрастно отличающейся от разных форм скорченных захоронений, обычных для прочих степных и лесостепных образований. Минуло почти два десятилетия с того времени, как в левобережном "предстепье" Днепра была выделена особая "постмариупольская" курганная культура вытянутых захоронений (Ковалева И.Ф., 1979; 1980 и др.). Вступив в резкое противоречие с господствовавшей тогда парадигмой "нижнемихайловской культуры", для которой вытянутые погребения считались нормой (Шапошникова О.Г., 1985; Телегин Д.Я., 1971; 1987), культура эта долгое время признавалась как бы локальной, Самаро-Орельской. С годами положение менялось; очевидными стали и принадлежность к ней сходных материалов с Правобережья Днепра, и широкое распространение близких памятников вплоть до Днестровско-Дунайского региона и степной части Крыма, где они выступают не самостоятельно, а в тесном синкретизме с упоминавшейся выше нижнемихайловско-новосвободненской культурой. Сложнее обстояло дело с вопросом о северных и восточных границах, хотя главный исследователь новой культуры прямо включал в нее вытянутые "ямные" захоронения Подонцовья, проводил аналогии с тем же репиным на Среднем Дону, с вытянутыми подкурганными захоронениями Прикубанья (Ковалева И.Ф., 1983).

Анализ материалов с территории России показывает, что вытянутые погребения Прикубанья, Ставрополья и Калмыкии образуют единую культурную группу, которую я обозначаю термином "степная северокавказская", и датируются в рамках второй половины III тыс. до н.э., т.е. в целом более поздним периодом, чем собственно "постмариупольские". Характер связи их с последними – совершенно особая тема, имеющая прямое отношение к культурной перестройке, происходивший на Северном Кавказе на грани раннего и среднего бронзового века. Типичные же "постмариупольские" комплексы доходят лишь до долины Дона в его низовьях и районе излучины (Мокрый Чалтырь 2/4, Койсуг 5/38, Кашары II 1/1, Семенкин 3/10) (Жибура В.М., 1962; Максименко В.Е., 1969; Чернопицкий М.П., 1989; Ларенок П.А., 1990) и лишь в исключительных случаях углубляются далее на восток (Баранчук I 3/5) (Горбенко А.А., 1984). Но и при таком их распространении налицо близкое смыкание восточных границ "постмариупольского" ареала со Средним Доном, где вытянутые захоронения имеют глубокую и протяженную во времени традицию. И в Поднепровье, и на Дону такой обряд восходит к неолитическим культурам и продолжает применяться как минимум до конца эпохи средней бронзы. В Поднепровье на смену "постмариупольским" приходят вытянутые подкурганные захоронения так называемого раннего этапа среднеднепровской культуры, атрибуция которых требует своих уточнений из-за ощутимых различий между ними и среднеднепровскими памятниками второго и третьего этапов, а также вытянутые катакомбные погребения круга ингульской культуры, генетическая связь которых именно с "постмариупольской" группой становится все более вероятной (Гей А.Н., 1985; Ковалева И.Ф., 1990). На Среднем Дону эта обрядовая норма продолжает бытовать в эпоху ранней бронзы у носителей иванобугорской, а позднее воронежской культур и в донском абашеве, связь которых с репинской культурой убедительно реконструируется А.Т. Синюком (Синюк А.Т., 1996).

Насколько закономерны именно такие наборы культур, такое сходство в процессах, имевших место в районах, разделенных пока слабоизученными территориями? Или это не более чем свидетельство принадлежности их к некоей обширной и аморфной североевропейской зоне культур с преобладанием вытянутого положения погребенных, о которой писал в свое время Д.Я. Телегин (Телегин Д.Я., 1976). Для ответа стоит присмотреться к поселенческим материалам из этих областей. Прежде всего обращает на себя внимание широкое распространение в лесостепной и на юге лесной зон, в том числе и в интересующих нас районах, высоких береговых и мысовых поселений на местах будущих городищ железного века. На Дону эти поселения содержат напластования иванобугорской, катакомбной, воронежской и донской абашевской культур. Анализ керамических материалов с поселений играет не меньшую, а пожалуй, бóльшую роль при определении А.Т. Синюком общей генетической последовательности культур (от репина через иванобугорскую к воронежской и абашевской), чем данные по погребальной обрядности. Для иванобугорских материалов наряду с восточными и северо-восточными приводятся достаточно близкие параллели на западе и северо-западе, вплоть до Деснинского бассейна (сошлюсь здесь на мнение А.С. Смирнова).

В Среднем Поднепровье культурная принадлежность ряда таких поселений определяется как среднеднепровская при наличии катакомбных или "ямно-катакомбных" воздействий (Артеменко И.И., 1967; Бондарь Н.Н., 1974) или как катакомбная при наличии определенных черт среднеднепровской и, что особенно важно, при выраженном сходстве с поселениями катакомбного времени Среднего Дона, в том числе воронежскими (Сердюкова И.Л., 1994). Как видно, сравнение данных по погребальным и поселенческим памятникам позволяет наметить один и тот же круг культур и культурных типов, внутри которого неизбежны перегруппировки и переносы акцентов, существенные для решения кардинальных вопросов этнокультурной истории, в том числе таких, как сложение культур шнуровой керамики и даже культур позднего бронзового века этих территорий. Однако уже сейчас можно предполагать существо-

вание в лесостепи своеобразных этнокультурных макрообщностей, не уступающих или ненамного уступающих по масштабу степным образованиям, задолго до абашевского и срубного времени.

Я не настаиваю на своих предложениях, многим они могут показаться дискуссионными, многим ошибочными. Мне просто хотелось показать само наличие вопросов, их остроту и актуальность для разрешения множества исторических проблем самого широкого охвата. Ведь по существу все они имеют прямое отношение к теории "степной причерноморской прародины" индоевропейцев, теории, имеющей самые серьезные основания, но тем не менее, по крайней мере в значительной степени, отвергаемой в ряде отечественных и западных работ. Кроме того, хотелось обратить внимание и на такой гносеологический аспект, как очень значительную зависимость существующих схем и представлений от в общем-то совершенно случайной последовательности открытия материалов различных культур в разных регионах.

В заключение попробую сформулировать несколько задач в области "курганной археологии" бронзового века степной и лесостепной зон России, которые представляют достаточно важными. В сфере полевых исследований можно выделить два направления: а) концентрацию усилий на исследовании тех разновидностей памятников, которым грозит скорое и безвозвратное уничтожение в результате хозяйственной деятельности, например малых курганов на пахотных землях, памятников на приватизируемых землях; б) направленное обследование "белых пятен", среди которых различаются территориальные слабо изученные зоны (вроде стыка Среднего и Нижнего Дона в северных районах Ростовской обл.; Доно-Кубано-Ставропольского треугольника в юго-восточной части Ростовской обл., на севере Краснодарского и западе Ставропольского краев; Доно-Волжского междуречья в пределах Тамбовской и Пензенской областей, Днепро-Донского междуречья в пределах Орловской, Курской и Белгородской областей и т.д.) и ландшафтные "белые пятна" в относительно полно изученных районах. Последнее следует из очевидной связи всей предшествующей "курганной археологии" с мелиорацией, привязанной в свою очередь к определенным типам ландшафтов, удобных для орошения, из-за чего пропорционально явно недостаточно изучены курганы в зонах с пересеченным, сильно изрезанным рельефом, приречные пойменные могильники (среди которых, по крайней мере во многих районах, должны находиться древнейшие курганные памятники энеолита – начала ранней бронзы, о важности которых для понимания проблем сложения всей свиты степных скотоводческих культур говорить излишне), равно как и находящиеся как бы на другом полюсе курганные памятники наиболее удаленных от рек степных водораздельных участков.

В сфере этнокультурных исследований важнейшей задачей остается преодоление неизбежной узости региональных или "бассейновых" школ и подходов, выход исследований на более высокий уровень без ощутимых потерь глубины и подробности разработки материалов. Думаю, что главным здесь будет не так называемый синтез узколокальных обобщений, а действительная реализация возможностей обработки больших массивов информации с помощью современной компьютерной техники.

По сути дела, несмотря на широкое внедрение персональных компьютеров в археологию, мы до сих пор находимся на этапе разработки и подготовки программ для описания материала и формирования баз данных, соответствующих современным возможностям вычислительной техники. Как показывает опыт, это далеко не самая трудоемкая операция. Формирование самих баз данных, внесение в них больших объемов информации, похоже, требуют значительно большего времени и сил и по сути пребывают в начальной стадии. Очевидно, именно такая ситуация позволила А.А. Формозову при оценке состояния нашей науки отметить, что молодежь увлекается компьютером, однако ощутимых результатов этого пока не видно (Формозов А.А., 1995, с. 93).

Конечно, это важный и интересный этап, поскольку именно формулировка

принципов и подходов будет предопределять в дальнейшем реальность и значимость результатов обработки. При этом многие исследователи идут по пути формирования независимых программ и баз данных, формируя в соответствии со своими интересами и представлениями и списки признаков, и возможности их сортировки, что, очевидно, не будет способствовать сопоставимости получаемых результатов.

Думается, что на реальное продвижение в борьбе с "девятым валом" информации можно рассчитывать только после формирования глобальных баз данных, содержащих сведения о сотнях памятников, тысячах курганов и десятках тысяч погребальных комплексов, для начала охватывающих все материалы по бронзовому веку из курганов степной и лесостепной полосы Европейской России. В перспективе – с подключением Азиатской половины, Закавказья, Причерноморья (Украина и Молдавия), в дальней перспективе – Балканского региона и Центральной Европы. Такая работа рассчитана на годы, может быть, десятилетия. Она не может быть выполнена ни отдельными исследователями, ни даже отдельными научными учреждениями. Необходимы кооперация и координация работ ряда учреждений первоначально через выработку общих принципов и подходов к формированию баз данных, в дальнейшем – через организацию компьютерных сетей и объединение отдельных баз в единую систему.

В этой связи хочу обратить внимание коллег на разработанную в ИА РАН и постоянно совершенствуемую систему управления баз данных (СУБД) ARL TREE с вложенным пакетом описания TUMULUS (разработчики М.В. Андреева и Г.Г. Джаникян), предназначенную для описания в первую очередь материалов курганных могильников, но с некоторыми изменениями применимую и для описания иных категорий погребальных памятников (грунтовые могильники, дольмены и т.д.) (Андреева М.В., и др., 1996). Разработанные DOS- и WINDOWS-версии позволяют формировать серии иерархических баз данных со свободным обменом информацией между ними, первичной сортировкой и статистической обработкой в рамках программного пакета и свободным импортом данных в формате dbf для последующей обработки в стандартных статистических пакетах (Datascop, Statgraph, Excel и пр.).

В настоящее время ведется работа над дальнейшим усовершенствованием программного пакета – введением в базу данных наряду с кодированной графической информации, прежде всего картографической, а также созданием наряду с обязательным набором таблиц и списков признаков дополнительных, количество и структура которых смогут определяться каждым конкретным пользователем в зависимости от своих интересов (например, к обязательному иерархическому "древу" таблиц, описывающих памятники в целом, курганы, погребальные и непогребальные комплексы и структуры, могильные сооружения, останки погребенных, находки и следы и т.д., можно будет "пристегивать" новые таблицы, описывающие уже не погребальный обряд, а скажем, типологические особенности отдельных категорий находок или результаты анализов, неважно, будут ли это антропологические обмеры, данные спектрального анализа или радиокарбонные даты). Подобное сочетание универсальной основы и специализированных приложений, как кажется, должно сделать данную программу максимально приспособленной для узконаправленных исследований различного профиля при сохранении основы для диалога и взаимодействия между отдельными пользователями.

На данный момент в ИА РАН ведется работа по составлению базы данных по подкурганным погребениям энеолита – среднего периода бронзового века южных районов России. Уже обработано около 3000 таких погребений с территории Ростовской обл., Ставропольского края и Калмыкии. Значение этой работы будет только возрастать по мере привлечения к ней памятников других территорий. Остается только надеяться, что она привлечет внимание коллег в центре и регионах.

В заключение рискну высказать мысль, которая многим покажется крамольной. Если в глобальном масштабе компьютеризация цивилизации, создание принципиально новых систем хранения, обработки и передачи информации представляют собой

революционный скачок, равный открытию Гутенберга и в конечном итоге ведущий к сокращению и изживанию книгопечатания, то в масштабах археологической науки уже сейчас можно говорить о целесообразности сокращения издательской деятельности в той части, которая касается публикации материалов и источников (занимавшей практически львиную долю всех археологических изданий). Во-первых, неосуществима сама задача описания и графического отражения всех артефактов, предметов и конструкций, когда-либо созданных или использованных человечеством. Во-вторых, сами археологические публикации из-за своей разноплановости, разнохарактерности, разной степени подробности и т.д. чрезвычайно трудны для освоения и использования в исследованиях разных уровней. В-третьих, сама многочисленность публикаций, особенно заметная в таких разделах, как "курганная археология", препятствует их полноценному использованию. Это особенно заметно по цитированию в различных работах, где, как правило, содержатся ссылки на крупные (зачастую весьма устарелые) монографии при отсутствии упоминаний гораздо более важных для темы исследования новых материалов, рассеянных в статьях, тезисах и докладах конференций. Невостребованность множества публикаций напрямую связана и с узостью круга исследователей той или иной проблемы, и с упоминавшимся сужением их специализации (не редкость работы, представляющие интерес для 3–5–10 исследователей, не более). Показательна в этом смысле замеченная мной в ходе работы с архивными материалами (т.е. материалами, представляющими собой первоисточник и в большинстве случаев заметно превосходящими подробностью и полнотой соответствующие публикации) по Прикубанью и Нижнему Дону особенность, согласно которой за 20–30 лет, прошедших с момента раскопок, к хранящемуся в архиве ИА РАН отчету обращалось от 2 до 5, редко 10 специалистов. Некоторые отчеты, содержащие иногда первоклассные материалы, были востребованы один раз в 3–4 года, некоторые никем никогда не просматривались. Заметно и то, что от десятилетия к десятилетию, по мере увеличения объема фонда источников по степным курганам частота обращения к отчетам резко убывает и что среди интересующихся курганными памятниками большинство составляют специалисты по железному веку и средневековью – эпохам, представленным наименьшим числом древних захоронений. Возможно, в этих разделах еще сохраняется некоторая возможность охватить взглядом весь фонд данных по региону средних размеров.

В такой ситуации создание полномасштабных баз данных, охватывающих с достаточной степенью подробности все известные материалы обширных областей, способны целиком заменить публикации материалов, особенно если в них будет содержаться и графическая информация, что вполне возможно технически. Такие базы данных являются одновременно информационно-поисковыми системами, позволяющими оперативно отобрать данные по конкретной теме и целенаправленно уточнять и детализировать их по музейным коллекциям, архивным отчетам и уже существующим публикациям. Это в свою очередь позволит сосредоточить научные и издательские усилия на подлинном проблемном исследовании древностей, когда основной печатной продукцией станут новые идеи и подходы и их обоснования, а не пресловутое "введение в научный оборот". Соответственно потеряет смысл и негласный спор-соревнование между исследователями, создающими проблемную статью в течение 1–2 лет, и "публикаторами", издающими серии работ и нередко иллюстрирующими одни и те же, ставшие уже традиционными идеи похожими материалами из разных памятников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева И.Л., 1987. Доусатовские погребения в курганах Северо-Западного Причерноморья // Новые исследования по археологии Северо-Западного Причерноморья. Киев.

Андреева М.В., Джаникян Г.Г., Сорокина И.А., 1996. Проект основы банка данных по материалам раскопок степных курганов // Компьютеры в археологии. М.

Артеменко И.И., 1967. Племена Верхнего и Среднего Поднепровья в эпоху бронзы. М.

Барынкин П.П., 1986. Кызыл-Хак I – новый памятник позднего энеолита Северного Прикаспия (предварительная публикация) // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.

Бондарь Н.Н., 1974. Поселения Среднего Поднепровья эпохи ранней бронзы. Киев.

Бочкарев В.С., Трифонов В.А., Бестужев Г.Н., 1983. Отчет Кубанской экспедиции 1982 года о раскопках курганов в Тимашевском и Кореновском районах Краснодарского края // Архив ИА РАН. Р–1. № 9605.

Брюсов А.Я., 1958. Рец. на: Gimbutas M. The Prehistory of Eastern Europe. 1956. // СА. № 2.

Васильев И.Б., Колев Ю.И., Кузнецов П.Ф., 1986. Новые материалы бронзового века с территории Северного Прикаспия // Древние культуры Северного Прикаспия. Куйбышев.

Васильев И.Б., Кузнецов П.Ф., Семенова А.П., 1994. Потаповский курганный могильник индоиранских племен на Волге. Самара.

Гей А.Н., 1985. Переход от неолита к бронзовому веку в степной полосе Северного Причерноморья (о роли мариупольской провинции в формировании степных скотоводческих культур эпохи бронзы). Автореф. дис. ... канд. ист. наук. М.

Гей А.Н., 1991. Новотиторовская культура (предварительная характеристика) // СА. № 1.

Горбенко А.А., 1984. Отчет о работах археологической экспедиции Азовского музея в Песчанокопском и Азовском районах Ростовской области в 1974 и 1981 гг. // Архив ИА РАН. Р–1. № 11858.

Даниленко В.Н., 1974. Энеолит Украины. Киев.

Дергачев В.А., 1986. Молдавия и соседние территории в эпоху бронзы (анализ и характеристика культурных групп). Кишинев.

Дергачев В.А., Манзура И.В., 1991. Погребальные комплексы позднего триполья. Кишинев.

Жибура В.М., 1962. Отчет о раскопках у х. Мокрый Чалтырь Ростовской области // Архив ИА РАН. Р–1. № 2276.

Збенович В.Г., 1976. К проблеме связей Триполья с энеолитическими культурами Северного Причерноморья // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.

Кияшко В.Я., 1974. Нижнее Подонье в эпоху энеолита и ранней бронзы. Дис. ... канд. ист. наук. Ростов-на-Дону // Архив ИА РАН. Р–2. № 2143.

Кияшко В.Я., 1994. Между камнем и бронзой (Нижнее Подонье в V–III тысячелетиях до н.э.) // Донские древности. Вып. 3. Азов.

Ковалева И.Ф., 1978. Погребения животиловского типа в Присамарье // Курганные древности Степного Поднепровья I–III тыс. до н.э. Днепропетровск.

Ковалева И.Ф., 1979. "Вытянутые" погребения днепровского ареала Волго-Днепровской культурной общности // Проблемы эпохи бронзы юга Восточной Европы. Тез. докл. конф. Донецк.

Ковалева И.Ф., 1980. К вопросу о культурной принадлежности вытянутых подкурганных энеолитических погребений // Курганы Степного Поднепровья. Днепропетровск.

Ковалева И.Ф., 1983. "Вытянутые" энеолитические погребения Днепровского ареала // Проблемы хронологии археологических памятников степной зоны Северного Кавказа. Ростов-на-Дону.

Ковалева И.Ф., 1990. Предстепье Левобережной Украины в катакомбное время // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. Тез. докл. конф. Запорожье.

Кондрашов А.В., Резепкин А.Д., 1988. Новосвободненское погребение с повозкой // КСИА. Вып. 193. М.

Котова Н.С., 1993. Природно-климатические изменения и неолитическое население степной Украины // Оточуюче середовище і стародавне населення України. Препринт. Київ.

Кравцов В.Ю., 1992. Древнеямные погребения в ямах с заплечиками в Приуралье // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.

Кузнецов П.Ф., 1996. Кавказский очаг и культуры бронзового века Волго-Уралья // Между Азией и Европой. Кавказ в IV–I тыс. до н.э. СПб.

Лагоцкий К.С., 1973. Отчет о работ первого Манычского отряда Донской экспедиции в 1972 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 5240.

Ларенок П.А., 1990. Отчет о работах Отдела полевых исследований ТЛИАМЗ в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 13682–13685.

Максименко В.Е., 1969. Отчет о работах 2-го отряда археологической экспедиции Ростовского университета в Константиновском и Азовском районах Ростовской области в 1968 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 3876.

Мерперт Н.Я., 1968. Древнейшая история степной полосы Восточной Европы (III – начало II тыс. до н.э.). Дис. ... докт. ист. наук // Архив ИА РАН. Р–2. № 2010–2012.

Моргунова Н.Л., 1992. К вопросу об общественном устройстве древнеямной культуры (по материалам степного Приуралья) // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.

Моргунова Н.Л., 1995. Неолит и энеолит юга лесостепи Волго-Уральского междуречья. Оренбург.

Моргунова Н.Л., Кравцов А.Ю., 1994. Памятники древнеямной культуры на Илеке. Екатеринбург.

Нечитайло А.Л., 1991. Связи населения степной Украины и Северного Кавказа в эпоху бронзы. Киев.

Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1974. Происхождение дольменной культуры Северо-Западного Кавказа // Вопросы охраны, классификации и использования археологических памятников. М.

Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1983. Проблемы появления колесного транспорта в Европе. Древнейшие повозки Восточной Европы. Выделение Днепро-Кубанской культуры – культуры древнейших кочевников Восточной Европы // Кочевники Азово-Каспийского междуморья. Орджоникидзе.

Николаева Н.А., Сафронов В.А., 1990. Курильницы предкавказской катакомбной культуры (Индоевропейская керамическая форма 1) // Проблемы изучения катакомбной культурно-исторической общности. Тез. докл. Запорожье.

Парусимов И.Н., 1997. Тр. Новочеркасской археологической экспедиции. Вып. 1 и 2. Новочеркасск.

Петренко В.Г., 1989. Памятники энеолита и поворот эпохи к бронзовому веку в Северо-Западном Причерноморье // История и археология Нижнего Подунавья. Тез. докл. Рени.

Пряхин А.Д., 1993; 1996. Мосоловское поселение эпохи поздней бронзы. Кн. 1 и 2. Воронеж.

Рассмакин Ю.Я., 1992. Энеолит и ранний бронзовый век Северо-Западного Приазовья. Автореф. дис. ... канд. ист. наук. Киев.

Резепкин А.Д., 1991. Курган 31 могильника Клады. Проблема генезиса и хронологии майкопской культуры // Древние культуры Прикубанья. Л.

Саяпин В.В., 1989. Отчет о раскопках могильника Отрадный II экспедицией РОМК в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 14080–14082.

Сердюкова И.Л., 1994. Катакомбные поселения Украинского Поднепровья // Донецкий археологический сборник. Вып. 5. Донецк.

Синюк А.Т., 1979. У истоков древнейших скотоводческих культур лесостепного Дона // Археология Восточноевропейской лесостепи. Воронеж.

Синюк А.Т., 1981. Репинская культура эпохи неолита – бронзы в бассейне Дона // СА. № 4.

Синюк А.Т., 1996. Бронзовый век бассейна Дона. Воронеж.

Смирнов А.С., 1991. Неолит Верхней и Средней Десны. М.

Телегін Д.Я., 1971. Енеолітичні стели і пам'ятки нижньомихайлівського типу // Археологія. Вип. 4. Київ.

Телегин Д.Я. 1976. Об основных позициях в положении погребенных первобытной эпохи Европейской части СССР // Энеолит и бронзовый век Украины. Киев.

Телегин Д.Я. 1987. Культурна належність і датування випростаних енеолітичних поховань Степового Подніпров'я // Археологія. Вип. 60. Київ.

Трифонов В.А., 1991. Степное Прикубанье в эпоху энеолита – средней бронзы (периодизация) // Древние культуры Прикубанья. Л.

Трифонов В.А., 1996. Репинская культура и процесс сложения ямной культурно-исторической общности // Древности Волго-Донских степей в системе восточноевропейского бронзового века. Волгоград.

Турецкий М.А., 1992. Из истории изучения памятников раннего и среднего бронзового веков Заволжья // Древняя история населения Волго-Уральских степей. Оренбург.

Формозов А.А., 1995. Русские археологи до и после революции. М.

Хлопин И.Н., 1990. Закаспийские корни катакомбной культуры // Проблемы древней истории Северного Причерноморья и Средней Азии (эпоха бронзы и раннего железа). Тез.докл. Л.

Чернопицкий М.П., 1989. Отчет об археологических исследованиях в Кашарском районе Ростовской области в 1988 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 13105, 13106.

Шапошникова О.Г., 1985. Памятники нижнемихайловского типа // Археология Украинской ССР. Т. 1. Киев.

Шапошникова О.Г., Фоменко В.Н., Довженко Н.Д., 1986. Ямная культурно-историческая область (южнобугский вариант) // САИ. Вып. В1–3. Киев.

Шилов В.П., 1991. Проблема происхождения ямной культуры Нижнего Поволжья // Проблемы культур начального этапа эпохи поздней бронзы Волго-Уралья. Тез. 2-х Рыковских чтений. Саратов.

Шилов Ю.А., 1995. Прародина ариев. Киев.

Шишлина Н.И., 1997. Стратиграфия, хронология и культурная принадлежность кургана 1 могильника Зунда-Толга // Степь и Кавказ (культурные традиции) // Тр. ГИМ. Вып. 97.

Щепинский А.А., 1972. Кримська охоронно-археологічна експедиция 1969 року // Археологічни дослидження на Украіні в 1969 року. Вип. IV. Київ.

Gimbutas M., 1956. The Prehistory of Eastern Europe. Cambridge, Massachusets.

Институт археологии РАН,
Москва

A.N. GEY

SOME PROBLEMS RELATED TO THE STUDY OF THE BRONZE AGE IN THE SOUTH OF EUROPEAN RUSSIA

Summary

The paper is an attempt to evaluate the current status of the so called Bronze Age "kurgan" cultures of the steppe and forest-steppe zones of European Russia. Salvage excavations conducted in the 1970s and 1980s created an unprecedented fund of sources. Many thousands of kurgans containing dozens of thousands of burials dating to the Eneolithic – Bronze Age located in the territory of modern Russia, Ukraine, Moldavia were studied. Informational possibilities of this fund are practically not in spite of many hundreds of papers, though it is right now when the scope of field works is being reduced that possibilities to liquidate this backlog appear.

A review of one of the most important investigation areas in the Russian science, i.e. the study of processes related to ethnocultural history and ethnocultural genesis reveals that many traditional concepts are to be significantly adjusted. For example, the author describes issues related to the identification of a specific herding community taht dates to the end of the 4th – the beginning of the 3d millenium BC that includes sites attributed to a whole nimber of cultures right now (the Pro-Usatovo culture, the Usatovo culture, the Nishnemikhailovka culture, the Novosvobodnaya culture; etc.). Another issue is related to the isolation of various ethnocultural groups and lines that are elements of the Pit grave cultural and historical community, first of all, the isolation of the so called "wagon burial cultures" from the Pit-grave site. The third issue deals with a problem of zoning and interrelations between the steppe and forest-steppe cultures (the Pit-grave, the Catacomb, the post-Mariupol, the Repino, the Middle Dnieper cultures).

It is impossible to understand these and many other issues nowadays without resolving the problem of the isolation of regional research schools and without involving modern informational technologies. One of the proposed ways is to set up a system of interconnected computer databases of a hierarchic type. The work in this area is being conducted in the Institute of Archaeology of the Russian Academy of Science.

Л.И. АВИЛОВА, Е.В. АНТОНОВА, Т.О. ТЕНЕЙШВИЛИ

МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЕ ПРОИЗВОДСТВО В ЮЖНОЙ ЗОНЕ ЦИРКУМПОНТИЙСКОЙ МЕТАЛЛУРГИЧЕСКОЙ ПРОВИНЦИИ В ЭПОХУ РАННЕЙ БРОНЗЫ

Работа над древним металлом Западной Азии и Кавказа была предпринята как часть исследований Циркумпонтийской металлургической провинции (ЦМП), в течение ряда лет ведущихся в Лаборатории естественнонаучных методов Института археологии РАН. Концепция существования крупных металлургических историко-культурных и технологических систем древности начала формулироваться Е.Н. Черных в начале 1970-х годов (Chernykh E.N., 1971). Первоначально гипотеза была представлена в русле дискуссий о моно- или полицентричном становлении древней металлургии на примере центральной географической зоны Старого Света, получившей название Циркумпонтийской зоны, в которой выделялось три стадии развития древнейшей металлургии. Каждая из них отличалась от предыдущей увеличением территориального охвата областей, вовлеченных в металлургическое либо металлообрабатывающее производство. Накопившийся к началу 1970-х годов материал по металлическим изделиям различных эпох с территории Советского Союза и некоторых сопредельных государств в сочетании с исследованиями древних рудников Кавказа, Урала, Средней Азии и Болгарии позволили Е.Н. Черных оформить концепцию металлургических провинций и наметить историю развития древнейшей металлургии СССР в системе подобных историко-металлургических подразделений (Черных Е.Н., 1976).

Содержание концепции сводится к следующему: "Географическая зона, совершенно не обязательно однородная в экологическом смысле, может стать тем пространством, где разнообразные культуры объединяются в систему, нередко именующуюся культурно-политической провинцией", причем ярче всего объединение проявляется в стереотипах металлургического производства. Итак, металлургические провинции – это "... системы родственных очагов металлургии и металообработки, укладывающихся в определенные географические и хронологические рамки..." (Черных Е.Н., 1976, с. 61). Изучение закономерностей развития этих систем становится центральной темой историко-металлургических работ исследовательской группы, среди которых работы по ЦМП – основной системе раннего и среднего бронзовых веков – разрабатываются наиболее подробно. Еще в процессе формулировки проблематики ЦМП было высказано предположение о вероятном вхождении в нее Анатолии, Западного Ирана и некоторых других территорий Восточного Средиземноморья и Ближнего Востока, а также необходимость определения южных границ системы (Черных Е.Н., 1974, с. 386). Было проведено детальное изучение древнего металла Анатолии, Северного Кавказа и Закавказья (Авилова Л.И., Черных Е.Н., 1989; Chernykh E.N. et al., 1991). Позднее сходная работа была проделана для Месопотамии (Авилова Л.И., 1996) и Суз.

В ходе исследований южной части ЦМП (Месопотамия, Сузиана, Анатолия, Левант, Кавказ) возник ряд вопросов как конкретного, так и теоретического характера, касающихся ранней стадии существования провинции – эпохи раннего бронзового века (РБВ). Им посвящена настоящая работа. Данные по среднему бронзовому веку (СБВ)

Исследование проводится при поддержке РФФИ, грант № 96-06-80136.

© Л.И. Авилова, Е.В. Антонова, Т.О. Тенейшвили, 1999 г.

Таблица 1

Синхронизация некоторых памятников южной зоны ЦМП

Месопотамия	Сузы	Палестина	Библ	Угарит	Амук	Анатолия	Закавказье	Северный Кавказ	Период	Датировка
			IX		L	Троя VI			ПБВ	1900/1700 гг. до н.э.
Хаммурапи										
Исин-Ларса			VIII		K		Триалети			
Ур 3	V	СБВ	VII	IIIA3		Кюльтепе				
Аккад	IV B (8–7)	РБВ/СБВ		IIIA2	J	Арслантепе VID				
		РБВ 3			I					
РД 3				III A1	H	Аладжа R. Cem.				
		РБВ 2								
	IV A (12–9)									
РД 2					G	Троя III				
							Сачхере, Бедени, Марткопи	Великент		
	III B–C (18–15)	РБВ 1	VI	Хиатус		Троя II				
РД 1							Посткуро-аракс		СБВ	2800/2600 гг. до н.э.
Джемдет Наср	III A (16–14)	П. Халколит (Гхассул	V	III B	F	Троя I	Куро-аракс	Новосвободная		
	II (22–17)	Беершева)	IV			Арслантепе VI A				
Урук	II (6–1)	Халколит	III			Арслантепе VII		Майкоп	РБВ	3800/3700 гг. до н.э.
Убейд 4	I (27–23)		II	III C	E	Бейджесултан 28–24				
Убейд 3	I (11–7)									
Убейд 2				IV A						
Убейд 1				IV B	D				МВ	4500 гг. до н.э.

будут привлекаться в некоторых случаях для сравнений. Вся приводимая цифровая информация почерпнута из компьютерных баз данных, создаваемых по отдельным регионам в течение последних 10 лет в Лаборатории естественнонаучных методов ИА РАН. На сегодняшний день региональные базы по южной зоне ЦМП содержат сведения о 75 700 находках металлических вещей (в том числе и негативов на литейных формах), из которых к эпохе РБВ относится 11 200.

Концепция металлургических провинций представляется плодотворной; она находится в русле современных метакультурных исследований, позволяя выходить на построение макросистем "Мировая/мировые система/системы бронзового века Западной Азии" (Kohl P.L., 1989, p. 231). Однако при исследовании, основанном на большом объеме технической и цифровой информации, необходимо "наложить" ее на историко-культурный фон данного региона, чтобы не утратить связь с историческим, социальным и культурным контекстами.

За основу хронологии нами принята историко-металлургическая схема, являющаяся гораздо менее детальной, чем построения, сделанные, скажем, на основании изучения керамического материала. Она базируется на таких технологических показателях, как массовое употребление тех или иных сплавов на медной основе, применение стандартизованных способов литья и распространение морфологически выразительных типов инвентаря (Chernykh E.N. et al., 1991). Природа металлических изделий такова, что их морфология и рецептура не подвержены столь быстрым и выразительным изменениям, как керамика, число металлических находок несравнимо меньше. Поэтому эволюцию металла можно и нужно прослеживать в достаточно широких временны́х рамках. Это дает возможность рассмотреть особенности металлического инвентаря на фоне крупных хронологических периодов, наполненных важнейшими историческими, культурными и социальными явлениями, – таких, как избранный период РБВ. Конкретные исторические и археологические эпохи, включаемые в понятия РБВ и СБВ, отражены в табл. 1.

Исследования металлургии древности включают разнообразные проблемы. Среди них – причины ее освоения и история начальных этапов; проблема поступления металлов в районы, бедные рудными месторождениями; способы доставки сырья примитивными транспортными средствами; отношения между развитыми государственными образованиями и менее развитой в социально-экономическом отношении "периферией", связанные с использованием металлов, и многие другие. В последние десятилетия эти вопросы особенно детально изучались на материале Нижней Месопотамии и соседних с ней регионов. Нижняя Месопотамия – область зарождения одной из первых мировых цивилизаций – представляется районом, особенно важным и перспективным для рассмотрения указанных проблем, касающихся всей южной зоны ЦМП. В таком ключе кажется полезным рассмотреть особенности использования основных компонентов сплавов на медной основе и некоторых металлов в исследуемом регионе, выявленные путем анализа баз данных по металлическим находкам из южной зоны ЦМП. Они достаточно наглядно отражают взаимосвязи отдельных регионов с точки зрения уровня социального и культурного развития и технологических навыков, обмена знаниями в области таких передовых отраслей производства, как горное дело и металлургия.

Подчеркнем, что только с середины IV тыс. до н.э., т.е. с урукского периода, мы имеем дело с металлургией в подлинном смысле слова, а не с отдельными опытами изготовления металлических предметов, известными гораздо ранее на достаточно широкой территории Ближнего Востока. В это время появляется широкий и в целом стабильный морфологически репертуар изделий, среди которых весьма знаменательно оружие. Наличие целого спектра примесей в металле свидетельствует о продвинутой технологии металлургии, использовании различных медных руд, в том числе сульфидных, а также новых металлов – золота (Tobler A.J., 1950), серебра и свинца (Woolley C.L., 1955). Развитие ремесла в этот период также отмечено новыми явлениями, поскольку уровень технологии предполагает значительную специализацию

Таблица 2

Сравнение данных по южным регионам ЦМП

Регион	"Чистая" Cu, %	Cu + As, %	Всего анализов
Анатолия	17	75	199
Месопотамия	38	25	8
Левант	40	59	90
Сузы	–	100	30
Северный Кавказ	2	98	240
Закавказье	2	91	148

производителей металла (Wertime T.A., 1964). Из наиболее выразительных комплексов интересующего нас периода упомянем клад из постройки храмового типа в Арслантепе VI (конец IV тыс. до н.э.), состоящий из 12 черенковых копий и 9 мечей с цельнолитыми рукоятями и серебряной инкрустацией, изготовленных из мышьяковой бронзы (Palmieri A.M., 1981). Найденные мечи являются наиболее ранними представителями этого вида оружия. К тому же хронологическому горизонту относится уникальный клад из 416 металлических предметов (наверший, "корон", булав, тесел) из пещеры Нахаль Мишмар и комплекс из 8 золотых слитков в пещерном погребении Нахаль Кана в Палестине (Bar Adon P., 1980; Gopher A. et al., 1990). Несмотря на окраинное географическое положение, и эти комплексы демонстрируют весь спектр достижений металлургии РБВ. Здесь важно географическое положение Гхассульской культуры с ее близостью к богатейшим источникам меди (Тимна, Фейнан) и многочисленными остатками металлургической деятельности (Perrot J., 1955).

Эти и другие находки дают представление о весьма значительном и быстром росте металлургии на обширных территориях Ближнего Востока во второй половине IV тыс. до н.э. Невозможно вести речь о металлургии, не выделяя технологического аспекта исследований. Важнейшим достижением является овладение технологией производства сплавов на медной основе. Широкое распространение мышьяковых бронз стало фактором, надолго определившим направление дальнейшего развития древней металлургии.

Мышьяк. Примесь этого элемента значительно улучшает свойства металла по сравнению с чистой медью – такая бронза обладает высокой текучестью, ковкостью и твердостью. В РБВ основным сплавом на медной основе являлись мышьяковые бронзы (по зарубежной терминологии, мышьяковая медь при концентрации As ниже 1%). Нужно отметить, что безошибочно отличить в одном конкретном случае целенаправленно изготовленный искусственный сплав меди с мышьяком от природного практически невозможно, так как даже в самородной меди доля мышьяка может достигать 20%. В давнем споре исследователей об искусственной или естественной природе примеси мышьяка мы разделяем мнение Е.Н. Черных, доказавшего искусственный характер сплава на основе статистической обработки данных химического анализа материалов Восточной Европы: содержание As зависит от функции изделия, при этом орудия и оружие имеют до 5, а украшения – до 20% As (Черных Е.Н., 1966, с. 43). Выход заключается в статистической обработке больших массивов материала, когда четко выделяются группы металлических изделий с различными концентрациями той или иной примеси. Этому условию абсолютно удовлетворяют создание и обработка компьютерных баз данных. В результате многолетних исследований в рамках лаборатории было установлено, что границей концентрации, выше которой начинаются искусственные сплавы, для мышьяка является обычно 0,5%. Образцы с более высоким содержанием относятся к искусственным мышьяковым бронзам.

Сравнение данных по южным регионам ЦМП отражает колебания в удельном весе мышьяковых бронз в массиве проанализированного материала РБВ (см. табл. 2). Единственный регион с низким показателем по этому признаку – Месопотамия, но количество известных нам анализов РБВ здесь весьма мало, почему эта цифра не

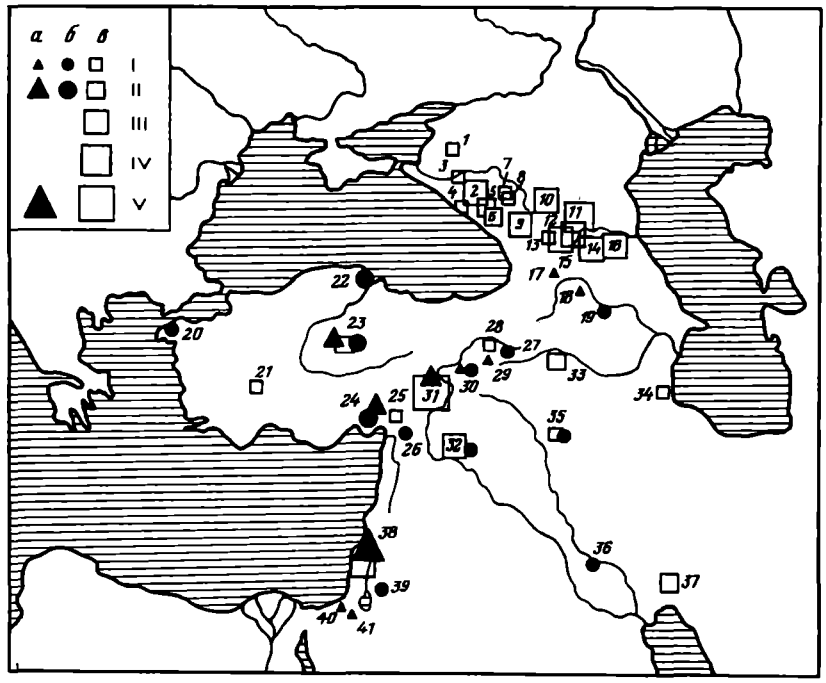


Рис. 1. Распространение бронзовых изделий с примесями олова, никеля и сурьмы на памятниках эпохи ранней бронзы в южной зоне ЦМП. *а* – Cu + Sb; *б* – Cu + Sn; *в* – Cu + Ni. I – 1 находка; II – 2–3 находки; III – 4–10 находок; IV – 11–30 находок; V – > 30 находок

1 – Тимашевская; *2* – Майкоп; *3* – Штурбино; *4* – Апшеронская; *5* – Новосвободная; *6* – Костромская; *7* – Веселый; *8* – Андрюковская; *9* – аул Кубина; *10* – Иноземцево; *11* – Кишпек; *12* – Чегем 2; *13* – Лечинкай; *14* – Чегем 1; *15* – Нальчик; *16* – Бамут; *17* – Квацхелеби; *18* – Дзагина; *19* – Баба-Дервиш; *20* – Троя; *21* – Бейджесултан; 22 – Икизтепе; *23* – Алишар; *24* – Мерсин; *25* – Тарс; *26* – Амук; *27* – Гюзелова; *28* – Пулур; *29* – Норшунтепе; *30* – Тепеджик; *31* – Арслантепе; *32* – Хассек Хейюк; *33* – Игдырь; *34* – Астара; *35* – Тепе Гавра; *36* – Джемдет Наср; *37* – Сузы; *38* – Нахаль Мишмар; *39* – Телейлат Гхассул; *40* – Абу Матар; *41* – Шикмим

показательна. As-бронзы наиболее полно характеризуют начальную стадию развития металлургии (середина IV – начало III тыс. до н.э.) и остаются статистически ведущим сплавом в течение III тыс. до н.э., когда постепенно распространяются оловянные бронзы. Лишь к началу II тыс. до н.э. доля мышьяковых сплавов резко уменьшается в большинстве регионов (Frangipane M., 1985).

Олово. Данные об оловянной бронзе более скудны. Единичные случаи употребления этого сплава фиксируются достаточно рано (рис. 1). Это две находки в Месопотамии – булавка времени Джемдет Насра из слоя 8 Гавры с 5,62% Sn (Speiser E.A., 1935, p. 102) и тесло из самого Джемдет Насра (Moorey P.R.S., Schweizer F., 1972). В РБВ Анатолии известно 12 находок Sn-бронз из 199 ан. (Esin U., 1969). В Леванте такой случай один из 90 ан. – тесло из слоя 4 Телейлат Гхассула с 7% Sn (Mallon A. et al., 1934, p. 34). Спорадические находки Sn-бронз известны и в Закавказье (Баба-Дервиш: Исмаилов Г.С., 1978). Систематическое использование олова для изготовления бронзы фиксируется в первой половине III тыс. до н.э., в частности в некрополе Y Киша (Moorey P.R.S., 1994, p. 298). Несколько позже оно используется для пайки серебра, меди и золота (Ур, Троя) (Craddock P.T., 1984, p. 7–9).

Олово не встречается в природе в металлической форме, оно известно в виде окислов (касситерит) либо – реже – сульфидов. Касситериты встречаются в виде жил и аллювиальных россыпей зерен или галек, распознаваемых только по весу (но не по внешнему виду). Такие россыпи могли быть открыты в ходе добычи аллювиального золота (Lucas A., 1962, p. 255). Геологически наиболее вероятна доставка олова в Месопотамию и Анатолию с территории современного Афганистана, богатого место-

рождениями касситеритов. Эта точка зрения широко распространена в литературе (см. обзор: Moorey P.R.S., 1994, p. 298–300).

Источники олова упоминаются в древних текстах начиная с III тыс. до н.э.: страны Дильмун, Мелухха, Маган, Аратта. Это, в частности, "оловянные горы" шумерских текстов, расположенные на восток от Месопотамии. Некоторые из этих источников локализуются на южных берегах Персидского залива (Moorey P.R.S., 1994). В Мари в начале II тыс. до н.э. существовала хорошо организованная доставка олова из Сузианы. В архивах Мари описывается экспорт олова из Месопотамии в Ливан через Сирию. Получателями "месопотамского" олова названы города Алеппо, Катна, Хазор, Лахиш (Gerstenblith P., 1983, p. 96).

Богатые месторождения олова существуют на территории Средней Азии, хотя их использование датируется более поздним временем (железный век). Однако нельзя исключать их эксплуатацию для более ранних периодов, тем более что торговый путь из Бадахшана, по которому доставлялся лазурит в Месопотамию и иные регионы, был известен в III тыс. до н.э. и даже ранее.

Недавно открыты следы добычи оловосодержащих руд на южных склонах Тавра (Болкардаг, Кестель) периода EBA 3 (СБВ), а также близлежащее поселение Гёльтепе со следами обработки руды, плавления и литья (Yener K.A., Ozbal H., 1987). Но поскольку руды здесь полиметаллические, многие считают, что они разрабатывались как источник золота, свинца и серебра (Muhly J.D., 1991). Этот пункт интересен тем, что территориально близок к Сирии и имеет с ней давние культурные связи. В 1930-х годах существовало мнение о наличии месторождений олова на севере Ханаана, но оно опровергается таким специалистом по древней металлургии, как Форбс (Forbes R.J., 1950, p. 255, 301). Высказывались мнения о возможности поступления олова в Ханаан и далее в Египет из Анатолии или Месопотамии, особенно во II тыс. до н.э. (Guy P.L.O., Engeberg R.M., 1938, p. 161; Ward W.A., 1961, p. 35). Разнообразие взглядов по этому поводу объясняется тем, что точно локализовать источники поступления олова в Западную Азию сегодня не удается.

Никель. Интригующий вопрос о происхождении мышьяково-никелевого сплава стал уже классическим для древней металлургии Ближнего Востока. Никель более 100 лет назад был открыт в майкопских бронзах (Ni – 14%, As – 12%) (Virchow R., 1891, S. 354–359). Высоконикелевые бронзы (до 10% Ni) известны в Амуке F (Braidwood R.J., Braidwood L.S., 1960) (это старые несопоставимые данные полуколичественного анализа, но важно то, что зафиксирована серия из 11 таких предметов в урукскую эпоху).

За границу, отделяющую высоконикелевые бронзы, нами принимается содержание Ni 0,3%, статистически обоснованное Е.Н. Черных для анализов так называемой первой майкопской группы (Черных Е.Н., 1966, с. 38, 39).

В последнее время открыты значительные серии подобных сплавов в ряде памятников Месопотамии. Это Хассек Хейюк – 37 предм. (Schmitt-Strecker S. et al., 1989). Институт Макса Планка и Институт до- и протоистории провели исследование 900 предметов из Ура из коллекции Британского музея. Отмечены концентрации Ni до 5,9%. Сходны и данные проекта по исследованию месопотамского металла Пенсильванского университета: в Уре до 15% анализов дали содержание Ni выше 2%. Не совсем ясно, к каким периодам относятся эти данные; скорее всего, приведены суммарно сведения по РБВ и СБВ (Moorey P.R.S., 1994).

Известны подобные находки и в Анатолии: их более 20 в Арслантепе VII и VIA, в Алишаре I их 2, в Бейджесултане 16 такой предмет один, как и в РБВ Тарса и Пулура. В Сузах среди материалов РБВ и СБВ зафиксирована очень частая встречаемость высоконикелевого сплава (Tallon F., 1987) – до половины анализов. Наконец, известно девять образцов высоконикелевых бронз (до 8,6% Ni) в составе интереснейшего клада Нахаль Мишмар из Палестины (Tadmor M. et al., 1995) (рис. 1).

Подобный высокообогащенный сплав меди с никелем и мышьяком весьма трудно получить из сульфидных руд обычным путем (в ходе восстановительного процесса).

Однако известны руды с низким содержанием серы и примесями Ni и As. Это месторождения Талмесси и Мескани в районе Анарака на Иранском плато. Заманчиво предположить, что именно они являются источником столь широко распространенного характерного сплава, который хорошо известен в РБВ и продолжает использоваться в СБВ. Тем более, что свинцово-изотопный анализ показал, что состав их руд близок составу металла одной из булав Нахаль Мишмара. Но имеются и некоторые факты, заставляющие относиться к этому предположению с осторожностью. Так, в частности, в Тепе Гавра такой образец только один из 118 проанализированных (тесло из слоя 11), в то время как территориально памятник близок именно к западному Ирану.

Сурьма. Совершенно неожиданной особенностью раннебронзовой металлургии Леванта является наличие в регионе редчайшего сплава меди с сурьмой (чаще всего это трехкомпонентный сплав Cu + As + Sb), причем содержание Sb колеблется от 1 до 25%. В целом высокосурьмяных образцов в РБВ Палестины 33, представлены они в основном в кладе Нахаль Мишмар, но не только. Этот редчайший сплав на всем Ближнем Востоке для периодов халколита – РБВ встречен еще в Шикмиме и Абу Матаре (Shalev S., Northover J.P., 1987, p. 357–371).

Сочетание сурьмы с мышьяком возможно получить только при плавке смеси руд – одной с высоким содержанием Sb и As и другой, очень чистой, как в расположенном неподалеку месторождении Фейнан (Hauptmann A., 1992). Иначе говоря, нужна смесь руд либо из одного, либо из разных геологических районов, но с разным составом. Свинцово-изотопный анализ показал, что обе эти возможности одинаково вероятны, важен сильно варьирующий показатель содержания Sb и As. Сейчас район происхождения данного сплава точно указать невозможно; наиболее вероятно использование сульфидных руд с присутствием никелесодержащих минералов. Таких руд нет в Фейнане и Тимне, на Синае и вообще в Леванте (Tadmor M. et al., 1995, p. 140).

Единичные изделия из бронзы с примесью Sb (до 1%) и As найдены в Норшунтепе (Zwicker U., 1980, p. 13–26). Есть они и в Арслантепе (Palmieri A.M. et al., 1993, p. 573–599), в Мерсине, Алишаре (рис. 1). Сходен и свинцово-изотопный состав этих изделий. Это не могли быть руды из Эргани Маден, месторождения, близкого к упомянутым памятникам. Зато руды с высоким и значительно варьирующим содержанием сурьмы известны на южных склонах Большого Кавказа: в частности, в Горной Раче фиксируется высокая концентрация Sb и As (Абесадзе Ц.Н., 1969). Однако использование кавказских руд датируется более поздним периодом, в основном эпохой СБВ. Свинцово-изотопная характеристика этих бронз также сходна с изделиями из Нахаль Мишмар. Предполагается, что руду с подобными характеристиками следует искать в Северо-Западном Иране и Азербайджане (Tadmor M. et al., 1995, p. 141).

Свинец. Интереснейшей особенностью раннебронзовой металлургии Месопотамии является использование свинца как самостоятельного металла. Благодаря своей пластичности он применялся для изготовления сосудов. Так, в некрополе Ура периода Джемдет Наср найдено 38 (!) свинцовых сосудов (Woolley C.L., 1955, pl. 69). В Сузах в погребениях и на акрополе также найдено шесть сосудов (Tallon F., 1987). В Закавказье известно четыре находки мелких украшений. В других регионах ЦМП свинец в памятниках РБВ очень редок (рис. 2). Он мог появиться вначале как побочный продукт переработки серебряных руд определенного состава, с высоким содержанием Pb. Таких руд много в Анатолии, в особенности в районе Кебана. Они вполне могли послужить источником серебра и одновременно свинца для Месопотамии и Сузианы.

Драгоценные металлы. Использование драгоценных металлов в южной части ЦМП фиксируется начиная с РБВ, они распространены по регионам неравномерно во времени и пространстве (Chernykh E.N., 1991) (рис. 2).

Огромная масса находок из драгоценных металлов обнаружена на Северном Кавказе (памятники Майкопского круга). Здесь найдено около 7400 золотых и около 1000 серебряных изделий (Пиотровский Ю.Ю., 1996). В основном это бусы, но есть и крупные предметы (сосуды). Многие из них отличаются высокохудожественной манерой исполнения. Интересно, что в последующий период СБВ находок из драгоценных

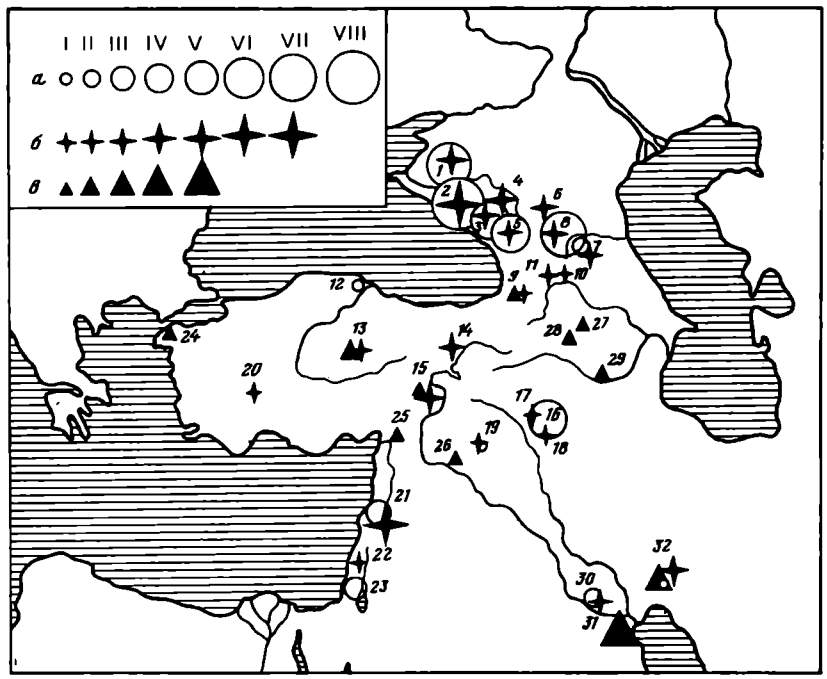


Рис. 2. Распространение изделий из золота, серебра и свинца на памятниках эпохи ранней бронзы в южной зоне ЦМП.

а – золото; *б* – серебро; *в* – свинец. I – 1 находка; II – 2–3 находки; III – 4–10 находок; IV – 11–30 находок; V – 31–100 находок; VI – 101–300 находок; VII – 301–1000 находок; VIII – > 1000 находок.

1 – Старомышастовская; *2* – Майкоп; *3* – Новосвободная; *4* – Андрюковская; *5* – Псебайская; *6* – Иноземцево; *7* – Чегем; *8* – Нальчик; *9* – Амиранисгора; *10* – Урбниси; *11* – Квацхелеби; *12* – Икизтепе; *13* – Алишар; *14* – Коруджутепе; *15* – Арслантепе; *16* – Тепе Гавра; *17* – Телль Билла; *18* – Ниневия; *19* – Телль Брак; *20* – Бейджесултан; *21* – Библ; *22* – Телль Фара; *23* – Нахаль Кана; *24* – Троя; *25* – Амук; *26* – Хассек Хейюк; *27* – Лчашен; *28* – Гарни; *29* – Кюльтепе; *30* – Урук; *31* – Ур; *32* – Сузы

металлов здесь практически нет. Наоборот, в Закавказье в РБВ драгоценные металлы почти отсутствуют, известно семь серебряных изделий из памятников кураараксской культуры, но они в большом количестве появляются в СБВ в памятниках типа Триалети. В Анатолии ситуация такая же: если для РБВ известны 1 золотая и 14 серебряных находок, то в СБВ этот регион насыщен золотом – нами учтено более 32 000 (!) драгоценных изделий с подавляющим преобладанием золота над серебром.

Северная Месопотамия эпохи РБВ входит в число регионов, давших значительные коллекции драгоценных изделий: в могильнике Гавры (слои XI–VIII, Урук – Джемдет Наср) обнаружено 262 золотых предмета, в Уре – всего 4 серебряных. Мощный взлет производства драгоценных предметов фиксируется на юге Месопотамии в следующем периоде: только по могильнику Ура времени РД 1–3 и Аккадского учтено около 11 500 изделий. В Сузах РБВ золото и серебро известны, хотя и немногочисленны – соответственно 1 и 10 находок, в СБВ их число увеличивается приблизительно в 100 раз.

На территории Леванта также имеется серия драгоценных находок РБВ: учтено 18 золотых и 151 серебряное изделие. Особо нужно отметить интереснейший комплекс Нахаль Кана из Самарии (Израиль), где в пещерном некрополе найдено восемь золотых кольцевидных слитков стандартного веса и размера со следами усадки металла в форме. Это свидетельствует о том, что перед нами – товарные слитки, а не украшения – случай, уникальный для данного времени (Gopher A. et al., 1990). Значительная серия серебряных предметов найдена в могильнике Библа (151 находка) – это небольшие украшения, в основном кольца-серьги в 1–1,5 оборота. Там же найдено 10 золотых украшений. Концентрация изделий из драгоценных металлов напоминает синхронные погребальные комплексы других территорий (Гавра, Майкоп), разница состоит в том, что в Библе количественно абсолютно преобладает серебро, а худо-

жественный уровень изделий заметно ниже, это простые по форме вещи. Несмотря на то что серебро найдено только в одном пункте, а золото в двух, нужно отнести территорию Финикии и Палестины к регионам, где драгоценные металлы применялись с древнейших времен – по крайней мере с середины IV тыс. до н.э. В последующий период на территории Леванта фиксируется рост использования драгоценных металлов: учтено 800 золотых и 120 серебряных предметов.

Богатые источники серебра, разрабатывавшиеся в древности, находятся в Анатолии, здесь широко распространены свинцово-серебряные руды, в особенности на севере и юге. В аккадских текстах горы Тавра фигурируют как "серебряные"; в качестве поставщиков серебра в шумерских текстах упоминаются также страны Аратта (возможно, в глубинных районах Ирана), Мархаши к востоку от р. Диялы, Мелухха на нижнем Инде, Дильмун (совр. Бахрейн) и Маган (западный берег Персидского залива) (Moorey P.R.S., 1994, p. 234, 235). Поскольку серии изделий из серебра и свинца есть в Уре и Сузах периода Джемдет Наср, ясно, что руды такого состава использовались уже в IV тыс. до н.э. Имеются веские основания полагать, что анатолийское серебро доставлялось в это время не только в Шумер по Евфрату, но и в порт Библ и далее в Египет (Stech T., Pigott V.C., 1986, p. 50, 51).

Источников золота в древности было много, так как добывалось в основном широко распространенное аллювиальное золото. До сих пор золотоносными являются реки Джейхан и Сейхан в Киликии – регионе, имеющем весьма древние связи с Сирией и Финикией. В Библии упоминается золотоносная река: "Имя той реки Фисон, она обтекает всю землю Хавила, ту, где золото, и золото той земли хорошее". Река эта течет из рая (Быт. II, 11, 12). Добыча золота из кварцитовых жил также имела место. Шумерские и аккадские тексты упоминают в качестве источников золота те же страны Мелухха и Аратта, а также горные страны Хаххум и Су, локализуемые соответственно на Верхнем Евфрате и в Западном Иране (Moorey P.R.S., 1994, p. 220).

Эпоха РБВ в Западной Азии характеризуется важнейшими открытиями древних металлургов, выразившихся как в достаточно широком вхождении металла в жизнь древнего населения, т.е. в количественном росте его производства и морфологическом разнообразии изделий, так и в крупнейших открытиях в области технологии сплавов. Раннебронзовая металлургия южной зоны ЦМП в целом может быть охарактеризована как металлургия медно-мышьяковых сплавов. В массовое употребление вводятся и драгоценные металлы – золото и серебро, а также свинец. Значительные коллекции металлических изделий, в том числе из драгоценных металлов, известны в это время во всех южных регионах ЦМП (Северный Кавказ – Майкоп, Северная Месопотамия – Гавра, Юго-Западный Иран – Сузы, Левант – Библ). Этот факт параллельно с использованием металла в качестве погребального инвентаря предполагает его важную роль как знака общественного статуса, престижа. О том же свидетельствует и морфология изделий: парадное оружие, навершия, "короны", украшения из драгоценных металлов. В связи с этим еще раз подчеркнем появление стандартных золотых слитков в Нахаль Кане, что свидетельствует о весьма развитых для столь раннего времени обменных отношениях.

Кажется несомненным, что подобный взлет тесно связан с феноменом урукской цивилизации, поскольку он, во-первых, соответствует ее высоким стандартам в производственной, культурной и социальной областях и, во-вторых, географически в общем укладывается в рамки территории, либо непосредственно занятой урукской культурой, либо затронутой ее воздействием, в том числе и так называемой экспансией (рис. 3).

В частности, особый интерес представляет феномен Майкопской культуры на Северном Кавказе, целые пласты в материальной культуре которого (в особенности металлический инвентарь, торевтика, а также керамика и поделочные камни) имеют выраженные черты ближневосточной цивилизации типа позднего халколита Восточной Анатолии (Арслантепе VII) и Урука, как морфологические и стилевые (Андреева М.В., 1977), так и относящиеся к производству и функционированию металлов. Остается неясным механизм формирования данной общности смешанного типа, хотя

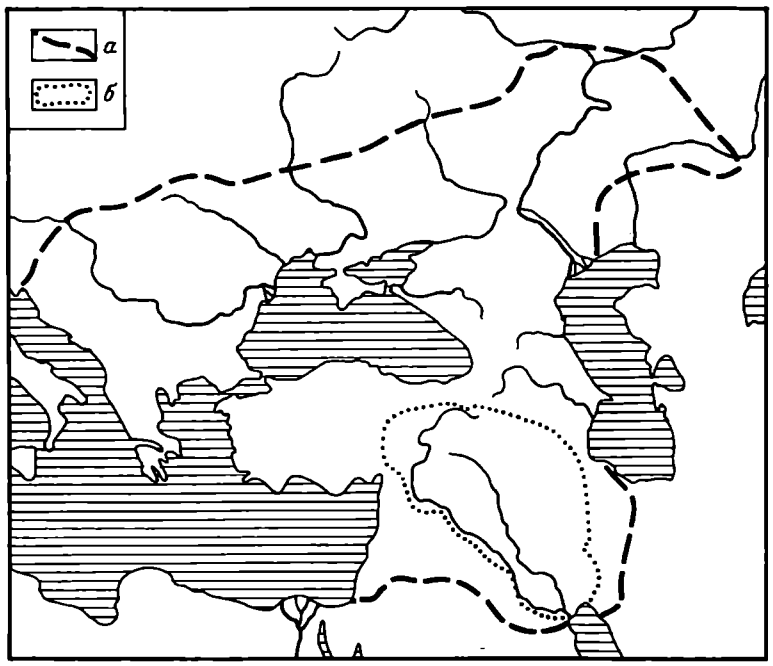


Рис. 3. Территория, охваченная "урукской экспансией". *а* – границы ЦМП в эпоху РБВ; *б* – "урукская экспансия"

бесспорны ее изолированный характер и бесследное растворение в последующий период в массе северо-кавказских культур.

Несомненно также, что наблюдается морфологическая общность металлического инвентаря рассмотренных территорий. Своеобразие южной зоны ЦМП периода РБВ заключается, в частности, в широком распространении таких категорий оружия, как черенковые копья (листовидные и штыковидные) и ножи-кинжалы, и весьма малом количестве втульчатых топоров.

Поскольку низменность между Тигром и Евфратом лишена рудных месторождений, то, вероятно, отдаленность источников металла привела к особенно бережному отношению к изделиям из них: в энеолите и РБВ металлические вещи редки в погребениях, в то время как в рудоносных районах в это время они – обычная составляющая погребального инвентаря. В Сузах, лежащих значительно ближе к горам с богатыми месторождениями, ситуация уже в V тыс. до н.э. была существенно иной: если убейдские памятники Месопотамии почти не дают металла, то в синхронном некрополе Суз найдены массивные медные предметы в форме тесел, возможно, игравшие роль знаков социального статуса (Hole F., 1983).

С XIX в. и до относительно недавнего времени в науке доминировало мнение, что освоение меди, а затем и олова было связано с практической необходимостью, в том числе с потребностями военного дела (Childe V.G., 1941, p. 133). Однако новые данные указывают на бóльшую сложность причин возникновения добычи и обработки металлов (Chernykh E.N., 1997). В частности, оказывается, что среди древнейших металлических вещей преобладают не орудия и оружие, а изделия, которые с известной долей условности можно именовать украшениями, а также знаками социального положения и/или престижа. Когда такие вещи изготовляли из меди, можно было предположить, что это результат недоступности драгоценных металлов или неразвитости технологии, придававших таким вещам ценность. Однако известны энеолитические культуры, где количество вещей из драгоценных металлов в погребениях превосходило количество вещей из меди (Гумельница-Караново VI-Варна).

Это заставляет с большим вниманием отнестись к феномену неутилитарности металлических изделий (в особенности древнейших) в интересующем нас регионе. При-

мечательно, что известный к настоящему моменту самый ранний медный предмет из близкого региона, пещеры Шанидар в Иракском Загросе, представляет собой медную подвеску (IX тыс. до н.э.) (Muhly J.D., 1980–1983, p. 350). Некоторые исследователи даже полагают, что металлические вещи начиная с урукского периода и до конца III тыс. до н.э. следует относить к категории престижных; ситуация меняется только с конца III тыс. до н.э., когда в погребения стали чаще класть оружие и орудия труда (Potts T., 1994, p. 144). П. Мури пишет, что в раскопках не известно ни одной мастерской для обработки меди и ни одного медного орудия до 2200 г. до н.э. (Moorey P.R.S., 1985, p. 36). Если металлообрабатывающих мастерских действительно известно ничтожно мало, но все же они есть, в частности на поселении Кестель в горах Тавра (середина III тыс. до н.э.) (Yener K.A., Ozbal H., 1987), то с тезисом относительно отсутствия ранних орудий нельзя согласиться: среди древнейшего материала есть шилья, рыболовные крючки и ножички (Чайоню Тепеси VIII–VII тыс. до н.э. – Çambel H., Braidwood R.J., 1980).

Эти данные позволяют предположить, что первотолчком к изготовлению металлических орудий было в первую очередь стремление создать вещи – знаки социально выдвинутых лиц или групп. Такие люди и группы существовали и в эгалитарных обществах, но с появлением систематических излишков благодаря развитию высокопродуктивного для своего времени производящего хозяйства тенденция к их выделению усиливается. Знаками социальной выдвинутости служат вещи или сооружения, выполненные с большой затратой труда, но в еще большей степени – произведения из редких, а значит, почти всегда привозных материалов. Получение их обеспечивалось обменом, охватывавшим обширные территории.

Исследователи архаичного обмена на далекие расстояния неоднократно обращали внимание на то, что его объектами выступали не предметы первой необходимости, а роскошные и престижные вещи. Стремление обладать ими служило интенсификации производства, получению все бóльших излишков. Некоторые авторы сейчас склонны считать, что обмен не полезными в утилитарном отношении объектами, а именно предметами роскоши или ритуальными ценностями мог играть решающую роль в превращении ранговых обществ в государственные (Tourtellot G., Sabloff J.A., 1972). Согласно более мягкому подходу, распределение доставлявшихся издалека предметов роскоши должно было воспроизводить уже сложившуюся систему рангов, статусов и административной организации в государствах (Kipp R.S., Schortman E.M., 1989, p. 371). Предметы роскоши оказываются в докапиталистических обществах "не менее важными, чем пища", поскольку служат средством "мобилизации энергии" (Schneider J., 1977, p. 23–27). Подобные идеи о значительной и даже решающей роли неутилитарного (иррационального) фактора в производстве высказывались и в отечественной историографии (Черных Е.Н., 1982).

Особой интенсификацией обмена отмечен поворотный момент в истории Месопотамии – урукский период, когда формируются древнейшие государства. К позднему Уруку относится явление, получившее название "урукская экспансия"; следы его заметны и в следующем периоде, Джемдет Насре. На огромной территории от Юго-Восточной Анатолии, Закавказья, Северной Сирии до горных районов Ирана и Сузианы обнаружены следы выходцев из Нижней Месопотамии. По интенсивности контактов эта эпоха сравнима в древности лишь с временем Ахеменидов (Potts T., 1994, p. 53). Свидетельства таких контактов – формы керамических сосудов, цилиндрические печати и их оттиски, глиняные таблички с числовыми знаками – средства учета и хранения продуктов обмена, постройки особого назначения. Эти вещи обнаружены на поселениях, находящихся на вероятных путях обмена и близ рудников. Так, небольшое количество керамики урукского облика найдено на поселениях в долинах на пути по Нижнему Забу, Адхейму, в долинах Махидашта, Шахдада и Кангавара, пересекающих древний Хоросанский путь. На юге Центрального Загроса и в Южном Загросе она встречена в долинах Шахри-Корд, на пути из Сузианы в центральную часть Иранского нагорья. Характерные урукские чаши со скошенным

венчиком найдены на поселениях по Тигру к югу от Сизре и по Бохтан-Су и Бохман-Су, в Арслантепе на равнине Малатьи, где проходят используемые в течение всего года пути с гор Тавра, с равнины Кайсери и из Центральной Анатолии.

Керамика урукского облика найдена на поселениях, обитатели которых занимались добычей руды и плавкой меди – Тепеджик и Норшунтепе. Многочисленные фрагменты чаш со скошенным венчиком и конических чаш найдены в Тепе-Габристане на равнине Казвина; отсюда, по Г. Альгазе, медь могли переправлять по Хоросанскому пути или по менее важному, шедшему на север Месопотамии через долину Солдуза и Нижнего Заба. Важным пунктом был Сиалк (слой 4), располагающийся неподалеку от Анарака и месторождения Веснове близ Кашана (Algaze G., 1989, p. 583–585). Особенно интенсивны были связи с Сузианой, которую рассматривают даже как провинцию "Большого Шумера", а сузианских торговцев – как "шумерских агентов", осуществлявших обмен с обитателями горных районов (Potts T., 1994, p. 73).

В урукское время не могла не возникнуть потребность в привозных материалах: сооружают и украшают храмы, существует элита, так или иначе связанная с храмовыми хозяйствами – центрами общественной жизни. Механизм обмена остается неясным практически во всех отношениях. По мнению Г. Альгазе, появление одномоментно возникших поселений в Сирии (Хабуба Кабира, Джебель Аруда), вне сомнения, построенных при широком участии выходцев из Нижней Месопотамии, не могло быть результатом действий частных "фирм, организованных по принципу родства", а только государства (Algaze G., 1989, p. 590). Он предполагает, что такими организаторами могли быть храм и дворец. Неясно, однако, что понимается под дворцом – подобные постройки этого времени не обнаружены. Тем не менее существование элиты не вызывает сомнений, и правомерно предположить, что она могла создавать "фирмы", организованные по родственному принципу и действовавшие отчасти (скорее всего, только отчасти) независимо от храма. Сохранившиеся документы именно храмовых хозяйств создают впечатление, что в это время обмен производился храмами-организаторами производства и распределения продуктов, в том числе и привозных. Известно, что в III–II тыс. до н.э. торговля осуществлялась не только храмами, но и дворцовыми хозяйствами и отдельными семьями. Если подобное происходило и в урукское время, масштабы обмена вне храмовых хозяйств вряд ли были большими.

Быть может, наследниками традиций обмена общин древних торговцев были "торговые дома" (bit mahrim) документов старовавилонского и староассирийского периодов (Дьяконов И.М., 1949, с. 19; 1959, с. 145; История древнего Востока, 1988, с. 46, сл.). В конечном счете, предположения об организации обмена вытекают из представлений о структуре общества, о сферах и степени самостоятельности его составляющих. Так, П. Амье считал урукское общество обществом разнообразия, лишенным жесткой организованности, где обменом могли заниматься отдельные общины. "Экспансия" могла быть следствием внутренних трудностей в эпоху формирования государства (Amiet P., 1986, p. 65, 66).

И все же, даже допуская возможность существования отдельных общин, занимавшихся обменом, приходится предположить, что в организации далеких обменных связей урукского периода храмы играли определяющую роль. Примечательно, что в представлениях самих шумеров обмен различным сырьем, в том числе металлами, вообще осуществлялся для строительства и украшения земных обителей богов (см., напр.: Энмеркар и правитель Аратты // Поэзия и проза древнего Востока. М., 1973). Вероятно, по крайней мере в пору существования древнейших государств, предметы роскоши, которыми обладала элита, рассматривались как необходимые именно благодаря близости ее представителей храмам или особо почитавшимся предкам.

Г. Альгазе, вокруг статьи которого на страницах "Current Anthropology" возникла полемика, наметил не только торговые пути, но и попытался классифицировать поселения, расположенные на них. Памятники, где было обнаружено относительно немного урукских вещей, он определил как стоянки (stations) и заставы (outposts). Площадь

стоянок небольшая – 1–2 га, но на них могли быть и оборонительные сооружения, и здания особого назначения, быть может административные (судя по их стандартной планировке и декору). Такие стоянки располагались на Севере Месопотамии и в Сирии.

Заставы – поселения за пределами равнины, расположенные глубоко в горах. Их характерный образец – Годин Тепе в долине Кангавара, на главном пути из Хузестана в область современного Тегерана и дальше – Афганистана. Здесь специалисты, занимавшиеся обменом, жили изолированно в крепости, подобно староассирийским купцам в анатолийском Канише (Algaze G., 1989, p. 590). Обитатели крепости пользовались в основном керамикой урукского облика и лишь отчасти местной, за пределами крепости соотношение было обратным. Только здесь были найдены таблички с цифровыми знаками и оттисками печатей (Young T.C., 1986, p. 212–218). Примечательно, что в этой части поселения обнаружены следы пожара и вещи в состоянии, предполагающем внезапное бегство людей, а также ядра для пращи, которыми, по всей видимости, оборонялись от нападавших.

Еще одна проблема – транспортировка металлического сырья в Месопотамию. До середины III тыс. до н.э., вероятно, преобладала его доставка сушей, хотя частично расстояния могли преодолеваться и по воде. В начале III тыс. до н.э. вьючными животными служили ослы; время одомашнивания верблюдов относят к середине III тыс. до н.э. или несколько позже (Potts T., 1994, p. 44, 45, 47). Во второй половине III тыс. до н.э. большое значение приобрели водные пути, в том числе через Персидский залив. Они были гораздо дешевле, в частности во II тыс. до н.э. медь из Магана (Оман) была дешевле анатолийской (Potts T., 1994, p. 144). Положение Месопотамии ставило ее в выгодную позицию как торговца-посредника разными видами сырья и отчасти готовыми изделиями. Особенно интересно, что из нее по крайней мере с начала II тыс. до н.э. шло олово, происходившее, по мнению многих исследователей, из Центральной Азии (сводку данным см.: Moorey P.R.S., 1994, p. 297–301; Potts T., 1994, p. 157–159).

После завершения "урукской экспансии", длившейся, вероятно, относительно недолго – не более двух столетий, взаимодействие между Месопотамией и ее соседями приобрело иные формы. Большую роль начинают играть война и насильственный захват сырья и готовой продукции. Видимо, усиливается активность самих обладателей рудных месторождений, возникают достаточно мощные образования, примером которых является Хараппская цивилизация.

Широкие связи, как и обширные этнокультурные структуры, свойственны архаическому этапу, где власть была слабой, хозяйство тяготело к экстенсивному, отсутствовали армия и четко определенные границы. В этих условиях связи разносторонни и многоступенчаты, циркуляция редких вещей и материалов в таких обществах обладает признаками обмена в условиях престижной экономики (Семенов Ю.И., 1993, с. 232, сл.). Складываясь, государства замыкаются в своих границах, усиливается интенсивность внутренних связей, эксплуатация зависимой части населения. Так, торговля между Месопотамией и Египтом, о которой имеются многочисленные свидетельства, прекращается после воцарения 1 династии (Меллаарт Дж., 1985, с. 25). Первые государства ориентированы на территориально близкие и слабые в социально-экономическом отношении области. Во второй половине III тыс. до н.э. начинается период военных столкновений, а война, как известно, есть продолжение политики другими средствами.

Уровень социального развития рассмотренных регионов был неодинаков. В Палестине появились первые поселения "городского типа" VIII–VII тыс. до н.э. Именно здесь возникла новая модель экономики, культуры, социального развития. Но в IV тыс. до н.э. вперед вышли другие территории Ближнего Востока – Месопотамия, Северная Сирия и Египет, где происходило становление собственно городской цивилизации, а Палестина оказалась на периферии этих центров. Ни Северный Кавказ, ни Закавказье никогда не входили в эту зону. В Месопотамии, Северной Сирии, Сузиане,

а также в Египте модель города-государства сменилась затем моделью раннего государства, состоявшего из нескольких городских центров с весьма сложной административной и политической организацией. Несомненно, обмен оказывал большое влияние на общество горцев, стимулируя добычу и первичную обработку металлов, что требовало организации производства и неминуемо вело к усложнению социальной структуры.

Особенности данного периода, когда происходили эти существенные инновации, вместе с общностью географической и культурной обстановки, в которой наблюдается массовое и разнообразное металлургическое производство, заставляют связывать развитие ближневосточной металлургии с новыми социальными потребностями и организационными возможностями достаточно сложных общественных структур с централизованной экономикой и политической властью времени урукской цивилизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абесадзе Ц.Н., 1969. Производство металла в Закавказье в III тыс. до н.э. Тбилиси (на груз. яз.).

Авилова Л.И., 1996. Металл Месопотамии в раннем и среднем бронзовом веке // ВДИ. № 4.

Авилова Л.И., Черных Е.Н., 1989. Малая Азия в системе металлургических провинций // Естественнонаучные методы в археологии. М.

Андреева М.В., 1977. К вопросу о южных связях майкопской культуры // СА. № 1.

Дьяконов И.М., 1949. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л.

Дьяконов И.М., 1959. Общественный и государственный строй древнего Двуречья. Шумер. М.

Исмаилов И.М., 1959. Археологические исследования древнего поселения Баба-Дервиш (III тыс. до н.э.). Баку.

История древнего Востока. Зарождение древнейших государств и первые очаги рабовладельческой цивилизации. 1989. Ч. 2. Передняя Азия и Египет. М.

Меллаарт Дж., 1985. Торговля и торговые пути между Северной Сирией и Анатолией (4000–1500 гг. до н.э.) // Древняя Эбла. (Раскопки в Сирии). М.

Пиотровский Ю.Ю., 1996. Изделия из золота и серебра на Северном Кавказе в эпоху ранней бронзы // Эрмитажные чтения памяти Б.Б. Пиотровского. СПб.

Семенов Ю.И., 1993. Экономическая этнология. Первобытное и предклассовое общество. М.

Черных Е.Н., 1966. История древнейшей металлургии Восточной Европы. М.

Черных Е.Н., 1974. Об основных этапах древнейшей металлургии меди на территории Болгарии (4 – начало 1 тыс. до н.э.) // Academia litterarum Bulgaria. Primus congressus studiorum Thracicorum. Thracia, III. Serdicae.

Черных Е.Н., 1976. Древняя металлообработка на Юго-Западе СССР. М.

Черных Е.Н., 1982. Проявление рационального и иррационального в археологической культуре (к постановке проблемы) // СА. № 4.

Algaze G., 1989. The Uruk expansion: cross-cultural exchange in early Mesopotamian civilization // Current Anthropol. 30.

Amiet P., 1986. L´age des échanges inter-iraniens 3500–1700 avant J.C. Paris.

Bar Adon P., 1980. The cave of treasure. The finds from the caves in Nahal Mishmar. Jerusalem.

Braidwood R.J., Braidwood L.S., 1960. Excavations in the plain of Antioch. Chicago.

Çambel H., Braidwood R.J., 1980. The joint Istanbul – Chicago Universities´ Prehistoric research project in Southeastern Anatolia // The joint Istanbul – Chicago Universities´ Prehistoric research project in Southeastern Anatolia. I. Istanbul.

Chernykh E.N., 1971. Earliest stage of Metallurgy in Circumpontic Zone // VIII Congr. int. des sciences préhistoriques et protohistoriques. Belgrade.

Cernykh E.N., 1991. Ancient gold in the Circumpontic area // Decouverte du metal. Paris.

Chernykh E.N., 1997. Metal as a source and symbol of social power in Eastern Europe // Tradition and innovation. Prähistorische Archäologie als historische Wissenschaft. Festschrift für Christian Strahm. Von D. Fritsch, M. Maute, I. Matuschik, J. Müller, C. Wolf. Espelkamp.

Chernykh E.N., Avilova L.I., Barceva T.B., Orlovskaja L.B., Tenejsvili T.O., 1991. The Circumpontic Metallurgical Province as a system // East and West. V. 41. Nos. 1–4.

Childe V.G., 1941. War in prehistoric research // Sociol. Rev. 32.
Craddock P.T., 1984. Tin and tin solder in Sumer: preliminary comments // MASCA Journal. № 3(1).
Esin U., 1969. Kuantatif spektral analiz yardimiyla Anadolu'da baslangicindan Aşur kolonileri cagina kadar bakir ve tunç madenciligi. Istanbul.
Forbes R.J., 1950. Metallurgy in antiquity. Leiden.
Frangipane M., 1985. Early developments of metallurgy in the Near East // Studi di Paletnologia. Roma.
Gerstenblith P., 1983. The Levant at the beginning of the Middle Bronze Age. Chicago.
Gopher A., Tsuk T., Shalev S., Gophna R., 1990. Earliest gold artifacts in the Levant // Current Anthropol. V. 31. № 4.
Guy P.L.O., Engeberg R.M., 1938. Megiddo tombs. Chicago.
Hauptmann A., 1992. Early copper produced in Feinan, Wadi Arabah, Jordan: the composition of ores and copper // Archaeomaterials. 6.
Hole F., 1983. Symbols of religion and social organization at Susa // The hilly flanks and beyond. Essays on the prehistory of Southwestern Asia. Chicago.
Kipp R.S., Schortman E.M., 1989. The political impact of trade in chiefdoms // Amer. Anthropol. V. 91. № 2.
Kohl P.L., 1989. The use and abuse of world systems theory the case of the "pristine" West Asian state // Archaeological thought in America / Ed. C. Lamberg-Karlovsky. Cambridge.
Lucas A., 1962. Ancient Egyptian materials and industries. London.
Mallon A., Koeppel R., Neuville R., 1934. Teleilat Ghassul. I. Rome.
Moorey P.R.S., 1985. Materials and manufacture in ancient Mesopotamia: the evidence of archaeology and art // BAR. Int. Ser. 237. Oxford.
Moorey P.R.S., 1994. Ancient Mesopotamian materials and industries. Oxford.
Moorey P.R.S., Schweizer F., 1972. Copper and copper alloys in ancient Iraq, Syria and Palestine: some new analyses // Archaeometry. V. 14, 2.
Muhly J.D., 1980–1983. Kupfer // Archäologisch Reallexikon der Assyriologie und Vorderasiatische Archäologie. VI.
Muhly J.D., 1991. The bronze metallurgy of Anatolia and the question of local tin sources // Archaeometry-1990.
Palmieri A.M., 1981. Excavations at Arslantepe (Malatya) // Anatolian Stud. 31.
Palmieri A.M., Sertok E., Chernykh E., 1993. From Arslantepe metalwork to arsenical copper technology in Eastern Anatolia. Between the rivers and over the mountains // Archaeologica Anatolica et Mesopotamica / Eds, M. Frangipane, H. Hauptmann. Rome.
Perrot J., 1955. The excavations at Tell Abu Matar, near Beersheba // Israel Explorat. J. 5(2).
Potts T., 1994. Mesopotamia and the East. An archaeological and historical study of foreign relations 3400–2000 B.C. Oxford.
Schmitt-Strecker S., Begemann F., Pernicka E., 1989. Chemische Zusammensetzung und Bleiisotopenverhältnisse der Metallfunde vom Hassek Höyuk. Max-Plank-Institut für Kernphysik // Kosmophysik. V. 47.
Schneider J., 1997. Was there a pre-capitalist world system? // Peasant Stud. 6.
Shalev S., Northover J.P., 1987. Chalcolithic metal and metalworking from Shiqmim // Shiqmim I. BAR Int. Ser. 356 / Ed. T.E. Levy. Oxford.
Speiser E.A., 1935. Excavations at Tepe Gawra. I. Philadelphia.
Stech T., Pigott V.C., 1986. The metal trade in South-west Asia in the third millennium B.C. // Iraq. 48.
Tadmor M., Kedem D., Begemann F., Hauptmann A., Pernicka E., Schmitt-Strecker S., 1995. The Nahal Mishmar hoard from the Judean desert: technology, composition and provenance // 'Atiqot. 27.
Tallon F., 1987. Metallurgie susienne I. De la fondation de Suse au XVIIIe siecle avant J.-C. Paris.
Tobler A.J., 1950. Excavations at Tepe Gawra. II. Philadelphia.
Tourtellot G., Sabloff J.A., 1972. Exchange systems among the ancient Maya // Amer. Antiq. 37.
Virchow R., 1891. Analysen kaukasischer und assyrischer Bronzen // Zeitschrift für Ethnologie-Verhandlungen.
Ward W.A., 1961. Egypt and the East Mediterranean in the early second millenium B.C. // Orientalia. V. 30, 1.
Wertime T.A., 1964. Man's first encounters with metallurgy // Science. 146.
Woolley C.L., 1955. Ur excavations. IV. The early periods. London; Philadelphia.

Yener K.A., Ozbal H., 1987. Tin in the Turkish Taurus mountains: the Bolkardag mining district // Antiquity. 61.

Young T.C., 1986. Godin Tepe. Period VI/V and Central Western Iran at the end of the fourth millenium // Gamdat Nasr. Period or regional style? / Eds. U. Finkbeiner, W. Rollig. Wiesbaden.

Zwicker U., 1980. Investigations on the extractive metallurgy Cu/Sb/As ores and excavated smelting products from Norşun-Tepe(Keban) on the Upper Euphrates (3500–2800 B.C.) // Aspects of early metallurgy. Britisch Museum Occasional Papers, 17 / Ed. W.A. Oddy. London.

Институт археологии РАН,
Москва

L.I. AVILOVA, Y.V. ANTONOVA, T.O. TENEYSHVILI

METALLURGICAL PRODUCTION IN THE SOUTHERN ZONE OF THE CIRCUMPONTIC METALLURGICAL PROVINCE DURING THE EARLY BRONZE AGE

Summary

The paper deals with some problems related to the investigation of metal goods from Western Asia and the Caucasus that date to the Early Bronze Age (EBA). This territory includes North Caucasus, Transcaucasus, Anatolia, Mesopotamia, Susiana and the Levant. It was a southern part of the Circumpontic Metallurgical Province (CMP) which was the largest production, technological and cultural system of the Early Bronze Age. The authors focus their attention on specific traits of the early stage of metallurgy in the zone under discussion which is consistent with the Early Bronze Age chronological borders: 3700–2500 BC. The investigation was performed by creating and analyzing computer datadase of metal finds from relevant regions, the Early Bronze Age results being compared with the Middle Bronze Age ones. The database contains information on 75,700 metal finds, 11,200 of them being dated to the Early Bronze Age. Statistical analysis of the database is carried out from the point of view of different metals used – copper, and its alloys, lead, gold, and silver as well as the usage of admixtures of arsenic, tin, nickel and antimony. Generally, the EBA metallurgy is characterized by mass production of arsenic bronzes and few experiments conducted to produce tin bronzes. A high content of nickel in arsenic bronzes is typical for the southern zone of CMP, especially for the North Caucasus and Susiana. In some regions a mass production of gold and silver artifacts developed, i.e. in the North Caucasus, Northern Mesopotamia and the Levant. The authors also consider possibilities of ancient exploitation of different metal sources. Characteristic features of the metallurgical production are presented against the background of the historical, cultural and social development the crucial factor of which is the existence and expansion of the Uruk civilization.

В.И. МАРКОВИН

К МЕТОДИКЕ ПОЛЕВОГО ИЗУЧЕНИЯ ДОЛЬМЕНОВ

Новая волна интереса к дольменным постройкам Западного Кавказа вызывает определенное беспокойство. Боюсь, что исследователи, собирающиеся испытать на них свое полевое счастье, не всегда задумываются над главной спецификой такого рода объектов и забывают, что они прежде всего памятники зодчества. В то же время историки архитектуры в первую очередь рассматривают дольмены в качестве предвестников всего многообразия строительного мастерства и архитектурного искусства (С. Рейнак, Ф.И. Рерберг, М.В. Алпатов, И.В. Пестрякова и др.).

К сожалению, в литературе трудно найти рекомендации, которые относились бы непосредственно к методике исследования дольменов. Обычно они носят общий характер без учета особенностей, присущих только мегалитическим сооружениям. В 1908 г. А.А. Спицын в пособии по полевой археологической технике указывал на желательность зарисовок и фотографических снимков при исследовании дольменов. Далее, он требовал указывать "положение осей дольмена" и обращать внимание на "пол внутри камеры" (Спицын А.А., 1908, с. 28–30). В дальнейшем он же предложил практический совет – при исследовании сложных объектов "значительные камни... передвигать с помощью катков". В качестве примера подобных действий А.А. Спицын поместил в своей работе фотографию одного из дольменов ст. Царская (Новосвободная), раскопанного еще в 1898 г. Н.И. Веселовским (Спицын А.А., 1910, с. 31, 54, рис. 31).

Позже, уже в 1927 г. А.А. Спицын повторяет те же рекомендации. Дополнением к ним служит лишь указание на необходимость определения породы камней, из которых высечены плиты исследуемого сооружения (Спицын А.А., 1927, с. 66).

У В.А. Городцова в руководстве для производства археологических работ отсутствует специальный раздел, посвященный исследованию дольменов, хотя он повторяет уже известные рекомендации о катках для удаления крупных плит и воспроизводит тот же самый снимок новосвободненского дольмена, раскопанного Н.И. Веселовским (Городцов В.А., 1914, с. 45, 46, рис. 40).

Пожалуй, более полные пожелания по полевому изучению дольменов можно найти у А.А. Миллера, который сам производил обмеры древних построек по побережью Черного моря еще в 1907 г. (Миллер А.А., 1909). Он требовал обязательно фиксировать дольменные памятники в виде чертежей, так как любительское фотографирование не дает "нужных данных для прочного обоснования заключений" (Миллер А.А., 1934, с. 137). К сожалению, у А.А. Миллера отсутствуют специальные указания о том, как же выполнять обмерные чертежи дольменов.

В более современном пособии по проведению археологических работ Д.А. Авдусин уделяет некоторое внимание полевому изучению дольменов. Его рекомендации сводятся к необходимости определения породы камня, послужившего материалом для строительства дольмена, описания постройки со всем ее окружением и затем – к требованию архитектурных обмеров памятника, а также фиксации имеющихся рельефов, росписей и следов орудий, сохранившихся на дольменных плитах. Обмеры, по Д.А. Авдусину, должны проводиться в определенном масштабе и с четким сопряжением "углов и линий" (Авдусин Д.А., 1980, с. 103, 104).

© В.И. Марковин, 1999 г.

По литературе, посвященной западнокавказским дольменам, можно составить некоторое представление о методике, с помощью которой различные авторы подходили к решению целого ряда вопросов, возникавших перед нами в процессе полевого изучения мегалитических сооружений. Это прежде всего касается обмерных работ. Видимо, не всегда дольмены рассматривались как объекты архитектуры, отсюда не такой уж важной казалась и четкая фиксация памятников. Даже такие исследователи дольменов, как Е.Д. Фелицын и В.М. Сысоев, менее всего считали необходимым оставлять после себя грамотные чертежи (Фелицын Е.Д., 1904, с. 29, 79–82; рис. 38; Сысоев В.М., 1904, с. 115, 116, рис. 48–51). Полные небрежностей чертежи сопровождают отчеты Н.И. Веселовского. Даже знаменитые дольмены ст. Царская (Новосвободная) были реконструированы уже после раскопок по дневниковым записям. В отчете самого Н.И. Веселовского сохранилась схема, дающая только весьма приблизительное представление о дольмене с двускатной кровлей в раскопе (Дело..., 1898, л. 22, рис. 1). Скорее всего рисунки построек, вскрытых Н.И. Веселовским, принадлежат художнику Н.К. Рериху, ибо им была сделана зарисовка захоронений в известном Майкопском кургане, имеющаяся в репродукциях (Фармаковский Б.В., 1914, с. 51, табл. XX). Основой для рисунка послужили наброски самого Н.И. Веселовского (Отчет..., 1997, с. 45, 46, рис. 6, 7).

Уже в 1930–1940-х годах известный археолог Л.Н. Соловьев прибегал к такой методике: он чертил довольно схематический план дольмена, а затем – отдельные прориси каждой его плиты: двух боковых, передней и задней (Соловьев Л.Н., 1960, с. 70, 97, табл. I, *6–9*). Упрощенно подходил к фиксации раскапываемых сооружений Б.А. Куфтин. В его опубликованных работах и среди дневниковых записей (архив в Государственном музее Грузии, Тбилиси) можно видеть планы и продольные разрезы дольменов. Однако эти чертежи сделаны наспех и дают слабое представление о внешнем облике и интерьере исследованных объектов (Куфтин Б.А., 1949, с. 274–279, рис. 58, 59).

Некоторый мой опыт в полевом изучении дольменных памятников, думаю, будет полезен. Этот первый полевой сезон (1967 г.) был не из легких, но он позволил мне выработать собственную методику обмеров; при этом я все время помнил, что имею дело с постройками, являющимися основой для возникновения высокой архитектуры.

В связи с этим напомню некоторые особенности западнокавказских памятников. Наиболее массовыми сооружениями являются плиточные дольмены, собранные из целых плит в виде карточного домика: четыре плиты составляют стены постройки, а пятая плита их перекрывает. В отличие от весьма распространенных на Кавказе каменных ящиков плиточные дольмены сооружены из хорошо обработанного материала, имеют подшлифовки и специальные пазы для приема поперечных стен. Это очень важная черта в их конструкции. Естественные выступы боковых плит перед лазом я называю портальными выступами. Обычно они не очень велики. Большинство дольменов снабжены лазами от прямоугольных до аркообразных очертаний[1]. Лазы прикрываются специальными втулками, повторяющими форму отверстия. Боковые стены дольмена обычно поддерживаются упорами-контрфорсами из больших, почти не обработанных каменных глыб. Под плиты дольмена для прочности подложены пяточные камни. В них также можно видеть пазы, на которые опираются торцы плит, образующих камеру. Подпяточники могут служить полом постройки, а у фасада образуют портальную площадку. Плиточные дольмены многовариантны (с приставными портальными плитами, портальными плитами наподобие пилонов и пр.).

Составные дольмены сложены из небольших плит и блоков. Часто по своим

[1] Дольмен 215 из бассейна р. Кизинка (ст. Баговская) при наличии пазов и подшлифовок не имел лаза. При этом своими пропорциями и формой плит он не отличается от дольменов с лазами (Марковин В.И., 1978, с. 61–64, рис. 22). М.Б. Рысин склонен считать его не дольменом, а ящиком (цистой) (Рысин М.Б., 1997, с. 89, 100). Вероятно, автор никогда не интересовался конструкцией каменных ящиков, широко распространенных на Северном Кавказе. Если же главным элементом дольменов является лаз, то большинство дольменов Европы надо относить к ящикам.

пропорциям они не отличаются от плиточных построек. В их передней части выделены портальные выступы, подражающие выступам предыдущей серии памятников, но конструктивно не оправданные. Однако составные дольмены многообразны в своей эволюции – округлоплановые, с камерами, сложенными напуском блоков (наподобие ложного свода), с пилонообразными портальными плитами, зажимающими цельнокаменную переднюю плиту с лазом.

Корытообразные дольмены высечены в отдельных кусках скал и в целых выходах породы. В первом случае им тщательно придана форма дольмена, во втором – только передняя часть напоминает дольмен. Камера, выбитая в сплошном камне, имеет различные очертания, вплоть до кувшинообразных. Все дольмены перекрыты отдельной плитой. Встречены памятники в виде "корыта", повернутого дном кверху, а устьем вниз (к полу). Известны "корыта" и без лаза.

Дольмены – монолиты целиком, с перекрытием высечены в скалах, при этом у них тщательно выделена портальная часть.

Вариантов дольменных построек довольно много и в данной статье они опущены, поскольку подробно описаны в других работах автора (Марковин В.И., 1978, с. 60–184; 1992, с. 90–94). Но вернемся к чисто методическим задачам в исследовании памятников.

При обнаружении нового дольменного местонахождения необходимо прежде всего обойти местность, на которой найдены дольмены. Это позволяет установить, имеются ли поблизости выходы горных пород (песчаники, известняки и пр.), которые могли послужить материалом для возведения построек. Обычно строители дольменов жили недалеко от дольменного поля (воздвигали их заранее – ?). Такие стоянки были найдены возле дольменов на горе Аутль близ Солох-аула (бассейн р. Шахе), у известной "Богатырской дороги" и, наконец, обширное поселение обнаружено возле дольменного поля "Дегуакской поляны" (ст. Даховская) (Марковин В.И., 1977, с. 37–67). На местах былых стоянок и поселений – в обнажениях, сползшей почве, перепаханных слоях – обычно в большом количестве лежат обломки керамики, кремневые осколки и кости животных. Наиболее интенсивное их скопление и будет местом, где стоило бы заложить раскоп.

Желательно сразу же сделать план местности, указав на нем расположение дольменов с отметками их ориентировок. При этом главный интерес будут представлять те направления, куда были обращены лазы построек. Тогда, пользуясь планом, можно будет получить общее представление об их ориентации. Возможно, преобладающие направления укажут, где находились в древности святилища или особые почитаемые места (гора, поляна, перевал, роща, излучина реки, отвесы скал и пр.) или, как можно предполагать, данное направление обожествлялось (обычно такими являлись солнечные направления – юг, восток). Для дольменов без лаза необходимо указывать осевые ориентировки. Конечно, надо помнить, что за время, прошедшее с эпохи бронзы и до наших дней, в силу естественной прецессии линии таких современных направлений не очень точно соответствуют древним азимутам, они несколько изменились (Рей Г., 1969, с. 26, 154–157).

Конечно, лучше всего топографическую съемку поручить специалисту для точного нанесения на план высот и всех особенностей рельефа, характерных для той или иной местности (овраги, выходы скал, осыпи, планации рек и т.д.).

После осмотра местности и сбора подъемного материала можно приступить к описанию древних построек. Тут опять-таки необходимо обратить внимание на некоторые частности. Дело в том, что на больших дольменных полях мегалитические сооружения образуют отдельные компактные группы или ряды. Подсчет памятников в группах и рядах может дать представление о "родовых" (условно назовем их так) могильных участках, но, возможно, позволит собрать данные и по древней числовой символике, хотя этим вопросом пока еще никто не занимался. Во всяком случае это предположение стоит обдумать.

Так как дольмены очень часто обладают сходством (построены по одному канону и

с применением модуля) и одну постройку можно спутать с другой, особенно когда их много и при компактном расположении, их необходимо пронумеровать. Во время своих работ на дольменных группах в бассейне р. Кизинка (ст. Баговская) мы ставили номера на дольмены масляной краской. Таким способом дольмен фактически не может быть испорчен – краска со временем исчезнет, а при необходимости расположение дольменов и их нумерация могут быть восстановлены по уже имеющемуся плану. Выбивать номера не следует, со временем они приобретут вид стершихся петроглифов.

Фиксацию отдельных построек мы начинали с зарисовок. При сложной или необычной конструкции памятника делалось два рисунка (рис. 1, 2), а для хорошо сохранившегося дольмена, к тому же углубленного в землю, достаточно изображения его портальной части. При зарисовке следует обратить основное внимание на формы сооружения, на его конструктивные детали – видимые части пазов, подтески, подшлифованные части, бордюры у лазов и пр. Эти детали можно даже подчеркнуть. Рисунок должен дать довольно четкое и объемное представление об архитектуре памятника. Дольмены, как правило, поросли мхом, затеряны среди кустов и бурной травяной растительности. Эти случайные, хотя и привлекательные для рисовальщика детали, должны быть по возможности сведены к минимуму. Главное в рисунке, поданном в наиболее выгодном для объекта ракурсе, – его несущие плиты и плиты перекрытий и те видимые строительные приемы, с помощью которых они скреплены между собой (рис. 2).

Рисунок не исключает тщательного фотографирования памятника. Снимки, выполненные с разных сторон и фиксирующие нужные части постройки, будут являться своеобразными "контрольками". По ним можно будет судить, в каких же реальных условиях находился тот или иной дольмен. Такие снимки прежде всего нужны для отчетов, подлежащих длительному архивному хранению.

После внешней фиксации можно приступать к раскопкам. Если дольмен выступает из кургана, то его расчистка должна вестись после того, как весь курган изучен: сняты профили по странам света, а при необходимости и дополнительные профили, вскрыты сопутствующие захоронения. Расчистка дольменов может быть начата только после того, как он будет освобожден от каменно-земляного покрова. О методике раскопок курганов писалось много (см. хотя бы работы Д.А. Авдусина 1955; 1980), однако часто приходится действовать, исходя из ситуации, так как курган может быть полуразрушен или изрыт ямами, траншеями и т.д. Таким, к примеру, был курган Псынако I близ Туапсе. Насыпь его оказалась поврежденной следами "заездов" мощных бульдозеров, выгребавших камень для строительных целей. Псынако I исследовался в основном методом раскопок отдельных участков и обширных зачисток, при этом было сделано большое количество чертежей (Markovin V.J., 1993, S. 250–263, Abb. 1, 5–8, 11–13; Марковин В.И., 1997, с. 314–329, рис. 166, 170–173, 175–178).

Одиночный дольмен или две-три близко стоящие постройки должны занимать центральное место в намечаемом раскопе. По совету Л.Н. Соловьева, по сторонам дольменных сооружений и камней развала нами отмерялось поле, если позволяли условия, шириной не менее 2 м (Марковин В.И., 1985, с. 60, 61). Так создавалась площадь раскапываемого участка, в которой входили сам дольмен с сопутствующими ему камнями и конструкциями (менгиры, кромлехи, остатки стен от "двориков") и прилегающая территория. В процессе самих раскопок иногда появлялись новые плиты и камни, и тогда раскоп приходилось расширять в соответствующем направлении.

Особое внимание во время полевых работ следует уделить месту расположения исследуемого дольмена. Он может быть задней стороной врыт в склон, или вплотную к ней может примыкать насыпь из камней и земли. Это делалось с вполне определенной целью – протащить массивную покровную плиту, чтобы прикрыть камеру сверху. К подобным выводам в процессе изучения дольменов пришли Б.А. Куфтин, З.В. Анчабадзе, Ю.Н. Воронов и В.П. Пачулия. Подтверждается это и нашими наблюдениями. Невысокие каменные насыпи делались и с боков дольменов, особенно,

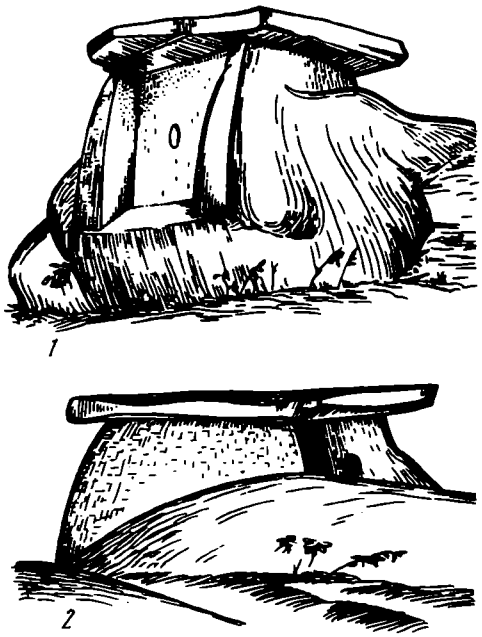


Рис. 1. Ложнопортальный дольмен у пос. Каменный карьер близ г. Туапсе (*1* – фасад с фиктивной втулкой; *2* – задняя сторона). Зарисовки автора

Рис. 1.

Рис. 2. Плиточный дольмен, находящийся на горе Аутль у селения Солох-аул (бассейн р. Шахе). Зарисовка автора

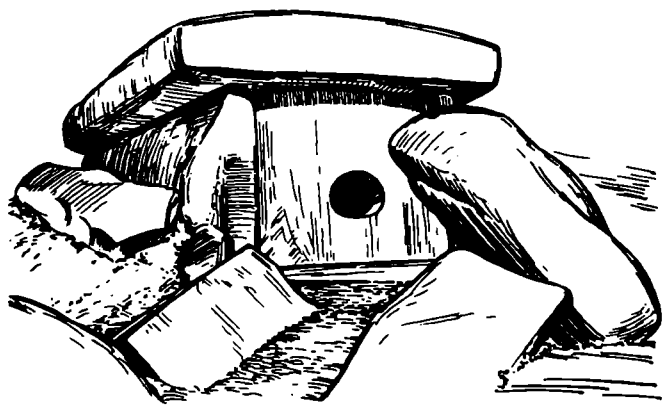


Рис. 2.

когда боковые плиты имели прямоугольную, малоустойчивую форму. Остатки таких подсыпок надо фиксировать, но так, чтобы на чертежах они не мешали выявлению главных конструктивных деталей сооружения.

Все находки, встреченные на раскапываемой территории, необходимо наносить на план с указанием глубины их залегания. Для того чтобы такие находки легче было увязать с расположением дольмена, за "нулевую точку" мы брали самую высокую, выступающую из несущих камней постройки. Для целого дольмена это был обычно край передней плиты над лазом. Таким образом нами фиксировались все находки, обнаруженные вне дольмена и в его камере.

Во время разбора каменных завалов особое внимание следует обратить на абразивы – шлифующие породы (песчаники, кварциты, граниты, гранито-гнейсы и пр.), которые легко могут уходить в отвал. Дело в том, что отдельные дольменные плиты и пазы в них подшлифовывались на месте установки сооружения. Было бы обидно пропустить подобный материал.

Пол дольменов, как и окружающее пространство вокруг построек, порой бывает покрыт тонким слоем глины. Иногда глиной как бы промазаны щели дольменов у их основания. Это естественное явление, связанное с таянием снегов и сильными дождями. Вымывая из почвы глину и естественным образом "отмучивая" ее, водные потоки откладывали затем жидкие глинистые массы на полу дольменов, поверх дольменного заполнения, возле щелей и т.д. На наличие подобных отложений достаточно указать в дневнике, но не обязательно ими "пачкать" чертежи. Другое дело, если такие "обмазки" проходят сверху вниз во всю высоту построек. Это, конечно, могло быть делом рук человека или результатом длительного стихийного бедствия.

Многие дольмены были ограблены еще в древности. Погребения почти всегда оказываются потревоженными, поэтому следует внимательно относиться к костным остаткам. Это позволит установить истинное количество погребенных (по однотипным костям), а также зафиксировать состав жертвенных животных. Собранные образцы угля помогут в датировке памятника по C_{14} и для определения использованной древесины. Известно, что в древности на Кавказе для ритуальных костров использовалась вполне определенная древесно-кустарниковая растительность (крушина, карагач, можжевельник и др.). Необходимо собрать материал для палинологических и прочих анализов. Особенно важны почвенные анализы, так как сейчас некоторые исследо-

ватели готовы среди причерноморских нагорий с дольменами обнаруживать зоны степей (Рысин М.Б., 1997, с. 89, 90), что мне кажется очень спорным. Эти материалы берутся с отметкой на плане и указанием глубины изъятия.

По окончании работ необходимо, как и во всех других случаях, засыпать площадь раскопа.

Теперь обратимся к самому главному – исполнению чертежей. Для черчения дольменов лучше всего использовать единый масштаб, предпочтительно 1 : 10, но при крупном развале можно взять и более экономный масштаб – 1 : 20. Однако в любом случае детали дольмена и обнаруженные захоронения желательно выполнять в масштабе 1 : 10. Этот масштаб вообще удобен для дальнейшей работы – любое измерение, сделанное на чертеже, легко переводится в габариты реального объекта.

Чертеж дольменного сооружения надо начинать с плана последнего. Очень строго следует следить за разворотом углов камеры дольмена, особенно когда идет работа над памятником трапециевидного плана и профиля. Необходимо тщательно просматривать плиты, образующие пол дольмена, так как очень часто они являются одновременно пяточными камнями – опорой для всех вертикально и наклонно стоящих плит самой камеры и портальной пристройки. На них могут быть врезы и подшлифовки в виде пазов для более прочной стыковки с несущими плитами камеры. Нужно замерить их ширину и глубину, а в необходимых случаях сбоку основного чертежа сделать профили. Должны быть зафиксированы малейшие детали: следы от инструментов, которыми обрабатывались плиты, участки с подшлифовками и выравниванием излишков камня специальными точечными ударами и т.д. На план дольмена в виде контуров наносятся основания передней, задней и боковых плит, и более утолщенной линией может быть прорисована плита перекрытия.

Иногда на нижней поверхности перекрытий нанесены пазы для их крепления с плитами камеры. Они также должны быть нанесены на план дольменной постройки хотя бы пунктирными линиями и указана их глубина. На верхней поверхности перекрытий иногда встречаются дождевые вымоины в виде чаш неправильной формы. Они особенно характерны для туфовых пород. Намного реже на перекрытиях встречаются искусственно выбитые чашевидные углубления. П.У. Аутлев считал их "своеобразной картой звездного неба" (Аутлев П.У., 1968). К сожалению, ученый не аргументировал свое мнение. Подобные изображения, явно выбитые человеком, до сих пор не собраны и почти никем не упоминаются.

На плане должны быть отмечены контрфорсы, поддерживающие боковые плиты дольмена, и все конструкции вокруг него. Обычно они находятся в портальной части, возле лаза. Отдельные явно неслучайные камни, обнаруженные у дольмена, также должны быть замерены с указанием толщины. Искусственные углубления на таких камнях обозначаются со знаком "минус" (–5 см). Все эти "азбучные истины" надо не только знать, но и использовать в практической работе.

Вслед за черчением плана можно приступить к изображению передней части дольмена. Она вычерчивается в строго фронтальном положении и с акцентом на все выразительные детали – подтески и скругления на плитах, бордюр у лаза, фальцы и пр. Плита перекрытия изображается с учетом ее реальной толщины и величины простирания над краями камеры. Все невидимые, но ощутимые детали наносятся пунктиром (рис. 3, 4).

Сложной частью обмеров является черчение дольменных разрезов. Чаще всего для кабинетных работ необходим продольный разрез, но для ряда памятников – дольмено-монолитов, сложной конфигурации составных и корытообразных построек – приходится чертить и поперечные разрезы (рис. 4, *2–4*), с помощью которых уточняются детали устройства камеры (ее габариты, подбои, ниши, кладка стен, внутренний декор и т.д.). Обратимся к черчению продольного разреза плиточного дольмена. Все размеры плана дольмена и его передней части должны совпадать с величиной деталей продольного разреза. Если боковые плиты постройки своей конфигурацией сильно отличаются друг от друга, можно сделать два отдельных чертежа с видами на соот-

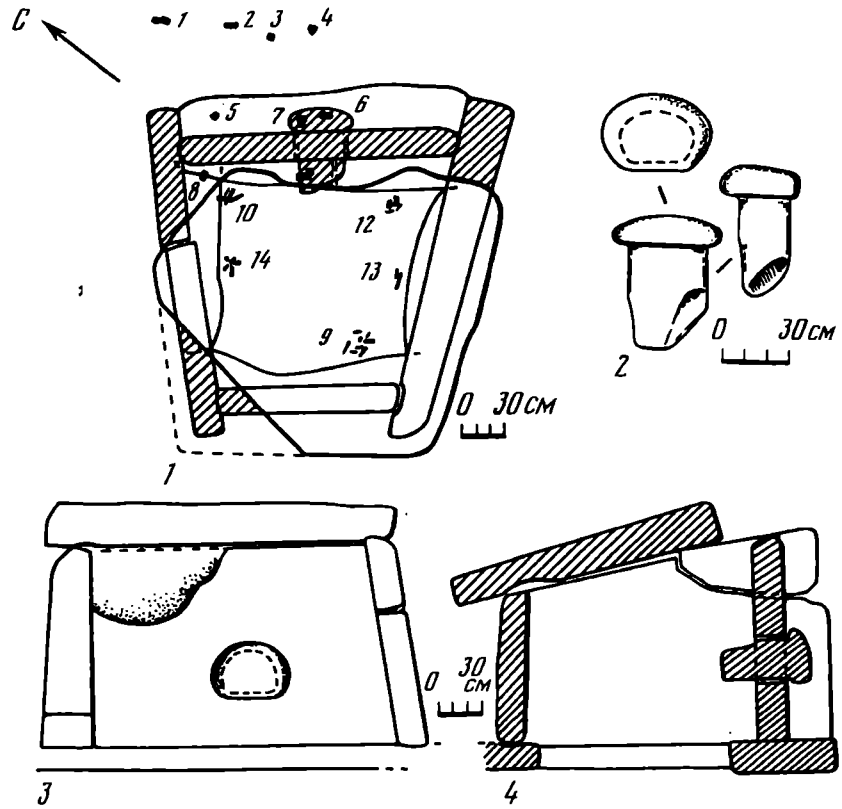


Рис. 3. Бассейн р. Кизинка (ст. Баговская). Дольмен 54. *1* – план; *2* – втулка; *3* – фасад; *4* – продольный разрез

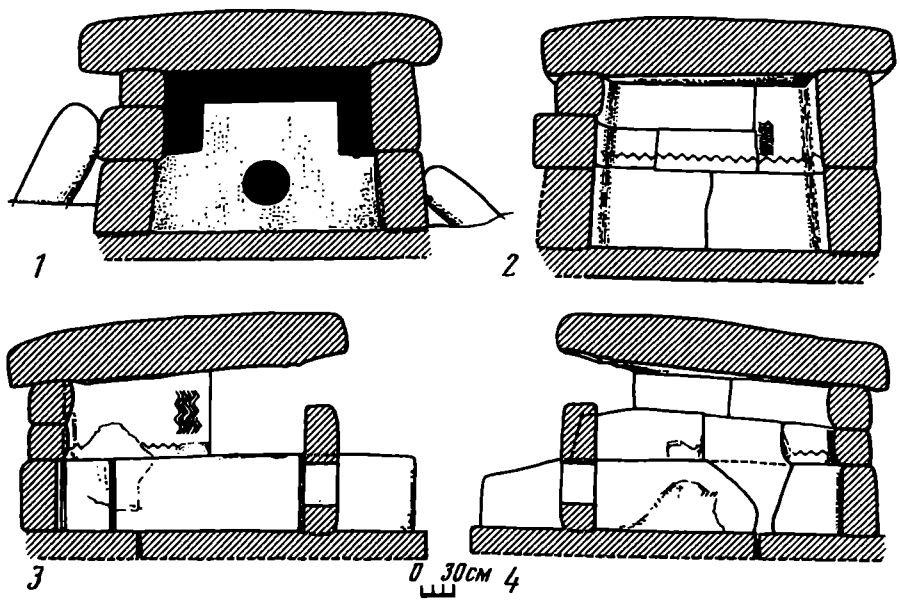


Рис. 4. Селение Адербиевка в районе г. Геленджик. Составной дольмен, собранный из Г-образных блоков

ветствующие стороны. Но можно начертить один разрез, с тем чтобы в нем была боковая плита сложной формы, а отдельно в виде детали изобразить вторую, более простую боковую плиту.

В продольном разрезе важно установить наклон пола дольмена и ее перекрытия, особенно если плиты дольмена имеют трапециевидные формы. Передняя плита в таких случаях выше задней, и обе они могут иметь наклон друг к другу в верхней

части. Вычерчивая приставные портальные плиты у входа в дольмен, дополнительное перекрытие и другие имеющиеся детали, необходимо сохранять на чертеже их форму и пропорции. Сделанные фотографии будут в дальнейшем служить контрольными документами, по которым можно судить о верности не только полевых зарисовок, но и обмерных чертежей.

Вполне естественно, что на профилях должны найти отражение особенности конструкции лаза (его наклон, форма в сечении), абрисы пазов стыкующихся частей дольмена, разрезы плит перекрытия.

У портальных дольменов обычно две покровных плиты. Одна прикрывает камеру, а другая портал. В перекрытии камеры выбит специальный уступ – "козырек", на который опирается покровная плита портала. Если она не сохранилась, надо проверить, нет ли ее обломков среди камней развала, чтобы в дальнейшем можно было полностью реконструировать сооружение. Передняя и задняя плиты камеры имеют свои особенности. Обычно у них одно- или двусторонне выпуклые поверхности. На это тоже следует обратить внимание.

Много труда требует и черчение дольменных развалов. Здесь нельзя обойтись без тщательно сделанных планов и разрезов, хотя бы по двум пересекающимся направлениям. Плиты в развалах обычно разбиты. Здесь важно найти обломки главных частей, слагающих дольмен. Фрагменты одной плиты, как бы далеко они не лежали друг от друга, необходимо обозначить одноименными буквенными литерами. Все это позволит в дальнейшем восстановить размеры дольмена, первоначальную форму конструктивных деталей и его облик в целом виде. Точность в измерении отдельных плит, расстояний между пазами (особенно у боковых плит, позволяющих установить длину камеры) очень важна для дальнейшего изучения пропорциональных соотношений дольменных конструкций и выявления архитектурного модуля, применявшегося при возведении конкретных сооружений (рис. 5).

В процессе раскопок и при черчении дольменных памятников не следует забывать, что могут быть найдены древние изображения, выбитые на плитах или нанесенные краской. Их надо калькировать в натуральную величину. Живописи, перенесенной на тонированный ватман (под цвет камня), можно подобрать соответствующую окраску гуашью или темперой.

При черчении не должно быть рыхлых, дрожащих или многократно повторяющихся линий – "соломки". Особенно это важно при черчении сложных построек, составных дольменов и величественных памятников, высеченных в скалах.

Заканчивая черчение, необходимо отметить на дольмене ту точку, которая являлась для вас "нулевой" при замерах глубин во время фиксации отдельных находок, указать и края раскопа, соприкасающиеся с дневной поверхностью, – все это может быть важным при дальнейшей обработке всего материала.

Если во время раскопок обнаружены остатки захоронений, их можно нанести на отдельный чертеж с обозначением контуров внутренней части дольменной камеры и ее лаза. Такой план при необходимости может быть выполнен в более крупном масштабе. Нумерация находок на плане должна соответствовать описаниям, прилагаемым к нему.

Успех в правильной графической фиксации исследуемых дольменов, несомненно, зависит от профессиональной грамотности лица, выполнявшего зарисовки и чертежи. Ни в коем случае не следует дорисовывать "по памяти" какие-либо конструктивные детали. Как правило, они будут сделаны неверно. Хорошо выполненная графика при обмерах любого дольмена – это гарантия восстановления даже исчезнувшего сооружения в виде макета, аксонометрического рисунка и т.д. Часто чертеж и зарисовка для специалистов "звучат" нагляднее любого, самого детального описания. К сожалению, графике зачастую уделяется очень мало внимания. Примером могут служить совершенно не квалифицированные чертежи, предпосланные М.К. Тешевым описанию кургана Псынако I (Тешев М.К., 1988, ил. на отд. листе). На них, кстати, ссылается М.Б. Рысин, говоря о комплексе Псынако I как о памятнике коридорного

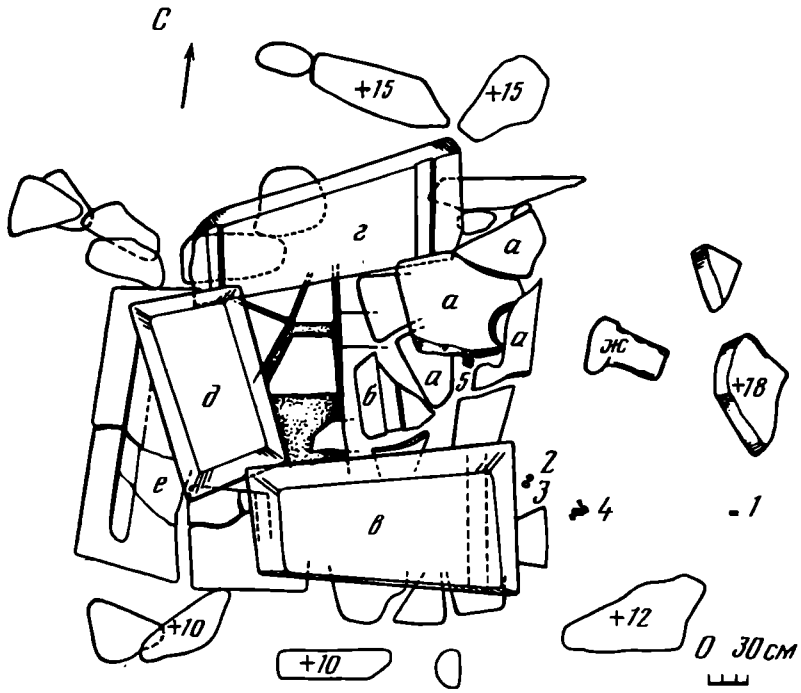


Рис. 5. Бассейн р. Кизинка (ст. Баговская). Развал плиточного дольмена 202 (*а* – обломки передней плиты; *б, е* – пяточные камни; *в, г* – боковые плиты; *д* – задняя плита; *ж* – втулка; *1–5* – находки)

типа (Рысин М.Б., 1997, с. 88). На этих чертежах совершенно ничего нет от натуры, от реальных габаритов памятника. Так, камни насыпи, судя по масштабу, достигают в длину 2,5 м, а в натуре они не превышали 50 см (это были речные голыши). Таков этот чертежный источник и в других графических деталях. Это тем более прискорбно, что данные "чертежи" являются вольными "реконструкциями" памятника и "копиями" с моих полевых чертежей 1984 г., переданных в музей г. Туапсе в виде снимков. Верность моей полевой графики натуре хотя бы в центральной части Псынако I могут документировать опубликованные фотографии (Markovin V.J., 1993, S. 261, 262, Abb. 10, 11; Марковин В.И., 1994, с. 244, табл. 68, 3, цв. табл. V; 1991, с. 64–68, табл. XII–XV, а также отчет за 1984 г. в архиве ИА РАН). Ничего близко похожего у М.К. Тешева нет.

Исследователи, взявшиеся за изучение мегалитов, должны очень ответственно отнестись к своей миссии. Им предстоит работа не только и не столько над объектом чистой археологии, но прежде всего над древнейшим памятником местной архитектуры. И чисто художественный вкус, и природный глазомер в подходе к такой сложной работе имеют немалое значение. Новые работы позволят принять или отвергнуть "бесповоротно" существующие мнения об одноприродности – трехприродности в возникновении местных дольменов, ϙ "комплексности" создавшего их общества, о воздействии культур шнуровой керамики, шаровидных амфор и воронковидных кубков на возникновение культуры местных дольменов (В.А. Сафронов, Н.А. Николаева, А.Д. Резепкин, М.Б. Рысин и др.), культур Пиренеев на тот же процесс (В.И. Марковин и др.) и, наконец, утверждение их малоазийского происхождения (Л.Н. Соловьев, М.Б. Рысин и др.). Тогда может быть уже возникшие широкообзорные картины возникновения и жизни носителей культуры строителей дольменов немного померкнут, а может быть, наоборот, приобретут более полное звучание. Скорее всего первое.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусин Д.А., 1955. Археологические разведки и раскопки. М.

Авдусин Д.А., 1980. Полевая археология СССР. М.

Аутлев П.У., 1968. Вести из мира древности // "Адыгейская правда". 10 января. Майкоп.

Городцов В.А., 1914. Руководство для археологических раскопок. М. Дело Археологической комиссии № 60 за 1898 г., 1898 // Архив ИИМК РАН. СПб.

Куфтин Б.А., 1949. Материалы к археологии Колхиды. Т. I. Тбилиси.

Марковин В.И., 1977. Дегуакско-Даховское поселение дольменной культуры в Майкопском районе // Сб. трудов по археологии Адыгеи. Майкоп.

Марковин В.И., 1978. Дольмены Западного Кавказа. М.

Марковин В.И., 1985. Испун – дома карликов (Заметки о дольменах Западного Кавказа). Краснодар.

Марковин В.И., 1991. Курган Псынако I и дольмены Западного Кавказа // Кавказ в системе палеометаллических культур Евразии (Телави – Сигнахи, 1896). Тбилиси.

Марковин В.И., 1992. Древнейшая архитектура на территории Северного Кавказа // Архитектурное наследство. Вып. 39. М.

Марковин В.И., 1994. Дольмены Западного Кавказа // Археология. Эпоха бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М.

Марковин В.И., 1997. Дольменные памятники Прикубанья и Причерноморья. М.

Миллер А.А., 1909. Разведки на Черноморском побережье Кавказа в 1907 г. // ИАК. Вып. 30.

Миллер А.А., 1934. Археологические разведки // Изв. ГАИМК. Вып. 83.

Отчет Н.И. Веселовского о раскопках Майкопского кургана в 1897 г., 1997 // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации) СПб.

Рей Г., 1969. Звезды (Новые очертания старых созвездий). М.

Рысин М.Б., 1997. Культурная трансформация и культура строителей дольменов на Кавказе // Древние общества Кавказа в эпоху палеометалла (ранние комплексные общества и вопросы культурной трансформации). СПб.

Соловьев Л.Н., 1960. Погребения дольменной культуры в Абхазии и прилегающей части Адлерского района // Тр. АбИЯЛИ. Т. XXXI.

Спицын А.А., 1908. Археологические разведки. СПб.

Спицын А.А., 1910. Археологические раскопки. СПб.

Спицын А.А., 1927. Разведки памятников материальной культуры. М.

Сысоев В.М., 1904. Археологическая экскурсия по Закубанью в 1892 году // МАК. Т. XI.

Тешев М.К., 1988. Мегалитический архитектурный комплекс Псынако I в Туапсинском районе // Вопросы археологии Адыгеи. Майкоп.

Фармаковский Б.В., 1914. Архаический период в России // МАР. № 34.

Фелицын Е.Д., 1904. Западно-кавказские дольмены // МАК. Т. IX.

Markovin V.J., 1993. Der Kurgan Psynako I. Rayon Tuapse im Krasnodarer Land (Westkaukasus) // Zeitschrift für Archäologie. H. 27. Berlin.

Институт археологии РАН,
Москва

V.I. MARKOVIN

METHODOLOGY FOR FIELD STUDIES OF DOLMENS

Summary

Recently archaeologists has started revealing an increased interest to dolmen sites of the West Caucasus. Having accumulated experience of such sites study in field conditions (drawings, photographing, measuring drawing, excavations), the author of this paper shares this experience with his colleagues that are starting similar work. Step-by-step he shows them the methology he developed, knowing that archeological books and booklets do not have special paragraphs dedicated to the said issue. In addition, the author acquaints the reader with types of dolmens in the West Caucasus. The author hopes that new measuring and excavation work will allow to collect data that will give a possibility to at least take one step forward in the resolution of neglected issues related to the origin of tribes that left us local megaliths, to the structure of their society, economy and life.

Публикации

Е.Н. ЧЕРНЫХ, С.В. КУЗЬМИНЫХ, Е.Ю. ЛЕБЕДЕВА, С.А. АГАПОВ, В.Ю. ЛУНЬКОВ, Л.Б. ОРЛОВСКАЯ, Т.О. ТЕНЕЙШВИЛИ, Д.В. ВАЛЬКОВ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ПАМЯТНИКИ ЭПОХИ БРОНЗЫ НА КАРГАЛАХ
(поселение Горный и другие)

Начало регулярного и комплексного изучения феноменального как по глубокой древности, так и по исключительной мощности производства Каргалинского горно-металлургического центра (Черных Е.Н., 1997 а, б) восходит к 1990 г. Однако за этот сравнительно короткий отрезок времени специально созданная в Институте археологии РАН Каргалинская археологическая экспедиция сумела провести очень большой объем исследовательских работ по целому ряду направлений. Среди них отметим следующие: а) топография и структура Каргалинского рудного поля; б) археологические разведки для выявления памятников бронзового века и сооружений XVIII–XIX вв.; в) раскопки поселений и могильников бронзового века; г) аналитические исследования – полевые и лабораторные – материалов, добытых во время разведок и раскопок; д) изучение архивных материалов; е) инфраструктура Каргалинского горно-металлургического комплекса; ж) экология и проблема антропогенных экологических катастроф в регионе (Черных Е.Н., 1997а, с. 34). В недавно вышедшей статье, посвященной структуре центра и истории его открытия, приводились сведения о двух главных – северо-западной и юго-восточной – зонах рудного поля и их 11 основных участках сосредоточения выработок (Черных Е.Н., 1997б, с. 26–30). Настоящая публикация ставит своей целью по возможности максимально кратко осветить результаты разведок на Каргалах, и прежде всего раскопок центрального объекта наших исследований – поселения бронзового века у б. хутора Горный (раскопки 1992–1997 гг.).

ПОСЕЛЕНИЯ И МОГИЛЬНИКИ БРОНЗОВОГО ВЕКА

К настоящему времени на территории Каргалинского рудного поля удалось зафиксировать до двух десятков следов поселений бронзового века, три курганных могильника, относящихся к тому же времени, и одиночный курган, видимо, сарматского периода. Неопределенность выражения "до двух десятков" в отношении селищ обусловлена неясностью границ древних поселков. Во многих случаях эти границы полностью нарушены или же перекрыты многометровыми отвалами рудных выработок. Порой очень трудно определить, где же точно завершаются слои одного поселения и начинаются слои другого (следы культурных слоев могут тянуться иногда едва ли не непрерывной полосой до 2 км). Кроме того, вполне вероятно, что на Каргалах в целом преобладала так называемая хуторская система организации производства и жизнедеятельности. Скажем, обитатели одного жилого и производственного комплекса (к примеру, большая семья) обладали преимущественным правом разработки на Каргалах

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 96-06-80135).

© Е.Н. Черных, С.В. Кузьминых, Е.Ю. Лебедева, С.А. Агапов, В.Ю. Луньков, Л.Б. Орловская, Т.О. Тенейшвили, Д.В. Вальков, 1999 г.

Таблица 1

Поселения бронзового века на Каргалинском рудном поле

№	Поселение	Рудный участок	Приблизительная площадь, га	Координаты	
				широта	долгота
1	Мясниковский овраг, пункт 1	IV	1,5	52°19,334′	54°44,824′
2	Мясниковский овраг, пункт 2	IV	0,5	52°19,370′	54°44,732′
3	Мясниковский овраг, пункт 3	IV	3	52°19,374′	54°44,509′
4	Мясниковский овраг, пункт 4	IV	1	52°19,410′	54°44,430′
5	Мясниковский овраг, пункт 5	IV	3	52°19,423′	54°44,156′
6	Мясниковский овраг, пункт 6	IV	1,5	52°19,368′	54°43,940′
7	Мясниковский овраг, пункт 7	IV	0,4	52°19,420′	54°43,728′
8	Мясниковский овраг, пункт 8	IV	1,2	52°19,580′	54°43,682′
9	Мясниковский овраг, пункт 9	IV	3–5	52°19,811′	54°43,334′
10	Мясниковский овраг, пункт 10	IV	2–2,5	52°19,714′	54°42,935′
11	Мясниковский овраг, пункт 11	IV	3–4	52°19,497′	54°42,995′
12	Мясниковский овраг, пункт 12	IV	1,5	52°19,442′	54°42,887′
13	Мясниковский овраг, пункт 13	IV	1,5–2	52°19,397′	54°42,914′
14	Мясниковский овраг, пункт 14	IV	?	52°19,425′	54°42,570′
15	Мясниковский овраг, пункт 15	IV	?	52°19,390′	54°42,521′
16	Горный 1	V	3–4	52°15,568′	54°46,140′
17	Горный 2	V	0,5–1(?)	52°15,580′	54°45,476′
18	Горный 3	V	0,5	52°16,063′	54°45,017′
19	Ордынский	VII	5–8	52°13,406′	54°51,179′
20	Новенький	Южнее V	0,5–0,6	52°13,090′	54°44,228′

Примечание. Географические координаты поселений и могильников (см. также табл. 2) определялись с помощью приборов системы GPS (Global Positioning System) летом 1996 г. и подвергались корректировке с помощью более совершенной аппаратуры в июле–августе 1997 г.; по возможности замеры производились в топографически центральных точках древних селищ или же на самых крупных курганах каждой из трех групп.

Таблица 2

Курганные могильники на Каргалинском рудном поле

№	Памятник	Ближайший рудный участок	Число курганов	Координаты	
				широта	долгота
1	Уранбашская южная группа	IX	10	52°12,409′	54°56,345′
2	Уранбашская северная группа	IX	5(?)	52°13,058′	54°55,596′
3	Першинская группа	VI, VII, VIII	5	52°16,401′	54°52,468′
4	Курган у хутора Новенький	V	1	52°14,599′	54°43,576′

некоторого участка ближайших к ним выходов руды. Именно поэтому такие жилищно-производственные комплексы (своеобразные хутора) могли вовсе и не примыкать друг к другу, но скорее всего были отделены друг от друга значительной дистанцией (во всяком случае, к такому заключению подталкивают нас некоторые результаты полевых наблюдений на этом рудном поле).

Все селища, отмеченные в табл. 1, равно как и три курганные группы (табл. 2), согласно добытому материалу (Моргунова Н.Л., 1991; Порохова О.И., 1993), относятся к эпохе поздней бронзы и соответствуют срубной культурно-исторической общности[1]. Обязательно следует отметить и некое общее правило для топографии указанных поселений: практически все они располагались на высоких берегах оврагов, на холмах или возвышенных плато, далеко от стабильных источников воды. Такая черта совершенно не характерна для позднебронзовых степных и лесостепных восточноевропейских поселков (включая, естественно, и "срубные"). Исключение на Каргалах составляло лишь небольшое селище у хутора Новенький в самых истоках речушки Усолка: культурный слой здесь подступал непосредственно к воде.

Разведочные раскопки проводились нашей экспедицией на двух пунктах: Мясниковский 1 и Новенький. Однако основным объектом исследования явился поселок у б. хутора Горный.

СЕЛИЩЕ ГОРНЫЙ

Селище бронзового века Горный (или Горный-1) было обнаружено в ходе разведок Каргалинской экспедиции летом 1991 г. на пологом склоне высокого холма, примыкающего к левому берегу речушки Усолка. С 1992 г. здесь начались регулярные раскопки, продолжающиеся и по сей день. Жилые и производственные комплексы этого поселения были удалены от речки примерно на 400–600 м, а перепад высот между урезом ее воды и жилой поверхностью достигал 35–45 м. Площадка селища общей площадью до 3–4 га охватывает северо-восточный склон холма, ограниченного с севера Михайловским оврагом, а с востока – долиной Усолки[2]. Селище было окружено плотным кольцом следов древних и старинных выработок (рис. 1); последние – примерным числом до 1800–2000 – составляют на участке Усолка-Левобережный особую и наиболее многочисленную здесь 12-ю группу.

Вполне вероятно, однако, что западные участки селища скрыты мощными горнорудными отвалами. Так, в 500 м к северо-западу от нашего раскопа в результате свежего обвала выработки было обнаружено обнажение культурного слоя того же позднебронзового времени. Этот пункт мы назвали Горный-2, но вполне вероятно, что по существу все эти точки находок являлись звеньями непрерывной цепи или одной системой синхронных поселений (примерно в 1 км к северо-западу обнаружен также пункт Горный-3).

Литологический состав слоев на холме относительно прост. Его скальное основание сложено мощными пластами осадочного серого и красноватого песчаника, относящегося к пермскому геологическому периоду; в песчаниках очень высока концентрация крупных и мелких обломков стволов окаменелых деревьев того же геологического возраста. Эти породы перекрыты чехлом плотных красноватых суглинков и супесей, представлявших собой продукт аридного миллионнолетнего выветривания песчаникового основания. Мощность чехла повсеместно превышает 3–4 м, и наши раскопы ни разу не достигли его скального фундамента. Самый верхний гумусированный почвенный слой, как правило, слабо выражен – не более 5–10 см, однако в многочисленных западинах его толщина существенно возрастает – до 40–50 см и даже более.

Культурный слой, чью литологическую основу составляют супеси и суглинки, как правило, начинается с подпочвенного горизонта. Его толщина колеблется в очень широких пределах – от 30–40 до 200–250 см. Мощность слоя на том или ином участке

---

[1] При раскопках кург. 1 Уранбашской южной группы был вскрыт кенотаф, видимо, датированный еще ямно-полтавкинским временем (см.: Моргунова Н.Л., 1991). Кроме того в кург. 1 Першинской группы летом 1998 г. было вскрыто погребение литейщика того же времени, сопровождающееся литейной формой втульчатого топора раннего типа.

[2] Михайловским овраг именуется на топографических планах самого начала XIX в.; тогда же Усолка звалась Каргалкой (в настоящее время указанная Усолка – лишь правый приток Каргалки); поселок Горный на тех же старинных топопланах именуется Богоявленской горной конторой.

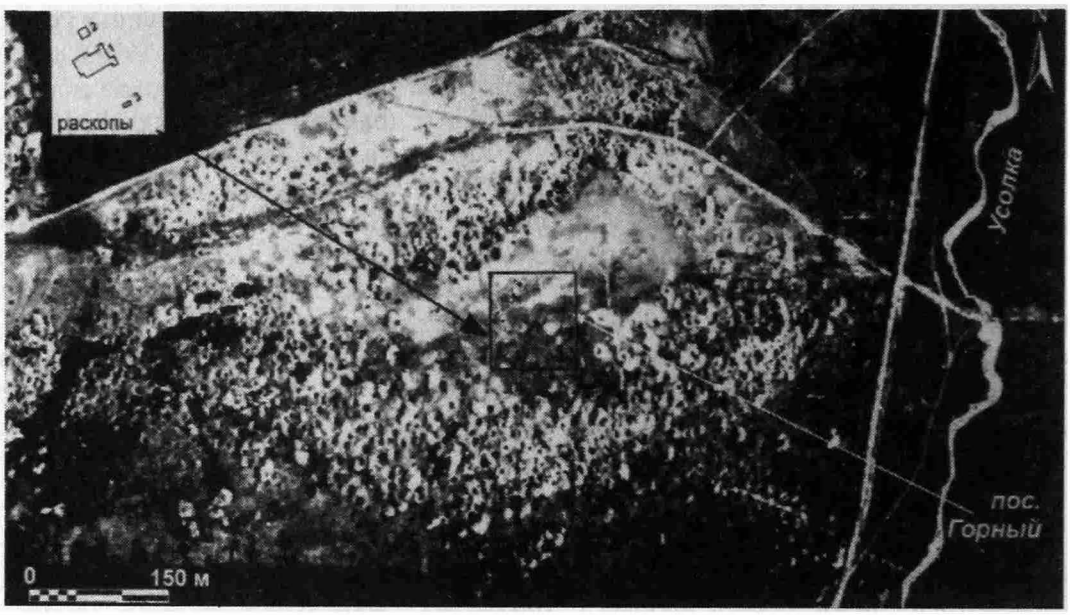


Рис. 1. Пос. Горный (аэрофотосъемка), расположение раскопов. Окруженная многочисленными следами шахт и штолен площадка поселения видна в центре снимка

селища в полной мере зависит от характера древних сооружений, которые нам довелось вскрыть. Цвет отложений плавно или резко меняется от серовато-коричневого до угольно-черного; вместе с тем очень нередко его насыщенность углем, фрагментами костей животных, кусками песчаника и окаменелых деревьев, а также ярких – зеленых и синих – медных минералов столь значительна, что цветовая гамма слоя приобретает порой весьма пестрые оттенки.

За шесть полевых сезонов нами вскрыто всего 724 м^2, что составляет лишь около 2% от всей площади селища. Было заложено три неравнозначных по своим размерам раскопа (рис. 1), причем местоположение каждого из них было связано с каким-нибудь древним или же старинным сооружением, которое либо предполагалось, либо угадывалось по различным – внешним или даже скрытым для глаза – признакам (мы широко практиковали и геофизические изыскания; см. статью И.В. Журбина в этом номере журнала).

Основной раскоп (№ 1 на рис. 1) общей площадью 608 м^2 имел своей целью анализ сложного узла комплексов бронзового века. Из вскрытых здесь слоев происходит львиная доля всех материалов на селище (именно они и явились основой для настоящей статьи). Юго-восточнее основного располагался небольшой раскоп (№ 3)[3] площадью 16 м^2, объектом которого стало изучение устья засыпанной шахты (?) бронзового века. И совсем вскользь мы упомянем, наконец, о раскопе № 2 площадью 100 м^2, на котором были исследованы сгоревшие руины русского дома XVIII в.[4], располагавшегося к северу от основного раскопа.

---

[3] Раскопки на этой предполагаемой шахте только начались, поэтому мы ограничимся лишь кратким их упоминанием.

[4] Это каменный и углубленный в землю дом общей площадью 22 м^2 был сооружен на поверхности древнего селища в ряду иных построек сходного типа близ входа в функционировавшие тогда шахты и штольни. Дом был окружен частоколом, и основание поставленных бревен укреплялось крупными камнями. Вполне вероятно, что это было помещение для отдыха горной стражи: внутренность дома состояла лишь из топившейся по-черному массивной печи-каменки и занимавших половину внутреннего помещения деревянных нарполатей. Сильный пожар полностью уничтожил постройку, после чего сооружение уже не восстанавливалось. Не исключено, что эти события происходили осенью 1773 г. во время начала пугачевского мятежа (см.: Черных Е.Н., 1997а, с. 123–127).

Хронологические фазы и основные типы сооружений

Культурные напластования основного раскопа на большинстве его участков весьма четко стратифицированы, и это позволило нам выделить на исследованной части селища четыре последовательные хронологические фазы. Каждая из фаз была сопряжена с существенными изменениями в характере построек и функционирования их обитателей.

Фаза I, или же древнейшая фаза, характеризовалась сооружением большой группы очень небольших по площади глубоких жилищ-ям, или "нор-жилищ". Стратиграфически они всегда занимают самую низкую позицию на площади основного раскопа; верхние части практически всех "нор-жилищ" в большей или меньшей степени разрушены более крупной и поздней постройкой.

Фаза II связана с центральным сооружением данной части селища – жилищно-производственным комплексом № 1. Результатом его постройки явилось полное или частичное разрушение более ранних "ямных" жилищ. Однако через какое-то время данный комплекс погиб в пожаре. Системы сооружений двух ранних хронологических фаз на Горном относятся к числу не вполне обычных жилых и производственных сооружений, до известной степени оригинальных для археологии фактически всей степной и лесостепной Евразии.

Фаза III: после разрушения более раннего комплекса аборигены частично освоили его руины; отдельные части комплекса были использованы для сооружения незначительных по своим размерам жилых помещений и производственных площадок.

Фаза IV: окончательно заброшенный котлован комплекса фазы II заваливают отбросами; следов каких-либо построек не замечено.

Жилой и производственный комплекс № 1

Описание основных архитектурных сооружений для удобства изложения мы начнем не с древнейших на Горном "нор-жилищ", а с так называемого жилищно-производственного комплекса фазы II. Комплекс представлял собой довольно сложное сочетание жилых и производственных помещений и состоял из пяти основных частей: 1) жилого помещения, 2) плавильного двора, 3) рудного двора, 4) сакральной ямы-штольни и, наконец, 5) ямы-траншеи для отбросов (рис. 2).

Первые три части были объединены одним большим котлованом и локализовались в различных его участках. Глубина котлована колебалась в пределах 1 м: от 60–80 до 150–160 см (рис. 2)[5]. Неоднозначность глубин вызвана тем, что котлован был заложен на пологом склоне холма, а с юго-запада на северо-восток высотные отметки поверхности падали также примерно на 1 м. Общая площадь котлована достигала 230–240 м^2. Его обваловочные стенки были отсыпаны из суглинка и местами плотно утрамбованы (наиболее значительной трамбовке подверглись юго-западные участки обваловки). Трамбовка и выравнивание коснулись не только стенок обваловки, но также выложенного суглинком дна всего котлована, причем в большей мере – его жилого отсека. Переход от стенок обваловки ко дну на большинстве участков довольно резок, но в северо-восточной части комплекса эта грань выражена существенно мягче.

Жилое помещение площадью 115–120 м^2 характеризуется формой неправильного прямоугольника (примерно 13 × 9 м), вытянутого по линии запад–восток. Его от-

---

[5] Цифры вдоль обеих осей графика на рис. 2 и 3 дают представление о номерах квадратов, представляющих комбинацию вертикальных и горизонтальных полос-линий, согласно принятой координатной сетке селища; так, например, левый нижний квадрат имеет номер 4629, правый верхний – 5325. Каждая из сторон квадрата имеет длину 4 м. Набранные курсивом и расположенные внутри чертежа цифры означают абсолютные высоты над уровнем моря в метрах, однако перед каждой парой таких цифр с целью экономии места мы опускали 20; следовательно, 9,0 будет равно 209,0, а 8,2 = 208,2 м над уровнем моря и т.д. На рисунках также отражен лишь западный край ямы для отбросов; в 1997 г. ее раскопки продолжились к востоку в квадратах 5429 и 5430, но восточного ее края мы пока что не достигли.

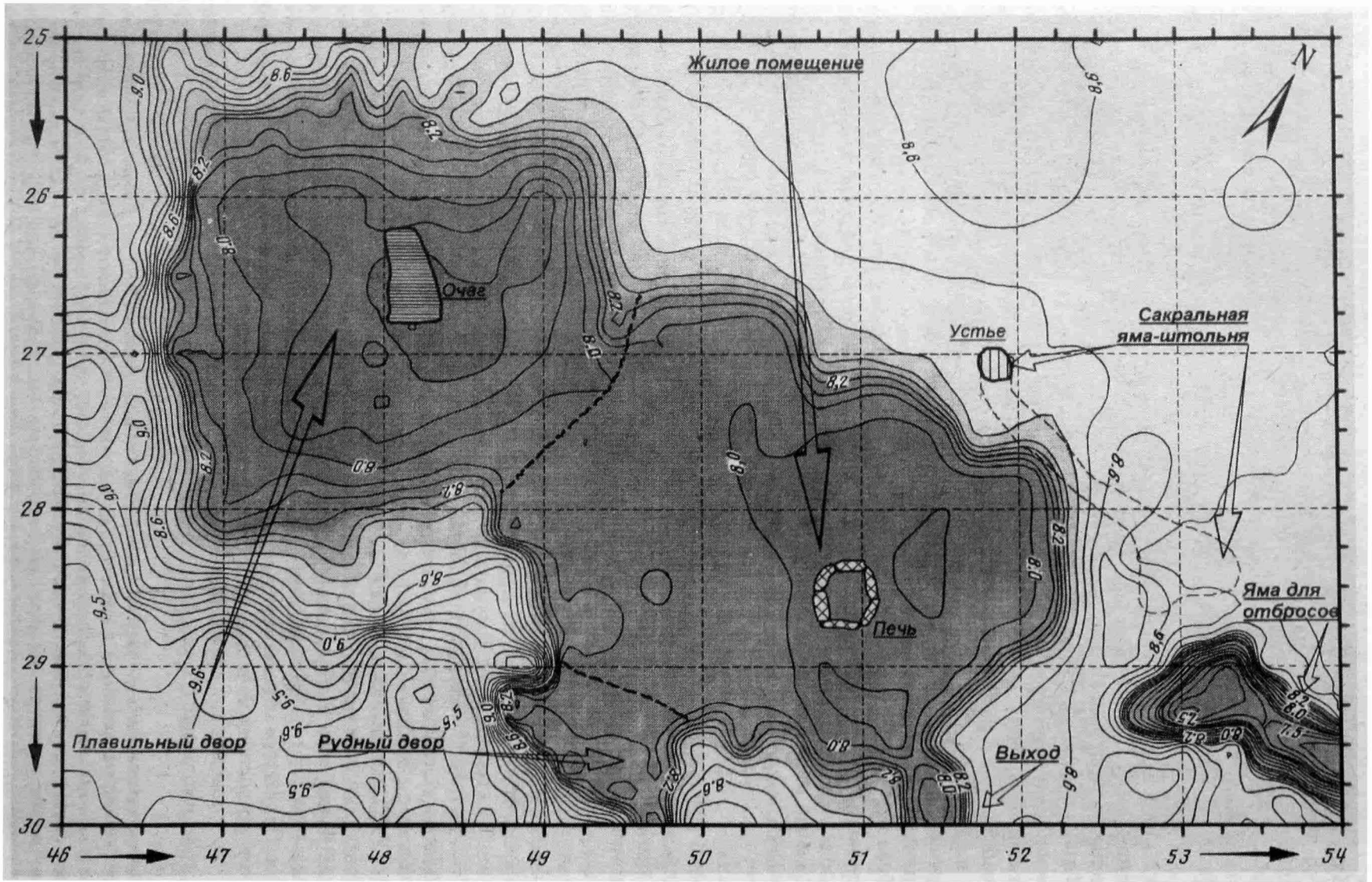


Рис. 2. Жилищно-производственный комплекс № 1 (фаза II)

личают утрамбованные полы, обрушившаяся кровля, а также каменная округлая в плане печь. Дно всего помещения слегка вогнутое; наиболее глубокие части локализуются, как правило, ближе к центру, в частности у печи.

Плотно утоптанные полы толщиной от 1 до 3 см прослеживаются на большей части жилого отсека. К их суглинистой основе очень часто – намеренно или ненамеренно, но почти всегда обильно – примешивались зола, угольная пыль и малахитовая крошка, отчего полы нередко приобретали темновато-серый с прозеленью цвет. Кроме того, полы нередко были устланы мелкоискрошенными плоскими и втоптанными в суглинок фрагментами костей. По этим признакам их выделение среди множества иных прослоек, как правило, не составляло труда. На ряде участков жилого отсека мы выделяли до трех последовательных подмазок полов.

Обрушившаяся кровля непосредственно и едва ли не повсюду перекрывала полы жилого помещения. Она представляла собой относительно рыхлый и толстый (до 10–15 см) глинистый слой, насыщенный большой массой остатков прогоревших тонких стволов и веток деревьев (ольха, ива). Судя по всему, кровля представляла собой навес типа плетня, густо обмазанного глиной. Не исключено, что плетень мог подпираться снизу большими растянутыми (коровьими?) шкурами и вся конструкция опиралась на невысокие деревянные столбы. Впрочем, последнее остается в значительной мере умозрительной гипотезой, поскольку находок, способных подтвердить наши предположения, фактически нет; исключение, пожалуй, составляет немалое число бессистемно размещающихся по всей площади жилого отсека следов разнокалиберных столбовых ямок.

Неподалеку от центра, но слегка смещенная к восточной части жилого помещения, располагалась большая округлая в плане печь диаметром 1,5–1,8 м. Ее внутреннее пространство органичивалось крупными, плоскими, поставленными на ребро песчаниковыми плитами; с восточного края эти камни оказались сильно пережженными и оттого рыхлыми. Внутри печки накопилась большая масса золы и пепла, возвышавшаяся куполом над каменными плитами. В момент гибели жилого помещения верхушка этого зольного купола заметно сместилась к юго-востоку, указывая, по всей вероятности, на северо-западное направление дувшего тогда сильного ветра. Хотя вокруг печи было обнаружено множество мелких кусочков металлургических шлаков, мы тем не менее относим ее к разряду бытовых, а не плавильных. У печи, судя по всему, велось лишь механическое измельчение шлаковых лепешек, когда люди таким способом извлекали из шлаков большие и малые капли меди. Многие из этих отбросов были сконцентрированы в расположенной рядом яме (№ 5).

Плавильный двор. Отсек котлована для этого двора примыкал к жилому помещению с запада и отделялся от него двумя противостоящими выступами-перемычками северной и южной стенок обваловки. Форма двора приближалась к квадрату, а его площадь была равна примерно 100 м^2 (рис. 2). Дно котлована двора также вогнутое, однако разница в высотах центральной и периферийной частей двора существенно бóльшая в сравнении с жилым помещением. Суглинистые полы двора заметно отличались от тех, что были отмечены в жилом помещении; они скорее всего носили характер утоптанности, и в них гораздо больше примеси светлой золы. Полы сохранились фрагментарно, но на ряде участков удалось, как и в жилом помещении, зафиксировать до трех горизонтов последовательных ремонтов и расчисток. Никаких следов навеса-кровли над плавильным двором не замечено.

Центром двора являлся металлургический очаг. Его конструкция весьма проста: массивная подтрапециевидной формы глиняная платформа длиной до 1,8–2 м и максимальной шириной до 1,2 м при толщине 30–35 см. Глина платформы, как и подстилающего ее слоя, очень сильно прокалена. Платформа также трижды подмазывалась, и следы подмазок сохранились очень хорошо. Судя по всему, плавка руды велась на платформе с использованием открытого огня и угольной засыпки, куда помещался либо глиняный сосуд, либо специально выточенная из песчаника чаша. Вряд ли при плавке могли обходиться без искусственного дутья, однако фрагменты

Рис. 3. Расчистка сакральной ямы-штольни комплекса 1 (раскопки 1994 г.)

обнаруженных здесь глиняных сопел весьма фрагментарны и далеко не бесспорны, что выглядит довольно странным на фоне общего изобилия материалов. Площадь двора к юго-западу от очага, т.е. в стороне от перехода в жилое помещение, покрыта толстым слоем золы и пепла вперемежку с углями, в нем же обнаружено большое количество сравнительно крупных кусков металлургических шлаков. Вся золисто-углистая масса отгребалась мастерами с очага-платформы после завершения плавок. Производственные отходы с очага сбрасывали также в большую и глубокую яму (№ 41), располагавшуюся в 2 м южнее.

Рудный двор представлял собой своеобразный аппендикс, примыкавший с юга к жилому помещению (рис. 2). Он отличался трапециевидной формой с максимальными размерами 3 × 5 м при общей площади до 13–15 м^2. Отсек этот был предназначен для складирования и хранения подготовленной для плавки высококачественной медной руды. Почти на всей поверхности двора сохранился достаточно мощный пласт специально отобранных еще во время функционирования комплекса № 1 богатых кусков окисленных минералов – малахита и азурита.

Сакральная яма-штольня представляет собой одну из наиболее загадочных и примечательных деталей данного комплекса, и ей почти невозможно отыскать аналогий в известных памятниках любого региона Евразии. В обваловке жилого помещения, близ его северо-восточного угла первоначально до глубины примерно 120–140 см была выкопана узкая округлая в сечении шахтовидная вертикальная яма. Затем она резко меняла свое направление и уже строго горизонтально устремлялась в восточном направлении, приобретая характер овальной в сечении и высотой до 70–80 см штольни или же штрека (рис. 3). В самом конце хода полость штольни-штрека заметно расширялась. Общая длина этой странной ямы-лаза достигала 10 м. При этом она "подрезала" северо-восточный угол жилого отсека, проходя не только под его обваловкой, но

и под краем сохранившихся здесь полов (рис. 2). После сооружения штольни ее полость намеренно забутовали, а местами даже затрамбовали перемещающимися линзами и блоками красноватой глины и богатых медных минералов. На поверхности обваловки вокруг устья штольни и непосредственно рядом с нею зафиксированы отчетливые прослойки золы и пепла: видимо, близ засыпанного входа вершились тогда какие-то связанные с огнем ритуалы.

После окончания ее расчистки стало ясно, что к хозяйственным ямам или же своеобразным ямам-накопителям рудных минералов относить этот объект невозможно (особенно очевидным это стало после раскопок рудного двора). Искусственная штольня воспроизводила вполне реальное для Каргалов рудное тело. По всей вероятности, мы натолкнулись на крайне редкий пример имитации такой рудной залежи, которая была всегда столь желанной для горняков – богатой и неглубокой, именно на такие рудные гнезда мечтали напасть рудознатцы в своих тяжких, опасных и крайне неверных подземных поисках. Скорее всего эта яма-штольня явилась отражением одного из "профессиональных" способов мольбы рудознатцев бронзового века к подземным духам – властителям этих несметных богатств (Черных Е.Н., 1997а, с. 38–41).

Яма-траншея для отбросов – сравнительно узкая и глубокая (до 2,5–3 м шириной и 2–2,5 м глубиной) – расчищена нами на протяжении примерно 11 м. Ее западный край начинался примерно в 3 м от границы жилого помещения (рис. 2). Яма была буквально забита разного рода отходами. Заметим кстати, что к фазе II вообще относится очень много ям (до семи десятков), большинство из которых носит бесспорно хозяйственный и вполне обычный для поселенческих памятников характер. Некоторые из них отличались исключительным богатством находок.

Ранние "жилища-норы"

"Жилища-норы" древнейшей хронологической фазы на Горном, кажется, не имеют своих точных параллелей в материалах бронзового века степной Евразии. Удалось зафиксировать не менее 35–36 остатков подобных весьма специфичных жилищ. Их основными признаками для нас служили в той или иной степени сохранившиеся нижние контуры ям и, что зачастую являлось более надежным, остатки полов. Последние чаще всего были выражены не столь ярко, как в перекрывавшем их долговременном комплексе: порой это была лишь более или менее выраженная на суглинке утоптанность темно-серого цвета. Правда, и среди них также нередко удавалось установить до двух-трех уровней перекрывавших друг друга полов. Следы всех жилищ такого рода обнаружены под полами или обваловкой комплекса № 1, что делает их более раннюю дату безупречной. Ямы эти во время сооружения более позднего комплекса № 1 заваливались суглинком или супесью, обычно содержавшими некоторый, в целом небогатый археологический материал. Засыпка утаптывалась, а порой и энергично утрамбовывалась; так, например, почти до состояния бетона была спрессована засыпь котлована жилища № 7.

Конструкция жилищ-нор, как правило, весьма проста: обычная яма глубиной до 1,5–2 м от дневной поверхности с уплощенным или же корытообразным вогнутым дном. Площадь дна жилищ в основном колеблется от 1,5 до 3 м^2, а его контуры довольно разнообразны: от прямоугольных со скругленными углами до овальных вытянутых и даже трапециевидных (рис. 4). Иногда контуры придонных частей жилищ столь тесно примыкали друг к другу и даже сливались, что вполне вероятным представлялось заключение о том, что с поверхности земли для обоих обиталищ могли рыть единую яму и лишь на более низком уровне последняя разделялась на два отсека. Такого рода ямы, к примеру, могли существовать для пар жилищ 13 и 13а, 18 и 19, 8 и 14. Иногда возможно установить последовательность сооружения некоторых из них. Своеобразный "слоеный пирог" мы зафиксировали в квадрате 4625: здесь жилище 29 перерезало жилища 30 и 31, а последние, в свою очередь, перекрывали следы жилища 34.

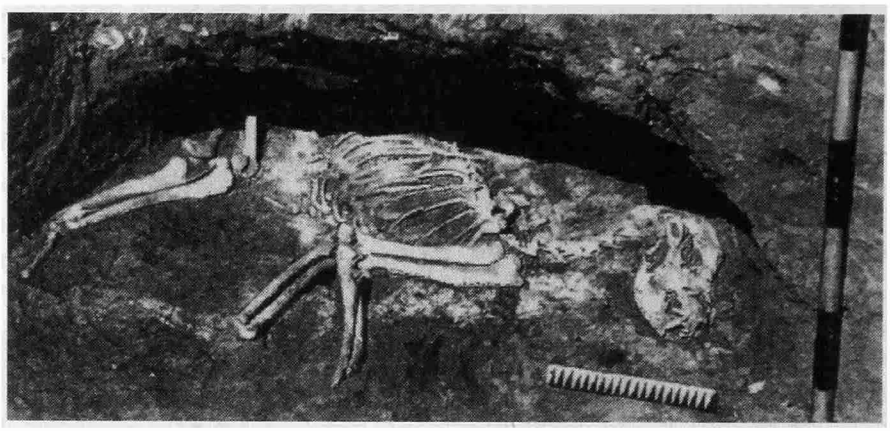


Рис. 4. Погребение собаки в жилище 13 (фаза I)

Судя по всему, эти отличавшиеся крайне простой формой жилища-ямы для тепла и сухости перекрывались с поверхности каким-либо навесом или настилом (скажем, большой шкурой животного). На дне их ямы могли разместиться от 1 до 3 чел. В отличие от более позднего, явно всесезонного крупного комплекса, это были, по всей вероятности, односезонные, по преимуществу летние обиталища горняков. На полах жилищ обычно встречался некоторый материал, но в большинстве случаев незначительный: кости, обломки каменных молотков, фрагменты керамики и др. (см. табл. 3). Лишь изредка (жилище 4) разновременные полы оказывались плотно покрытыми обожженными камнями, углем и сравнительно богатым материалом.

Существенно выделяется на фоне иных изобилием инвентаря жилище 32 (рис. 5), но в нем пока что обследован лишь узкий и полого спускающийся к основной камере вход (?); судя по некоторым признакам, это обиталище должно было к тому же превосходить прочие и своими крупными габаритами. Упомянем здесь также о любопытных находках в паре совмещенных жилищ 13 и 13а. На полу первого из них была захоронена собака (кобель), и ее скелет сохранил свой анатомический порядок под намеренной глиняной насыпью (рис. 4). В смежном жилище были обнаружены крохотные скелетики двух телят: первый теленок оказался новорожденным, косточки же второго принадлежали извлеченному из утробы коровы эмбриону.

Таблица 3

Распределение археологического материала по хронологическим фазам (раскоп 1)

Материал	Хронологическая фаза					Всего
	I	II	III	IV	н/о	
Керамика (фрагменты и целые сосуды)	1953	12754	5558	51633	3908	75806
Металл (образцы)	23	364	146	624	18	1175
Фрагменты литейных форм (створки)*	5(5)	61(12)	13(7)	51(33)		130(57)
Шлак	21	700	265	2212	44	3242
Каменные молоты и молотки (включая фрагменты)	38	133	77	317	29	594
Фрагменты костей**	34020 (406)	257759 (2433)	137520 (1283)	1029026 (11671)	91575 (1012)	1549900 (16805)

* В скобках отмечено количество створок литейных форм.

** В скобках указан объем костной массы в дм^3 (литрах).

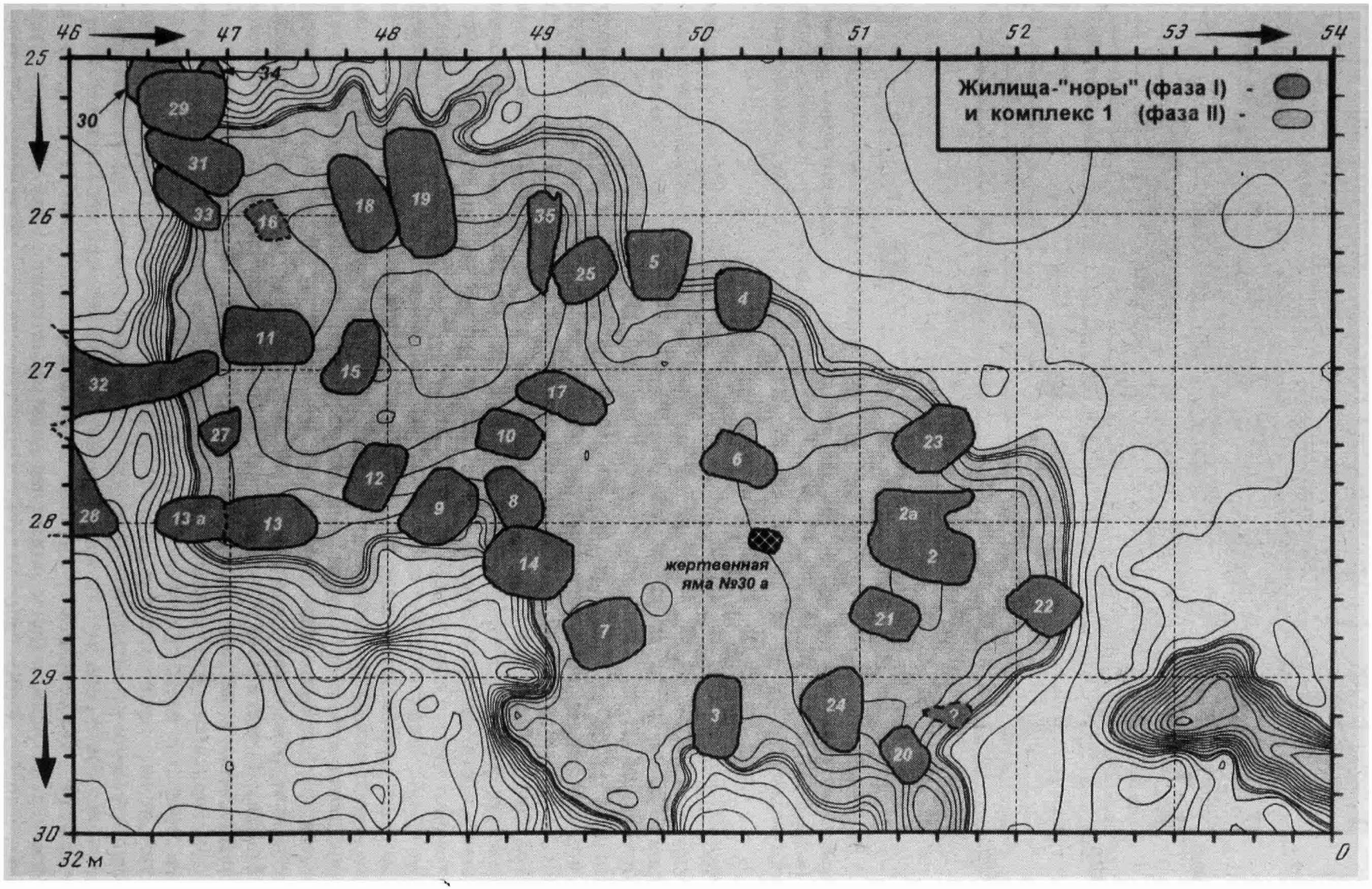


Рис. 5. Планиграфическое соотношение "жилищ-нор" (фаза I) и комплекса № 1 (фаза II)

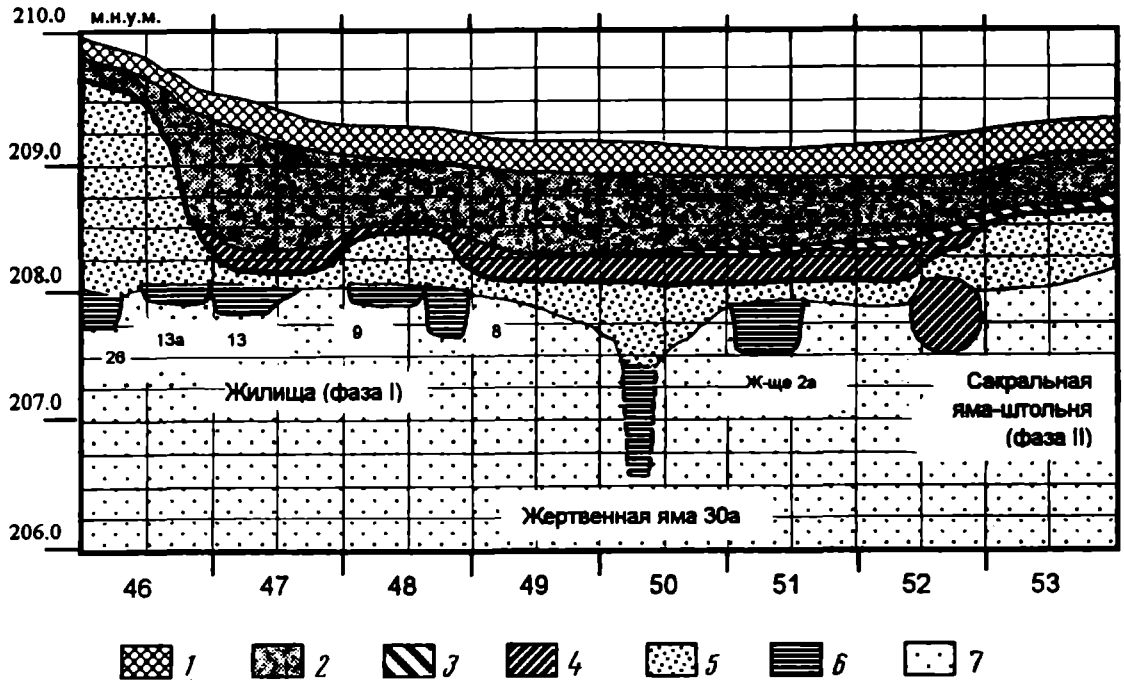


Рис. 6. Стратиграфический разрез-схема через кв. 4628–5328 по линии 28 (см. рис. 4). *1* – гумусированный почвенный слой; *2* – отложения фазы IV (свалка); *3* – отложения фазы III; *4* – отложения фазы II – комплекс № 1 (плавильный двор – кв. 4728; жилое помещение – кв. 4928–5228); *5* – суглинистая обваловка и платформа котлована комплекса № 1 (фаза II); *6* – жилищные и жертвенная ямы фазы I; *7* – материковый суглинок

Кроме всего прочего, для исследователей, на наш взгляд, весьма примечательными являются два обстоятельства: во-первых, план или система расположения ранних жилищ и, во-вторых, планиграфическое соотношение данной системы с более поздним комплексом № 1.

На плане расположения жилищ-нор вполне отчетливо вырисовываются две их группы, причем сами группы по количеству жилищ равноценны. Восточная группа образует довольно правильный круг из 17 (или 18) обиталищ (2а, 2б, 3–8, 10, 14, 17, 20–25). В центре круга находилось жилище 6 с расположенной неподалеку очень глубокой жертвенной ямой (№ 30а), буквально забитой самым разнообразным материалом (в основном кости, глиняные горшки, камень). Этот круг чрезвычайно точно совпадает с котлованом жилого помещения более позднего комплекса № 1 (рис. 5). Западная группа, представленная пока что также 18 прочими жилищами, по своей планиграфии более беспорядочна; жилища могли здесь "налезать" друг на друга, как мы об этом уже говорили ранее. При этом большинство их столь же четко сопряжено уже с котлованом плавильного двора, под полами которого их и обнаружили. Некоторые из них, включая предположительно самое крупное жилище № 32, хотя бы своими краями, но выходили за грани двора (последнее, правда, перекрывала его глиняная обваловка).

Планиграфический анализ расположения построек двух ранних фаз совершенно недвусмысленно показывает, что обе системы сооружений тесно связаны между собой. Фундаментальный и всесезонный комплекс более позднего периода горняки и металлурги строили на месте старых жилищ-нор, уничтожая последние (рис. 6), но при этом исключительно строго следуя прежним местам обитания и работы горняков. События эти знаменовали решительную перемену в стратегии всей жизнедеятельности горняков бронзового века на Каргалах (или же, по крайней мере, на Горном). В первую очередь при этом менялась организация их повседневного горно-металлургического производства. Видимо, более или менее дальние летние походы за медной рудой к рудным выработкам Каргалов в какой-то момент горняки сочли нецелесообразными и потому решили прочно осесть в непосредственной близости от тех шахт и штолен, которые, по всей вероятности, им и принадлежали. Слов нет, здесь было намного

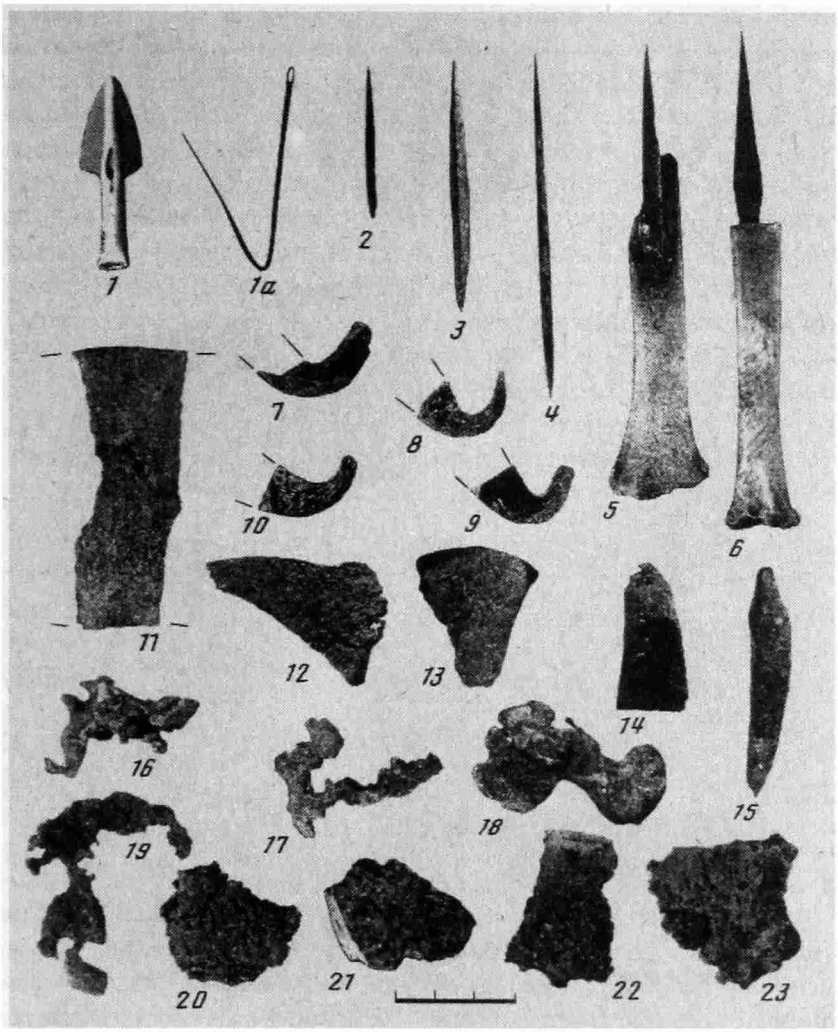


Рис. 7. Медные изделия и слитки: *1* – наконечник стрелы; *1а* – игла; *2–6* – шилья (*5* и *6* – в костяных рукоятях); *7–13* – фрагменты серпов; *14, 15* – долото и пробойник; *16–19* – слитки-сплески; *20–23* – обломки крупных слитков черновой меди. Хронологическое положение: фаза I, жилище 2 – *17*; фаза II, комплекс I – *1, 6, 13, 15, 18–20, 22*; фаза III – *4, 9*; фаза IV – *1а – 3, 5, 7, 8, 10–12, 14, 16, 21, 23*

удобнее в любое время дня и ночи спускаться в шахты, обогащать минералы, доставлять их к плавильному очагу, наконец, охранять принадлежащую им руду от непрошенных кладоискателей. Но вспомним, что жилье их было далеко от воды, что воду нужно было таскать и летом, и зимой от реки к жилищу... Но все же самое главное здесь – это зимние ледяные стужи и неистовые степные ветры на голой вершине холма! Как можно было переносить все это? Мы не обсуждаем и условий повседневного обитания и работы на поверхности: возможна ли вообще была в подобных условиях нормальная металлургическая и металлообрабатывающая деятельность? И тем не менее жизнь протекала именно так.

Сейчас очень трудно сказать, сколь долго длилось существование большого комплекса. В конечном итоге он сгорел и был разорен. Вполне вероятно также, что его разрушение и гибель явились результатом нападения каких-то чужеродных групп. В глине обрушившейся кровли был обнаружен застрявший металлический наконечник стрелы (рис. 7, *1*), совершенно чуждый местной традиции металлообработки как по своей "восточной" форме, так и по химическому составу металла. В любом случае после этой катастрофы никаких попыток восстановить комплекс не предпринималось; мы зафиксировали лишь робкие попытки утилизации его руин. Совершенно очевидно, что

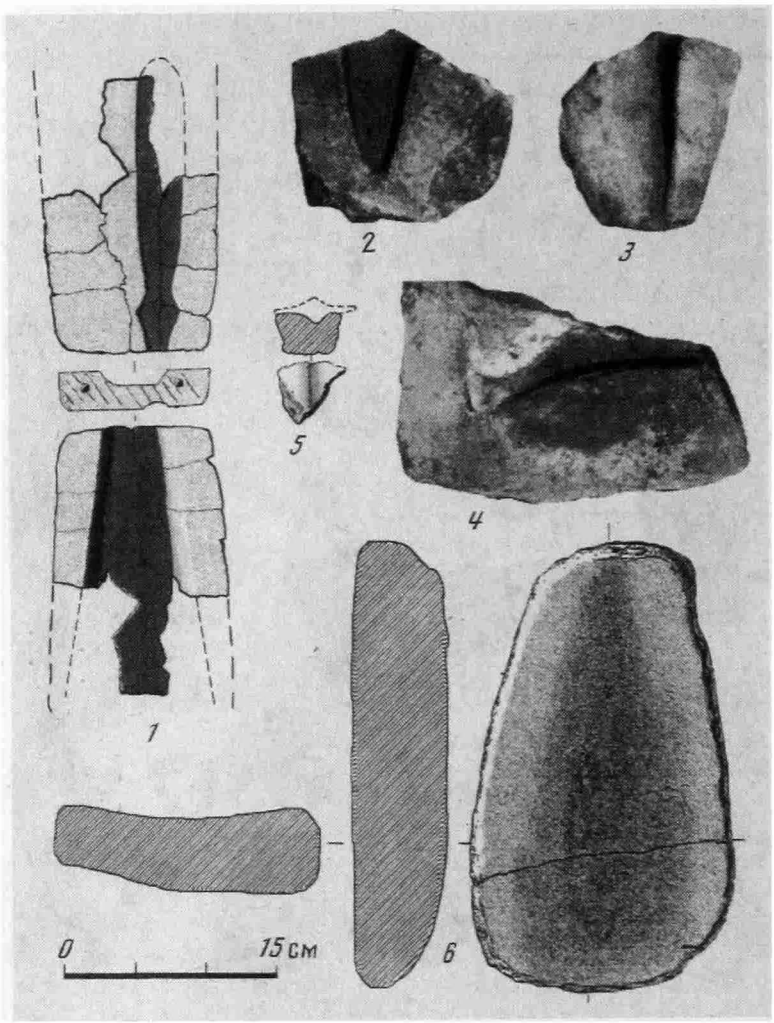


Рис. 8. Фрагменты литейных форм из Горного: *1* – створка с негативами массивного тесла и ножа (комплекс 1, фаза II); *2–4* – створки для отливки заготовок массивных горнодобывающих орудий (фаза IV); *5* – створка для наконечника копья (фаза IV); *6* – крышка для отливки заготовки массивного горнодобывающего орудия со следами сильной прокаленности (жилище 20, фаза I). Материал: *1* – сланец, *2–6* – песчаник

руины подверглись тогда частичной разборке, и это было заметно по перемещенным участкам глинобитного плетня-кровли. Видимо, старались собрать из-под обрушившейся кровли весьма дорогое на Каргалах дерево, а также те каменные и иные орудия, о местоположении которых люди имели достаточно четкое представление (скорее всего, этим занимались те уцелевшие аборигены, что обитали здесь до разорения).

Достаточно отчетливые следы сооружений следующей фазы III мы обнаружили лишь на месте рудного двора бывшего комплекса. Люди продолжали, видимо, постоянно жить здесь по существу на крайне небольшом участке (субфаза III-а, не более 15–17 м^2), ограниченном старой и неподправленной обваловкой (жилище 26). Об этом говорят неплохо сохранившиеся и обширные фрагменты полов (последние перекрывали пласт медных минералов прежнего рудного двора). Через некоторое время прежнюю обваловку нарастили дополнительной отсыпкой (субфаза III-б), в результате чего и без того незначительная площадь обитания в конечном итоге уменьшилась вдвое.

К той же фазе III относятся и неясные куски "полов-утоптанностей" над бывшим жилым помещением раннего комплекса № 1. Интерпретировать их трудно: возможно,

последние являлись следами легких сезонных шалашей, где в летние сезоны ютились горняки. Более отчетливые свидетельства производственной деятельности на этой фазе сохранились в виде двух небольших очажков-плавилен. Последние располагались на поверхности восточной части прежней обваловки жилого помещения (квадрат 5228). На огне одного из них, вероятно, в тиглях расплавлялась медь, другой служил для разогрева литейных форм; массовая створка одной из них была найдена совсем рядом с последним (рис. 8, *4*). Зола и пепел с этих огнищ откидывались в котлован поверх рухнувшей некогда кровли бывшего жилого помещения; здесь и была сосредоточена основная часть массового материала (табл. 3).

В конечном итоге следы каких-либо жилищ совершенно исчезли с данного участка. Обитатели уже иных мест селища стали заполнять отбросами сохранившийся котлован; но где и как обустраивались тогда эти люди, нам пока что определить не удалось. Наступившая IV и финальная фаза селища характеризовалась на этом участке богатой и многообразной свалкой самых разных материалов, откуда и происходит их львиная доля.

Археологические материалы

Насыщенность культурного слоя селища находками исключительно велика. Только с площади основного раскопа № 1 всего в 608 м^2 нам удалось собрать громадный и разнообразный массовый материал – керамику, металл, металлургический шлак, литейные формы, каменные молотки и молоты и др. (табл. 3). Совершенно особое место среди изобильных материалов с Горного занимает, конечно же, остеологическая коллекция[6]. Собрано более 1,5 млн. (!) целых костей и их фрагментов, и объем этой громады достигал почти 17 м^3.

Ограниченный объем статьи позволяет коснуться материалов относительно кратко, да и к тому же лишь массовых. Распределение последних по хронологическим фазам приводится в табл. 3. Некоторую часть находок мы не смогли достаточно корректно сопоставить ни с одной из фаз, и потому они попали в раздел неопределенных (н/о). Более или менее строгое соответствие материала всем четырем фазам наблюдалось на хорошо стратифицированных участках раскопа. Здесь в качестве специфического и весьма четкого репера сохранялись руины большого комплекса, под ними – более древние норы-жилища, над руинами – более или менее ясные следы утлых сооружений фазы III и, наконец, еще выше – свалка фазы IV (рис. 6). Однако находки, обнаруженные за пределами стратифицированных участков раскопа (в первую очередь вскрытые в 1992 г.), мы помещали в разряд неопределенных.

Находки в отложениях фазы IV всегда доминируют над иными, представляя больше половины всей коллекции. Однако если такие "бросовые" материалы, как керамика, шлак и кость, занимают не менее 2/3 общей массы (66–68%), то более ценные – металл, каменные молоты, а также литейные формы – попадали на эту свалку заметно реже. Доля первых двух близка к 53%, а у створок литейных форм она превышает 57%.

Керамика. Из почти 76 тыс. фрагментов к настоящему времени удалось досконально обработать немногим более половины – 39 тыс. Весь изученный до настоящего времени массив представляет не менее чем 3170 сосудов, если исходить из обследования и сопоставления между собой всех венчиков, сохранившихся в данной коллекции. Количество сосудов – либо изначально сохранившихся на полную высоту, либо тех, что удалось реставрировать до полного профиля, – весьма невелико, всего 33 экз. Однако во много раз больше посуды, которую удалось реставрировать от венчика вплоть до

[6] Следует заметить, что подобное богатство коллекции собранных здесь различных материалов во многом обусловлено методикой применявшихся на Горном раскопок; абсолютно весь исследованный слой подвергался ручной переборке и тщательному просмотру; так называемый сбор материалов "с лопаты" не допускался совершенно. В связи с исключительным изобилием костного материала ему в этом номере журнала посвящена специальная статья Е.Е. Антипиной.

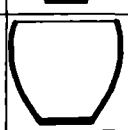
Класс L		Хронологические фазы				Всего (из них % орнамент.)
		I	II	III	IV	
1			1		3	4 (75)
2		1	11	4	36	52 (80,8)
3		8	17	17	71	113 (84,6)
4		2	2			4 (75)
5		2	3	2	5	12 (50)
6		1	7	6	18	32 (65,6)
7		1	7	3	13	24 (83,3)
8			2	2	7	11 (100)
Всего		15	50	34	153	252 (89,2)

Рис. 9. Морфологическая схема основных типов сосудов класса L и их распределение по хронологическим фазам

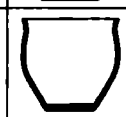
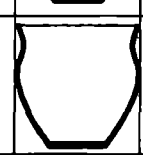
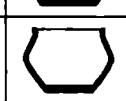
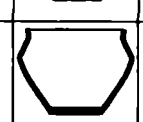
Класс S		Хронологические фазы				Всего (из них % орнамент.)
		I	II	III	IV	
1		2	10	7	17	36 (91,7)
2		1	3	1	2	7 (85,7)
3		1	1	3	4	9 (77,8)
4		1	10	6	26	43 (86)
5		1	7	4	6	18 (100)
6			12	4	12	28 (85,7)
7			11		3	14 (85,7)
8		2		2	1	5 (100)
9		2	1	2	2	7 (100)
Всего		10	55	29	73	167 (89,2)

Рис. 10. Морфологическая схема основных типов сосудов класса S и их распределение по хронологическим фазам

максимального расширения тулова: 402 экз. Все они позволили с различной степенью надежности судить о полном профиле банки или горшка, поскольку керамическая посуда с Горного практически не выходит за рамки весьма единообразного стандартного "срубного" облика Волго-Уральского региона.

Как и для всех иных коллекций срубной общности, в керамике из Горного выделены два основных класса посуды[7]. Их различие происходит из формы профиля: 1) линзовидные, или класс L, 2) S-видные, или класс S. Геометрически простой профиль первых (рис. 9) ближе всего отвечает сечению выпуклой линзы (или же ее нижней половинки); в археологической литературе такие сосуды обычно именуют банками. Профиль посуды другого класса более сложен (рис. 10) и напоминает латинскую букву S; чаще всего в той же литературе их называют горшками. Дифференциация сосудов уже внутри указанных классов, как правило, наталкивается на немалые сложности, и выделение здесь более мелких типологических разрядов весьма затруднено. Основной причиной этого, несомненно, служит крайне слабая морфологическая вариабельность "срубной"

[7] Публикуемая здесь морфологическая схема носит предварительный характер, поскольку изучение керамики с Горного еще продолжается.

посуды в целом – не только внутри выделенных здесь классов, но даже между ними. При этом похоже, что в "срубных" сообществах при изготовлении сосудов отсутствовали строгие и жесткие нормы, которым обязан был следовать мастер при лепке неких традиционно заданных или же стандартных типов или моделей. Именно поэтому мы постоянно наталкиваемся на очевидную "непрерывность" в вариации типов. Границы между типологическими разрядами кажутся тогда размытыми и стертыми, и это в полной мере отразилось на наших сводных таблицах-рисунках (рис. 9 и 10).

Одним из путей преодоления столь досадной для исследователя неопределенности в типологических гранях может стать метод выделения общих для культуры морфологических эталонов и сопоставления с ними корректно реставрированных керамических образцов. Естественно, что наибольшего эффекта здесь можно ожидать при компьютерной обработке всего массива данных, включая различия между эталонами, степень сходства сравниваемых с ними форм, а также параметрические данные сосудов[8].

Основные результаты проведенного морфологического анализа представлены на рис. 9 и 10. Из 435 сосудов удалось разнести по классам L и S 419 экз.; 16 сосудов в связи с уже упоминавшейся "размытостью" граней не удалось корректно сопоставить ни с одним из типологических разрядов. Как и в большинстве коллекций срубной общности, преобладает класс L (банки) – 252 экз. против 167 класса S (или около 60%). Почти 45% среди банок занимает форма L-3, прочие резко уступают ей по своей доле. Среди класса S столь явно выраженного лидера не встретилось, некоторое исключение составляет разряд S-4, но это лишь четверть от всех горшков.

Сосуды класса S, как правило, более изысканны не только по форме, но также относительной тонкостенности, оформлению поверхности стенок за счет их орнаментации и порой встречающейся подлощенности. Декор покрывает поверхность 9 горшков из 10, в то время как стенки банок покрыты узорами реже (7 из 10), да и узоры на них заметно скромнее. Однако в целом доля декорированной посуды с Горного заметно выше, нежели, к примеру, в срубных поселенческих памятниках Поволжья (Изотова М.А., 1996, с. 32–42). Из элементов орнамента намного чаще иных использовался зубчатый штамп (рис. 11, *5, 6, 9, 10, 13–15*), за ним следовали простые линии и точка (рис. 11, *1–3*). Классические орнаментальные – налепные (но не каннелюры – см. рис. 11, *12*) валики по горлу сосуда, характеризующие финальный этап евразийских степных и лесостепных позднебронзовых культур, в коллекции из Горного исключительно редки: всего три сосуда.

Из примесей к глиняному тесту, безусловно, первенствует шамот (более 50% сосудов); за ними следуют песок (более 20%) и раковина (10%). До 3% сильно профилированных и пышно орнаментированных горшков (разряды S-6, рис. 11, *12*) выделяются примесью талька и слюды, что, согласно имеющим широкое хождение в археологической литературе традиционным взглядам, свидетельствует о контактах со Средним Зауральем. В качестве местной и крайне специфической примеси необходимо отметить медные минералы и металлургический шлак, причем порой даже с включениями медных капель (6% сосудов).

Распределение всех реконструированных сосудов весьма неравномерно. Более половины (около 55%) из них относится к свалке фазы IV, четверть – к большому комплексу фазы II; лишь менее 6% обнаружено в жилищах-норах фазы I. Вместе с тем в свалке поздней фазы по-разному нарастают доли обоих морфологических классов. Класс L увеличивает свой процент существенно быстрее: 60,7% против 43,7%. Однако в настоящий момент трудно сказать, отражает ли это общий процесс возрастания доли банок к финальным фазам срубной общности или же это лишь специфика Горного.

В целом же (за некоторыми исключениями) лаконично представленная здесь кера-

---

[8] К сожалению, мы не в состоянии уделить здесь сколько-нибудь подробного внимания способам этой компьютерной обработки. Принципиальное сходство данный момент имеет с охарактеризованным ранее морфологическим анализом образцов (см.: Черных Е.Н. и др., 1996, с. 99, 100), хотя в указанной публикации речь шла лишь о металлических изделиях.

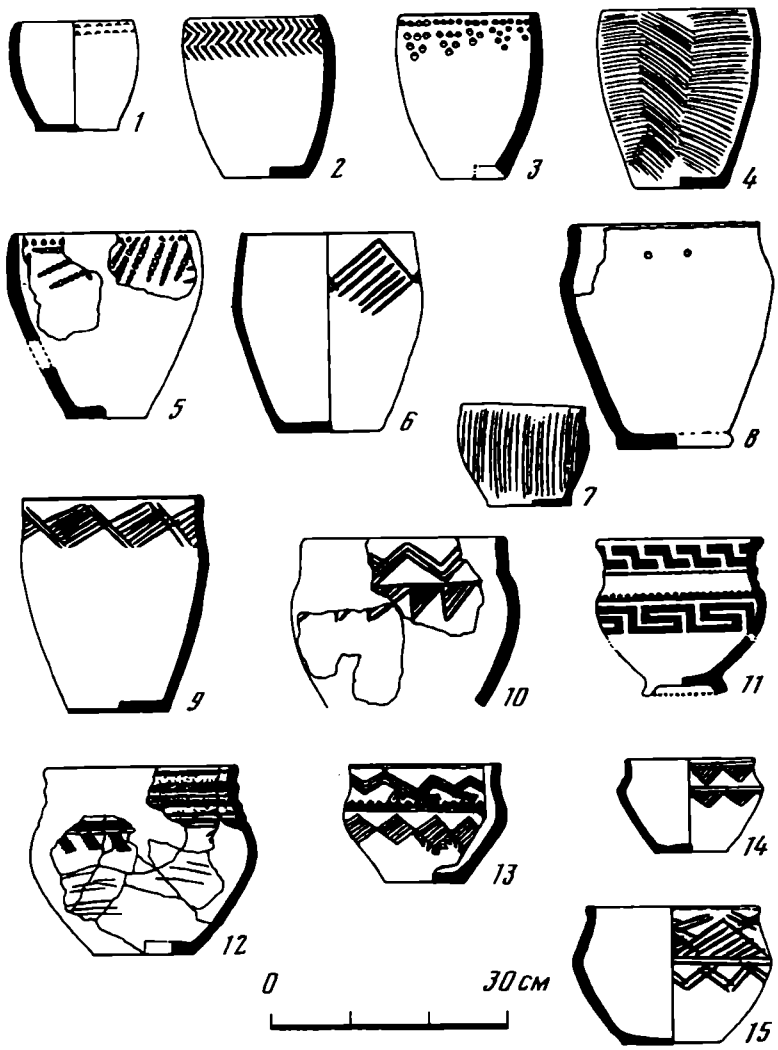


Рис. 11. Некоторые глиняные сосуды из Горного. Фаза II: *1, 6, 10–12* (комплекс 1). Фаза I: *3, 7, 13* (яма 30а), *4* (жилище 5), *5* (жилище 7), *9* (жилище 22), *14* (жилище 20), *15* (жилище 21). Фаза III: *8* (яма 33а). Фаза IV: *2. 1* – класс L-3; *2–4* – класс L-4; *5* – класс L-5; *6* – класс L-7; *7* – класс S-2; *8, 9* – класс S-4; *10* – класс S-7; *11, 12* – класс S-6; *13, 15* – класс S-8; *14* – класс S-9

мическая коллекция достаточно типична для волго-уральских комплексов срубной культурно-исторической общности (см., например: Моргунова Н.Л., Порохова О.И., 1989, с. 160–167; Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1992, с. 24–31, 106–121, 124–126; Изотова М.А., 1996, с. 31–43) на классической фазе развития последней. Саму же эту фазу авторы понимают как время после исчезновения в комплексах типичных абашевских колоколовидных форм сосудов и до массового появления в степях и лесостепях Евразии керамики с налепными валиками (так называемая общность культур с валиковой керамикой).

В отличие от керамики все прочие находки с Горного несут на себе чрезвычайно сильный отпечаток профессиональной специфики его обитателей, и в первую очередь это отразилось на металле, шлаках, литейных формах и каменных молотках.

Металл. Коллекция медных предметов, происходящих с ограниченной площади лишь одного раскопа, состоит из 1175 экз. Цифра эта не может не впечатлять, поскольку мы не в состоянии даже близко поставить рядом с Горным ни один из бытовых памятников на всем громадном пространстве Северной Евразии. Уникальный характер коллекции будет совершенно очевиден даже при учете того, что она почти на 82%

Таблица 4

Распределение по хронологическим фазам металлических изделий и отходов производства

Категория металлического предмета	Хронологическая фаза					Всего
	I	II	III	IV	н/о	
Кирка-пешня (втулка)		2				2
Кайло, пробойник (раб. край)		4		5		9
Наконечник стрелы		1				1
Нож		1		5		6
Серп			2	7		9
Шило		2	1	9		12
Игла	1			1		2
Крюк				4		4
Обойма				4		4
Браслет				1		1
Пронизь				1		1
Пластина	3	14	3	24		44
Скрепа				1		1
Гвоздик			1			1
Отходы кузнечной обработки, полуфабрикаты	2	35	8	71	1	117
Отходы выплавки металла (слитки, слиточки, капли)	17	305	131	491	17	961
Всего образцов	23	364	146	624	18	1175
(из них изделий)	(4)	(24)	(7)	(62)		(97)

состоит из бесформенных отходов выплавки меди – 961 образец (рис. 7, *16–23*). Кроме них здесь 97 морфологически определенных изделий и 117 заготовок или же неопределенных по своей форме отходов металлообрабатывающего (кузнечного) производства. Среди морфологически определенных изделий лишь два предмета (пронизь и браслет), безусловно, принадлежат классу украшений; все прочие относятся либо к классам орудий и оружия либо к предметам с неопределенной функцией (табл. 4).

С точки зрения состава металла, все проанализированные изделия и образцы (более трех десятков) совершенно однотипны – это химическая группа МП или же медистых песчаников (Черных Е.Н., 1970, с. 15, 17, 122), что совершенно естественно для горно-металлургического производства, базирующегося исключительно на данном типе медных руд. С позиции принадлежности к металлургической группе здесь полностью господствует не легированная дополнительными примесями так называемая чистая медь. Контрастом в этой монотонной картине служит металл небольшого втульчатого наконечника стрелы (рис. 7, *1*), застрявшего в обрушенной и сгоревшей кровле комплекса № 1 (фаза II). Его "восточная" форма чужда прочим изделиям из Горного, равно как отличен от местного и химический состав бронзы этого наконечника: высоколегированный сплав меди с оловом (12,6% Sn). Основные регионы распространения подобных или близких по форме наконечников – степное и лесостепное Зауралье, Казахстан, север Средней Азии (см., например: Аванесова Н.А., 1991, с. 38–47); в Волго-Уралье они уже весьма редки. Все прочие предметы (а много чаще их фрагменты) вполне соответствуют "срубным" стандартам, будь то ножи (рис. 8, *1*), косари-серпы (рис. 7, *7–12*) или шилья (рис. 7, *2–6*). К сожалению, большинство изделий в коллекции представлены фрагментами, и в первую очередь это относится к крупным орудиям горного дела, от которых до нас дошли лишь рабочие концы или же втулка (рис. 7, *13*). По всей вероятности, подобных орудий – кайл, пешней и т.п. – отливалось и отковывалось очень много, но гораздо легче об этом судить по многим обломкам литейных форм.

Таблица 5

Распределение негативов различных изделий на створках литейных форм по хронологическим фазам

Негатив (категория изделия)	Хронологическая фаза					Всего
	I	II	III	IV	н/о	
Кирка-пешня втульчатая	1	1	1	1		4
Кайло	1	4	2	14		21
Тесло плоское		6	3	3		12
Нож		2	2	2		6
Косарь-серп			1	1		2
Наконечник копья				1		1
Неопределенная				3		3
Всего негативов (створок)	2(5)	13(12)	9(7)	25(33)		49(57)

Литейные формы. Всего удалось выявить 130 обломков двух- или даже многостворчатых изделий этой категории. Из них удалось реставрировать (или же определить) 57 в той или иной мере полных створок, в число которых включены и 5 крышек. В большинстве случаев материалом для литейных форм служил песчаник (42 экз.), а в 15 случаях использовался сланец. С разной степенью уверенности на створках удалось верифицировать 49 негативов-матриц (табл. 5)[9].

Полости матриц у ряда форм сохранили следы обмазки белой огнеупорной (каолиновой) глины (рис. 8, *4*). В большинстве случаев створки первых трех фаз несут на себе явные следы употребления в виде прокала (рис. 8, *1*, *4–6*). Однако большинство литейных форм фазы IV являются лишь их неудавшимися заготовками и сброшенным на свалку браком (рис. 8, *2*, *3*).

Каменные молоты, молотки и наковальня (рис. 12 и 13). Кроме литейных форм, камень на Горном употребляли при выделке различного рода инвентаря для горно-металлургических работ (молоты и молотки, ступы, наковальни и др.), а также украшения (подвески). Среди подобных изделий в категорию массовых находок попадают, пожалуй, лишь молотки и отчасти молоты (кувалды); все прочие уже существенно уступают им по количеству.

Для молотов и молотков почти исключительно использовали речные окварцованные или же окремнелые гальки и валуны. Их прочность в сравнении с песчаником была заметно выше (только очень редко для этой цели использовали обломки окаменелых деревьев). На Каргалах галечниковые запасы отсутствуют, но их богатые россыпи находятся сравнительно недалеко – по долинам Салмыша, Сакмары, Урала, а также Самары уже в волжском бассейне (в пределах 50–100 км). По всей вероятности, именно оттуда данный материал доставляли к рудникам. Судя по всему, крупные гальки-валуны весом от 1 до 9 кг (рис. 13) использовались в основном для горнопроходческих работ и дробления крупных блоков песчаника. Менее тяжелые гальки – от 1 кг до 100 г – употребляли при измельчении рудных минералов в песчаниковых ступах, а также в процессе проковки медных болванок на наковальнях (рис. 12). Культурный слой содержал также и более легкие гальки (до 100 г), однако следов работы на них не выявлено. Очень часто мелкие и крупные гальки шли в работу без какой-либо подработки формы, но во многих случаях на округлом камне наносился точечной техникой своеобразный поясок-перехват, что делало крепление молотка к рукояти более надежным (рис. 12 и 13).

[9] Под створкой понимается монолитная часть двух- или многосоставной литейной формы, на которой вырезаны или отпечатаны одна или несколько негативов-матриц; под створками мы понимаем также и крышки литейных форм, на которых матрицы не вырезались.

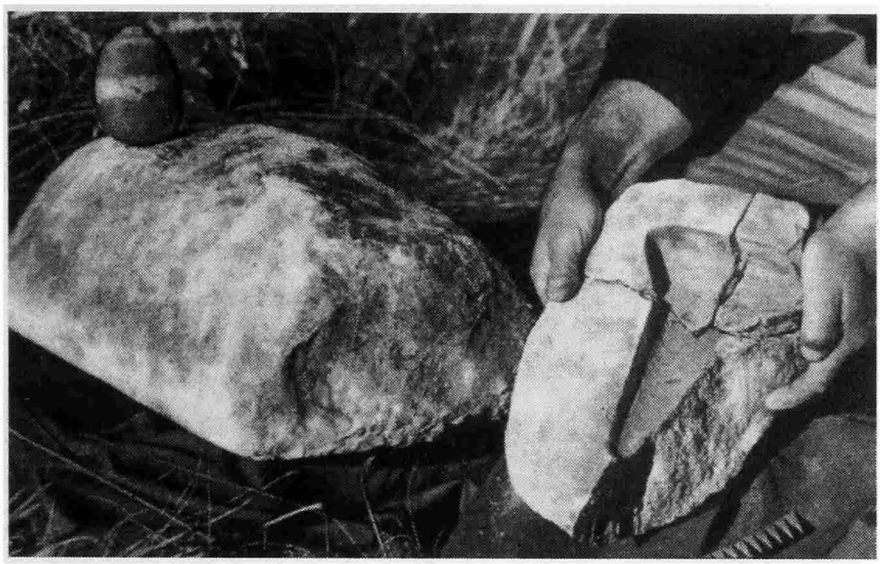


Рис. 12. Каменные наковальня, молоток и литейная форма для заготовки крупного горнодобывающего орудия с плавильного двора комплекса 1 (кв. 4627, фаза II)

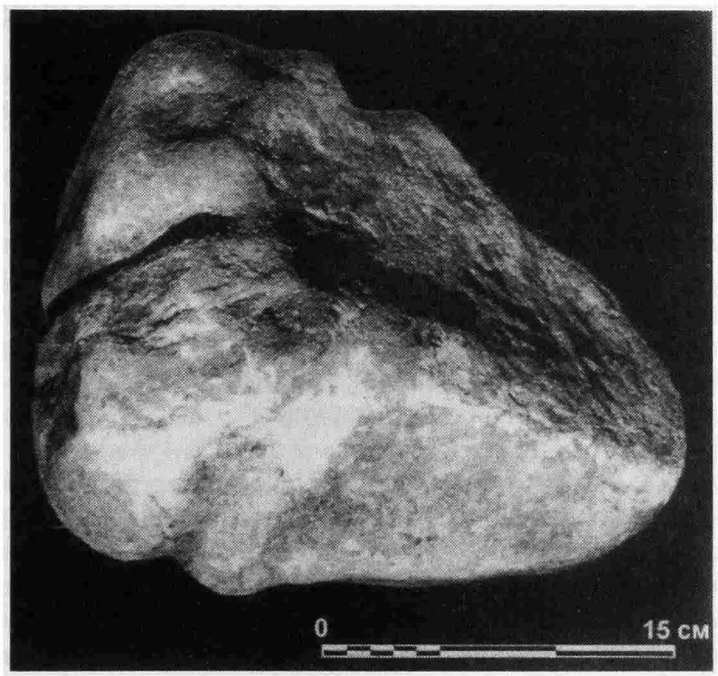


Рис. 13. Каменный молот из-под пола плавильного двора комплекса 1 (вес 8,6 кг, кв. 4725, фаза II)

Из 594 молотов, молотков и их обломков удалось определить или же с достаточной мерой надежности реконструировать вес только для трети (186 экз.). Попытки же путем статистического анализа распределения весовых показателей выявить у окремнелых галек-молотков какие-либо четкие функциональные группы к успеху не привели. Поэтому мы ограничились разнесением этих 186 молотков и молотов по тем весовым разрядам, что приводятся в табл. 6.

Из крупных каменных изделий безусловного упоминания заслуживает массивная (36,7 кг) наковальня (рис. 12), обнаруженная близ западной обваловки плавильного двора вкупе с кучкой из восьми ка́менных молотков и большой литейной формой. Для ее изготовления использовали, видимо, какую-то прочную кристаллическую породу, неизвестную для Приуралья; ближайшие выходы этих пород встречаются сравни-

Таблица 6

Распределение каменных ударных орудий по весовым разрядам и хронологическим фазам

Орудия (весовые разряды в граммах)	Хронологическая фаза					Всего
	I	II	III	IV	н/о	
100–299 (молотки)	5	15	12	52	3	87
300–499 (молотки)	5	13	1	19	2	40
500–699 (молотки)	1	8	2	7		18
700–899 (молотки)	5	4	1	1		11
900–1099 (молотки)	1	5		1		7
1100–2100 (молоты)	3	5		1	1	9
2900–5900 (молоты)		3	2			5
6800–8600 (кувалды)		6		3		9
Всего	20	59	18	83	6	186

тельно далеко к востоку, уже на коренном Урале, откуда ее, по всей вероятности, и доставили на Каргалы. Сама наковальня тщательно отделана и походит на распиленный вдоль блок каменной колонны.

Гадальные (игральные) кости. Вся остеологическая коллекция, равно как и костяные изделия, рассматриваются в параллельной статье Е.Е. Антипиной. Здесь же мы вкратце коснемся лишь одной из самых любопытных категорий костяных изделий – гадальных (или игральных?) фишек. Всего их найдено 20 экз. (13 готовых и 7 заготовок). Лучевую кость коровы аккуратно обрезали по всей длине, придавая ей вид четырехгранного удлиненного стержня, который затем распиливали на ряд брусочков. Брусочки тщательно заполировывали, сглаживая грани, а на четырех длинных фасках брусочков наносили риски. Комбинаторика рисок-насечек всегда была одна и та же: "один – два – четыре – много" (рис. 14), причем "четыре" могли обозначать четырьмя параллельными или же двумя перекрещивающимися диагональными линиями (рис. 14, *3*, *4*). В жилищах-норах этих находок не обнаружено; они сопрягались по преимуществу с отложениями более поздних фаз: фаза II – 7 экз., III – 1 экз. и IV – 12 экз.

Такого рода изделия хотя и очень редки, но порой встречаются в степных и лесостепных памятниках срубно-андроновского мира; однако коллекция из Горного двукратно превосходит все прочие находки такого рода в их генеральной совокупности. Вполне вероятно, что в жизни и повседневной работе каргалинских мастеров эти кости могли играть особую роль исключительно важного инструмента предсказаний, столь бесценного (по мнению тех горняков, конечно) при тяжких и неверных поисках гнезд богатой медной руды.

Радиоуглеродное датирование

Для установления абсолютной хронологии по содержанию изотопа ^{14}C в лаборатории Британского музея[10] проанализированы шесть образцов с Горного. Образцы были отобраны из слоев и комплексов всех основных хронологических горизонтов селища (табл. 7, рис. 15).

По всей вероятности, наиболее реальными хронологическими границами функционирования селища Горный (во всяком случае исследованной его части) являются XVII–XV вв. до н.э. (1690–1410 гг.), если исходить из 68-процентной суммы вероятности всех

[10] За проведенные анализы выражаем свою глубокую признательность сотруднику Отдела научных исследований Британского музея д-ру Джанет Амберс.

Таблица 7

Результаты радиоуглеродного датирования материалов с селища Горный

Шифр	Материал	Местонахождение (комплекс)	Фаза	Дата ^{14}C от 1950 г.	Вероятность калиброванных дат, годы до н.э.	
					68,2%	95,4%
ВМ-2963	Трубчатая кость коровы	кв. 5128, яма 5а	I	3380±35	1740–1640 (1,0)	1870–1840 (0,02) 1770–1600 (0,95) 1560–1530 (0,03)
ВМ-2962	То же	кв, 5127, Жилище 2	I	3340±35	1690–1600 (0,85) 1560–1530 (0,15)	1740–1520 (1,0)
ВМ-2945	Уголь, ольха, возраст до 5 лет	кв. 5128, кровля жил. помещения комплекса 1	II	3270±40	1615–1515 (1,0)	1680–1450 (1,0)
ВМ-3016	Трубчатая кость коровы	кв. 5128-в, гл. 100–120 см	III	3120±45	1500–1490 (0,02) 1450–1370 (0,75) 1350–1310 (0,24)	1520–1300 (1,0)
ВМ-2964	То же	кв. 5128-г, гл. 80–100 см	III или IV-а	3170±50	1515–1420 (1,0)	1600–1650 (0,03) 1530–1380 (0,93) 1350–1310 (0,04)
ВМ-2965	»	кв. 5128-в, гл. 40–60 см	IV-б	3220±35	1525–1445 (1,0)	1610–1420 (1,0)
Сумма вероятностей			I–IV		1690–1410 (1,0)	1750–1380 (0,97) 1360–1310 (0,03)

калиброванных датировок. Заметим также, что даже в случае использования 95%-ного уровня вероятности верхняя и нижняя хронологические границы существования Горного расширяются в целом несущественно – в основном до 1750–1380 гг.

Корреляция датировок с хронологическими фазами селища показывает их неплохую взаимосвязь, что и продемонстрировано на рис. 15. Наиболее древние датировки принадлежат материалам фазы I (по преимуществу XVII в.); основной комплекс № 1 пережил свою катастрофу, видимо, в XVI столетии, а его котлован заваливался отбросами уже в XV в. до н.э. Лишь одна исследованная в данной серии кость, отнесенная нами к фазе III (образец ВМ-3016), обнаружила некоторое отклонение от этой достаточно четкой тенденции: ее дата самая поздняя среди прочих. Нельзя исключить, что образец изначально относился к поздней свите отложений, но за счет активности грызунов он переместился в более глубокие горизонты культурного слоя.

Вместо заключения

На фоне огромной массы синхронных и к настоящему времени в той или иной мере исследованных селищ неохватного срубно-андроновского мира уникальность поселка Горный вряд ли может быть оспорена, даже при учете иных позднебронзовых селищ, связанных с горно-металлургическим производством на территории Центрального Казахстана (Маргулан А.Х., 1979, с. 163–254), Алтая (Алехин Ю.П., 1986, с. 81–84) или же Донбасса (Татаринов С.И., 1993, с. 39–51). Из археологических материалов с Горного по существу лишь керамическая коллекция позволяет твердо связывать его с системой плохо различимых между собой культур срубной общности. Всеми прочими важнейшими деталями – топографией, архитектурой, многими массовыми материалами, характером главного занятия обитателей – Горный резко отличается практически от всех иных поселений. Исключения в этой картине невероятно редки, а параллели неполны. На первый взгляд может показаться, что ближайшим его аналогом служит

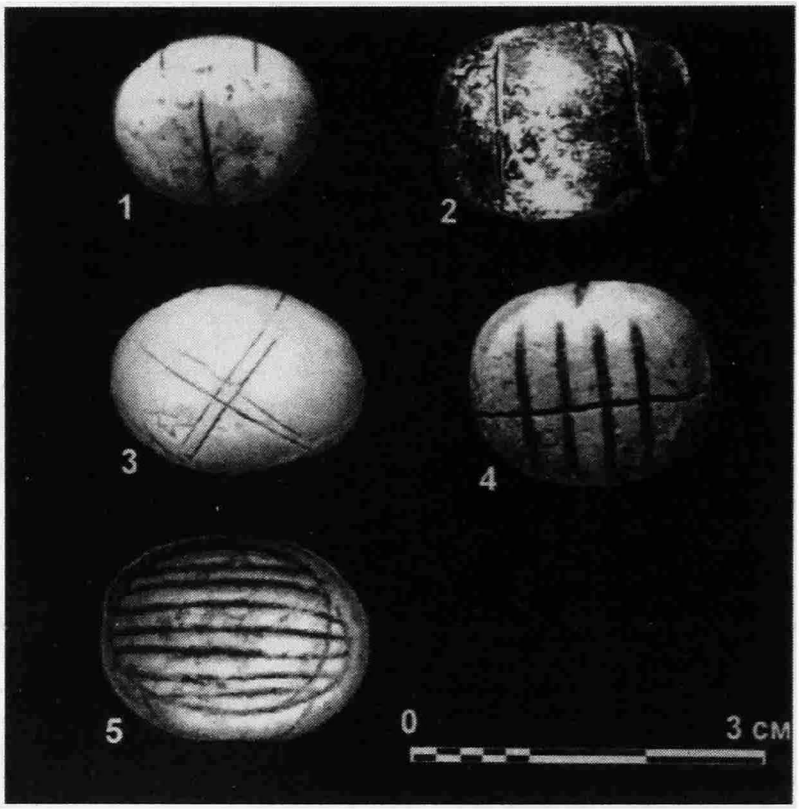


Рис. 14. Гадальные кости из Горного: *1* – комплекс 1, фаза II; *2–5* – фаза IV

знаменитая Мосоловка – специализированный поселок кузнецов-литейщиков в бассейне Дона (Пряхин А.Д., 1993; 1996), но это далеко не так. Сравним их.

Вскрытая на Мосоловке площадь равна 11 000 м^2 против 608 (или же 724) м^2 на Горном, т.е. налицо превышение в 18 (или 15) раз. Однако единственное, что может быть более или менее сопоставимо на обоих памятниках, – это коллекция литейных форм. На Мосоловке реставрировано до 700 створок, а на Горном – 57. Каргалинские формы все выточены из камня, донские вылеплены из глины. В мосоловских материалах резко доминируют отсутствующие на Горном негативы для отливки втульчатых топоров, в Горном прежде всего отливали массивные горнопроходческие орудия. В остальном же – прежде всего по массе металла, кости, камня и даже керамике – преобладание материалов из Горного громадное. К примеру, медных предметов на Мосоловке вместе с отходами производства наберется лишь до шести десятков. Это почти в 20 раз меньше той коллекции, что собрана с небольшого раскопа на каргалинском селище. Разница, безусловно, впечатляет!

Сказывается резкое различие в фундаментальной направленности обитателей обоих поселков[11]. На Мосоловке – это обработка привозного металла и отливка орудий, по всей вероятности, на заказ. Горняки и металлурги Каргалов добывают руду и выплавляют из нее медь, скорее всего металл здесь уходит прежде всего на собственные нужды – на отливку массивных кирок, кайл и других орудий. Вполне вероятно, что торговали и металлом, но скорее всего на запад и север везли добытую здесь руду; ведь топливом здешний край был очень и очень беден (Черных Е.Н., 1997а, с. 66–69). В этой связи удивляет и другое. На Мосоловке из 55 спектрально проанализированных

[11] Мы намеренно касаемся здесь проблем экономической структуры каргалинских сообществ лишь вскользь, рассчитывая на специальную широкую публикацию. Более развернуто вопросы животноводства раскрываются в статье Е.Е. Антипиной. Что же касается земледелия, то несколько десятков специально проводившихся промывок культурного слоя на Горном всегда приводили к одному и тому же результату: никаких следов культурных растений в них не обнаружено.

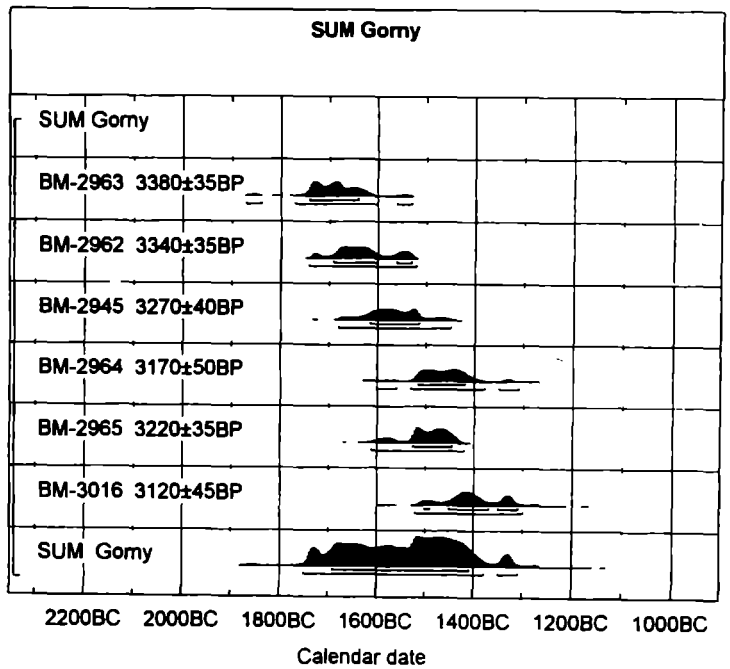


Рис. 15. Распределение вероятностных значений калиброванных радиоуглеродных датировок из различных комплексов Горного. В нижнем разделе диаграммы (Sum Gorny) приведено распределение суммы вероятностей для всех шести дат (расчеты и графики построены на базе версии Оксфордской компьютерной калибровочной программы ("OxCal v2.18")

проб не обнаружено ни одного (!) образца металла химической группы МП – медистых песчаников (Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989, с. 12, табл. 3), той фактически единственной меди, что в таком изобилии выплавлялась на Каргалах. Следовательно, кузнецов-литейщиков с Мосоловки прямые торгово-обменные пути с основными производителями металла на востоке срубной общности вовсе и не связывали. К тому же несходной с Мосоловкой оказалась и жилая архитектура обеих ранних фаз каргалинского селища.

Раскопки Горного следует, конечно же, продолжать. Как ничто другое, полевые и лабораторные исследования именно такого рода уникальных памятников способны резко и решительно изменить в наших глазах картину необъятного мира степных позднебронзовых культур Евразии, они насыщают ее совершенно новыми и неожиданно яркими красками. И тогда старые, привычно традиционные и упрощенные представления о социокультурной макроструктуре сообществ степных скотоводов и металлургов могут не выдержать подобных испытаний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Аванесова Н.А., 1991. Культура пастушеских племен эпохи бронзы азиатской части СССР. Ташкент.

Алехин Ю.П., 1986. Древние горняки и металлурги Юго-Западного Алтая // Охрана и использование памятников истории горного дела и камнерезного искусства Алтайского края. Тез. докл. к конф. Барнаул.

Изотова М.А., 1996. Керамика эпохи поздней бронзы Нижнего Поволжья // РА. № 4.

Маргулан А.Х., 1979. Бегазы-дандыбаевская культура Центрального Казахстана. Алма-Ата.

Моргунова Н.Л., 1991. Отчет о работах на Каргалинском месторождении медистых песчаников и раскопках курганной группы Уранбаш // Архив ИА РАН. Р-1, № 15737.

Моргунова Н.Л., Порохова О.И., 1989. Поселения срубной культуры в Оренбургской области // Поселения срубной общности. Воронеж.

Обыденнов М.Ф., Обыденнова Г.Т., 1992 Северо-восточная периферия срубной культурно-исторической общности. Самара.

Порохова О.И., 1993. Отчет о раскопках курганного могильника Уранбаш в 1992 г. // Архив ИА РАН. Б/н.

Пряхин А.Д., 1993. Мосоловский поселок эпохи поздней бронзы. Кн. 1. Воронеж.

Пряхин А.Д., 1996. Мосоловское поселение металлургов-литейщиков эпохи поздней бронзы. Кн. 2. Воронеж.

Татаринов С.И., 1993. Древний металл Восточной Украины. Артемовск.

Черных Е.Н., 1970. Древнейшая металлургия Урала и Поволжья. М.

Черных Е.Н., 1997а. Каргалы. Забытый мир. М.

Черных Е.Н., 1997б. Каргалы – крупнейший горно-металлургический комплекс Северной Евразии в древности // РА. № 1.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Барцева Т.Б., Луньков В.Ю., Орловская Л.Б., Тенейшвили Т.О., 1996. Компьютерные программы в историко-металлургических исследованиях лаборатории ИА РАН // Компьютеры в археологии. М.

Черных Е.Н., Кузьминых С.В., 1989. Металл Мосоловского поселения (по данным спектрального анализа) // Поселения срубной общности. Воронеж.

Институт археологии РАН,
Москва

E.N. CHERNYKH, S.V. KUZMINYKH, E. Yu. LEBEDEVA, S.A. AGAPOV, V.Yu. LUNKOV, L.B. ORLOVSKAYA, T.O. TENEYSHVILI, D.V. VALKOV

ARCHAEOLOGICAL BRONZE AGE SITES AT KARGALY

("Gorny" settlement and others)

S u m m a r y

Kargaly – the phenomenal and most ancient mining and metallurgical center in Nortgern Eurasia – is very rich in important archaeological sites, first of all the Late Bronze Age settlements and kurgan cemeteries (tables 1 and 2). The central object of the field and laboratory investigation conducted by Kargaly archaeological expedition was the settlement Gorny (timber-grave or srubnaya culture). It was excavated there total 724 sq. m., but the main examined area was equaled 608 sq. m. only (fig. 1, № 1). Four relative chronological phases of existence were significant for this area (fig. 6). The most impressive object was related with second phase – the big complex presented by five connected parts: living place, smelting yard, ore storage yard, sacral gallery (fig. 3) and refuse pit (fig. 2). This complex replaced the numerous (35–36) small pit-dwelling (or burrow-dwelling) that were constructed at the same place in the earliest phase (fig. 5). The big complex was burned and destroyed, and their ruins were then used by local inhabitants (phase III). During latest IV phase a lot of different refuse and waste were piled to the old foundation pit of big complex. Gorny's cultural level is extremal rich in archaeological materials (table 3) and especially by copper (table 4, fig. 10), slag, sandstore casting moulds (table 5, fig. 11) and huge number of bones (see next paper by E.E. Antipina). According six calibrated radiocarbon dates the Gorny site has to date 17–15 centuries BC (table 8, fig. 15).

Е.Е. АНТИПИНА

КОСТНЫЕ ОСТАТКИ ЖИВОТНЫХ С ПОСЕЛЕНИЯ ГОРНЫЙ

(биологические и археологические аспекты исследования)

Остатки костей животных – самый массовый археологический материал из раскопок поселения Горный позднебронзового века (см. статью Черных Е.Н. и др. в этом же номере журнала). Культурные слои раскопанной части поселения были буквально забиты фрагментами костей. С раскопа № 1 общей площадью всего 608 м^2 за шесть лет раскопок было извлечено и обработано не менее 1,5 млн. фрагментов костей животных. Такая уникальная по своим количественным параметрам остеологическая коллекция потребовала нестандартных методических подходов при ее исследовании.

Уже на первых этапах обработки наряду с традиционным определением видовой принадлежности костных остатков и других биологических параметров были введены такие новые количественные характеристики материала, как показатель раздробленности костей и статистика следов обработки на костях. Эти первичные характеристики сразу же показали необычность остеологических материалов из поселения Горный, в которых археологическая информация оказалась не менее важной, чем биологическая: около 70% всех фрагментов из коллекции несли на себе следы искусственного раздробления костей животных в процессе изготовления различного рода костяных изделий. К третьему году раскопок стала вполне очевидной достаточно жесткая повторяемость всех анализируемых качественных и количественных характеристик, т.е. поразительное однообразие основной массы костного материала, происходящего из самых мощных и позднейших на селище напластований фазы IV. Это обстоятельство позволило использовать при обработке оценку ряда количественных параметров уже не для всего постоянно увеличивающегося объема материала, что было просто физически невозможно сделать за сезон раскопок, а для выделенных случайным образом достаточно представительных выборок. Так, например, для исследования размеров взрослых животных были измерены целые фаланги из выборок, собранных при раскопках 1994, 1995 и 1996 гг. на квадратах, расположенных в шахматном порядке. Оценка возрастной структуры крупного рогатого скота на поселении Горный была сделана на основе выборок всей совокупности фаланг, собранных при раскопках 1995 г., а также по разрозненным зубам и отдельным частям зубных рядов в челюстях, собранных при раскопках 1996–1997 гг.

I. Домашние животные на поселении Горный. Пищевой рацион жителей и модель его обеспечения

Определение костей животных в кухонных остатках из поселения Горный показало, что домашние животные, мясо которых использовалось в пищу жителями, представлены шестью видами копытных: крупным рогатым скотом, овцой, козой, лошадью, ослом, свиньей. Остатки этих домашних животных и составляют основную часть остеологической коллекции – 99%, а среди них наиболее многочисленны кости крупного рогатого скота – 83% (табл. 1). Вместе с тем определимые до видового уровня

Работа выполнена при содействии РФФИ, проект № 97-06-80139.

© Е.Е. Антипина, 1999 г.

Таблица 1

Видовой состав животных по кухонным остаткам, относящимся к разным хронологическим фазам из раскопок 1992–1997 гг.

Видовой состав	Хронологические фазы					Всего кости (%)
	I	II	III	IV	Н/о	
Домашние животные	4765	28 351	17 870	154 360	14 652	219 998
Крупный рогатый скот	4194	23 532	14 475	128 119	12 100	182 420 (83)
Мелкий рогатый скот	548	4 253	3 038	23 154	2 174	33 167 (15)
Свинья	9	130	53	308	67	567 (0,26)
Лошадь	14	425	304	2 748	305	3 796 (1,72)
Собака		11		31	6	48 (0,02)
Дикие животные	8	14	5	196	20	243
Лось				3		3
Косуля		1		10	1	12
Кабан				2		2
Медведь		1		19	5	25
Волк		1		2		3
Лиса	5	8	4	120	6	143
Выдра				1		1
Барсук				4	1	5
Хорек				1		1
Заяц	2	2	1	10	2	17
Бобр	1	1		24	5	31
Неопределимые кости крупных млекопитающих	26 327	208 754	106 485	865 770	69 203	1 276 539
Неопределимые кости средних млекопитающих	2 920	20 640	13 160	8 700	7 700	53 120
Всего костей млекопитающих	34 020	257 759	137 520	1 029 026	91 575	1 549 900

Примечание. В таблице с костями лошади объединены три достоверно определимые кости домашнего осла, обнаруженные в отложениях фазы IV.

фрагменты костей составляют в среднем лишь 15% всей коллекции, поэтому был сделан анализ состава всех неопределимых до видового уровня остатков, который показал, что кости крупных млекопитающих и, очевидно, прежде всего крупного рогатого скота также составляют большинство – около 96%.

Таким образом, преимущественное употребление жителями поселения говядины в качестве ежедневной пищи можно считать достоверным фактом. Отсутствие же каких-либо следов земледелия на поселении делает крупный рогатый скот основным и практически единственным реальным источником белковой пищи для обитателей памятника (Черных Е.Н. и др., 1994).

Подробное описание конституциональных и других морфологических особенностей съеденных домашних животных на поселении Горный, и в частности крупного рогатого скота, выходит за рамки вопросов, обсуждаемых в представляемой статье, и будет объектом отдельного исследования. Но одну особенность все же следует упомянуть. На фоне значительной изменчивости размеров самих животных, по-видимому, не

Таблица 2

Распределение нижних постоянных настоящих коренных зубов М-1 и М-2 крупного рогатого скота по возрастным группам в выборках из раскопок 1996–1997 гг.

Возрастная группа	IV Хронологическая фаза	
	абсолютное число зубов	%
sad.-sad. – 0,5–1 год	4	0,8
sad.-ad. – 1–2 года	104	20,8
ad. – 2–4 года	240	48
mat. – 4–6 лет	70	14
mat.-sen. – 6–10 лет	64	12,8
sen. – более 10 лет	18	3,6
По всем группам	500	100

Таблица 3

Распределение фаланг (I и II) крупного рогатого скота по возрастным группам в выборках из раскопок 1995 г.

Возрастная группа	Хронологическая фаза				Всего (%)
	I	II	III	IV	
juv. – не старше	6	7			13
0,5 лет	(12)	(5,3)			(0,6)
sad. – 1–1,5 года	18	53	123	444	638
	(36)	(40,2)	(30,5)	(26)	(28,1)
ad. – более 1,5 лет	26	72	280	1241	1619
	(52)	(54,5)	(69,5)	(74)	(71,3)
По всем группам	50	132	403	1685	2270
число фаланг (%)	(100)	(100)	(100)	(100)	(100)

менее 90% особей крупного рогатого скота были комолыми. Среди огромной массы остатков костей крупного рогатого скота (182 240 достоверно определимых фрагментов – см. табл. 1) были обнаружены лишь 2 фрагмента костяных стержней рогов и 60 фрагментов лобных костей несомненно от черепов комолых особей. Широкое распространение популяций преимущественно комолых коров в эпоху поздней бронзы на территории Восточной Европы показал В.И. Цалкин на материалах из поселений разной культурной принадлежности еще в 1970-х годах (Цалкин В.И., 1972, с. 51–53). Однако ни для одной из изученных им коллекций он не приводит сведений о числе фрагментов черепов достоверно комолых особей. Явление же комолости он устанавливает по низкому относительному количеству костных стержней рогов в материалах эпохи бронзы (<1%).

Как показало исследование наиболее массовых целых костных остатков крупного рогатого скота – фаланг и зубов (табл. 2 и 3), основную часть забитых на мясо особей (~70%) нужно отнести к возрастным группам sad.-ad. и ad., объединяющим животных в возрасте от 1 года до 4 лет. Среди них треть и физиологически, и по состоянию скелета были молодыми животными в возрасте от одного до двух лет. Остальные же – старше двух, но не более четырех лет – являлись животными, сохраняющими в скелете признаки еще растущего, молодого организма, но уже зрелыми физиологически, т.е. способными к размножению. Общие характеристики всей этой группы животных состоят в том, что уже к концу первого года жизни они при нормальных условиях

содержания достигают основных размерных параметров взрослых особей, а к двум-трем годам характеризуются и обычными весовыми параметрами взрослых животных (Борисенко Е.Я., 1952, с. 86–117). При интенсивной мясной эксплуатации подобная возрастная группа особей как раз и является той частью стада, изъятие которой наиболее рационально и эффективно, хотя максимальный убойный вес крупный рогатый скот набирает лишь к пяти-шести годам, после чего он даже уменьшается (Борисенко Е.Я., 1952, с. 127–131).

Таким образом, доля костей крупного рогатого скота в кухонных остатках из поселений Горный, а также возрастной состав особей, потребляемых на мясо, которое было главным и практически единственным источником пищи для жителей памятника, соответствуют модели жизнеобеспечения, основанной на интенсивном мясном скотоводстве.

Однако, прежде чем пытаться реконструировать особенности скотоводческой деятельности населения памятника, необходимо проанализировать саму возможность разведения скота для жителей поселения Горный, которые, судя по археологическому контексту, были горняками и интенсивно занимались добычей руды и ее обработкой. Для ситуации стабильного ежедневного потребления мяса домашних животных, разводимых самими жителями поселения, необходимо выполнение как минимум двух существенных условий: 1) наличие хороших кормовых угодий для пастбищного круглогодичного содержания скота в пределах 5-километровой зоны вокруг поселения или возможность создания в этой же зоне запасов корма при стойловом зимнем содержании животных; последнее в свою очередь накладывает ограничения на количество разводимых животных; 2) наличие свободных от других хозяйственных дел рабочих рук, прежде всего мужских, для обеспечения выпаса и охраны стада, а также заготовки кормов на зиму.

Следует также принять во внимание, что, будучи менее трудоемким по сравнению с земледелием, скотоводство оказывается и менее рентабельным, т.е. при равных трудозатратах оно в состоянии обеспечить конечным пищевым продуктом соответственно меньшее число людей, чем земледелие. Килограмм мяса даже при современных технологиях остается по-прежнему дороже килограмма зерна. Поэтому вне земледельческого хозяйства для автономного и устойчивого обеспечения населения животными продуктами (прежде всего молочными и во вторую очередь мясом) необходимо, чтобы на одного человека приходилось от 8 до 10 голов крупного рогатого скота современных продуктивных пород (Борисенко Е.Я., 1952, с. 229–237; Руденко С.И., 1961; Масанов Н.Э., 1984, с. 101, 136, 137; Barfield T.J., 1993, p. 25–27). При этом надо отметить, что при потреблении мяса исключительно одного вида домашнего скота, являющегося единственным источником полноценной пищи, мясное направление скотоводства, как правило, требует при долговременных расчетах дополнительного увеличения численности животных практически вдвое.

Итак, исходя из этих условий, ежедневное надежное обеспечение мясом группы хотя бы из 100 чел. на поселении Горный, очевидно, требовало содержания, сохранения и воспроизводства, как самый минимум, 1000 голов крупного рогатого скота ежегодно в пределах участка вокруг поселения радиусом не больше 5 км. При этом под группой из 100 чел. подразумевается часть обычных человеческих коллективов, естественно сохраняющая нормальные половозрастные демографические характеристики, при которых теоретически на одного взрослого работоспособного мужчину, как правило, приходится как минимум двое неработающих (маленькие дети и старики) и женщина. Поэтому предположение, что для жителей поселения Горный максимально возможное число взрослых мужчин в группе из 100 чел. не может быть более 30, достаточно реально, хотя в действительности оно могло быть гораздо меньше. В то же время, только для выпаса и охраны 1000 голов крупного рогатого скота требуется обычно как минимум 20 взрослых мужчин (по 2 чел. на одно стадо в сто голов), а в зимний сезон им потребуются дополнительные помощники, как и в случае необходимости заготовки кормов. Уже одни эти теоретические подсчеты говорят о суще-

ственном недостатке свободных рабочих рук на поселении горняков и о невозможности эффективного сочетания скотоводства и горно-металлургической деятельности в хозяйственной жизни его обитателей. Реальность же была еще более жесткой. Участие подростков, начиная с 10–12 лет, в горных работах считалось не только в порядке вещей до сравнительно недавнего времени, но и даже было основанием для разделения труда (Черных Е.Н., 1997, с. 72, 73). Учитывая неизменность технологий еще столетие назад по сравнению с бронзовым веком, очевидно, что и на поселении Горный подростки должны были быть вовлечены в горно-металлургическое производство. Женщинам же оставались практически все другие хозяйственные сферы, также требующие немало усилий. Таким образом, очевидно, что отвлечение любой части жителей Горного на скотоводческую деятельность, сразу существенно ограничило бы масштабы добычи руды и металлообработки, которые стали бы настолько малоэффективными, что исчезла бы целесообразность существования постоянного поселения на самих рудниках – в месте, не самом удобном для проживания.

С другой стороны, даже ориентировочная оценка последствий круглогодичного выпаса тысячного стада крупного рогатого скота на рассматриваемом участке в зоне 5-километрового радиуса вокруг поселения показала, что за один год практически полностью уничтожается растительность на 5% территории (съедается надземная часть травостоя выше 10–20 см от земли и вытаптывается оставшаяся), которая при снятии нагрузки может естественным образом восстановиться почти до исходного состояния, но только через три-пять лет. Это при условии, что вся территория в равной степени пригодна для выпаса крупного рогатого скота. Однако в зоне Каргалинских рудников лишь половина земель имеет растительный покров, соответствующий потребностям крупного рогатого скота, а совокупное число жителей поселения Горный должно было быть в несколько раз больше, чем 100 чел. Поэтому считая, что стада крупного рогатого скота насчитывали в несколько раз больше голов, чем принятая нами модельная оценка в 1000 особей, ежегодно вокруг памятника Горный растительность должна была бы уничтожаться мясным скотом как минимум на 20% площади, что приводило бы к исчезновению кормовой базы для крупного рогатого скота на всей территории радиусом в 5 км уже всего за пять лет, т.е. за временной отрезок, с которым сопоставим период восстановления нарушенной растительности. Выбранный нами 5-километровый радиус вокруг поселения неслучаен, так как еще до недавнего времени при всех видах сельскохозяйственных работ это расстояние обозначало границу реально контролируемого жителями постоянного поселения земельного участка, будь то пашня или пастбище.

Уже два таких фактора, как отсутствие необходимых для скотоводческой деятельности свободных рабочих рук на поселении Горный, а также масштабы этой деятельности, показывают, что сами горняки – обитатели поселения вряд ли занимались содержанием, сохранением и разведением того количества крупного рогатого скота, которое только и могло обеспечить им нормальное питание. Очевидны два пути, обеспечивающие жителей Горного мясными продуктами: это наем пастухов для содержания, сохранения и разведения своих собственных многотысячных стад крупного рогатого скота с резким увеличением территории его выпаса, уже не контролируемой собственно жителями Горного, или обмен – закупка скота у соседей-скотоводов. Любой из этих путей для населения Горного означал необходимость товарных отношений с чужими племенами, ту или иную степень зависимости от них, а значит, и повышенную уязвимость в кризисных или конфликтных ситуациях. Очевидно, что жизнеобеспечение горняков поселения Горный и других подобных памятников на Каргалинских рудниках входило (а возможно, и определяло) в экономическую систему скотоводческого хозяйства населения значительно более обширной территории, чем собственно рудники. Однако реконструкция подобной системы скотоводческого хозяйства не может строиться на остеологических материалах только одного поселения Горный, даже таких уникальных по своей представительности. Изучение этого

феномена впрямую зависит от дальнейших археологических работ в этом регионе, от новых остеологических материалов из раскопок небольших сельскохозяйственных памятников.

Вместе с тем несомненно, что пригоняемый на мясо крупный рогатый скот перед забоем некоторое время содержался на поселении и вокруг него. Жители Горного, очевидно, содержали на поселении и в ближайшей округе и рабочий скот, прежде всего лошадей, а также овец и коз, вероятно, как шерстных и отчасти мясных животных и, в крайне малом числе, свиней. Однако реконструировать на этом основании полноценное скотоводство, включающее все элементы содержания и воспроизводства, вряд ли справедливо. Более того, некоторые биологические характеристики остеологических остатков также противоречат модели скотоводческой направленности хозяйства горняков. Так, например, на костях лошадей из остеологической коллекции Горного практически нет следов многолетней интенсивной физической нагрузки, которая должна была бы отразиться на скелете животных в случае их рождения здесь же на рудных выработках, где лошадь уже с молодого возраста включалась в работу. Это несоответствие достаточно убедительно объяснимо ситуацией отсутствия собственного воспроизводства рабочих лошадей, когда у соседей выменивались практически взрослые лошади, которые сразу же работали в полную силу, но не до конечного износа, а так, чтобы оставалась возможность потребления их мяса перед следующей закупкой новой партии рабочего скота. Содержанием указанных немногочисленных групп домашних животных в ближайших окрестностях поселения Горный должны были заниматься и женщины, и дети, т.е. та часть жителей памятника, которая впрямую не была занята на рудниках. Эта же часть жителей, по-видимому, занималась и утилизацией забиваемых на мясо туш крупного рогатого скота и других животных: разделкой туш и приготовлением пищи, выделкой шкур и кож, а также многими другими занятиями, связанными с обработкой животной продукции. Одним из таких занятий несомненно была обработка костей крупных копытных и изготовление из них различного рода изделий.

II. Костяные изделия и обработка кости на поселении Горный

В остеологической коллекции поселения Горный представлены все части скелета домашних животных, как крупных, так и мелких, от черепа с подъязычными костями до последних фаланг пальцев и хвостовых позвонков. Все они подвергались искусственному раздроблению. В материалах отсутствуют целые черепа, целые тазовые кости как крупных, так и мелких домашних животных, а например, целых позвонков домашних животных насчитывается не более 100. В совокупной коллекции из 1,5 млн. остатков костей целые длинные трубчатые кости представлены лишь 12 (!) метаподиями, два из которых принадлежат крупному рогатому скоту, а остальные 10 – овце и козе. Только фаланги на 60% от их общего числа представлены целыми костями.

Для того, чтобы оценить это яркое, визуально хорошо фиксируемое явление по всему материалу, был подсчитан *показатель раздробленности* костных остатков как отношение абсолютного числа обнаруживаемых фрагментов костей к объему, который они занимают (в стандартных единицах объема 1 дм^3 или 1 л). Для сравнения были подсчитаны показатели раздробленности костей по остеологическим коллекциям, представляющим собой, с одной стороны, целые скелеты крупных млекопитающих, а с другой – кухонные остатки крупных млекопитающих из археологических раскопок средневековых и современных городов. Если показатель раздробленности в коллекциях целых скелетов оказывается в диапазоне от 0,5 до 5, то в коллекциях типичных кухонных остатков он занимает диапазон уже от 20 до 50. В табл. 4 приведены средние оценки этого показателя для материалов поселения Горный, которые в 1,5–2 раза выше значений, которые могут быть приняты для кухонных остатков.

Таблица 4

Значения показателя раздробленности костных остатков животных

Характеристика материала	Хронологическая фаза					Всего
	I	II	III	IV	Н/о	
Абсолютное количество костей	34 020	257 759	137 520	1 029 026	91 575	1 549 900
Объем костей, $дм^3$	406	2 433	1 283	11 671	1 012	16 805
Показатель раздробленности костей	84	106	107	88	90	92

На фоне такой значительной раздробленности костей особенно ярким выглядел факт, что бóльшая часть фрагментов образовывала группы со сходными размерами. Поэтому была измерена выборка фрагментов длинных трубчатых костей крупных копытных животных в отложениях фазы IV. Их длины образовали пять размерных классов: от 5 до 20 и более см. Распределение фрагментов трубчатых костей в вариационном ряду от самых маленьких их осколков до наиболее целых костей показало, что 97% всего материала составляют фрагменты менее 15 см длиной, пятая часть которых вообще имеет длину меньше 5 см.

При рассмотрении поверхности костей и их разломов были выявлены следы их обработки. К следам работы человека с костью были отнесены лишь поверхности явных разрубов, пропилы, надпилы, лощение, отверстия или незавершенные отверстия и тому подобные изменения естественной структуры кости. Таких фрагментов со следами обработки, включая и сами готовые костяные изделия, удалось обнаружить не менее 10 тыс. При отнесении каждого из этих фрагментов к той или иной части скелета животного оказалось, что кроме поразительного сходства их по длине внутри размерных групп наблюдается достаточно постоянное сходство общего контура их формы, особенно фрагментов от одноименных костей. Этот факт позволил составить общую схему раздробления основных длинных трубчатых костей и ребер крупных домашних копытных, прежде всего крупного рогатого скота, как первого этапа изготовления орудий (рис. 1).

В результате такого раздробления основных крупных костей и ребер крупного рогатого скота получали значительное число средних (порядка 7 см в длину) и удлиненных (но не более 15 см в длину) относительно толстых с различной шириной (0,5–1,5 на 1–4 см в сечении) прямоугольных, конических или биконических стержней и пластинок из плотной ткани костей.

В коллекции из раскопок Горного как раз и обнаруживается значительное число таких стержней, из которых лишь небольшая часть имеет следы последующей подработки. Однако при анализе готовых изделий оказывается, что эти стержни и пластины идеально подходят для изготовления наиболее массовых из обнаруженных в материале готовых изделий – лощил, шпателей, штампов, проколок, шил, а также игл и наконечников копий и стрел, поэтому все одинаковые по размерам стержни и пластины, повторяющие очертания готовых изделий, приняты нами как заготовки на разных стадиях их обработки.

Анализ общей схемы раздробления длинных трубчатых костей скелета крупного рогатого скота также показал, что на первом ее этапе, несомненно, получались заготовки стандартной формы, и при этом выявлялось вполне определенное, достаточно устойчивое количественное соотношение между фрагментами плотной компактной ткани от трубчатой части кости (в большинстве своем заготовок) и фрагментами губчатой ткани от ее эпифизарных частей (собственно отходов). В среднем это соотношение должно быть равным 2 : 1, т.е. фрагментов компакты трубчатой части

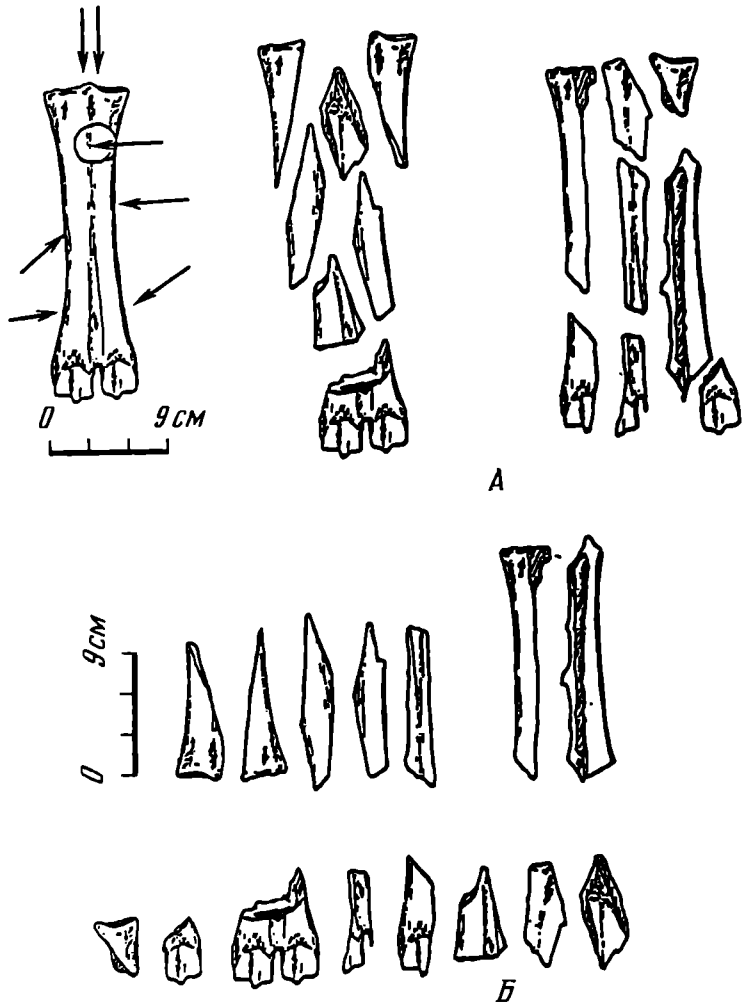


Рис. 1. Схема первого этапа раздробления длинных трубчатых костей на примере плюсневой кости крупного рогатого скота. *А* – наиболее часто обнаруживаемые варианты раздробления; *Б* – получаемые размерные группы

костей должно быть как минимум в 2 раза больше, чем фрагментов губчатых частей эпифизов. Сделанные же подсчеты фрагментов компактной ткани и фрагментов губчатой части костей в нескольких представительных выборках из всего массива материалов поселения Горный дали иные соотношения, вплоть до обратных, когда фрагментов губчатой ткани оказывается почти в 2 раза больше, чем фрагментов компакты, причем размеры и тех и других фрагментов оказались достаточно сходными.

Несоответствие между реальными цифрами и теми, которые дает реконструированная схема раздробления костей, может объясняться, по-видимому, фактом изъятия из костных остатков, появлявшихся на поселении, немалой части плотной компактной ткани, очевидно, в виде готовых изделий. Готовые орудия из раскопок поселения Горный относятся к хорошо известным группам костяных изделий, которые обычно встречаются в материалах памятников эпохи поздней бронзы в Восточной Европе (рис. 2).

В табл. 5 приведены статистические данные о всех фрагментах костей со следами обработки (начиная с раскопок 1994 г.), включая готовые изделия. Достаточно четкие следы обработки фрагментов и особенности формы позволили основную их часть без сомнений отнести к заготовкам или отходам для (или от) изготовления вполне определенных типов орудий. Однако для ряда разных типов орудий, изготовленных из

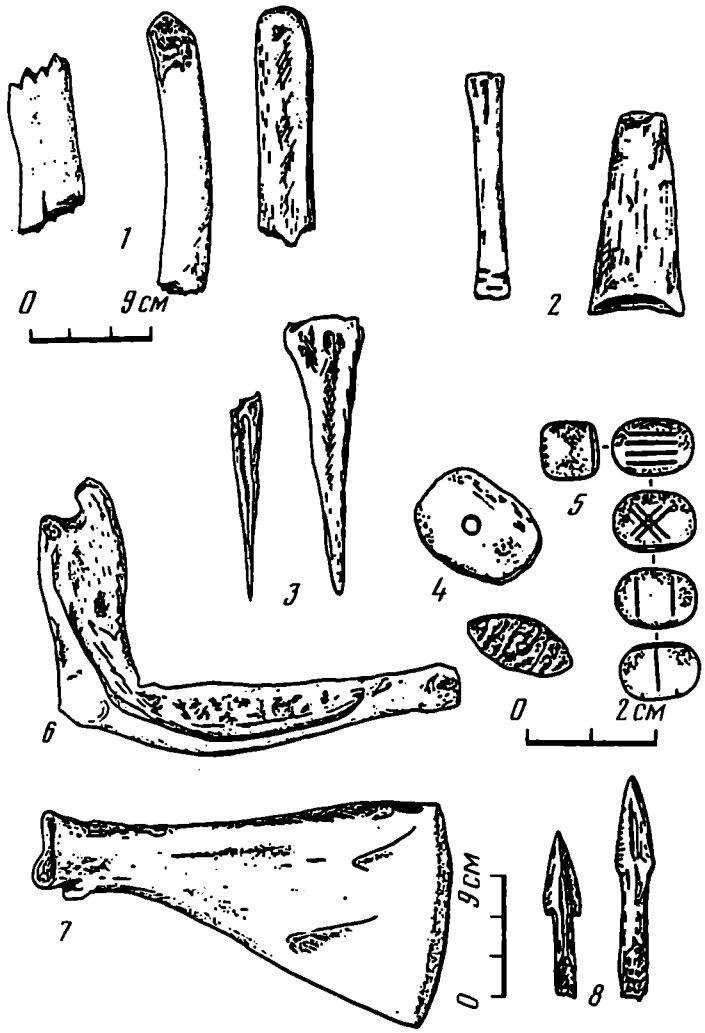


Рис. 2. Основные категории готовых изделий из поселения Горный. *1* – лощила, шпатели, штампы; *2* – рукоятки, костяные цилиндры; *3* – проколки, шила; *4* – бляшки, пуговицы; *5* – гадальные кости; *6* – тупики; *7* – совки, лопаты; *8* – наконечники копий и стрел

одних и тех же частей скелета, и заготовки, и отходы оказались просто неразличимыми, так что трудно решить, для какого орудия они приготовлены. В таких случаях они представлены общими цифрами. Например, в табл. 5 для лощил, шпателей и штампов даны цифры, обозначающие общие для них заготовки и отходы. Из этой же таблицы видно, что общее число заготовок превышает число отходов, и на первый взгляд эта статистика противоречит сделанному выше утверждению об изъятии значительной части плотного костного материала из остатков. Однако в табл. 5 приведены данные только о фрагментах костей с явными следами обработки, тогда как бóльшая часть отходов, особенно после первого этапа раздробления костей, очевидно, не несет явных следов обработки. Это означает, что в табл. 5 прежде всего попали отходы, получавшиеся уже на последних более сложных этапах изготовления орудий, и половина их представляет собой небольшие части именно компактной костной ткани со следами подрубок и распилов.

Достаточно важным в данной таблице представляется соотношение между обнаруженными на поселении готовыми изделиями и их заготовками. Очевидно, что при изготовлении орудий на поселении, как правило, заготовок оказывается много больше, чем обнаруженных готовых изделий и их фрагментов. Правда, заготовки почти не

Таблица 5

Соотношение готовых костяных изделий, их заготовок и отходов (раскопки 1994–1997 гг.)

Типы изделий	Готовые изделия (%)	Заготовки (%)	Отходы (%)
Лощила, шпатели	968 (85,0)	1966 (36,5)	582 (14,5)
Штампы	18 (1,6)		
Тупики	35 (3,1)	40 (0,74)	526 (13)
Наконечники копий, стрел	3 (0,25)	2387 (44,4)	820 (20,4)
Рукоятки, костяные цилиндры	15 (1,3)	448 (8,3)	20 (0,5)
Проколки, шилья	69 (6,1)	456 (8,5)	966 (24)
Иглы	2 (0,17)	1 (0,02)	
Совки, лопаты	5 (0,4)	3 (0,06)	
Бляшки, пуговицы	6 (0,408)	16 (0,3)	666 (16,5)
Гадальные кости	14 (1,2)	50 (0,9)	426 (10,6)
Неидентифицируемые изделия	5 (0,4)	15 (0,28)	20 (0.5)
Итого: 10 548	1140 (100)	5382 (100)	4026 (100)
100%	10,8	51	38,2

Примечание. В одну табличную строку включены типы изделий, близкие друг другу по общим контурам, фрагменты которых, а также их заготовки и отходы, трудно различимы.

выявляются исследователями и статистических данных по ним в научной литературе, за редким исключением, практически нет. Поэтому, анализируя соотношение готовых изделий и их заготовок, полученных по материалам раскопок Горного, приходится исходить лишь из общих соображений.

Соотношение готовых изделий и их заготовок, представленные в табл. 5, в среднем оказывается в диапазоне от их равного числа (1 : 1) до преобладания заготовок над обнаруженными готовыми изделиями почти в 10 раз (1 : 10), что представляется естественным для ситуации, когда орудия изготовляются в пределах поселения и интенсивно используются жителями. Но для двух типов изделий – наконечников копий и стрел, а также рукояток и костяных цилиндров – различие в количестве готовых изделий и заготовок оказывается гораздо более резким. Если для рукояток и костных цилиндров соотношение готовых изделий и заготовок равно 1 : 30, то для наконечников копий и стрел оно уже равно 1 : 795. При таких цифрах можно предположить, что, несомненно, именно эти типы готовых изделий пользовались наибольшим спросом. Такие готовые костяные изделия, как оружие в виде наконечников копий и стрел, по-видимому, использовали для продажи, поэтому их так немного в слое Горного. Однако, если все же эти цифры оставляют в области догадок масштабы и судьбу самой готовой продукции, то факт интенсивного изготовления орудий на поселении вполне очевиден.

Вся совокупность фрагментов костей со следами обработки (готовые костяные изделия, их заготовки и отходы) составляет лишь 0,7% от общего объема остеологических материалов, хотя реальное их число, скрываемое выраженным процентом, огромно – 10 548 экз. В то же время степень и характер раздробленности всех костных материалов из раскопок Горного заставляют считать значительную их часть, если не все, остатками костей, в той или иной мере использованных в процессе изготовления костяных орудий.

Распределение фрагментов костей со следами обработки (готовых костяных изделий, их заготовок и отходов) по четырем фазам культурных напластований поселения Горный показало, что основная их часть приходится на фазы II и IV.

Отложения фазы IV представляют собой явные мусорные напластования; в отличие

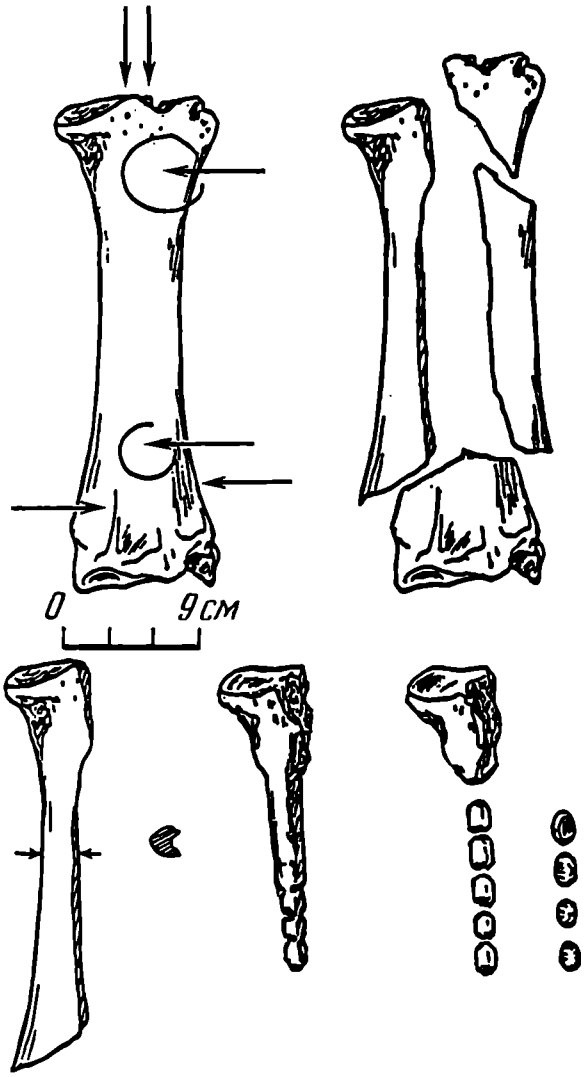


Рис. 3. Основные этапы изготовления гадальных костей на поселении Горный

от них материалы фазы II происходят главным образом из крупного жилищно-производственного комплекса № 1. Основная масса фрагментов костей со следами обработки (1177 из 2212, т.е. 53%) была обнаружена на территории плавильного двора этого комплекса, тогда как на рудном дворе найдено 380 фрагментов костей животных со следами обработки, а в жилом отсеке – только 150. Несомненно, что основная работа по обработке кости, а возможно, и использование ряда костяных орудий, проходили именно на плавильном дворе. Однако следует подчеркнуть, что распределение всех известных из поселения Горный указанных выше типов изделий, их заготовок и отходов оказывается достаточно равномерным во всех фазах культурных напластований, и в этом отношении весь орудийный материал поселения является одной единой выборкой.

Для ряда костяных изделий на реальных находках удалось проследить практически все этапы их изготовления от целой кости до готового предмета. Наиболее яркой оказалась реконструкция изготовления гадальных костей. Они изготавливались только из лучевых костей (кость предплечья) крупного рогатого скота. На рис. 3 представлены основные достаточно унифицированные этапы их изготовления, главной целью которых являлось получение прямоугольного в сечении стержня из медиальной стороны кости, где компактный слой достигает у крупного рогатого скота максимальной толщины до 15 мм.

Таблица 6

Соотношение между категориями костяных изделий и исходным для них сырьем

Категория изделий	Название костей											Число костей на одно изделие
	Mnd	Costa	Vert	Sc	H	R	U	Mtp	Pelv	F	T	
Лощила, шпатели		+	+	+		+	+	+			+	7
Штампы		+	+	+								3
Тупики	+											1
Наконечники копий, стрел	+					+		+			+	4
Рукоятки, костяные цилиндры					+	+		+		+	+	5
Проколки, шилья		+		+		+	+	+	+		+	7
Иглы						+		+			+	3
Плоские диски	+		+	+					+	+	+	6
Совки, лопаты				+								1
Бляшки, пуговицы	+	+	+	+	+				+			6
Гадальные кости						+						1
Число изделий из одной кости	4	4	4	5	2	6	2	5	3	2	6	

Примечание. Общепринятые в морфологии сокращения латинских названий костей: Mnd – нижняя челюсть, Costa – ребро, Vert – позвонок, Sc – лопаточная кость, H – плечевая кость, R – лучевая кость, U – локтевая кость, Mtp – метаподиальная кость, Pelv – тазовая кость, F – бедренная кость, T – большая берцовая кость.

Однако если такие изделия, как гадальные кости, тупики и совки изготавливались каждое исключительно из конкретной кости скелета (соответственно из лучевой кости, нижней челюсти и лопаточной кости), то для остальных изделий нельзя указать одну конкретную часть скелета, которая являлась бы для них исходным сырьем. С одной стороны, все кости скелета животных широко использовались для изготовления самых разнообразных орудий, а с другой – для одного и того же типа орудий сырьем могли служить самые разные части скелета. Например, проколки и шилья изготавливались как минимум из семи разных костей, бляшки и пуговицы вырезались практически из любой кости с плоской поверхностью компактного слоя, будь то угол нижней челюсти, широкое ребро, остистый отросток позвонка или подвздошная часть тазовой кости (см. табл. 6).

Кроме того, жители поселения явно не придавали особого значения точному воспроизведению общей формы и ее формальных признаков для большинства костяных изделий. Среди костных остатков животных обнаружено значительное число почти не обработанных фрагментов, явно полученных после первичного раздробления костей, но при этом уже с хорошо выраженными следами работы. Чаще всего они

Таблица 7

Сферы вероятного использования костяных изделий

Обработка древесных и растительных волокон	Обработка кожи	Обработка керамики	Оружие	Изготовление литейных форм и работы по металлу	Ритуальные аксессуары
лощила шпатели проколки шилья рукоятки	тупики лощила шпатели проколки шилья рукоятки иглы штампы бляшки пуговицы	лощила шпатели штампы проколки	наконечники копий и стрел	лощила шпатели проколки совки лопаты костяные цилиндры	гадальные кости

представали в виде залощенных стержней с плоской поверхностью или краем, которые, несомненно, служили лощилами или проколками. По-видимому, главным критерием для изготовления из конкретной кости того или иного орудия оказывались функциональные свойства данной кости, к примеру, прочность материала и удобная поверхность как для работы, так и для удержания орудия. Таким образом, специфической особенностью обработки кости на поселении Горный были минимальные затраты труда на изготовление большинства изделий, что, по-видимому, было обусловлено, с одной стороны, огромным количеством сырья – костей крупного рогатого скота, а с другой – недолговечностью самих костяных орудий.

Анализ функционального назначения костяных орудий и изделий из поселения Горный был проведен на основе аналогий как по археологическим, так и этнографическим литературным источникам. Оказалось, что костяные лощила, шпатели, штампы, тупики, проколки, шила, рукоятки для металлических шил встречаются в Восточной Европе в археологических и этнографических материалах в очень широких временны́х рамках – от неолита и до современности. При оценке их функциональной направленности (на основе как трасологических анализов, так и полевых экспериментов), как правило, указывают на три сферы производственной деятельности: обработку кожи и изготовление из нее одежды, керамическое дело, а также обработку растительных волокон и древесины. Однако в реальности список этих функций можно значительно расширить (табл. 7).

Реальность одной из этих сфер вероятного использования костяных изделий из поселения Горный была подтверждена сотрудниками Каргалинской экспедиции полевыми экспериментами по изготовлению литейных форм из местного песчаника с использованием так называемых костяных лощил, шпателей и проколок. Эксперименты подтвердили многофункциональность этих орудий, для которых обычно определяется преимущественное, если не единственное их использование в процессе обработки кожи и/или керамики. Эти костяные орудия оказались эффективными для вырезания полости литейной формы, когда требуется хорошая координация движений и аккуратность. Функциональное назначение костяных совков и лопат достаточно очевидно, особенно при их местонахождении рядом с очагами на территории плавильного двора. Пожалуй, лишь назначение костяных цилиндров еще вызывает вопросы, хотя существует предположение об их использовании в качестве сопел в металлургических печах. Не были верифицированы костяные орудия лишь для двух сфер деятельности – обработки древесины и керамики, несомненно, имевших место в хозяйственной жизни жителей Горного.

Остеологическая коллекция с поселения Горный, происходящая с очень небольшого раскопа, оказалась, по всей вероятности, наиболее крупной для памятников эпохи бронзы всей северной половины Евразии. Ее подробный анализ выявил совершенно новые и необычные информационные аспекты археозоологического материала. Новизна этой информации обусловлена тем, что коллекция является отражением уникальной для эпохи бронзы системы жизнеобеспечения на поселении горняков и металлургов. Система эта определяла не только повседневную жизнь каргалинских профессионалов. В значительной мере она должна была сказываться и на экономике социальных групп, обитавших на обширных территориях Южного Приуралья. Наши первые шаги наметили пока что лишь некоторые и наиболее общие черты такой экономической модели. За всем этим проступает необходимость детализации выявленной системы, территориального охвата ее функционирования и др. Несомненно также, что ответы на многие из этих вопросов таятся в продолжении широких комплексных исследований Каргалинского горно-металлургического центра на фоне детальной разработки этих аспектов в "обычных" восточноевропейских и зауральских памятниках эпохи бронзы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Борисенко Е.Я., 1952. Разведение сельскохозяйственных животных. М.

Масанов Н.Э., 1984. Проблемы социально-экономической истории Казахстана на рубеже XVIII–XIX веков. Алма-Ата.

Руденко С.И., 1961. К вопросу о формах скотоводческого хозяйства и о кочевниках // Географическое общество СССР. Материалы по этнографии. Вып. 1. Л.

Цалкин В.И., 1972. Домашние животные Восточной Европы в эпоху поздней бронзы // Бюл. Моск. о-ва испытателей природы. Отд. биологии. Т. 77. Вып. 1. М.

Черных Е.Н., 1997. Каргалы. Забытый мир. М.

Черных Е.Н., Агапов С.А., Барцева Т.Б., Кузьминых С.В., Лебедева Е.Ю., Луньков В.Ю., Тенейшвили Т.О., 1994. О работах восточноевропейской комплексной экспедиции // Археологические открытия Урала и Поволжья. Йошкар-Ола.

Barfield T.J., 1993. The Nomadic Alternative. New Jersey.

Институт археологии РАН,
Москва

Ye.Ye. ANTIPINA

ANIMAL BONES REFUSE FROM THE SITE GORNY

(Biological and Archaeological Aspects of Investigation)

Summary

As a result of analyzing archaeological collections from the site Gorny which include 1.5 million animal bone refuse, an important biological and archaeological information has been obtained. It has been proved that the stock-breeding, mining and smelting activities could not develop simultaneously in the economic life of the site inhabitants. A diet of the Gorny ancient population consisted solely of beef. The economy was based on exchanging copper ore for cattle. Therefore, the site Gorny belonged to the stock-breeding economic system of other tribes in the steppe extended outside the Kargaly mining region. Probably the Gorny ancient population even was the initiator of this stock-breeding economic system. Animal bones from cooking refuse served as a raw material for making bone items: weapons (spears and arrowheads) and tools that were widely used in different household crafts, from treating hides and skins, processing vegetable fibers to mining and smelting activities.

И.В. ЖУРБИН

ЭЛЕКТРОМЕТРИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ НА ПОСЕЛЕНИИ ГОРНЫЙ

В 1996–1997 гг. проводились электрометрические исследования на территории поселения бронзового века Горный Каргалинского горно-металлургического центра. Исследования предполагали решение двух задач: 1) определение границы и планировки западной части котлована жилищно-производственного комплекса 1 поселения Горный; 2) поиск археологических объектов, синхронных известному комплексу.

Электрометрические исследования проводились с использованием автоматизированного электроразведочного комплекса "Иднакар" (Алексеев В.А., Журбин И.В. 1994; Алексеев В.А., Евтешин Д.А., и др., 1995; Alekseyev V. et al., 1996). В основу комплекса положен метод многосеточной электрометрии. Его особенность состоит в том, что на поверхности грунта располагаются одновременно несколько десятков электродов, каждый из которых соединен с программируемым коммутатором. Коммутатор позволяет по определенной программе задавать питающие и измерительные электроды. Следовательно, электроразведочный комплекс позволяет провести несколько серий измерений, не меняя расположения электродов (Alekseyev V. et al., 1996; Zhurbin I.V., Malyugin D.V., 1997). Обработка и визуализация результатов измерений, а также их последующая интерпретация производились с использованием программной системы комплекса "Иднакар" (Журбин И.В., Малюгин Д.В., 1996).

При электрометрических исследованиях на поселении Горный была использована методика измерений, разработанная ранее для картирования археологических памятников (Алексеев В.А., Журбин И.В., и др., 1995; Alekseyev V. et al., 1996; Zhurbin I.V., Malyugin D.V., 1997). По всей территории проводились измерения с изменением глубины зондирования. Исходя из стратификации слоя на известной части поселения, были выбраны глубины зондирования 1; 1,5 и 2 м. При интерпретации результатов электрометрии и привязки аномалий сопротивления к археологическим объектам на каждом из участков рассматривалась совокупность данных по всем трем слоям. Проведение послойных измерений определялось следующими соображениями:

1. Совместный анализ данных позволяет оценить контуры археологических объектов при изменении глубины. Следовательно, по данным электрометрии возможно восстановить пространственные характеристики объектов (форма, расположение, глубина залегания).

2. Сравнение нескольких массивов данных позволяет повысить достоверность результатов измерений и исключить влияние неоднородностей приповерхностного слоя. С точки зрения электрометрии, мешающими факторами являются многочисленные фрагменты керамики и костей в предповерхностном слое, следы поздней производственной деятельности, а также норы грызунов, искажающие результаты измерений.

Электрометрические исследования на территории жилищно-производственного комплекса 1 позволили определить западную границу распространения культурного слоя и некоторые элементы планировки (рис. 1, 2). На рисунках приведены карты распределения удельного электрического сопротивления, полученные в ходе обработки ре-

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 98-06-80038).

© И.В. Журбин, 1999 г.

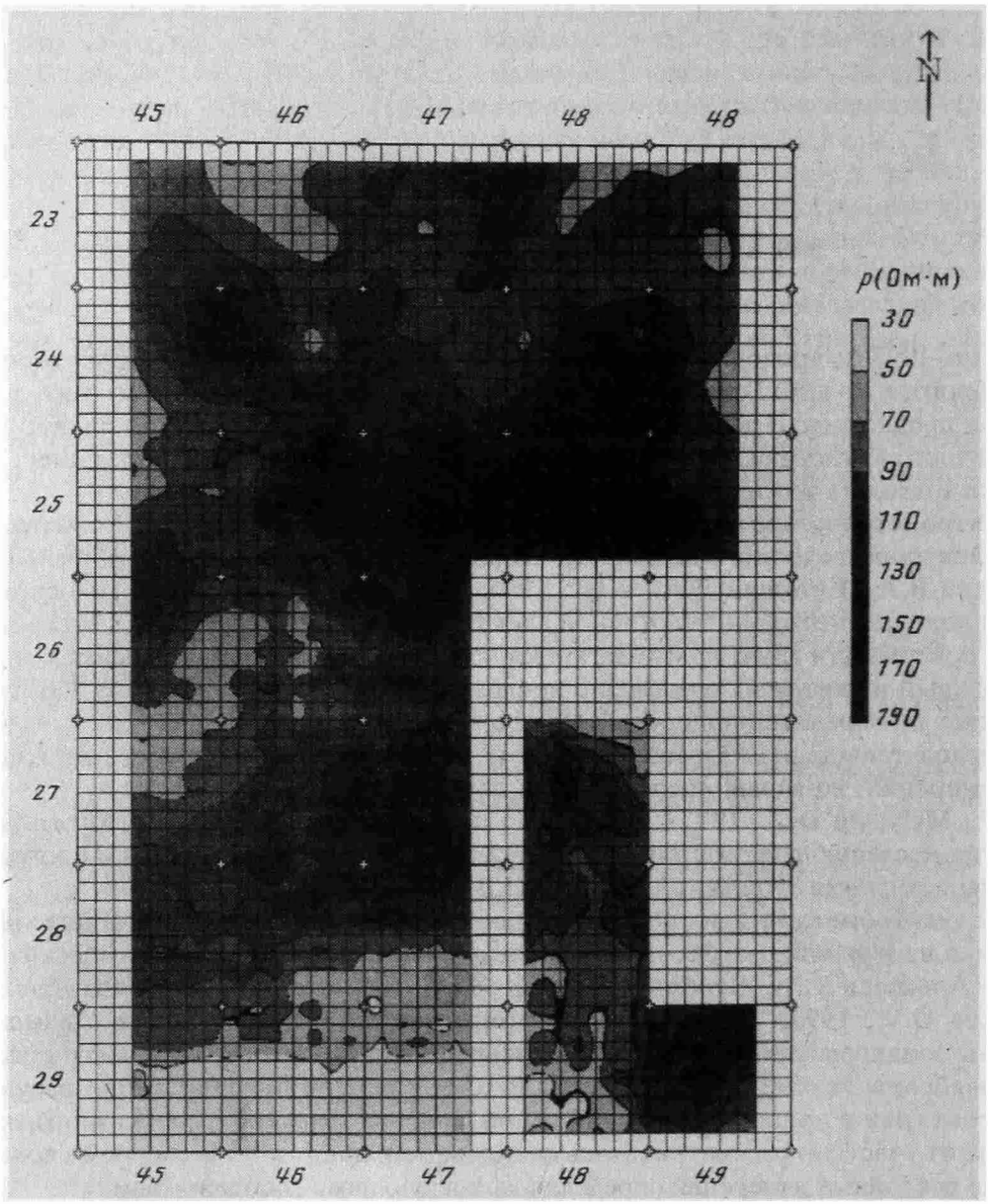


Рис. 1. Электрометрические исследования жилищно-производственного комплекса 1 поселения Горный. Карта распределения удельного электрического сопротивления. Глубина зондирования 1 м. Шаг сетки 0,5 м

зультатов измерений. Нумерация квадратов на рисунках соответствует археологической координатной сетке на поселении. Культурный слой котлована характеризуется повышенным удельным сопротивлением (темная область в центре рис. 1 и 2). Граница котлована выделяется достаточно явно (уровень сопротивления 50 Ом·м на рис. 2). Темные области в квадратах 4727, 4725 и 4825 соответствуют группе жилищ. Жилища расположены близко друг от друга и перекрыты поздними напластованиями. Эти обстоятельства не позволили выделить отдельные жилища достаточно контрастно. Обработка результатов электрометрии позволила уточнить границу жилого помещения комплекса 1 (рис. 3). Последующие раскопки подтвердили интерпретацию электрометрических данных (Черных Е.Н., 1997).

Данные на всех глубинах зондирования хорошо согласуются между собой и позволяют оценить изменение контура комплекса 1 на различных глубинах. Совокупность этих данных позволяет построить пространственную реконструкцию котлована по

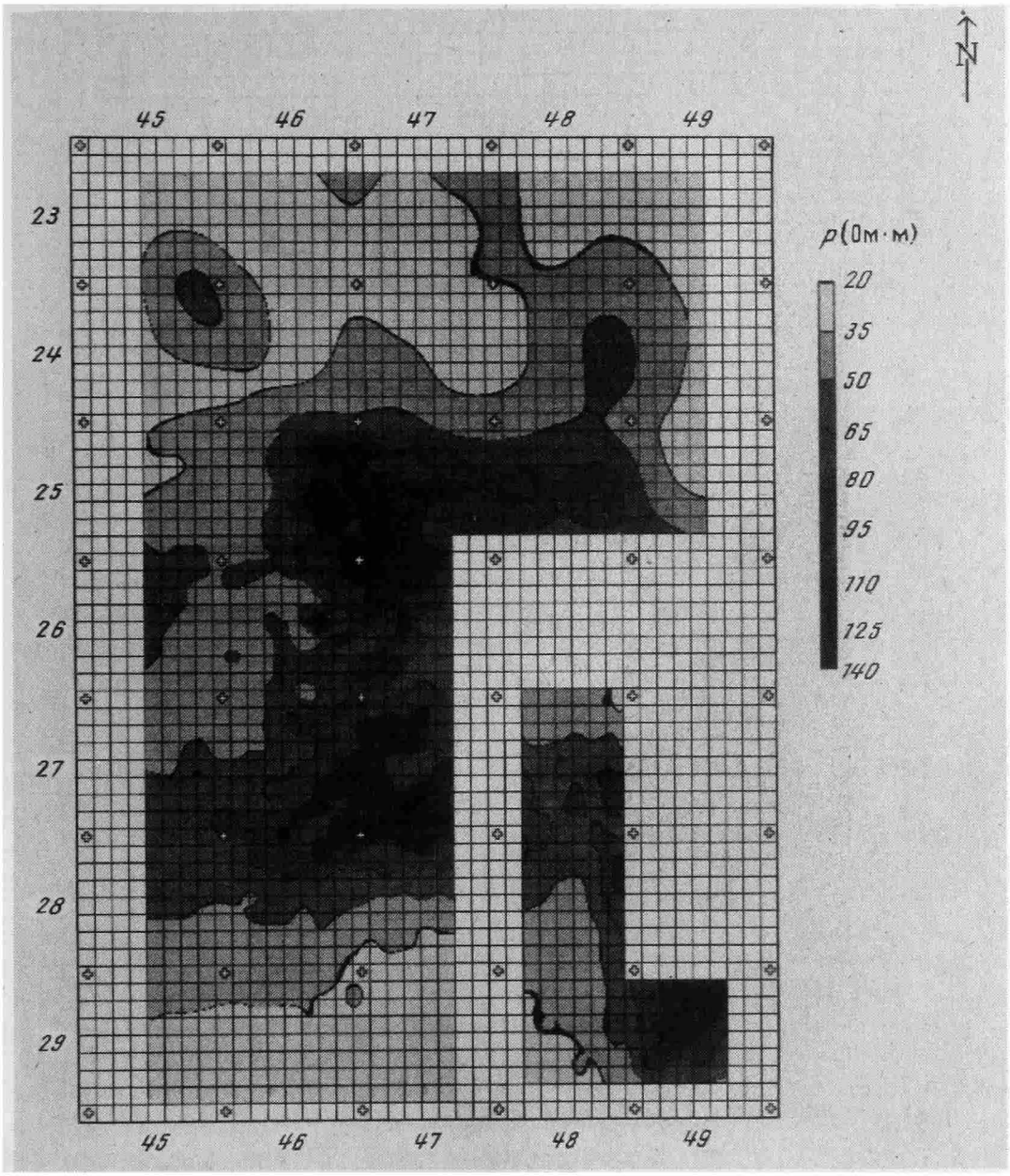


Рис. 2. Электрометрические исследования жилищно-производственного комплекса I поселения Горный. Карта распределения удельного электрического сопротивления. Глубина зондирования 1,5 м. Шаг сетки 0,5 м

данным электрометрии. Наиболее информативны, с точки зрения восстановления планировки памятника, данные, полученные при глубине зондирования 1,5 м. Это связано с тем, что большинство объектов, определяющих структуру поселения, расположено на этой глубине. Кроме того, влияние неоднородностей приповерхностного слоя незначительно.

Сравнение фрагмента планировки поселения Горный, полученного с использованием электрометрии, с планировкой части поселения, определенной в ходе раскопок в 1996–1997 гг., показало, что разработанная методика измерений позволяет оперативно и с достаточной точностью определять границы распространения культурного слоя. Следовательно, электрометрические методы могут быть использованы при прогнозировании границ археологических памятников и определении участка для проведения раскопок на территории памятников бронзового века Каргалинского горно-металлургического комплекса (рис. 4).

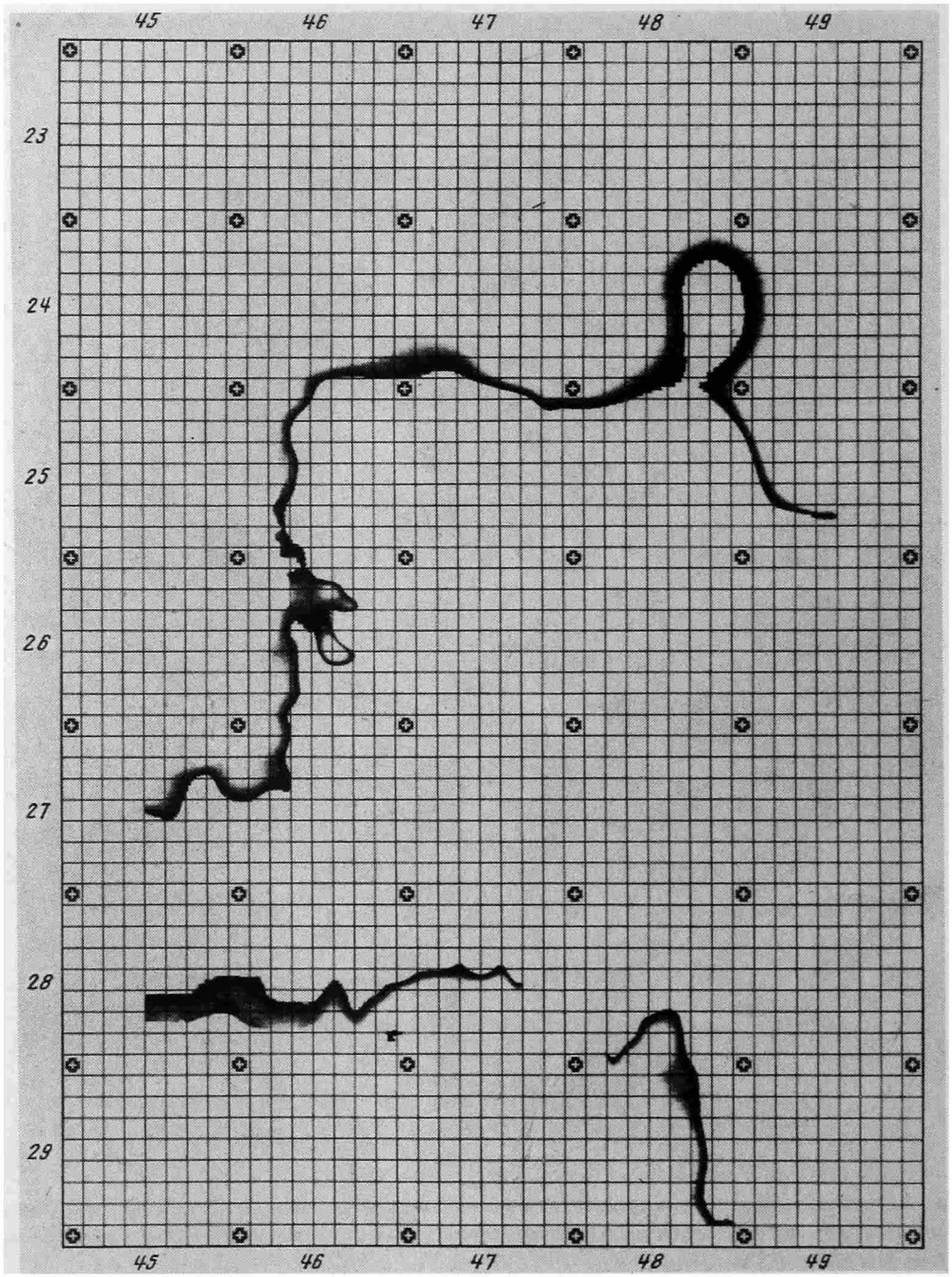


Рис. 3. Электрометрические исследования жилищно-производственного комплекса I поселения Горный. Граница западной части котлована по данным электрометрии. Глубина зондирования 1,5 м. Шаг сетки 0,5 м

Поисковые электрометрические исследования проводились в районе исследованного жилищно-производственного комплекса 1 поселения Горный. Задача поисковых исследований состояла в обнаружении археологических объектов, синхронных котловану и составлявших с ним единый исторический комплекс.

На данном этапе была использована методика электрометрических измерений, разработанная для поисковых работ (Zhurbin I.V., Malyugin D.V., 1997). Исследования проводились также по трем слоям измерений при глубинах зондирования 1; 1,5 и 2 м. Основной причиной применения послойных измерений при поисковых исследованиях является повышение достоверности результатов измерений.

Исследования проводились в южном направлении от известного жилищно-производ-

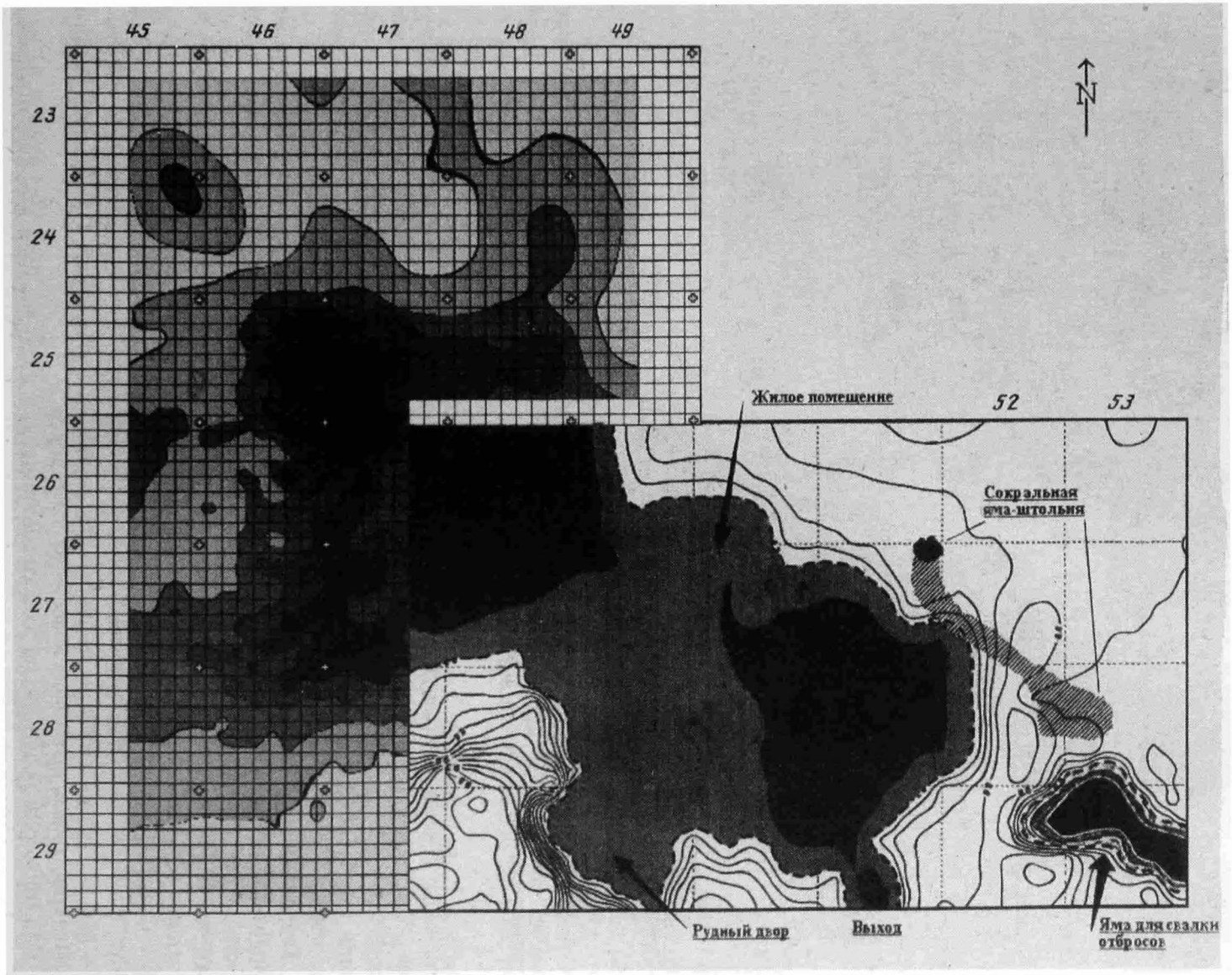


Рис. 4. Результаты археологических и геофизических исследований на поселении Горный

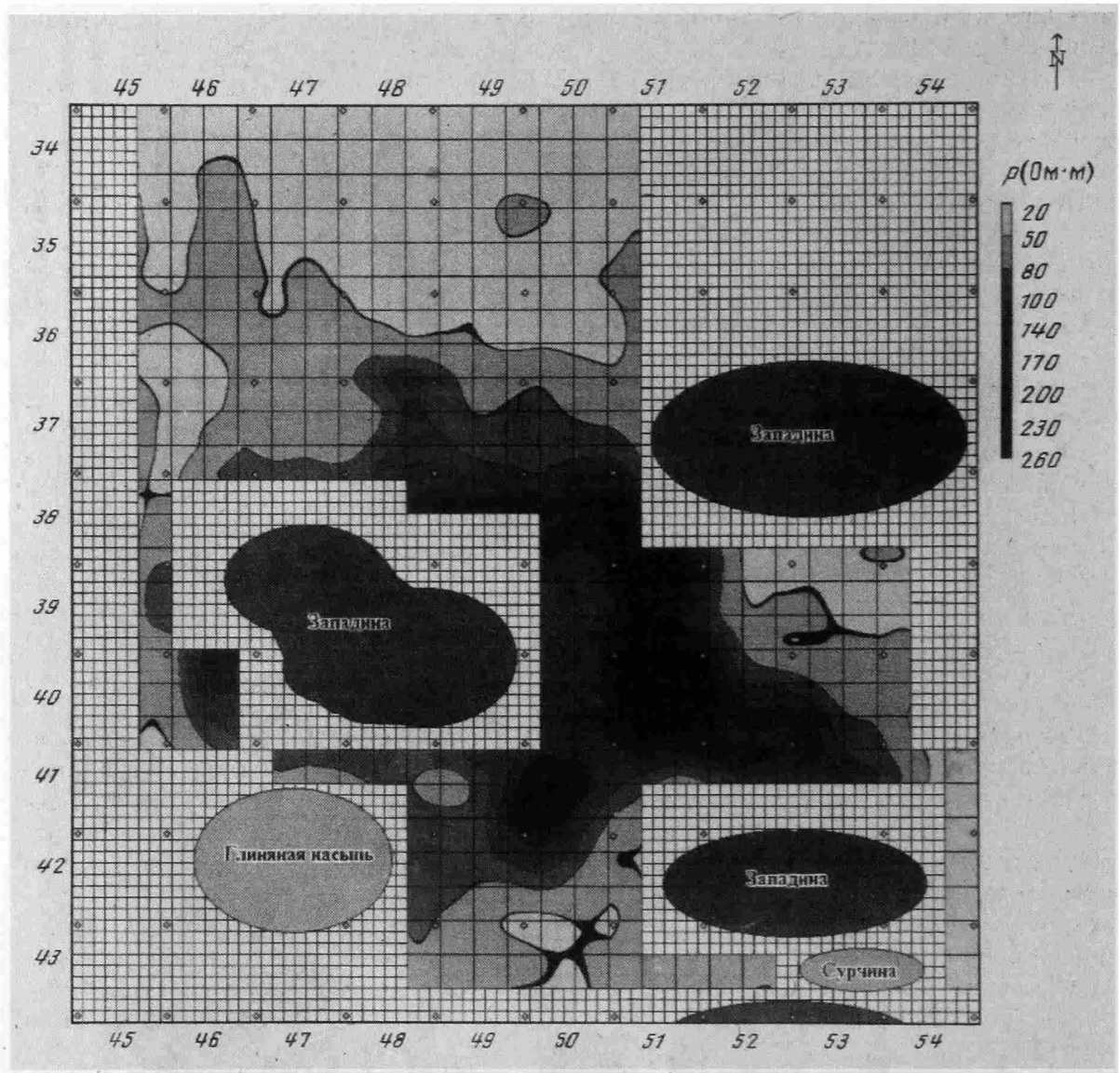


Рис. 5. Электрометрические поисковые исследования на поселении Горный. Карта распределения удельного электрического сопротивления. Глубина зондирования 1,5 м. Шаг измерительной сетки 1,5 м. Шаг координатной сетки 0,5 м

ственного комплекса. При обработке результатов измерений была выделена аномальная область, удельное сопротивление грунта которой соответствовало сопротивлению исследованной части комплекса 1. При дальнейших электрометрических исследованиях была определена граница аномалии (рис. 5). Приведенная на рисунке нумерация квадратов соответствует археологической координатной сетке на поселении.

Выделенная аномальная область расположена в 30 м от известного котлована жилищно-производственного комплекса 1. Аномалия представляет собой овал. Протяженность аномалии по линии северо-запад – юго-восток 30 м, а по линии северо-восток – юго-запад 24 м. По восточной границе аномалии расположено несколько участков, значение сопротивления которых превышает средний уровень сопротивления культурного слоя поселения Горный более чем в 2 раза (участки 5138, 5139; 5140, 5041). Границе выделенной области соответствует уровень удельного сопротивления 50 Ом·м (см. рис. 5). Форма, размеры и ориентация аномалии согласуются с соответствующими характеристиками котлована известного комплекса.

Для проверки результатов электрометрических исследований и археологической

интерпретации выделенной аномалии были заложены проверочные шурфы в квадратах 4841 и 5139.

На участке шурфа в квадрате 4841 уровень сопротивления соответствует значению сопротивления культурного слоя на исследованных участках поселения Горный. В результате проверочных раскопок на этом участке выявлен культурный слой, аналогичный по объектам и составу слою жилищно-производственного комплекса 1.

По результатам поисковых электрометрических исследований на территории шурфа в квадрате 5239 удельное сопротивление грунта более чем в 2 раза превышает среднее значение сопротивления культурного слоя. Уточняющие измерения, проведенные дополнительно, выявили значительный перепад удельного сопротивления грунта на этом участке. Результаты проверочных раскопок позволяют предположить, что темные участки в квадратах 5138, 5139; 5140 и 5041 соответствуют выходам шахт, заполненных отработанной породой.

Электрометрические исследования показали, что существующая аппаратура и методика измерений могут быть использованы при поиске археологических памятников на территории Каргалинского горно-металлургического центра. Важность дальнейшей разработки этого направления исследований определяется в первую очередь уникальностью памятника: расположение, организация и производственная направленность памятника в большинстве случаев не позволяют использовать для поиска поселений бронзового века известные в полевой археологии признаки. Кроме того, необходимость разработки методов оперативного поиска археологических памятников Каргалинского горно-металлургического центра определяется его значительной территорией.

Для повышения достоверности археологической интерпретации аномалий сопротивления, выявленных в ходе поисковых электрометрических исследований, необходимо выработать методы дифференциации аномалий, вызванных различными типами объектов антропогенного, техногенного и природного происхождения. Сложность интерпретации электрометрических данных определяется тем, что часто памятники бронзового века перекрываются памятниками XVIII–XIX вв. или частично разрушены в результате поздней производственной деятельности. В данном случае определять объект только по форме и параметрам пространственного расположения аномалии недостаточно – необходима "шкала сопротивлений", в пределах которой по результатам дальнейших исследований будет выделен диапазон, соответствующий культурному слою бронзового века.

Электрометрические исследования 1996–1997 гг. на поселении Горный показали эффективность применения геофизических методов при картировании памятников бронзового века на территории Каргалинского горно-металлургического комплекса. Использование метода многосеточной электрометрии позволяет решать следующие задачи:

1. Определение границ распространения культурного слоя и планировки археологических памятников.

2. Определение пространственных характеристик отдельных археологических объектов на территории памятника (контуры объекта, глубина залегания).

3. Поиск новых археологических памятников на локализованной территории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеев В.А., Евтешин Д.А., Журбин И.В., Зверев В.П., 1995. Аппаратно-программный комплекс автоматизации электрометрических исследований грунтов // ПТЭ. № 4.

Алексеев В.А., Журбин И.В., 1994. Автоматизация археологических исследований с применением электрометрии и компьютерной обработки данных // Информ. бюл. ассоциации "История и компьютер". № 12.

Алексеев В.А., Журбин И.В., Зверев В.П., Иванова М.Г., Куликов К.И., 1995. Некоторые итоги использования автоматизированного электроразведочного комплекса в исследова-

ниях городища Иднакар // Материалы исследований городища Иднакар IX–XIII вв. Ижевск.

Журбин И.В., Малюгин Д.В., 1996. Применение электрометрии для исследования археологических памятников (по материалам исследования городища Иднакар) // Congr. Octavus Int. Fenno-Ugristarum FU8. P. VII. Jyvaskyla, Moderatores.

Черных Е.Н., 1997. Отчет о раскопках селища позднего бронзового века у б. хутора Горный в 1996 г. (Каргалинский древний горно-металлургический центр на Южном Урале). Архив ИА РАН. Б/номера. М.

Alekseyev V., Zhurbin I., Malyugin D., 1996. Multi-grid Electrometry in the Survey of Archaeological Remains // Archaeol. Prosp. V. 3. № 4.

Zhurbin I.V., Malyugin D.V., 1997. On the method of visualization of electrometric data // Archaeol. Prosp.

Физико-технический институт УрО РАН,
Москва

I.V. ZHURBIN

ELECTROMETRIC RESEARCH AT THE GORNY SITE

Summary

The results of the electrometric research of the Bronze Age site Gorny have been reviewed in this paper. The electrometric method developed during the research has allowed us to identify borders of the cultural layer spread and the planning of the Bronze Age archaeological remains in the territory of the Kargaly mining and metallurgic complex. Methods of searching archaeological objects in the localized territory have been developed and successfully tested. It is necessary to improve methods used to differentiate anomalies caused by different types of objects of artificial and natural origin.

Е.И. САВЧЕНКО

МОЩЕВАЯ БАЛКА – УЗЛОВОЙ ПУНКТ ВЕЛИКОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ

Цель данной статьи – введение в научный оборот эталонного памятника Северо-Западного Кавказа – скального могильника Мощевая Балка (VIII–IX вв. н.э), который напрямую связан с Великим Шелковым путем. Термин "Великий Шелковый путь" (ВШП) введен в научный оборот К. Рихтгофеном (Richthofen K., 1877, S. 454), а первое появление китайских шелков на Западе и начало функционирования Шелкового пути отнесено Е.И. Лубо-Лесниченко ко второй половине II в. до н.э. (Лубо-Лесниченко Е.И., 1985, с. 90). Разумеется, в первые века до н.э., да и гораздо позднее, связь между двумя крайними точками – Римской империей и Поднебесной (Китаем) – была очень слабой, а их представления друг о друге – чрезвычайно туманными. Однако реальным фактом была торговля шелком. Со временем поставки шелка из Китая в Рим, а затем и в Византию растут, а вместе с ними растут и доходы от эксплуатации ВШП у парфян, а позднее у сасанидского Ирана, по территории которого проходил этот путь. Географическое положение и неблагоприятная политическая ситуация превратили Иран в кордон, через который не пропускались ни западные торговцы на Восток, ни китайские и согдийские – на Запад (Иерусалимская А.А., 1992, с. 5). Такое положение не устраивало Византию и весьма существенно обостряло отношение двух держав, соперничавших за овладение путями и доходами от ВШП (Пигулевская Н.В., 1947, с. 184–214; История Византии, 1967, с. 325). В VI в. противоречия настолько усилились, что вызвали несколько ожесточенных войн, в результате которых западный участок ВШП, проходивший за Кавказским хребтом, оказался блокированным. Начиная со второй половины VI в. основная транзитно-транспортная нагрузка ложится на кавказские трассы Шелкового пути, его северо-кавказские дороги с конца VI в. становятся регулярно действующими торговыми магистралями.

Впервые вопрос о существовании важного международного торгового пути, проходившего в древности через Кавказ, поставил в конце 20-х годов нашего столетия А.Н. Дьячков-Тарасов (Дьячков-Тарасов А.Н., 1930, с. 148–156). Его построения сводились к тому, что в древности Хорезм сообщался с Византией через Клухорский перевал до Сухума и через Марухский перевал до Пицунды. Промежуточными (узловыми) пунктами на этом пути он называл городище Маджары на р. Кума, городище Рим-гора на р. Подкумок и Хумаринскую крепость на р. Кубань.

При ознакомлении с археологическими коллекциями из скальных могильников Северо-Западного Кавказа эпохи раннего средневековья (VIII–XII вв.) Мощевая Балка (Иерусалимская А.А., 1978, с. 160; 1992, с. 30; Милованов Е.А., 1967; 1968; 1969; Савченко Е.И., 1981а. с. 116, 117; 1983, с. 131, 132), Хасаут (Иерусалимская А.А., 1992, с. 6, 10–14), у Сентинского храма (Марковин В.И., 1983, с. 68–72; Демаков А.А., 1991, с. 90–106), у Первомайского (могильники № 1–4) и Ильичевского (балки Балабанка и Гамовская) городищ (Каминская И.В., 1988а; 1989), у Нижнего Архыза (Кузнецов В.А., 1993а, рис. 94) прежде всего обращает на себя внимание большое количество импортных вещей в погребениях, в частности изделий из шелка. Лидирующее положение среди этих памятников занимает Мощевая Балка, являющаяся эталонным памятником для раннесредневековых скальных захоронений Северо-Западного Кавказа как по количеству погребений, так и по составу и сохранности

© Е.И. Савченко, 1999 г.

инвентаря. Кроме того, необходимо отметить, что на этом памятнике предшествующими исследователями и нами собрана большая и уникальная по составу коллекция шелковых тканей, шерстяных и ворсовых ковров, а также всевозможных предметов импорта. Это помогает осветить вопросы торговых связей и определить пути проникновения того или иного импорта в регионы, отстоящие друг от друга на сотни и тысячи километров.

В связи с этим в данной статье автор ставит перед собой следующие основные задачи: дать описание могильника Мощевая Балка и осветить историю его изучения; установить стратиграфическую последовательность захоронений на памятнике, что очень важно для всех скальных могильников Северо-Западного Кавказа эпохи раннего средневековья, так как помогает выявить их структуру, осмыслить способ размещения могил; проанализировать погребальный обряд и его особенности: погребальные сооружения, положение скелета и его ориентировку, местонахождение сопровождающего инвентаря в могиле, символизацию и вотивное воспроизводство последнего, выявить степень влияния соседних племен и народов на погребальный обряд, определить его истоки; провести реконструкции дорог Великого Шелкового пути на Северо-Западном Кавказе, обозначить место и роль Мощевой Балки на этих дорогах.

Могильник Мощевая Балка находится в западной части Карачаево-Черкесской Республики, вблизи верховьев р. Большая Лаба, которая начинается от ледников Главного Кавказского хребта вблизи Лабинского перевала. Скальный навес, предохраняющий захоронения от влаги, естественная сухость воздуха и отсутствие микроорганизмов (что характерно для высокогорья) создали предпосылки для удивительной сохранности археологического материала, особенно органики (дерево, кожа, ткани), что редко встречается в археологической практике. В этих условиях сами погребенные часто оказывались естественным образом мумифицированными (что и дало название могильнику "мощевая" – от "мощи").

Случайно открытый более 100 лет назад, памятник на протяжении всего этого и предшествующего времени интенсивно грабился и разрушался местным населением. Специалист и краевед, побывавшие на памятнике в начале XX в. (Н.И. Веселовский и Н.И. Воробьев), ограничились сбором подъемного материала из разрушенных и разграбленных погребений (дневники не велись, отчеты не писались). Собранные коллекции, ввиду хорошей сохранности, были интерпретированы как этнографические и сданы в соответствующие музеи. Лишь в 1935 г. усилиями И.А. Орбели эти коллекции поступили на хранение в Отдел Востока Государственного Эрмитажа. На протяжении около полувека памятник был забыт специалистами, но не оставлен любителями-кладоискателями, которые продолжали интенсивно грабить могилы, присваивая часть находок (в основном из драгоценных металлов), а остальной погребальный инвентарь и останки погребенных бросали на площадке могильника. Исследователи, посетившие памятник в начале 1950-х годов (Н.В. Анфимов, А.А. Иессен), пришли к выводу, "что некрополь полностью разграблен... и дальнейшие исследования могильника бесперспективны" (Анфимов Н.В., 1950, с. 29; Иессен А.А., 1950, с. 14–16). Важной вехой в изучении Мощевой Балки является публикация в 1960-х годах статьи А.А. Иерусалимской о Северокавказском "Шелковом пути", в которой автор наряду с шелковыми тканями из коллекции Государственного Эрмитажа рассматривает и некоторые другие категории погребального инвентаря, дает его датировку, приводит данные по шелковому импорту на Северном Кавказе и намечает пути его проникновения в этот регион (Иерусалимская А.А., 1967, с. 55–78). Археологи и краеведы, работавшие на памятнике в 1960–1970-е годы (Е.А. Милованов, А.А. Иерусалимская, Е.П. Алексеева), ограничились сборами подъемного материала и минимальными раскопками (при крайне недостаточной фиксации). Тем не менее собранный материал дал возможность А.А. Иерусалимской реконструировать несколько типов мужской, женской и детской одежды и на основании этого осветить некоторые вопросы этнической истории Алании, а также вопрос об отношении Мощевой Балки к Шелковому пути (Иерусалимская А.А., 1976, с. 22–24; 1978, с. 151–163). В конце 1970-х годов

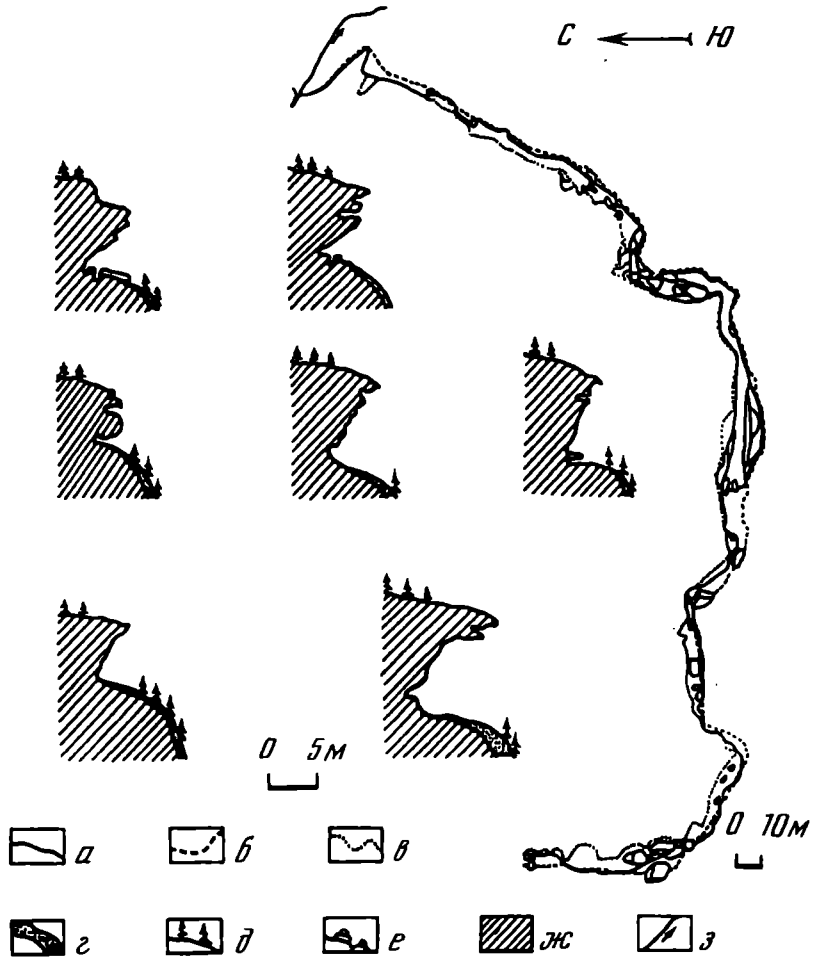


Рис. 1. Могильник Мощевая Балка. План и профили. *а* – границы карниза; *б* – граница площадки; *в* – граница стенки навеса; *г* – гумусный слой; *д* – хвойный лес; *е* – камни; *ж* – скала; *з* – ручей Мощевой

могильник осмотрели И.С. Каменецкий и Ю.Н. Воронов, признавшие, что "памятник находится в удручающем состоянии. Практически весь перекопан любителями" (Из полевого дневника И.С. Каменецкого).

Наиболее интенсивные работы на могильнике развернулись в 1980–1982 гг., когда начались раскопки, осуществлявшиеся Лабинским отрядом Северокавказской экспедиции ИА АН СССР (РАН) (Гей А.Н., Каменецкий И.С., 1986, с. 49, 50; Савченко Е.И., 1980; 1981б; 1982). Эти исследования были поставлены на должную методическую высоту (раскопки широкими площадями, полное удаление грабительских отвалов, тщательная зачистка погребальных сооружений изнутри и снаружи, а также подробная графическая и фотографическая фиксация исследований), что дало возможность впервые составить общий план памятника и нанести на него все раскопанные экспедицией, а также выявленные ранее погребения, локализовав при этом последние.

Могильник расположен на высоте около 100 м от уровня Большой Лабы (938 м от уровня моря), на южной оконечности Бескесского хребта, в 5 км к югу–юго-востоку от пос. Курджиново и в 0,7 км к северу от хутора Азиатский, на территории Бескесского заповедника (на плато Бескесского хребта находилось городище Мощевое, полностью уничтоженное в середине 60–70-х годов нашего столетия в ходе лесозаготовок).

Наклонно спускаясь к югу, оконечность хребта образовывает здесь уступ с относительно ровной площадкой, которая перекрыта козырьком навеса скалы мощностью 8–12 м (рис. 1). Ширина площадки от 2 до 14 м. Поверхность уступа неровная, иногда

поката в сторону склона, иногда образована двумя-тремя ступенчатыми террасами. Козырек навеса располагается на высоте от 1 до 9 м от уровня площадки и предохраняет последнюю от проникновения влаги. Глухая стенка и потолок навеса покрыты трещинами, подвержены эрозии. В стенке присутствует много ниш-пещерок в виде овальных и округлых камер разных размеров со сводчатым потолком, иногда эти ниши имеют вид узкой щели высотой не более 30 см. Площадка уступа и склоны хребта усыпаны глыбами, плитами и развалами более мелких камней, которые рухнули с потолка навеса. Эти плиты часто служили перекрытием могил, под ними сооружались погребения, в больших глыбах иногда вырубались искусственные ниши. Здесь – на площадке уступа, в нишах, в каждой удобной выемке, даже в щелях между глыбами – располагались захоронения Мощевой Балки.

Для нанесения погребений на общий план, более точной их привязки и изучения стратиграфической последовательности захоронений вся территория могильника по характеру рельефа была условно разделена на семь структурно-топографических частей-участков: А, Б, В, Г, Д, Ж (разведка И.С. Каменецкого 1978 г.). Всего было исследовано 568 захоронений. Бóльшая часть их оказалась ограбленной, лишь 36 могил (6,33% от всех зафиксированных погребений) сохранились полностью или частично (в последних найдены отдельные кости погребенных, лежащие in situ, и часть инвентаря).

Стратиграфия Мощевой Балки, основанная на анализе обмазки погребальных камер, представляет значительный интерес как в плане осмысления застройки самого могильника, так и для разрешения вопросов его хронологии. К сожалению, ни в одном исследовании, посвященном скальным погребениям Северного Кавказа, нет упоминаний о стратиграфии скальных захоронений. Некоторые исследователи, отмечая наличие обмазки погребений, каких-либо выводов из этого факта не делают (Минаева Т.М., 1971, с. 92–103; Каминская И.В., 1991, с. 50–52).

Расположение могил Мощевой Балки напоминает пчелиные соты: первые погребения пристраивались к глухой стенке скального навеса или занимали естественные ниши-пещерки, а последующие – к уже существующим могилам. Таким образом, в каждом захоронении сооружались две-три стенки, которые перекрывались каменными плитами. Вся эта конструкция неоднократно обмазывалась снаружи глиной – саманом, подмазывалась к предыдущей могиле и многократно белилась (рис. 2). Наличие многих слоев обмазки побелки на погребальных сооружениях позволило выделить последовательность захоронений в могильнике, построить разветвленные стратиграфические схемы для значительной части погребений.

Из 568 погребений, стратиграфическую последовательность удалось определить у 245 могил (43%), при анализе которых в целом по могильнику можно сделать следующие выводы: освоение участков могильника шло в меридиональном направлении; в первую очередь на участках застраивались естественные скальные ниши и сооружались гробницы у стенки скального навеса; сначала осваивались площади, свободные от больших каменных обломков и плит, по мере роста могильника погребальные сооружения возводились на каменных плитах и глыбах, а также в щелях между ними.

В могильнике Мощевая Балка нами выявлено три типа захоронений: в гробнице – 475 могил (83,6%), в нише – 39 погребений (6,9%) и в гробнице, построенной в нише, – 51 захоронение (9%).

К первому типу относятся гробницы в основном подпрямоугольных очертаний (изредка встречаются подквадратные и подтреугольные) (рис. 2–4). Все они построены из подтесанных плит песчаника, уложенных плашмя или на ребро (присутствуют и вариации). Плиты укладывались в два–пять рядов, чаще всего насухо, однако в некоторых сооружениях удалось обнаружить связующее – глиняный раствор. Иногда одной из стен могилы служили стенка скального навеса или обломок скалы, лежащий на площадке. Встречены захоронения в щели между обломками скал, которые служили стенками гробницы. Единичны погребения, сооруженные друг на друге. Вероятно, все

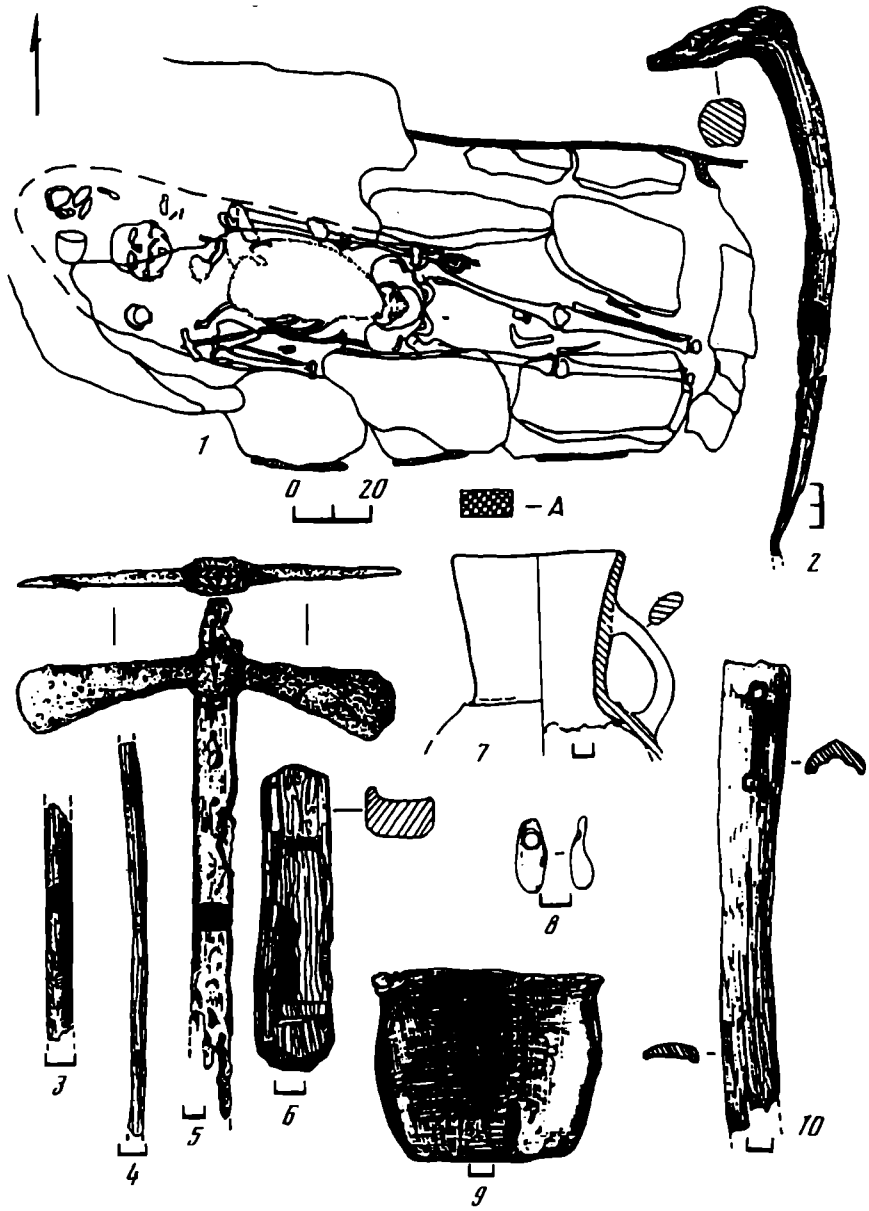


Рис. 2. Могильник Мощевая Балка. Погр. № 46. *А* – глиняная обмазка-саман (*2–6, 9–10* – дерево, *7* – глина, *8* – зуб оленя)

гробницы имели перекрытие (зафиксировано 57 погребений, у которых прослежены его остатки). Перекрытия были двухслойными: верхний ряд – плиты камня; нижний – деревянные плахи, брусья или бревна, лежащие в продольном по отношению к гробнице направлении. Вся погребальная конструкция неоднократно обмазывалась слоем глины-самана и многократно белилась мелом или известью.

Ко второму типу относятся захоронения, совершенные в нишах, которые подразделяются на естественные, искусственные и ниши, образованные обломками скальных глыб. После совершения захоронения ниши с открытой стороны (южной или юго-западной) наглухо закладывались стенкой из плит уложенных плашмя, вплоть до свода и точно так же, как и гробницы, неоднократно обмазывались глиной и белились.

Третий тип погребальных сооружений объединял первый и второй типы – это гробницы в нише. Площадь некоторых ниш достигала 6–12 м^2, что позволяло разместить здесь два – четыре захоронения. Для этой цели выстраивались боковые и продольные стенки, отдельные для каждой гробницы. В зависимости от высоты свода

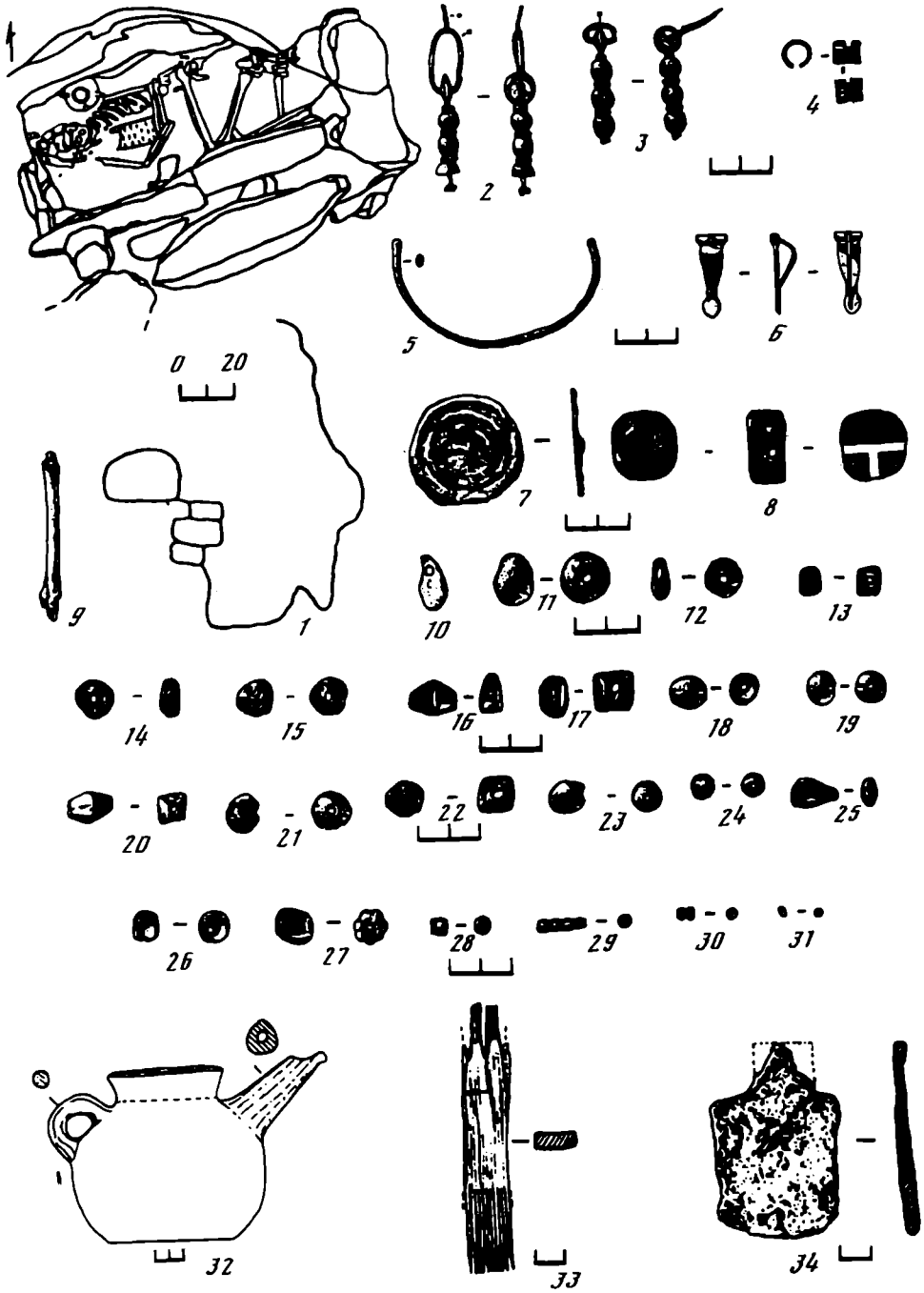


Рис. 3. Могильник Мощевая Балка. Погр. № 73 А (*2–3* – бронза, серебро; *4–7* – бронза; *8, 12–14, 16, 17, 20* – гешир; *9* – кость; *10* – зуб оленя; *11, 15, 18, 19, 21–31* – стекло; *32* – глина; *33* – дерево; *34* – железо)

ниши стенки выстраивались до свода или перекрывались деревом и камнем с последующей обмазкой и побелкой.

Почти у половины погребальных сооружений дно естественное, им служила скальная поверхность навеса. У остальных погребений дно или подтесывалось (что удалось установить в 107 случаях), или вымащивалось тонкой каменной плиткой поверх пылевидной супеси (в 177 случаях), реже выравнивалось глиняной обмазкой (восемь могил). Изредка наблюдаются вариации: подтеска и вымостка плиткой, подтеска и обмазка дна, вымостка и обмазка.

Говоря об устройстве дна перед совершением захоронения, нельзя не упомянуть и

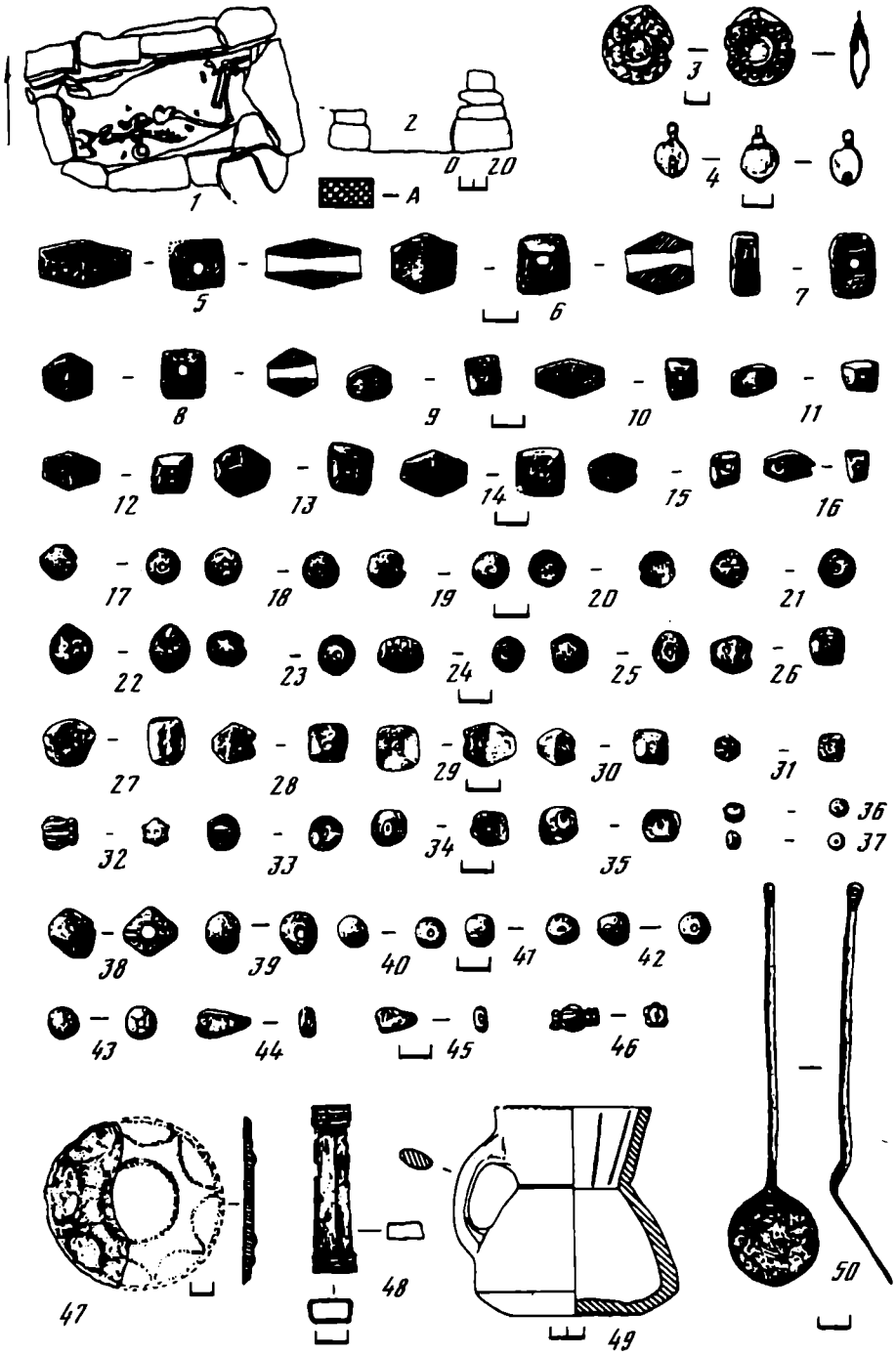


Рис. 4. Могильник Мощевая Балка. Погр. № 116. (*3, 48* – серебро; *4, 47, 50* – бронза; *5–16* – гешир; *17–46* – стекло; *49* – глина)

об особых признаках. Они встречены и в гробницах, и в нишах. Так, обряд очищения (прокаливание дна) зафиксирован в 22 случаях, подстилка из бересты прослежена в 10 могилах, подстилка из травы – в 9 погребениях. Иногда встречаются варианты – подстилка из травы совместно с берестой.

Размеры погребальных сооружений различны. Вероятно, это диктовалось ростом погребенных и месторасположением захоронения: при этом, видимо, учитывался и пол покойника.

В ориентировке погребальных сооружений преобладает направление запад–восток (463 случая), остальные могилы ориентированы в направлении юго-запад – северо-восток (49 случаев), север–юг (51 погребение).

По половозрастному признаку (определения М.М. Герасимовой) погребения, сохранившиеся полностью или частично, распределяются следующим образом: 16 захоронений из 36 принадлежали мужчинам, 13 – женщинам, 6 – детям (в одном случае женщина захоронена с ребенком) и в двух могилах пол погребенного не определен.

Ориентировка у большинства скелетов преимущественно западная с сезонными отклонениями.

Верхняя часть туловища почти у всех погребенных слегка приподнята, часто под головой находилась погребальная подушка в льняной или шелковой наволочке с сухой растительностью внутри или каменная плитка, заменяющая подушку.

Особенностью всех мужских погребений является вытянутое положение скелета на спине (рис. 2, *1*). В большинстве захоронений присутствуют предметы вооружения (топор с рукоятью) (рис. 2, *4*) или заменяющая его рукоять топора, древки стрел (рис. 2, *3*) или их наконечники, ножны метательного ножа, которые отличались от обычного ножа – орудия труда – бóльшими размерами (рис. 2, *10*), орудия труда (тесло-мотыжка с рукоятью или рукоять без тесла (рис. 2, *2*), нож), культовые предметы (пенал) (рис. 2, *6*).

Женские погребения по положению скелета подразделяются на две группы: скорченные, на правом боку (рис. 3; 4) и вытянутые, на спине (первая преобладает). Различное положение погребенных, возможно, было связано с определенным социальным положением, которое занимала женщина в обществе. Разделение на эти две группы не прослеживается по инвентарю – от типичен для обеих групп погребений. В большинстве женских захоронений обязательно присутствуют орудия труда (тесломотыжка (рис. 3, *34*) или его рукоять, железный нож или деревянные ножны, лопатка для обмазки погребений), бытовые предметы (копоушка, туалетные кисточка и ложечка (рис. 3, *4*; 4, *48, 50*), гребень и зеркало (рис. 3, *7, 33*; 4, *47*), культовые предметы – пенал, амулеты из зуба животного или косточки птицы (рис. 3, *9, 10*). Определяющей особенностью женских погребений являются украшения – серьги, браслеты, бусы, раковины-каури (рис. 3; 4).

Так как в детских захоронениях довольно трудно определить пол погребенного (хотя различие в инвентаре и есть), то логично предположить, что мальчиков хоронили по мужскому обряду, а девочек – по женскому. Исключение составляет лишь одно погребение, где похоронен мальчик, лежавший на левом боку со слабо подогнутыми ногами.

Определенная система в расположении инвентаря прослежена только в предметах вооружения и некоторых орудиях труда (топор – справа от погребенного, ножны ножа – на правом бедре у мужчин и на левом бедре у женщин). Остальной инвентарь не имеет системы в расположении.

При знакомстве с погребальным инвентарем могильника обращает на себя внимание тот факт, что основные категории инвентаря (орудия труда, оружие, предметы бытового назначения) в большинстве могил присутствуют лишь символически – в виде части, заменяющей целое, или в виде вотивного воспроизведения. При помещении в могилу во многих случаях предпочтение отдавалось дефектным экземплярам: будь то боевой лук или кольчуга, тесло или деревянная чаша, деталь ткацкого станка или деревянный гребень. Эта стабильность для самых разных категорий инвентаря заставляет предположить, что требования погребального ритуала исполнялись во многом формально. Этот же мотив лежал, вероятно, в основе всего процесса символизации.

При символизации и вотивном воспроизводстве основных категорий инвентаря обращает на себя внимание особое отношение к зеркалам. Как в исследованных погребениях (рис. 3, *7*; 4, *47*), так и среди грабительских отвалов обнаружены бронзовые зеркала диаметром от 2,5 до 5,5 см, с рельефными концентрическими кругами или шести-восьмиконечной звездой и ушком в центре. Некоторые из этих зеркал лежали в войлочных, льняных и шелковых футлярах, а в могиле № 211 футляр с зеркалом был помещен в плетеную шкатулку. Среди подъемного материала найдено зеркало, завер-

нутое в льняную салфетку, угол которой продет в ушко. Салфетка и зеркало находились в кожаном футляре, который был плотно зашит и имел петельку для подвешивания. В этом случае мы наблюдаем, как вещь из одной категории инвентаря переходит в другую и выполняет уже не столько бытовую функцию, сколько культовую.

Благодаря хорошей сохранности предметов из дерева, кожи и тканей процесс символизации, хорошо известный по этнографическим данным, на археологическом материале круга культур салтово-маяцкого типа с такой полнотой реконструируется впервые. В обычных условиях многие вещи – древки, рукоятки, ножны, зашитые кожаные или шелковые футляры – просто не сохраняются.

Мотивы, породившие явление символизации, не вполне однозначны для разных категорий инвентаря. В качестве одного из мотивов мог служить страх живых перед мертвыми: снятие какой-либо детали предмета или замена ее имитацией обезопасили бы живых. Другим мотивом могло служить ритуальное "умерщвление" вещей – обычай, известный у многих народов (и не только Северного Кавказа) с древнейших времен. Однако наиболее весомым является рационалистический, практический мотив – экономия материала и труда, что предполагает веру в магическую заменяемость вещи ее частью или воспроизведением. Вероятно, здесь присутствует целый круг верований, связанных с имитативной магией. Процесс символизации не коснулся погребальной пищи, так как она символична по своей сути, а также одежды и украшений.

Все детали обряда (погребальные сооружения, положение скелета и его ориентация, расположение сопровождающего инвентаря, символизация и вотивное воспроизводство последнего) объединяют могильник Мощевая Балка с рядом одновременных раннесредневековых памятников Северо-Западного Кавказа – Нижним Архызом (Кузнецов В.А., 1993а, с. 117–156), балкой Уллу-Кулак в окрестностях Сентинского храма (Демаков А.А., 1991, с. 90–106), могильником № 1 Первомайского городища (Каминская И.В., 1987, с. 4–13), могильниками у хутора Ильич (Каминская И.В., 1991, с. 50–52; 1996, с. 81), могильником в балке Каменистой на р. Большая Лаба (Милованов Е.А., 1968, с. 2–4), скальными захоронениями на реках Теберда и Гоначхир (Алексеева Е.П., 1992, с. 75, 76, 81, 82) и с салтово-маяцкой археологической культурой (Плетнева С.А., 1967, с. 75 сл.; 1989, с. 191).

Великий Шелковый путь и памятник Мощевая Балка неразрывно связаны материальной культурой – присутствием в захоронениях могильника экстраординарного количества импортных изделий (шелковых и шерстяных тканей, ворсовых ковров, стеклянных сосудов, бус, браслетов, перстней и других предметов), что подводит нас к реконструкции северокавказских дорог ВШП и определению роли памятника Мощевая Балка как одного из его узловых пунктов. Необходимо подчеркнуть, что в данной статье рассматривается только Северо-кавказский отрезок ВШП, от низовьев Волги до Черноморского побережья, в рамках средневековья, начиная с того времени, когда через Северный Кавказ прошли караваны с шелковыми тканями и другими экзотическими товарами (с конца VI до XIII в., когда внешнеполитическая обстановка резко изменилась в связи с нашествием монголо-татар). Северокавказский отрезок ВШП на участке от портов Абхазии до перевалов Северо-Западного Кавказа, а также его различные варианты обсуждались абхазскими исследователями З.В. Анчабадзе (1959, с. 12, 13), Ш.Д. Инал-Ипа (1976, с. 246) и Ю.Н. Вороновым, обследовавшим многие перевалы (Воронов Ю.Н., 1975, с. 46–53; 1977, с. 40–43; 1982, с. 81, 82). В общем виде этой темы касалась А.А. Иерусалимская (Иерусалимская А.А., 1963, с. 35–39; 1967, с. 55–78; 1972, с. 8 сл.). Черкесские археологи А.А. Демаков и И.Л. Чумак в 1987 г. обследовали часть предполагаемой трассы северокавказского отрезка от городища Нижний Архыз до пос. Псху в Абхазии (Демаков А.А., Чумак Н.Л., 1990, с. 34, 35). Различными вариантами северокавказских дорог ВШП занимались И.В. Каминская, которая весьма подробно и убедительно рассмотрела маршруты древних дорог в ущелье р. Большая Лаба (Каминская И.В., 1988б, с. 202–204), и В.А. Кузнецов (1993б).

Для реконструкции северокавказского отрезка ВШП нами были привлечены гре-

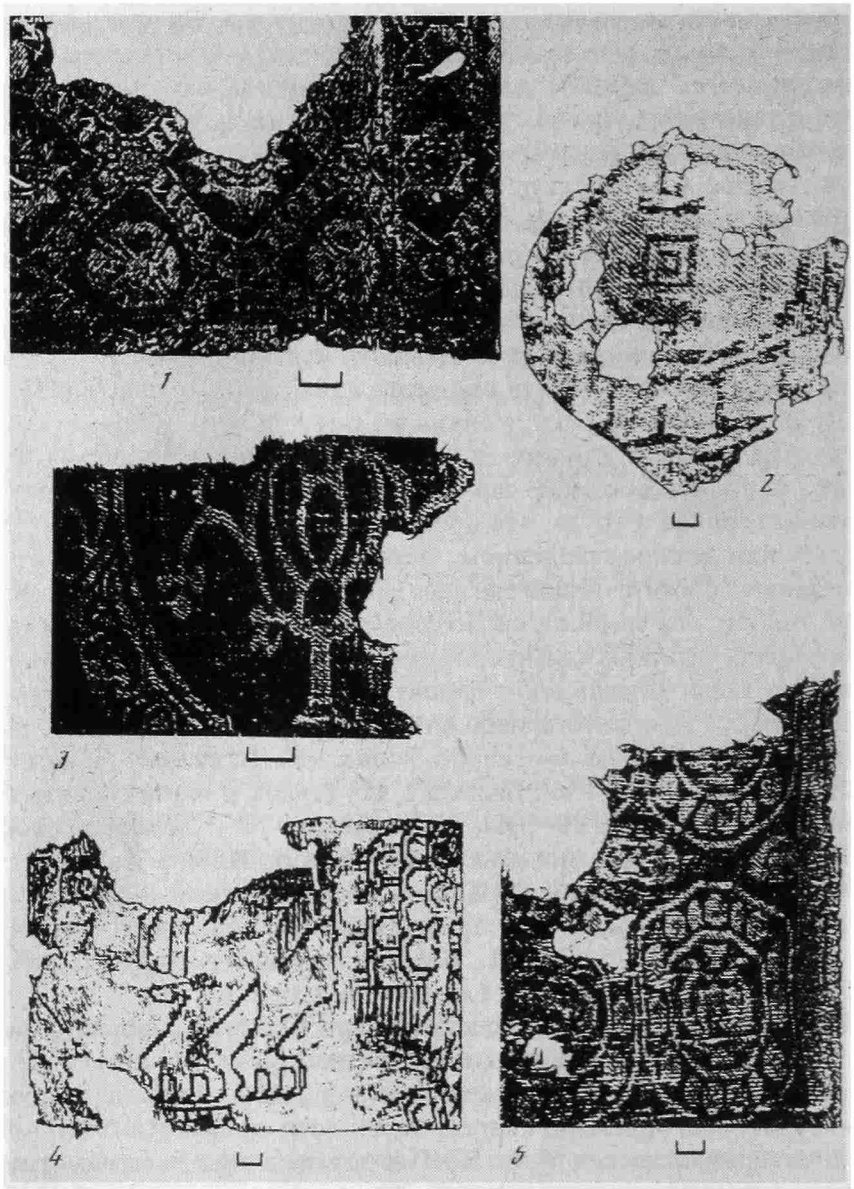


Рис. 5. Могильник Мощевая Балка.
1–5 – образцы шелковых изделий из грабительских отвалов

ческие и византийские источники – Страбон (Страбон, 1964, с. 480), Менандр Византиец (Менандр Византиец, 1860, с. 373–384), Феофан Исповедник (Феофан Исповедник, 1887, с. 286–289), литература и археологические материалы, где прежде всего было обращено внимание на находки византийских монет, шелковых тканей, придорожных камней-менгиров, эпиграфические памятники.

Основным письменным источником для реконструкции северокавказского отрезка ВШП служит рассказ Менандра о византийском посольстве во главе с комитом Земархом, отправленном императором Юстином в 568 г. в Тюркский каганат с целью заключения военно-политического союза. Самым важным моментом для нас в этом источнике является краткое описание обратного пути Земарха и его каравана, нагруженного шелком, через Северный Кавказ. "Разными болотами прибыли к Аттике (Итилю–Волге), в ее болотистые низовья". Где-то здесь Земарха предупредили о засаде персов около р. Кофина (Кубань). Местные жители дали Земарху "наполненные водою кожаные мехи, для того чтобы ему и спутникам его, проездом по безводной степи утолять жажду". Можно предположить, что каравану Земарха предстояло

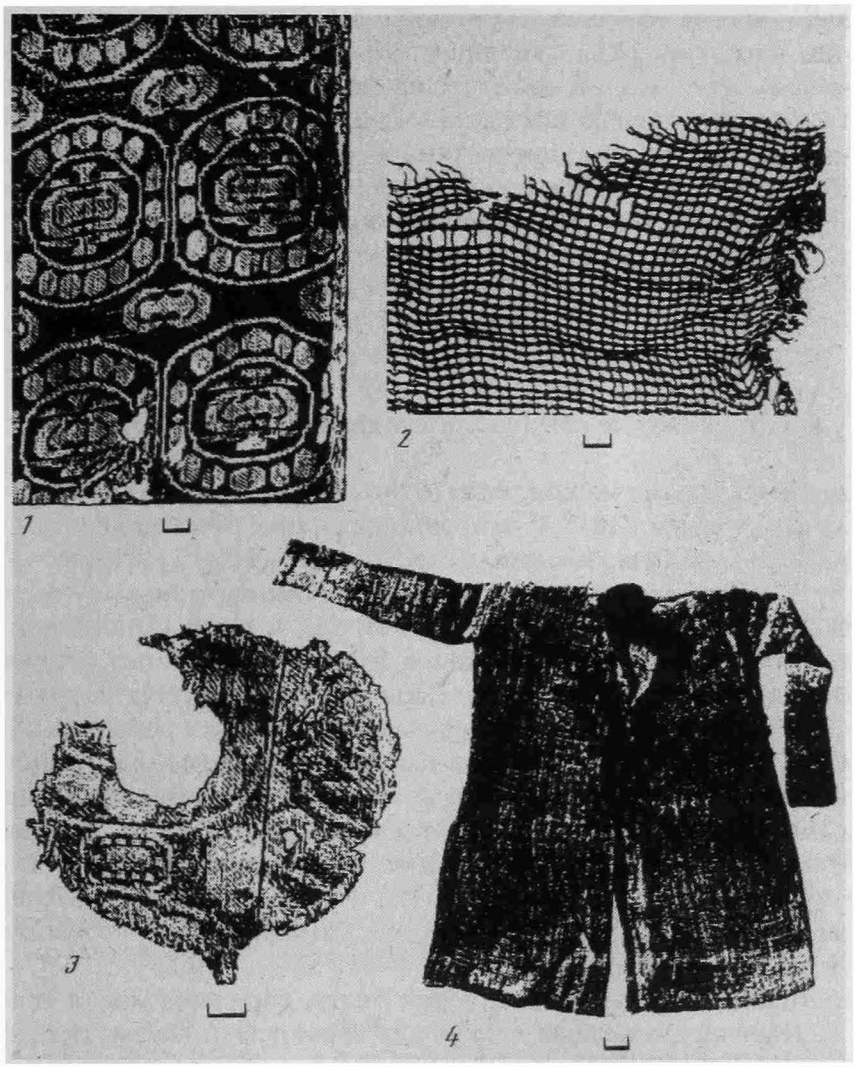


Рис. 6. Могильник Мощевая Балка.
1, 3 – образцы шелковых изделий; *2* – образец льняного изделия; *4* – кафтан для куклы – лен, шелк (из грабительских отвалов)

преодолеть безводные районы нынешней Калмыкии, тем более, что через некоторое время караван встретил на своем пути обширное озеро, в котором, вероятно, следует видеть оз. Маныч-Гудило. Отсюда византийцы прибыли к Кубани и отправили лазутчиков для поиска засады персов. Не обнаружив последних, они прибыли в Аланию, где были приняты владетелем этой страны Сародием (Саросием). "Князь аланский предупредил Земарха, чтобы он не ехал по дороге Мисимиан, он советовал римлянам возвратиться домой по дороге, называемой Даринской... Земарх, оставив слева (т.е. восточнее) дорогу Мисимианскую... поехал по дороге Даринской и прибыл в Апсилию (центральная и восточная часть современной Абхазии)". Затем византийско-тюркское посольство отправилось морем до р. Фазис (Рион) и далее в Трапезунд и Константинополь (Менандр Византиец, 1860, с. 382–384).

Материальным основанием реконструкции северокавказских дорог ВШП для всех исследователей послужили находки шелковых изделий в скальных захоронениях Северо-Западного Кавказа. Шелковые ткани (рис. 5, 6) употреблялись здесь в рассматриваемое время для отделки головных уборов, одежды и обуви, для пошива всевозможных футляров и чехольчиков, изготовления одежды кукол (рис. 6, *4*) и наволочек, обтяжки ножен ножей. Найдены даже кафтаны, полностью сшитые из шелка. Подобное обилие дорогой шелковой ткани можно объяснить лишь тем, что она прочно

вошла в быт местных адыго-аланских племен в таких масштабах, что ее использовало практически все население. Единственным объяснением столь необычной ситуации является предположение, что именно здесь проходил северокавказский отрезок Великого Шелкового пути, оказавшийся под контролем местных племен. Местное население занималось не только обменом и взиманием пошлины натурой с торговых караванов за проход по его территории, но также предоставляло этим караванам места для стоянок и отдыха, охрану, вьючных животных, проводников и носильщиков, продукты питания. Местные жители и сами принимали участие в транзитной торговле между Византией и Средней Азией. Так, автор рубежа VШ–IX вв. Феофан Исповедник, говоря об аланах, отмечает, что они заявили Льву Исаврянину: "Ты пойдешь в Авазгию (центральная часть совр. Абхазии); мы имеем с ними общение, наши купцы всегда ходят туда" (Феофан Исповедник, 1887, с. 287). Очевидно, что речь идет о регулярных торговых рейсах, которые совершали купцы из верхнекубанской части Алании в Абхазию.

По рассказу Менандра мы можем достаточно надежно фиксировать начало и конец северокавказского отрезка ВШП. С восточной стороны это низовья Волги, а на противоположном конце – порты Абхазии (Севастополис – Цхум, Питиунт – Пицунда). Из этих портов путь в Византию шел морем через промежуточный пункт Фазис, находившийся при впадении р. Риони в море (г. Поти), и по суше или морю – до Трапезунда. Кроме того, из рассказа Менандра известно, что через перевалы Кавказа существовало два пути: Мисимианский и Даринский. Маршруты караванов, шедших через Кавказ, документально не зафиксированы, однако на основании анализа византийских источников, археологических материалов и современных топографических карт нами предлагается реконструкция северокавказских дорог ВШП, проверенная в полевых условиях в 1992 г. (рис. 7) (Кузнецов В.А., 1993б, с. 7–79; Савченко Е.И., 1993, с. 84–87). Ее не следует рассматривать как нечто стабильное и неизменное. Путь караванов имел различные варианты, выбор их зависел от политической ситуации в степи и предгорьях и связанной с ней безопасности торговых караванов, от времени года и погодных условий.

Следуя с востока и переправившись через Волгу, караваны могли двигаться двумя путями (рис. 7). Первый – северный – проходил через земли Калмыкии, через Серпинскую низменность, где и сейчас можно видеть цепи курганов, развалины караван-сараев, но где, однако, очень мало источников пресной воды. Пройдя пески и степи Калмыкии, эта трасса выходила к оз. Маныч-Гудило и р. Калаус. По всей долине реки, в пределах зрительной связи, до настоящего времени находятся остатки поселений и городищ раннего средневековья, длинные цепи курганов. Следуя долиной реки, караваны выходили в район Кавказских Минеральных Вод.

Второй путь от Волги – южный – проходил вдоль побережья Каспия через Черные Земли, по древней Алабугской дороге, которая еще со времен Страбона (путь к "верхним аорсам из Мидии") связывала низовья Волги с Кизляром и Дербентом (Страбон, 1964, с. 480). Следуя этой дорогой, караваны выходили к устью р. Кума, по которой попадали в район Кавказских Минеральных Вод. По обоим берегам этой реки, в 15–20 км друг от друга, непрерывной чередой следуют остатки раннесредневековых поселений и городищ. В более поздние времена на ее правом берегу (район г. Буденновска) располагался целый комплекс золотоордынских городов, один из которых – Великие Маджары – представлял собой центральный транзитный узел во всей северокавказской торговле и являлся ключевым пунктом торговых связей между Востоком и Западом на протяжении долгого времени (Ртвеладзе Э.В., 1972, с. 150, рис. 1). Вблизи современного г. Минеральные Воды, где соединялись северная и южная трассы Северокавказского пути, нами прослежены участки раннесредневековой мощеной дороги шириной до 3,5 м с трехслойным покрытием и найдены придорожные камни-указатели – менгиры (Савченко Е.И., 1992; Кузнецов В.А., 1993б, с. 32, 33).

Следуя далее левым берегом Подкумка, дорога торговых караванов держала направление в Кисловодскую котловину. Едва ли на территории Северного Кавказа

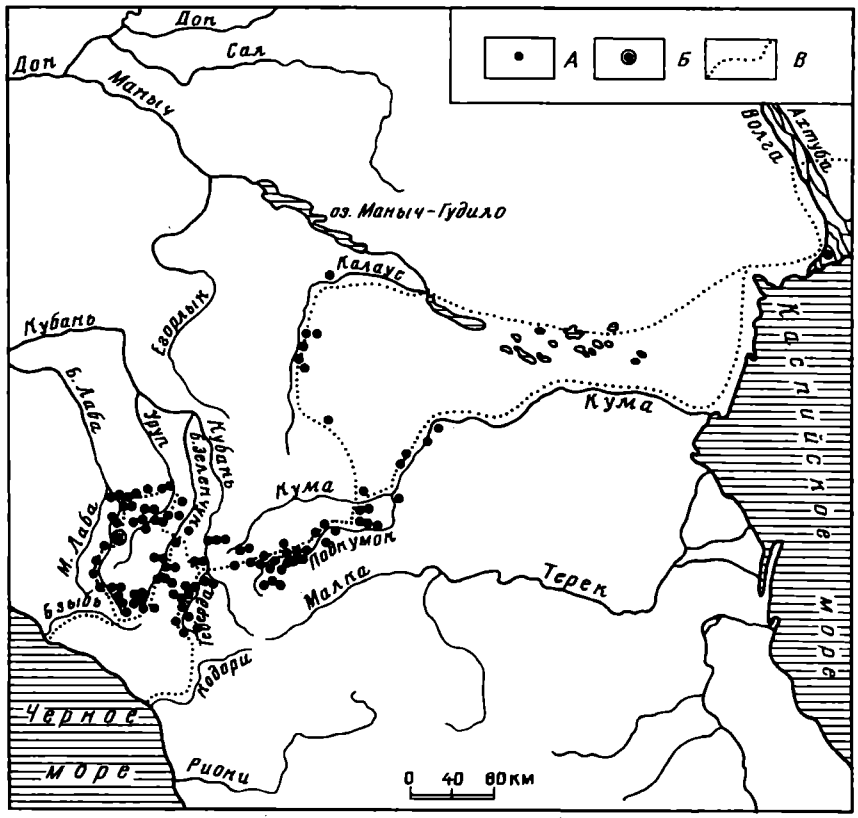


Рис. 7. Памятники раннесредневекового времени на северокавказских дорогах Великого Шелкового пути. *А* – городища, селища, сторожевые укрепления, цитадели, храмы и церкви, могильники, древние дороги, менгиры и статуи; *Б* – могильник Мощевая Балка; *В* – северокавказские дороги Великого Шелкового пути

можно указать другое место, где в ограниченном регионе было бы сосредоточено такое количество археологических памятников, как в районе Кисловодска и его окрестностей. В.Б. Ковалевская, проводившая в этом районе разведки, зафиксировала более 170 памятников интересующего нас времени (Ковалевская В.Б., 1976, с. 17–39). Это городища, сторожевые пункты, неукрепленные поселения, могильники. В бассейне р. Подкумок в настоящее время выявлена целая система аланских поселений и крепостей, сложившаяся в VI–VII вв., т.е. именно тогда, когда трасса ВШП проходила через Северный Кавказ.

Долиной р. Подкумок, мимо целого скопления аланских городищ, через перевал Гумбаши (2313 м), трасса ВШП выходила к устью р. Теберда. Здесь находилась исключительно важная развилка транспортных магистралей рассматриваемого пути и, вероятно, остановочный пункт, где делались длительные привалы. От этого пункта дорога расходилась в двух направлениях – на юг и на запад (рис. 7).

В южном направлении – правым берегом Кубани – караваны следовали до нынешнего пос. Каменномостский, затем по естественному мосту переходили на левый берег Кубани и шли к правому берегу р. Теберда. Далее – вверх по р. Теберда и ее левому притоку р. Гоначхир, к Клухорскому перевалу. В долинах рек Теберда и Гоначхир находится около 20 раннесредневековых городищ, крепостей и могильников, обнаружены участки средневековых мощеных дорог, идущих вдоль р. Гоначхир к Клухорскому перевалу, который функционировал шесть месяцев в году. К югу от перевала трасса проходила долиной р. Южный Клухор (Клыч), которая справа впадает в р. Кодори. Долина последней выводила караваны к побережью Черного моря, в район древней Диоскуриады (Сухуми). Этот путь мы отождествляем с Мисимианской дорогой, о которой упоминается у Менандра.

Западное направление связано, вероятно, с Даринским путем. Из свидетельства Менандра следует, что Даринский путь надо искать на территории Западной Алании, при этом западнее Мисимианского пути, который проходил по рекам Теберда и Гоначхир, через Клухорский перевал. Единственно возможный здесь путь, который мы отождествляем с Даринским путем, проходит по р. Большая Лаба, к Лабинским перевалам. Разведками Е.А. Милованова, В.Н. Каминского, И.С. Каменецкого, Ю.Н. Воронова и нашими изысканиями в этих местах выявлена плотная сеть раннесредневековых памятников – свыше 25 городищ, крепостей, поселений, скальных могильников и храмов, возникновение которых приходится на время появления транзитной торговли шелком и другими товарами.

Среди этих памятников важная роль принадлежала Мощевой Балке, уничтоженное городище которой было узловым пунктом на этом участке трассы и контролировало выход к Лабинским перевалам. Вероятно, здесь существовал крупный остановочный пункт, где караваны располагались на длительный отдых перед перевалами или сразу после них для смены вьючных животных ("... но когда они обращаются к другим дорогам, то уже не могут употреблять тех же лошадей, ибо ее им приходится проезжать многими крутыми местами". Прокопий Кесарийский) и проводников, перепаковки товаров. Именно мимо Мощевой Балки на восток шли товары из стран Средиземноморья, а на запад – из Китая и Средней Азии. Подтверждением этому является "комплекс китайского купца", найденный Н.И. Веселовским в 1901 г. («В него входят: обрывки китайских рукописей, буддийские флажок и иконка (живопись на шелке), которые датируются VIII в. Кроме того, здесь же найден обрывок розовой бумаги с тремя оборванными строчками (скоропись тушью): 1-я строка (справа налево) – "пшеница, итого 6000", 2-я строка – "... получил 2000 вэней, 4-й месяц 14 день...", 3-я строка –"... пшеница ... купил мяса на 4 вэня" (пер. Л.А. Чугуевского). Вероятнее всего, это приходно-расходные записи купца, который побывал здесь в VIII в. и умер по дороге к перевалам Западного Кавказа». Цит по: Иерусалимская А.А., 1992, с. 30, № 100–114). Часть этого потока неизбежно оседала в этом районе в качестве платы за услуги местного населения (проход через перевал, проводники, носильщики, вьючные животные и т.д.). Плата производилась самими товарами (подобная практика существовала на Кавказе вплоть до XVIII–XIX вв.). Дорогие ткани и другие предметы оседали в виде "подорожной пошлины" в северокавказских предгорьях. Состав обнаруженных в Мощевой Балке импортных изделий, главное место среди которых принадлежало различным изделиям из шелковой ткани и стекла, ясно отражает основные направления проходившей по этому пути транзитной торговли (с восточной стороны – Китай и Средняя Азия, с западной – Византия, Сирия и Египет). Анализ найденных в северокавказских могильниках шелковых тканей дает представление о соотношении стран-импортеров в этом товарообороте: около 50% шелковых тканей согдийского производства, около 25% – византийского и около 18–20% – китайского. Как видно, среднеазиатские ткани доминировали (История народов Северного Кавказа..., 1988, с. 102).

Даринский путь имел несколько ответвлений: Зеленчукское, Кяфарское, Урупское. Эти ответвления сходились в районе современного пос. Пхия на р. Большая Лаба. Следуя далее долиной Большой Лабы, караваны доходили до устья р. Санчаро. Отсюда дорога вела к трем перевалам: Лабинскому, Санчарскому и Адзапш. Наиболее удобным, круглогодично функционирующим является последний перевал. От него до ближайшего населенного пункта Абхазии – Псху на р. Бзыбь – 11 км. Далее долиной р. Бзыбь караваны выходили к побережью Черного моря, в район древнего Питиунта (Пицунда). Таким нам представляется решение вопроса о трассе Даринского пути, упоминаемого Менандром.

Рассмотрение археологических материалов из раннесредневековых могильников Центрального Кавказа (Камунта, Кумбулта, Чми и др.) показывает, что здесь нет никаких признаков транзитной торговли шелком. В могильниках же Северо-Западного Кавказа встречены, с одной стороны, китайские и согдийские шелковые ткани, с

другой – массовый экспорт из Византии и стран Восточного Средиземноморья: шерстяные и ворсовые ковры, тонкие шерстяные ткани, узорные шелка, стеклянные сосуды сирийского производства. Это еще раз доказывает, что на северокавказском участке ВШП его дороги проходили через перевалы Клухорский, Санчарский, Лабинский и Адзапш.

Функционирование северокавказских дорог ВШП через перевалы Северо-Западного Кавказа вовлекло Аланию в систему мировой торговли того времени и носило устойчивый характер вплоть до монголо-татарского нашествия, когда многие городища и поселения были разрушены, а торговые пути заглохли.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеева Е.П., 1992. Археологические памятники Карачаево-Черкесии. М.

Анфимов Н.В., 1950. Отчет об археологических разведках на Кубани, проведенных Краснодарским музеем в 1949 и 1950 гг. // Архив ИА РАН. Р-1. № 485.

Анчабадзе З.В., 1959. Из истории средневековой Абхазии (VI–XVIII вв.). Сухуми.

Воронов Ю.Н., 1975. Тайна Цебельдинской долины. М.

Воронов Ю.Н., 1977. Древности Военно-Сухумской дороги. М.

Воронов Ю.Н., 1982. Из истории византийско-аланских связей в VI–VII вв. // XII Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. М.

Гей А.Н., Каменецкий И.С., 1986. Северокавказская экспедиция в 1979–1983 гг. // КСИА. Вып. 188.

Демаков А.А., 1991. Скальные погребения в долине реки Теберды // Вопросы археологии и истории Карачаево-Черкесии. Черкесск.

Демаков А.А., Чумак Н.Л., 1990. Транскавказский Шелковый путь // XVI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. Ставрополь.

Дьячков-Тарасов А.Н., 1930. Неизвестный древний торговый путь из Хорезма в Византию через Кавказ // Новый Восток. Кн. 28. М.

Иерусалимская А.А., 1963. К вопросу о торговых связях Северного Кавказа в раннем средневековье // СГЭ. Вып. 24. Л.

Иерусалимская А.А., 1967. О северокавказском "шелковом пути" в раннем средневековье // СА. № 2.

Иерусалимская А.А., 1972. "Великий шелковый путь" и Северный Кавказ // ГЭ. Л.

Иерусалимская А.А., 1976. Одежда раннесредневекового населения предгорьев Кавказа. По материалам могильника VIII–IX вв. Мощевая Балка // VI Крупновские чтения по археологии Северного Кавказа. Тез. докл. М.

Иерусалимская А.А., 1978. Аланский мир на "шелковом пути" (Мощевая Балка – историко-культурный комплекс VIII–IX вв.) // Культура Востока. Древность и раннее средневековье. Л.

Иерусалимская А.А., 1992. Кавказ на Шелковом пути // Каталог выставки. СПб.

Иессен А.А., 1950. Отчет Кубанской экспедиции Государственного Эрмитажа в 1950 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 549.

Инал-Ипа Ш.Д., 1976. Вопросы этнокультурной истории абхазов. Сухуми.

История Византии, 1967. Т. 1. М.

История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в., 1988. М.

Каминская И.В., 1987. Отчет о раскопках Первомайского городища в Урупском районе Ставропольского края в 1987 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14278.

Каминская И.В., 1988а. Отчет о раскопках Гамовского отряда на могильнике Гамовская балка и городище Первомайском в 1988 г. (Краснодарский и Ставропольский края) // Архив ИА РАН. Р-1. № 13117.

Каминская И.В., 1988б. Лабинские варианты торговых дорог Северо-Западного Кавказа // ВВ. Т. 49.

Каминская И.В., 1989. Отчет о раскопках Гамовского отряда на скальных могильниках в Отрадненском районе Краснодарского края в 1989 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 14281.

Каминская И.В., 1991. Исследования могильника в балке Балабанке на Урупе // Древности Кубани. Матер. науч.-практ. конф. Краснодар.

Каминская И.В., 1996. Раскопки скального могильника в Отрадненском районе близ хут. Ильич // Актуальные проблемы археологии Северного Кавказа. XIX "Крупновские чтения". Тез. докл. М.

Ковалевская В.Б., 1976. Отчет о работах Средневекового отряда Ставропольской экспедиции в 1976 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 6209.

Кузнецов В.А., 1993а. Нижний Архыз в X–XII веках // К истории городов Северного Кавказа. Ставрополь.

Кузнецов В.А., 1993 б. Алано-осетинские этюды // "Великий Шелковый путь" и Северный Кавказ. Владикавказ.

Лубо-Лесниченко Е.И., 1985. Великий Шелковый путь // ВИ. № 9.

Марковин В.И., 1983. Византийская ткань с золотым шитьем из Сентинского храма // Проблемы археологии и этнографии Карачаево-Черкесии. Черкесск.

Менандр Византиец, 1860. Продолжение истории Агафьевой / Пер. Сп. Дестуниса. СПб.

Милованов Е.А., 1967. Отчет о разведках археологического кружка Курджиновской средней школы (Ставропольский край, КЧАО, Урупский р-н) в 1967 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 3505.

Милованов Е.А., 1968. Отчет за 1968 г. о разведке и охранных раскопках в окрестностях п. Курджиново Урупского района КЧАО, Ставропольского края // Архив ИА РАН. Р-1. № 3748.

Милованов Е.А., 1969. Краткий отчет о разведках в окрестностях пос. Курджиново Урупского района, КЧАО, Ставропольского края в 1969 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 4632.

Минаева Т.М., 1971. К истории алан Верхнего Прикубанья по археологическим данным. Ставрополь.

Пигулевская Н.В., 1947. Византийская дипломатия и торговля шелком в V–VIII вв. // ВВ. Т. 1. (XXVII).

Плетнева С.А., 1967. От кочевий к городам. М.

Плетнева С.А., 1989. На славяно-хазарском пограничье. (Дмитриевский археологический комплекс). М.

Ртвеладзе Э.В., 1972. К истории города Маджар // СА. № 3.

Савченко Е.И., 1980. Отчет Лабинского отряда Северокавказской экспедиции за 1980 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9825.

Савченко Е.И., 1981а. Исследование могильника Мощевая Балка // АО-1980. М.

Савченко Е.И., 1981б. Отчет Лабинского отряда СКЭ за 1981 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9723.

Савченко Е.И., 1982. Отчет Лабинского отряда СКЭ за 1982 г. // Архив ИА РАН. Р-1. № 9105.

Савченко Е.И., 1983. Исследование могильника Мощевая Балка // АО-1981. М.

Савченко Е.И., 1992. Отчет о работе Северокавказской экспедиции в 1992 г. // Архив экспедиции.

Савченко Е.И., 1993. О Северокавказском отрезке Великого Шелкового пути // II Кубанская археологическая конференция. Тез. докл. Краснодар.

Страбон, 1964. География / Пер. Г.А. Стратановского. М.

Феофан Исповедник, 1887. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и сына Феофилакта / Пер. В.И. Оболенского и Ф.А. Терновского // Чт. ОИДР. Кн. 1.

Richtofen K., 1877. China. Bd. 1. Berlin.

Институт археологии РАН,
Москва

E.I. SAVCHENKO

MOSHCHEVAYA BALKA AS A KEY CENTER OF THE GREAT SILK WAY IN THE NORTH CAUCASUS

Summary

The burial ground Moshchevaya Balka (the 8th-9th centuries AD) to a great extent was destroyed by looters. But we managed to identify the sequence in which various sectors of the burial ground were exploited, establish a system of building and a sequence of burials. The funeral rite of the burial ground reveals both local traditions that date back to as early as the Bronze Age (the form and the design of the tomb, a flat roofing, a dry masonry of the walls, bottom treatment), and Sarmatian and Alan traits (clay luting and whitewashing of burial constructions, the orientation and the posture of the dead, a funeral rite of the burial chamber cleaning, charcoal and pebbles). Traditional types of grave offerings are preserved, but they are presented in a symbolic way (some parts of the goods were replaced by votive representation). Using the reconstruction of transit trade routes proposed in the study, we try to specify roads and checkpoints of the North Caucasus sector of the Great Silk Way that were only mentioned and were not recorded in other sources, using archaeological materials and we determine the place and the part played by Moshchevaya Balka in these routes.

А.Г. ВЕКСЛЕР, Д.О. ОСИПОВ

МАСТЕРСКАЯ САПОЖНИКА НА УЛИЦЕ ПРЕЧИСТЕНКА В МОСКВЕ

Во время раскопок 1997 г., проводившихся Центром археологических исследований Управления государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры г. Москвы (в дальнейшем – ЦАИ) на ул. Пречистенка, на участке городской усадьбы, датированной авторами третьей четвертью XVII в., было зафиксировано значительное скопление деталей кожаной обуви и обрезков от раскроя в виде компактно спрессованной массы, слабо засыпанной землей, площадью ~ 16 м^2 (Векслер А.Г., 1997). Эта прослойка кожи мощностью до 40 см, несомненно, свидетельствовала о месте выброса отходов сапожной мастерской, сваленных у северной границы усадьбы вдоль линии частокола (рис. 1).

Описываемое владение, расположенное в квартале, образованном Гоголевским бульваром, Пречистенкой, Чертольским и Гагаринским переулками, находится на территории исторического урочища "Чертолье" (Сытин П.В., 1950, с. 19). С середины XVII в. эта местность была заселена дворами причта церкви Сошествия Святого Духа, стоявшей у самых Пречистенских ворот Белого города на берегу ручья Черторыя на издревле оживленном месте (Забелин И.Е., 1891, стб. 173). В 1934 г. здесь был сооружен надземный вестибюль ст. метро "Дворец Советов" (ныне ст. "Кропоткинская"). Наличие сапожной мастерской на территории, принадлежавшей церкви, может быть объяснено нередко случавшимся размещением торговых заведений и ремесленных лавок на церковных землях, сдававшихся "в оброк" (Москва. Актовые книги XVIII столетия, 1882).

По письменным источникам и данным археологических раскопок в древнерусских городах известно, что сапожник – одна из самых распространенных ремесленных профессий: к примеру, в Москве, по переписи дворов 1638 г., среди ремесленников упоминаются 124 плотника, 122 портных, 98 кузнецов и 125 сапожников, 7 из которых специализировались на раскрое подошв (Росписной список..., 1911). При археологических раскопках в Москве, как и в других древнерусских городах, остатки кожаной обуви встречаются повсеместно и зачастую принадлежат к наиболее массовым находкам. Наибольшее количество обрезков, как правило, сосредоточено вокруг сапожных мастерских. Следы таких мастерских со скоплением отходов от раскроя находили неоднократно, однако до сих пор ни один из комплексов не был специально опубликован.

Древнейшая из кожевенно-сапожных мастерских Москвы, открытая в Зарядье, была датирована М.Г. Рабиновичем концом XI в. и просуществовала, по мнению автора раскопок, до второй половины XII в. (Рабинович М.Г., 1964, с. 100). Правда, в раннем периоде до XIII в. "усмарь" (кожевник) и "усмошвец" (сапожник) еще совмещались в одном месте, что отмечено в археологической литературе (Рыбаков Б.А., 1948, с. 400). Мастерская середины XV в., открытая почти на том же месте, где стояла предыдущая, уже была чисто сапожной. Мастер и владелец работал на готовом кожевенном сырье (Рабинович М.Г., 1964, с. 102).

Во время крупномасштабных раскопок Московской археологической экспедиции АН СССР, работавшей на территории Зарядья в 1950-е годы в слое XV–XVII вв., вместе с остатками срубных построек были зафиксированы скопления обувных деталей,

© А.Г. Векслер, Д.О. Осипов, 1999 г.

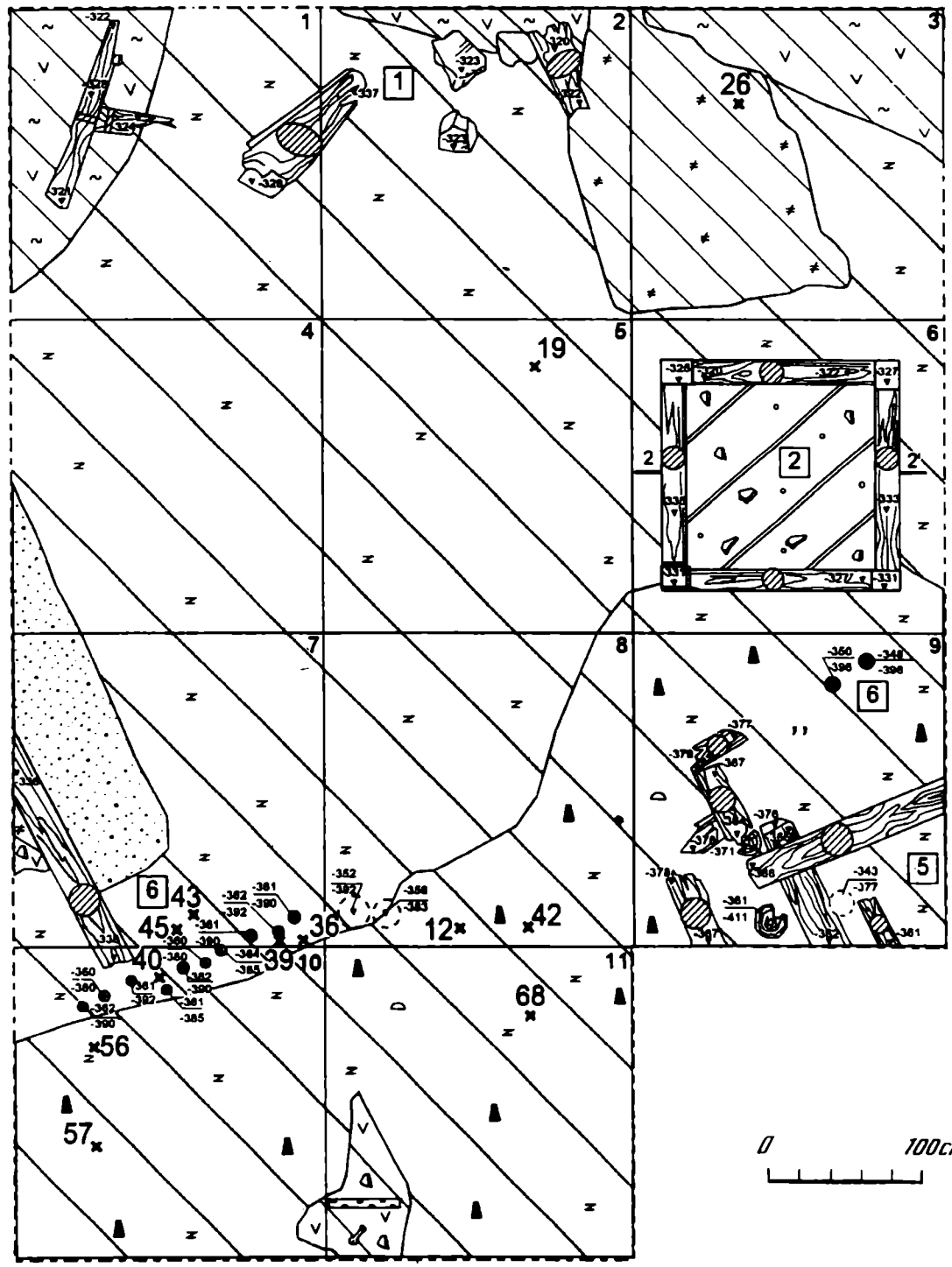


Рис. 1. Раскоп I. Пласты 17–19. Сводный план

Индивидуальные находки: *12* – нож сапожный железный; *19* – ножницы железные шарнирные; *26* – монета западноевропейская флорин; *36* – нож сапожный железный с деревянной рукоятью; *39* – шила железного фрагмент; *40* – мел для разметки деталей; *42* – шаблон для раскроя берестяной; *43* – шаблон для раскроя берестяной; *48* – оселок каменный; *56* – башмак кожаный; *57* – рамка деревянная для ремонта обуви; *68* – проволока желтого металла витая

обрезков кожи и различные сапожные инструменты (Дубынин А.Ф., 1954, соор. № 15а, сруб № 6, с. 60, 61, 190). К сожалению, в отчете дается очень краткая характеристика материала, обнаруженного именно на этих участках. Тем не менее значительная часть кожи, собранной при раскопках в Зарядье, была исследована группой специалистов Института легкой промышленности (рук. – проф. Ю.П. Зыбин), работа которой представляет исключительный интерес. Большое количество деталей кожаной обуви и отходов от раскроя, собранных за время раскопок, позволило специалистам современного кожевенного производства изучить технологию средневекового сапожного ремесла в Москве, реконструировать бытовавшие в то время модели кожаной обуви (Зыбин Ю.П. и др., 1952). Обобщенные результаты исследователей были позднее опубликованы в специальных изданиях (Зыбин Ю.П., 1958; 1963).

На территории Великого посада сапожники, несомненно, работали и в XVI, и в XVII вв. На "Петровом чертеже" в Зарядье показаны "Мастерские, продающие сапоги", и в слоях этого времени следы сапожного производства встречаются повсеместно (Рабинович М.Г., 1964, с. 104).

За время, прошедшее после этих публикаций, был накоплен новый значительный материал. Во время охранных раскопок ЦАИ в историческом центре города многочисленные отходы от раскроя деталей кожаной обуви, свидетельствующие о близости сапожной мастерской, были найдены на Манежной площади в 1994 г. (Векслер А.Г., Осипов Д.О., в печати), на Ильинке в 1996 г. (Векслер А.Г., 1996а, уч. I, шурф 2) и на ряде других объектах.

Во влажном, насыщенном естественными консервантами слое, кожа и другая органика прекрасно сохраняются, что дает возможность установить точную форму деталей, их размеры и способы крепления. Публикация отдельных, наиболее интересных коллекций (Векслер А.Г., Осипов Д.О., обе в печати) и составление специальных приложений к отчетам (Векслер А.Г., 1995; 1996а, б; 1997) позволяют нам сохранить хотя бы часть информации, поскольку в условиях обычного хранения археологическая кожа довольно быстро разрушается.

Следует отметить, что особенность охранных раскопок в условиях широкомасштабного строительства в центре столицы и плотность застройки, нарушающей сохранность культурного слоя, до сих пор не давали возможности четко зафиксировать и подробно описать следы ремесленного производства. Поэтому обнаружение следов такой мастерской во время охранных раскопок на ул. Пречистенка в августе 1997 г. (Осипов Д.О., 1997, прил. 2) можно считать большой удачей.

Общее количество кожаных предметов, собранных в заполнении слоя, достигает 14 тыс. экз. Весь этот массив по характеру находок может быть условно разделен на четыре неравных группы.

I. К первой, самой многочисленной, относятся обрывки и обрезки от раскроя деталей, составляющие более 80% от общего количества кожаных предметов. В эту группу входят обрезки кожи толщиной от 2 до 5 мм с вырезанным контуром подошв, головок, обрывки кожаных шнурков и прочие обрезки неопределенной формы. Отметим, что несколько фрагментов кожи имеют темно-красный цвет.

II. Вторую группу, представляющую наибольший интерес для определения уровня развития обувного производства, составляют обнаруженные в слое изношенные обувные детали, основные формы которых представлены на рис. 2; 3. Помимо кожаных деталей в эту группу можно включить пять обрывков войлочных стелек. Анализ этих деталей с учетом совокупности технологических признаков, проведенный по методике Е.И. Оятевой (Оятева Е.И., 1973, с. 105–111), позволяет выявить наиболее распространенные в это время формы обуви.

Практически все реконструируемые нами модели кожаной обуви относятся к сапогам – обуви с глухими голенищами, закрывающими голень (Зыбин Ю.П., 1963, с. 29). По форме подошвы и конструкции пяточного узла мы выделяем три различных технологических варианта кроя.

Первый вариант кроя сапог имеет подошву овальной формы с округлым носком,

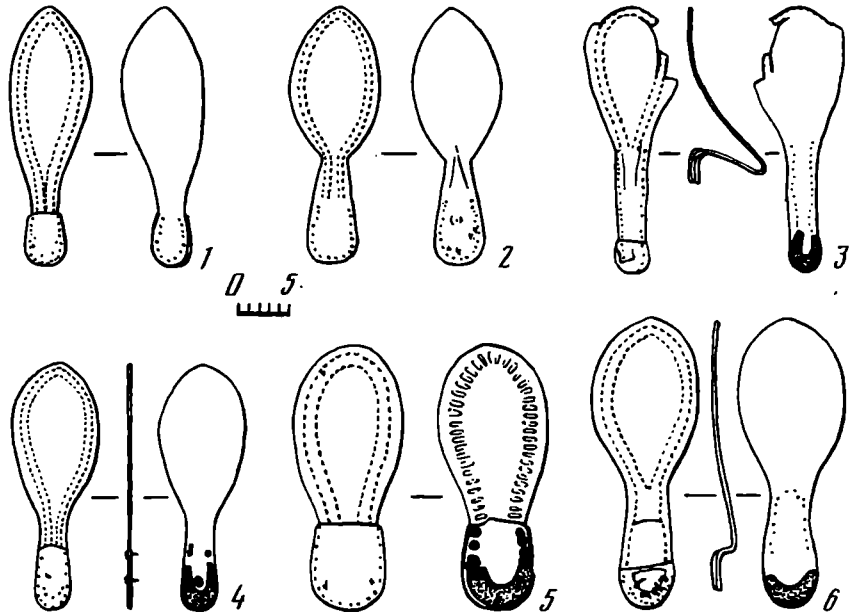


Рис. 2. *1, 2, 4, 5* – подошвы; *3, 6* – подошвы с "крокулем"

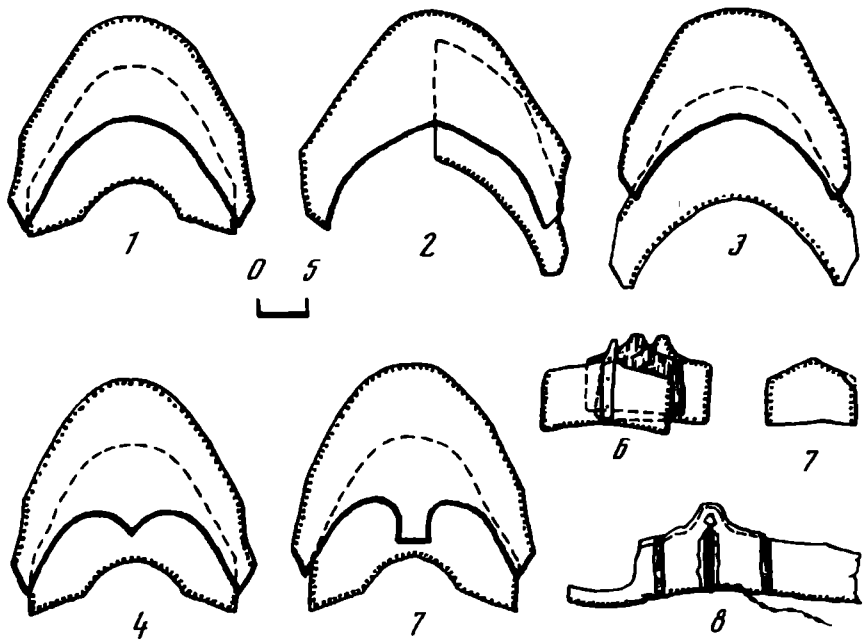


Рис. 3. Детали верха: *1–5* – головки с поднарядами; *6* – задник; *7, 8* – задинки

широкой геленочной частью[1] и округлой пяткой (рис. 2, *5*). Длина подошв составляет 27–29 см. Внутренний каблук в виде нескольких подпяточных прокладок, подрезанных с подъемом от геленка, не превышает в высоту 1,5 см. Задник такой модели, сшитый в виде кармана с берестяным вкладышем, имел трапециевидную задинку[2].

Второй вариант кроя сапог кроился с учетом крепления каблука на внутренней стороне подошвы. Подошва такой конструкции идет не под каблук, а покрывает его сверху и является набойкой в пяточной части – так называемая подошва с крокулем[3].

[1] Геленочная часть подошвы расположена между передней и пяточной частями (Справочная книга обувщика, 1935, с. 122).

[2] Задинка – наружная накладка задника, скрепляющаяся с голенищем.

[3] Госстандарт Союза ССР. Обувь. Термины и определения. ГОСТ 23251-78. М., 1978.

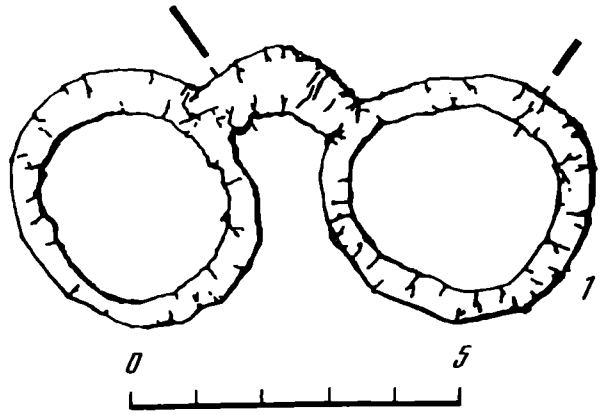


Рис. 4. Кожаные "очки"

Длина таких подошв, без учета каблучного подъема, не превышает 24 см. Этот вариант кроя отличают округлый носок, узкая геленочная часть и высокий наборный каблук высотой до 4 см (рис. 2, *3*). Задинка, как правило, имеет заостренный верх (рис. 3, *6*). Малый размер подошвы, характер кроя и декоративные швы на пятке (рис. 3, *8*) подтверждают, на наш взгляд, выводы Ю.П. Зыбина о принадлежности этих моделей к женской обуви (Зыбин Ю.П. и др., 1952, с. 16).

Третий вариант, по крою подошвы аналогичный второму, отличает деревянный каблук высотой до 2 см, обтянутый снаружи тонкой кожей. Во всем комплексе выявлено всего шесть подобных деталей. По мнению исследователей, каблуки на деревянной основе также являлись принадлежностью женской обуви. Малое количество деревянных каблуков, найденных в комплексе, позволяет судить о начальном этапе производства таких моделей. Об этом же свидетельствует простая форма изделия в сравнении с более сложными моделями, обнаруженными при раскопках Моисеевского монастыря в слое начала XVIII в. (Векслер А.Г., Осипов Д.О., в печати).

III. Особого описания требуют целые формы. К ним относится единственный обнаруженный экземпляр сильно изношенного башмака, изготовленного из старого сапога с обрезанным голенищем. Верхний обрез головки со следами тачного шва закрыт кожаным рантом. На изношенную подошву наложена небрежная заплата, прошитая сквозным швом. Отсутствие какого-либо приспособления для крепления на ноге позволяет отнести эту модель к типу рабочих бот, называвшихся ранее "скрешни" (Даль В., 1909, с. 208). Подобные экземпляры были зафиксированы при раскопках Ивангорода и Чебоксар (Курбатов А.В., 1991; Краснов Ю.А., Каховский В.Ф., 1978).

IV. В четвертую группу следует выделить изделия из кожи, не относящиеся к деталям обуви и обрезкам от раскроя. Это шесть обрывков рукавиц-голиц, кожаные ножны с тиснением, фрагменты трех ремней и кожаные "очки" (рис. 4). Последний предмет представляет, на наш взгляд, несомненный интерес. Изделие, изготовленное из куска кожи толщиной 2 мм, в виде двух кружков со сквозными отверстиями диаметром 3 см, соединенных плавно изогнутой дужкой, по своей конфигурации очень напоминает очки. Известно, что в странах Западной Европы очки со стеклянными стеклами, вставлявшимися в металлическую оправу, крепившуюся на носу, были достаточно широко распространены со второй половины XIV в. Их изображения известны по картинам французских художников второй половины XVI в. (Каталог живописи..., 1995, с. 298, № 3143) или по торговому листу оптических инструментов Лондонского мастера под именем "Readling glass" (рис. 5), выпущенному в 1638 г. (Polak A., 1975, p. 88 fig. 34). Полное сходство формы описанного выше предмета с настоящими очками убеждает в том, что перед нами – имитация "Стекол для чтения", т.е. что-то вроде игрушки, изготовленной мастером для забавы из подручного материала.

Кроме отходов от раскроя, деталей обуви и других изделий из кожи, в комплексе обнаружены сапожные инструменты. Причем наряду со стандартным набором исполь-

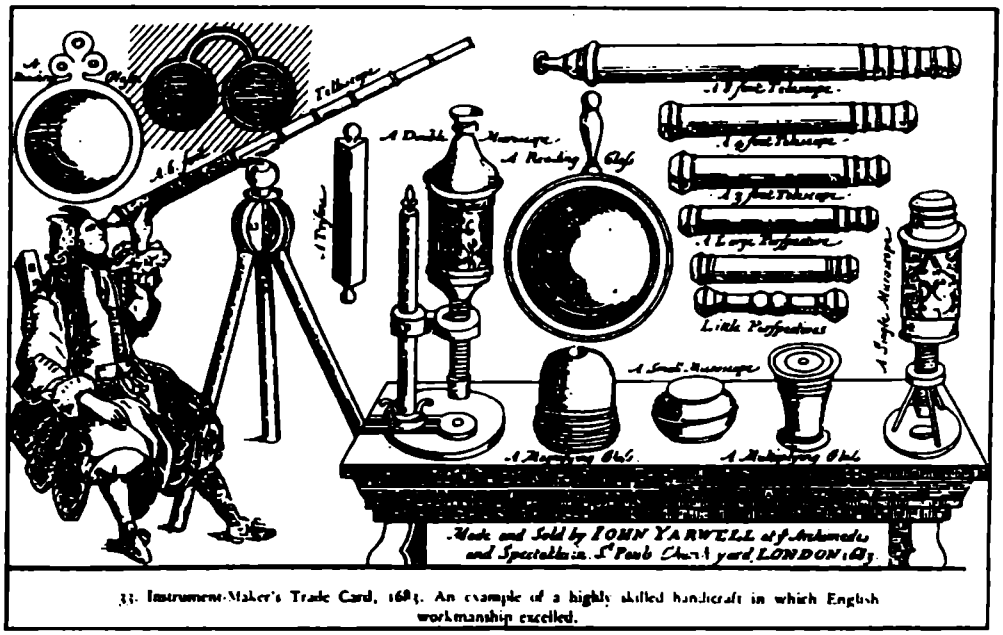


Рис. 5. Торговый лист Лондонского мастера за 1638 год

зованного сапожного инвентаря, включающего раскроечные ножи с массивным широким и коротким лезвием, шарнирные ножницы, оселки, раскроечный мел, иголки и шилья (рис. 6), в слое найдены уникальные вещи – такие, как деревянная рамка овальной формы и берестяные шаблоны для раскроя головок и поднарядов (рис. 7, *1, 2, 3*). Контуры гладко обточенных шаблонов (лекал) по форме полностью совпадают с найденными в скоплении отходов мастерской головками. Необходимо подчеркнуть, что до настоящего времени были обнаружены лишь шаблоны для раскроя подошв (Археология СССР, 1985, с. 270), ни одного шаблона для раскроя верха при раскопках найдено не было. Что касается деревянной рамки (рис. 7, *1*), также не известной авторам по каким-либо публикациям, то она, очевидно, служила для растяжки верха и употреблялась скорее не при изготовлении обуви, а при ее починке. Помимо сапожного инвентаря в комплексе были обнаружены обувные железные подковки и сапожные гвозди с выпуклыми шляпками. Все железные обувные подковки (12 экз.) относятся к группе широких низких пластин без заостренной задней кромки с комбинированным способом крепления к каблуку. Предыдущие исследования показали, что такая форма подковок доминирует в слое второй половины XVII в. (Векслер А.Г. и др., 1997, с. 117, табл. 3).

Анализ обувных деталей и набор инструментов позволяет определить характер сырья и восстановить процесс раскроя и сборки обуви.

В качестве сырья для изготовления обуви использовалась в основном кожа крупного рогатого скота, о чем свидетельствуют округлое устье волосяных каналов и равномерное распределение их по мерее (Справочная книга обувщика, 1935, с. 294). А отсутствие расслоений свидетельствует о хорошем качестве дубления кожи. Здесь же отметим, что развитие технологии выделки шкур и изменения в технике пошива в конце XV–XVI в. приводит к повышению роли крупного рогатого скота в кожевенном сырье (Курбатов А.В., 1991, с. 134).

Как упоминалось выше, среди отходов от раскроя в данном комплексе сохранилось несколько окрашенных обрезков, не утративших своего изначального цвета, хотя пролежавшая в земле кожа, как правило, приобретает неопределенный оттенок землистого цвета (Вахрос И.С., 1959, с. 198). Известно, что при изготовлении обуви обычно использовалась кожа различных цветов. Наиболее распространенным цветом сапог в средневековой Москве являлся красный, что неоднократно отмечено иностранцами (Герберштейн С., 1906, с. 123).

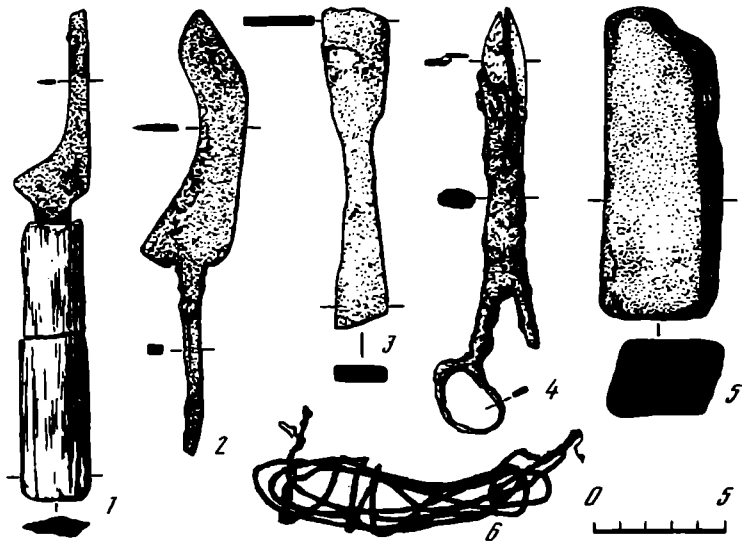


Рис. 6. Инструменты сапожника: *1, 2* – раскроечные ножи; *3* – неопределенный инструмент; *4* – шарнирные ножницы; *5* – оселок; *6* – декоративная проволока

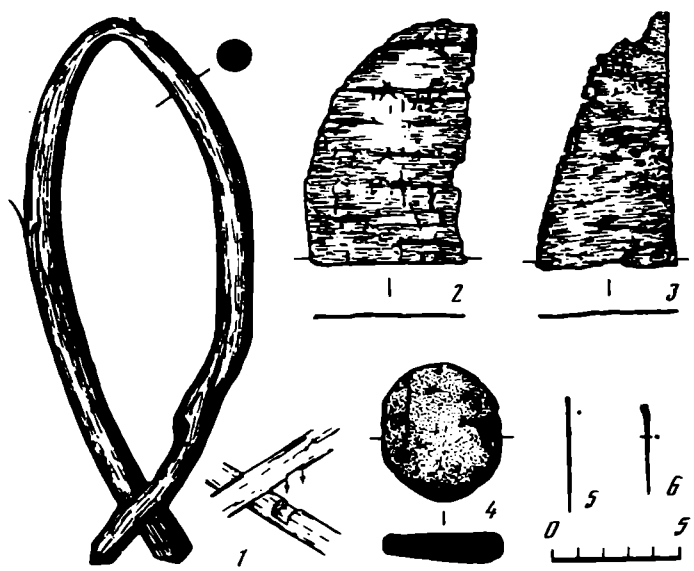


Рис. 7. Инструменты сапожника: *1* – рамка для растяжки обуви; *2, 3* – берестяные шаблоны; *4* – мел для разметки деталей; *5, 6* – шилья

Раскрой кожи, как правило, происходил с использованием шаблонов. Следует отметить, что раскроечные шаблоны под именем "мер сапожных" упоминаются еще в монастырском уставе XI в., сетующем на несоблюдение норм при резании "усние", т.е. кожи, прошедшей специальную обработку (Рыбаков Б.А., 1948, с. 400). Крупные обрезки кожи, очевидно, использовались при изготовлении различных ремешков, заплаток и дотачек. В данном случае малые размеры обрезков свидетельствуют о крайне экономном раскрое сырья.

Исследование форм различных деталей позволило выявить следующие особенности их кроя.

1. Большинство обнаруженных нами моделей имели подошвы, изогнутые по форме каблука (подошвы с крокулем). Судя по материалам других коллекций, собранных во время раскопок в Москве во второй половине – конце XVII в., такая форма подошв была достаточно широко распространена (Векслер А.Г., 1996б, прил. 2, с. 133).

2. Основная часть подошв кроилась симметрично, тем не менее в комплексе зафиксировано несколько ярко выраженных асимметричных экземпляров.

3. Сапожные головки отличает широкое разнообразие форм кроя (рис. 3, *1–5*). За исключением головок с треугольным вырезом в носочной части, характерных для более раннего периода, в данном комплексе представлены все основные типы этих деталей. Следует обратить внимание на одну головку, форма кроя которой представляет безусловный интерес. В отличие от других деталей она имеет очень хорошо развитый язычок, вшивавшийся в голенище, что позволяло значительно снизить нагрузку на шов (рис. 3, *5*). Такая форма кроя, характерна скорее для современной обуви, ранее при раскопках в Москве не встречалась (Зыбин Ю.П. и др., 1952, с. 11; Векслер А.Г., Осипов Д.О., в печати).

Представляется, что после раскроя деталей их сборка происходила следующим образом. Сначала с помощью тачного шва перед (головка) соединялся с голенищем. Затем к передней части верха пришивалась "в подтай" подошва, потом крепился жесткий задник с берестяным вкладышем. У моделей, имевших наборный каблук, он подкладывался так, чтобы на него налегала задняя часть подошвы. После этого заднюю часть верха соединяли с подошвой наружным швом, проходившим через каблук. Снизу на каблук набивались гвозди с выпуклой шляпкой или железные подковки. Для удобства сборки детали крепились на колене с помощью специального ремня – "шпандыря" (Даль В., 1909, с. 642). Обрывки похожих ремней были найдены в слое отходов вместе с другими предметами. Натяжение шпандыря регулировалось ступней. Выражение "пришпандорить", т.е. что-либо сильно прикрепить, происходит именно отсюда. Стелек как конструктивных деталей в данном комплексе не обнаружено. Для утепления обуви использовались так называемые вкладные стельки, изготовленные из войлока.

Точные размеры стежков в каждом шве, наименьшая длина которых в соединениях боковых обрезов задника и крыльев головки равна 3–4 мм, позволяют судить о высокой профессиональной подготовке работающего здесь сапожного мастера (Milewska M., 1980, p. 125, 126).

Большим разнообразием отличается и декоративная отделка сапог. Помимо кожаных и деревянных пластинок, а также проволоки желтого металла, широко распространенных в других древнерусских городах для отделки задника (Изюмова С.А., 1959, с. 215), в данном случае употреблялись декоративные швы, застрачивающие соединение крыльев головки с задинкой (рис. 3, *8*) и нитяная оплетка с "бусинами", скрученными из металлической фольги. Отметим, что эти приемы декора встречаются достаточно редко. Характерно отсутствие в комплексе широко распространенных в слоях XIV–XVI вв. головок с поперечным линованием по мерее (Зыбин Ю.П. и др., 1952, с. 15; Изюмова С.А., 1959, с. 207). Очевидно, к концу XVII столетия такие модели постепенно выходят из моды.

Наличие среди отходов сапожной мастерской обувных деталей со следами износа подтверждает предположения о том, что наряду с пошивом обуви сапожники занимались и ее починкой, а зачастую специально скупали поношенную обувь с целью ее продажи после ремонта (Рабинович М.Г., 1964, с. 104). К приспособлениям для ремонта обуви может быть отнесена и деревянная рамка (рис. 7, *1*), использующаяся, очевидно, для растяжки головок с целью починки верха.

Обилие скопившихся на свалке обрезков с разными вариантами раскроя позволяет предположить, что в мастерской, располагавшейся на территории данной усадьбы, работало не одно поколение сапожников. Примеры длительного существования сапожных мастерских, располагавшихся на бойком месте, известны по раскопкам Великой улицы в древнем Новгороде (Изюмова С.А., 1959, с. 197).

Довольно точное местоположение и дата существования мастерской, а также наличие письменных источников заставили нас попытаться установить имя ее владельца. Однако здесь пришлось столкнуться с определенными трудностями. В переписи дворов 1665–1676 гг. указанная выше церковь почему-то не значится, тогда как распо-

ложенная неподалеку церковь Спаса Божедомского (Гагаринский пер.) упоминается дважды. Если предположить, что это ошибка писца или опечатка при публикации списка, то получается, что в приходе церкви Сошествия Святого Духа было 12 дворов, среди которых упоминается двор "...дьяка Афанасия Максимова с. Лодыгина, а на дворе живет сапожник Юрка Васильев" (Переписные книги..., 1886, с. 217). Это единственный сапожник, проживавший на этой территории.

Для подкрепления этой возможной версии в переписи дворовых владельцев не хватает имен служителей церкви Сошествия Святого Духа, упомянутых в документах Патриаршего приказа 1674–1679 гг. (Забелин И.Е., 1891, стб. 690).

Нам известно, что центром кожевенного производства в Москве в XVII в. являлась Черная Кожевническая слобода, которая насчитывала в 1632 г. 51 двор, в 1653 г. – 74 двора. Патрональным ее храмом являлась церковь Троицы в Кожевниках (Звягинцев Е.А., 1969, с. 109–126).

Что касается сапожного производства, то эти мастерские были рассеяны среди других слобод, о чем свидетельствуют приведенные материалы из последних раскопок в районе Чертолья.

В заключение хотелось бы отметить, что важность такого рода исследований состоит в том, что качество обуви определяет общий уровень обработки кожи. Поскольку именно здесь сконцентрированы все технические и технологические достижения ремесленников как в силу сложности изготовления обуви и необходимости принципов ее износоустойчивости, так и массового характера производства с учетом принципов технологичности операций, соблюдения норм при раскрое и пошиве, унификации элементов обуви и стандартизации моделей (Курбатов А.В., 1994, с. 189).

СПИСОК ЛИТЕРТАУРЫ

Археология СССР. Древняя Русь: Город, Замок. Село, 1985. М.

Вахрос И.С., 1959. Наименование обуви в русском языке. Хельсинки.

Векслер А.Г., 1995. Отчет об охранных раскопках на ул. Арбат д. 1/7 // ОПИ ИА РАН.

Векслер А.Г., 1996а. Отчет об охранных раскопках на ул. Ильинка в 1996 году // ОПИ ИА РАН.

Векслер А.Г., 1996б. Отчет об охранных раскопках на Кадашевской набережной д. 16, 18 // ОПИ ИА РАН.

Векслер А.Г., 1997. Отчет об охранных раскопках на ул. Пречистенка 2–4 // ОПИ ИА РАН.

Векслер А.Г., Лихтер Ю.А., Осипов Д.О., 1997. Обувные подковки XV–XVIII вв. (по материалам раскопок в Москве) // РА. № 3.

Векслер А.Г., Осипов Д.О. (в печати). Коллекция кожаной обуви из раскопок на Манежной площади в Москве (1994 г.) // Тверь. Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья.

Векслер А.Г., Осипов Д.О. (в печати). Коллекция кожаной обуви из раскопок на Манежной площади в Москве (1995 г.) // Тверь. Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья.

Герберштейн С., 1906. Записки о Московитских делах. СПб.

Даль В., 1909. Толковый словарь живого великорусского языка. СПб.

Дубынин А.Ф., 1954. Отчет о работе Московской экспедиции в 1954 году // Архив ИА РАН. № 1061.

Забелин И.Е., 1891. Материалы для истории археологии и статистики г. Москвы. Ч. 2. М.

Звягинцев Е.А., 1969. "Кожевники" и их посадское население в XVIII в. // Старая Москва. Сб. 1. М.

Зыбин Ю.П., 1958. Древнерусская обувь XII–XVI вв. // Изв. вузов. Технология легкой промышленности. № 4, 6. Киев.

Зыбин Ю.П., 1963. Конструирование изделий из кожи. М.

Зыбин Ю.П., Шестакова И.С., Богданов Н.А., 1952. Изучение древнего производства кожи и изделий из кожи. Рукопись // Архив ИА РАН. Ф-1. № 555.

Изюмова С.А., 1959. К истории кожевенного и сапожного ремесел Новгорода Великого // МИА. № 65.

Москва. Актовые книги XVIII столетия, 1882. М.
Каталог живописи Государственного музея изобразительных искусств им. А.С. Пушкина, 1995. М.
Краснов Ю.А., Каховский В.Ф., 1978. Средневековые Чебоксары. М.
Курбатов А.В., 1991. Методические аспекты историко-археологического анализа среди кожевенного производства // Проблемы хронологии и периодизации в археологии. Л.
Курбатов А.В., 1994. Коллекция кожаных изделий из раскопок в Тверском кремле в связи с вопросами совершенствования технологии ремесла в русских средневековых городах // Тверской археологический сборник. Тверь.
Осипов Д.О., 1997. Описание отходов мастерской сапожника // Векслер А.Г. Отчет об охранных раскопках на ул. Пречистенка 2–4 // ОПИ ИА РАН.
Оятева Е.И., 1973. К методике изучения древней кожаной обуви // АСГЭ. Вып. 15. Л.
Переписные книги Москвы 1665–1676 гг., 1886. М.
Рабинович М.Г., 1964. О древней Москве. М.
Росписной список г. Москвы 1638 г., 1911 // Тр. Московского отделения Русского Военно-исторического о-ва. Т. 1. М.
Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло древней Руси. М.
Справочная книга обувщика, 1935. Т. 1. М.; Л.
Сытин П.В., 1959. История планировки и застройки Москвы. Т. 1. М.
Milewska M., 1980. A method of recording late medieval footwear finds // Archaeology Polonia. P.
Polak A., 1975. Glass its tradition and its. New-York.

Центр археологических исследований
г. Москвы

A.G. VEKSLER, D.O. OSIPOV

A SHOE-MAKER SHOP IN THE STREET PRECHISTENKA IN MOSCOW

Summary

During salvage archaeological excavations conducted by the Center of archaeological research of Moscow, traces of a shoe-maker shop were found in the street Prechistenka. Numerous cutoffs from cutting, fragments of leather footwear, tools of a shoe-maker were found in the layer dating to the second half of the 17th century. The analysis of the artifacts collected allows us to restore a process of leather footwear cutting and closing, to reconstruct patterns fashionable at that time. The authors of the paper are trying to identify the name of the shop owner on the basis of written sources.

И.А. БОЙЦОВ

КРАСНОГЛИНЯНАЯ КЕРАМИКА XV–XVI вв. ИЗ БОЛЬШОГО ГНЕЗДНИКОВСКОГО ПЕРЕУЛКА (Москва)

В 1990 г. отряд археологического надзора за строительными работами Московской археологической экспедиции ИА РАН провел охранные археологические исследования на месте строительства пристройки к зданию № 1/21 по Большому Гнездниковскому пер. Местность, где проводились раскопки, расположена на территории Белого города, вблизи древней Тверской дороги. Наиболее раннее известие о наличии застройки в районе раскопок относится к началу XVI столетия. В Отводной грамоте великого князя Ивана Васильевича князю Юрию на сельцо Сущевское и дворы на посаде в Москве, датирующейся 1504 г., говорится: "... тем же Рожественским переулком до лавок до хлебных, что стоят на той улице, что идет улица от города, мимо Василеи Святыи на Могилицах, к лавкам к хлебным, да от тех лавок тою ж улицею прямо, мимо Федосеи Святыи на поле, на Тферскую дорогу, да Тферскою дорогою до Сущовской межи.

И в том отводе на правои стороне те дворы все у Сущову... а налеве дворы к посаду" (Духовные и договорные грамоты..., 1950, с. 370, 371).

Из процитированного документа следует, что к началу XVI в. местность вдоль дороги на Тверь была занята застройкой приблизительно до границы, по которой позднее прошла стена Белого города, поскольку в грамоте четко различаются понятия "улица" и "дорога". Дорога начиналась сразу за церковью Феодосия, которая располагалась на месте, где позднее стояла церковь Дмитрия Солунского (Фехнер М.В., 1949, с. 121).

К сожалению, в настоящее время археологическая изученность территории Белого города не позволяет точно определить время возникновения сплошной застройки местности вдоль Тверской улицы.

Первые сведения о культурном слое в этом районе были получены во время археологического надзора при строительстве Горьковского радиуса второй очереди Московского метрополитена (Горюнова Е.И., 1947, с. 51). С 1940-х годов спорадически проводились незначительные археологические наблюдения за строительными работами, а небольшие коллекции вещей XVII–XIX вв. хранятся в Музее истории г. Москвы (Рабинович М.Г., 1971, с. 71). В районе Столешникова пер. и Пушкинской площади в 1988–1989 гг. Московская археологическая экспедиция провела серию исследовательских работ, которые дали новый материал, в том числе относящийся к раннему периоду истории местности, – керамику XV–XVI вв., аналогичную обломкам посуды из построек № 1 и 4 из раскопа IV 1988 г. на Монетном дворе (Бойцов И.А., 1988а; 1989а; Чернов С.З., 1988).

В 1990 г. археологическим отделом Управления государственного контроля охраны и использования памятников истории и культуры осуществлялся археологический надзор по трассе Никитской ул. В ходе этих работ удалось выяснить стратиграфию культурных напластований от ул. Огарева до Калашного пер. По мнению исследователей, процесс накопления культурного слоя здесь начался в XV–XVI столетиях, относящийся к этому периоду горизонт был зафиксирован на отрезке от ул. Огарева

© И.А. Бойцов, 1999 г.

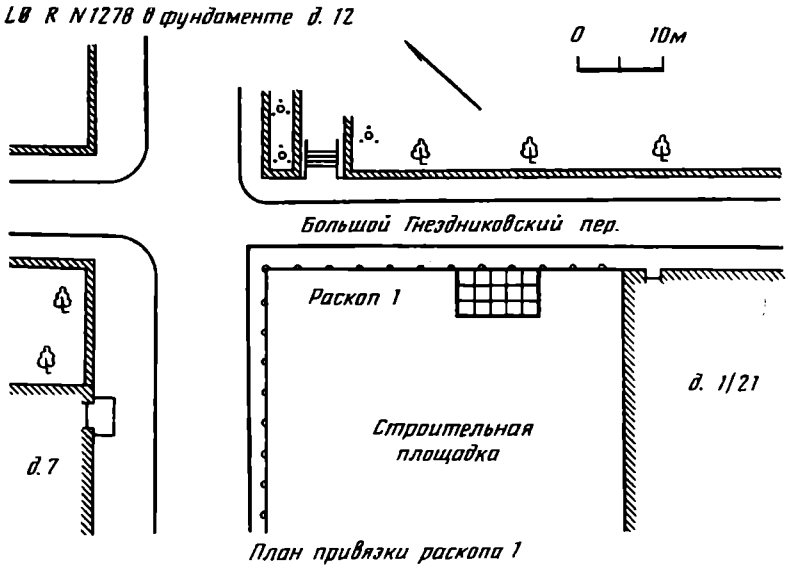


Рис. 1. Местоположение раскопа

до ул. Неждановой. Основная же толща слоя начала формироваться с XVII в. (Векслер А.Г., Коваль В.Ю., 1991, с. 78, 79, 82, 84, 85).

Раскопки в Большом Гнездниковском пер. предоставляют возможность заполнить еще один пробел в изучении истории северной части Белого города. Особый интерес для исследования представляет вопрос о более точном определении времени возникновения застройки на этом месте. Предшествующие работы не позволяют дать на него ответ.

Раскоп 1 был заложен в зоне строительства пристройки к зданию № 1/21 по Большому Гнездниковскому пер. (рис. 1). Стесненность строительной площадки не позволяла провести исследования на широкой площади, вследствие чего размеры раскопа составили 6 × 6 м. Средняя мощность культурных напластований достигала 1,5–1,6 м. Больше половины площади раскопа занимали фундаменты каменной постройки конца XVIII – начала XIX в. и два сооружения XVII–XVIII вв., углубленных на 1 м и более ниже уровня материковой поверхности. Таким образом, непотревоженные разного рода перекопами фрагменты самого раннего слоя сохранились лишь на четверти всей площади раскопа. Мощность нижнего слоя нигде не превышала 40–50 см (рис. 2).

Известно, что позднесредневековый культурный слой Москвы очень небогат вещевым материалом. Комплексы, в которых удается собрать крупную коллекцию разнообразных и хорошо датируемых вещей, чрезвычайно редки. Лишь одна категория находок встречается в большом количестве – это гончарная продукция. Опыт работы с керамикой из раскопок на Монетном дворе и Историческом проезде показал, что этот материал наиболее надежен для датировки отдельных горизонтов культурного слоя и обнаруженных сооружений. Этому способствует также хорошая изученность московской керамики (Рабинович М.Г., 1949; 1971; Розенфельдт Р.Л., 1968; Московская керамика..., 1991).

Собранная в раскопе 1 коллекция керамики насчитывала 2350 фрагментов посуды[1], подавляющее большинство которой относится к группам, производившимся в XVII–XIX вв. Соотношение типов отражено в статистических таблицах. На хранение взято 260 экз., преимущественно венчики, стенки с характерными орнаментами, донца и редко встречающиеся типы посуды. Следует отметить, что оставленная на хранение коллекция не совсем адекватно отражает первоначальный комплекс, поскольку красноглиняная, краснолощеная ранняя, чернолощеная сплошь и некоторые другие

[1] Коллекция хранится в Археологическом отделе Музея истории г. Москвы.

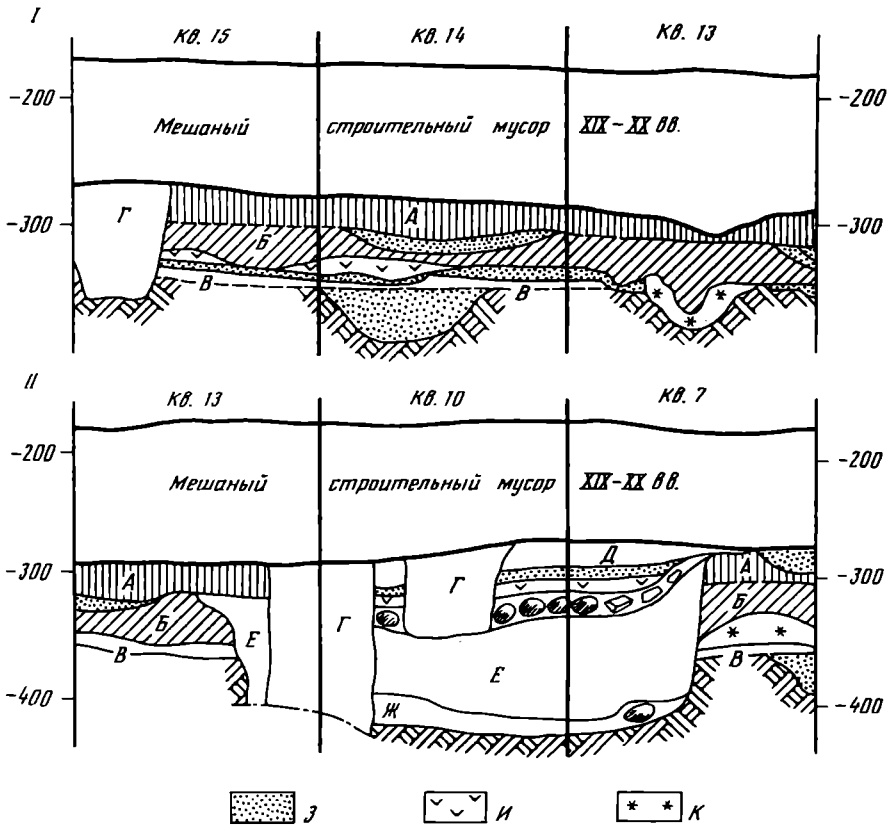


Рис. 2. Профили стенок раскопа: I – профиль юго-восточной стенки раскопа; II – профиль юго-западной стенки раскопа. *А* – темно-коричневая супесь с углем; *Б* – черно-коричневая супесь с углем; *В* – плотная светло-серая супесь (слой пашни; *Г* – перекопы; *Д* – темно-коричневая супесь с известью; *Е* – навоз; *Ж* – рыхлая черно-коричневая супесь. *З* – песок; *И* – уголь; *К* – белесый оподзоленный песок)

типы гончарной продукции, датирующиеся временем до XVII в. практически целиком вошли в опись. Производившаяся в Москве в последующие столетия масса керамики представлена лишь отдельными образцами, однако, как известно, эта продукция настолько стереотипна и многочисленна, что сравнительно небольшая выборка вместе с тщательно сделанной статистикой дает необходимое и вполне достаточное представление о сделанных находках (Бойцов И.А., 1990, с. 67–84). Подобная система формирования коллекции позволила полностью сохранить ранний комплекс вещей, который исследуется в этой работе.

Из общего числа обнаруженной керамики к типам, распространенным в Москве до начала XVII столетия, относится 461 фрагмент посуды, т.е. 19,5%. Наиболее многочисленна чернолощеная сплошь, с тщательно выполненным лощением поверхности керамика, часто залощено дно сосуда – 256 фрагментов. Р.Л. Розенфельдт отмечал, что перечисленные характерные признаки свойственны изделиям XVI в. (Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 28–39). Следующей по численности группой является красноглиняная гладкая керамика – 175 фрагментов. Белоглиняная грубая посуда была впервые выделена С.З. Черновым, период ее бытования определен в пределах от конца XV до конца XVI в. (Чернов С.З., 1983, с. 83, 84, табл. на с. 373, 374, 376–380[2]; 1991, с. 50–58, табл. 122–124, 134). В раскопе 1 к этому типу можно отнести по крайней мере 16 обломков, по большей части венчиков, это число определено лишь приблизительно, так как фрагменты стенок сосудов не всегда позволяют произвести четкое определение типа, к которому они относятся. Наиболее характерный признак –

[2] Материалы из селищ Михайловское-2, сооружение № 1, Ларино; Копнинский Лес-3.

наличие некоторого количества дресвы в тесте. Однако очень часто в качестве отощителя при производстве белоглиняной грубой керамики использовалась не дресва, а крупнозернистый песок. Несомненно, к описываемому типу относится значительно большее количество фрагментов. В единичных экземплярах в составе находок присутствуют черепки красноглиняной ранней керамики, выделенной впервые в отдельный тип на материалах раскопок 1987–1989 гг. (Бойцов И.А., 1991, с. 33–40), а также краснолощеной ранней керамики и ангобированной сплошь посуды, общее число которых составляет 14 фрагментов.

Выделение среди керамики наиболее раннего комплекса дает возможность определить время возникновения застройки в районе современного Большого Гнездниковского пер.

Древнейший предматериковый горизонт культурного слоя был выявлен на нескольких участках: вдоль юго-восточной стенки раскопа, в квадратах 13–15, в западном углу котлована, на площади 1 м^2 в квадрате 7 и у северо-восточной стенки раскопа, на границе квадратов 12 и 15. Общая площадь этих участков составляла ~ 10 м^2. Ранний культурный слой был сложен однородной достаточно плотной углистой черно-коричневой супесью, толщина которой составляла ~ 30 см. В нижней части этой прослойки, в квадратах 13–15 были зафиксированы следы легкого деревянного, по-видимому, производственного сооружения. В квадратах 7 и 12 в подошвенной части черно-коричневой супеси обнаружены неглубокие – 50–70-сантиметровые – ямы, происхождение которых также следует связывать с какими-то внутриусадебными хозяйственными постройками. Стратиграфически все выявленные конструкции относятся к одному строительному периоду. Сосредоточение на такой малой площади остатков сразу нескольких одновременных усадебных сооружений, очевидно, говорит в пользу того, что сразу в момент появления здесь первоначальной застройки участок использовался чрезвычайно интенсивно.

В основании культурного слоя при проведении на раскопе 1 почвоведческих исследований, выполнявшихся сотрудником Института географии РАН канд. геогр. наук А.Л. Александровским, был выявлен пахотный горизонт мощностью 11 см (Александровский А.Л., 1990, с. 47–52). Непосредственно под слоем древней пашни залегал непотревоженный материк, представлявший собой погребенную лесную подзолистую почву, образовавшуюся на покровном опесчаненном моренном суглинке.

В нижнем предматериковом слое были обнаружены три индивидуальные находки: № 25 – фрагмент ножки красноглиняной ангобированной игрушки, самой распространенной в Москве – "коника"; № 42 – железная дверная проушина; № 45 – обломок головы красноглиняной игрушки – медведя. Из трех предметов только две игрушки можно датировать.

Ангобированные игрушки-"коники", по мнению Р.Л. Розенфельдта, производились в Заяузской Гончарной слободе в XV–XVI столетиях, в конце XVI в. их производство прекращается (Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 24). Красноглиняные медведи изготавливались с XV вплоть до начала XVII в. (Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 17). Таким образом, единичные индивидуальные находки указывают на сравнительно широкий период, когда происходило накопление нижнего горизонта культурного слоя в Большом Гнездниковском пер. Многочисленная коллекция керамики дает возможность сузить такую широкую датировку.

Был выделен комплекс находок, обнаруженных при разборке слоя черно-коричневой супеси[3]. Этот горизонт по своему составу имел достаточно четкие отличия от вышележащих напластований, что позволило в процессе раскопок свести к минимуму возможность засорения коллекции материалом из перекопов.

Статистика керамики из выделенных квадратов показывает следующее: красно-

[3] Отобраны материалы из следующих квадратов: кв. 13, 15, глубина – 320–340 см; кв. 7, глубина – 340–360, –360–380, –380–400 см; кв. 7, прирезка на уровне черно-коричневой супеси (глубина –320–340 см), прирезка на уровне светло-коричневой супеси (глубина –340–380 см) (Бойцов И.А., 1990, с. 70–75).

глиняная (гладкая) – 30 фрагм.; чернолощеная сплошь – 19 фрагм.; мореная красноглиняная – 1 фрагм.; мореная белоглиняная – 11 фрагм.; ангобированная – 1 фрагм.; белоглиняная грубая – не менее 6 фрагм.[4]; белоглиняная с шероховатой поверхностью и гладкая – 157 фрагм. Этот вид посуды с шероховатой поверхностью, представляющий собой, очевидно, переходный тип от белой грубой к белой гладкой керамике, был выделен в 1988 г. (Бойцов И.А., 1988б, с. 23). Она также не выделялась при составлении статистики керамики.

Наиболее ранним типом посуды из приведенного списка является красноглиняная гладкая керамика. Начало ее производства относится к последней четверти XV столетия. Эта посуда стандартна, господствующая форма – горшок с коническим туловом, резкой профилировкой верхней части сосуда, прямостоящий невысокий венчик и орнамент в виде 2–4 тесно примыкающих друг к другу глубоких линий, расположенных на плечиках горшков (Бойцов И.А., 1991, с. 38). Отсутствие в комплексе красноглиняной гладкой ранней посуды – переходного типа от красноглиняной грубой к стандартной гладкой керамике, производство которой охватывало период от конца XIV до конца третьей четверти XV в., свидетельствует о том, что территория, где проводились исследования, не была застроена вплоть до конца XV столетия. Именно в это время в Москве появилась первая белоглиняная посуда. В начале следующего столетия набор посуды пополнился чернолощеными сосудами, изготовленными весьма тщательно (Рабинович М.Г., 1949, с. 38; Мец Н.Д., 1949, с. 108–115; Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 28). К середине XVI в. красноглиняные гладкие горшки исчезают со столов москвичей (Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 14), их место занимают белоглиняные, мореные и чернолощеные сосуды[5].

Очевидно, именно с этого времени в Москву значительными массами стала поступать продукция гжельских мастерских, использовавших залежи беложгущихся глин северо-западного края Мещерской низменности. Недавние раскопки в Гжели дали большую коллекцию средневековой керамики местного производства, в том числе керамический брак. Образцы посуды из этих раскопок не оставляют сомнений в определении центра, где изготовлялась эта керамика (см. коллекцию из раскопок А.Г. Векслера в с. Гжель в 1986 г., хранящуюся в Музее истории г. Москвы). На мой взгляд, не является случайностью то обстоятельство, что в московской Гончарной слободе до сих пор не найдено следов крупного производства белоглиняных сосудов. Во всех раскопах в Заяузье красноглиняная керамика абсолютно доминирует.

Следующей по численности группой является чернолощеная и мореная посуда. И лишь третье место занимает белоглиняная керамика. Нет сомнений в том, что вместо красноглиняной гладкой посуды московские гончары переключились на производство мореных и чернолощеных сосудов, для изготовления которых использовали традиционное сырье столичных гончаров – местную красножгущую глину.

На первый взгляд вызывает удивление то обстоятельство, что в слое XVI в. обнаружено очень небольшое количество обломков чернолощеных сосудов. Однако объяснение этого феномена представляется довольно простым. Как правило, чернолощеная и мореная керамика доминирует в раскопах, расположенных на уличной

---

[4] При составлении статистики не была выделена белоглиняная грубая керамика в составе комплекса посуды из белой глины, шесть фрагментов белой грубой посуды выявлены при просмотре коллекции. Несомненно, ее количество было намного больше. Можно попытаться реконструировать первоначальный состав комплекса путем нехитрой операции – в наборе белой посуды было 29 венчиков, из них 3 – от белоглиняных грубых сосудов, что составляет чуть более 10%, соответственно количество стенок керамики этого типа составляло 12–15 фрагментов, с учетом венчиков – 15–18 экз.

[5] М.Г. Рабинович придерживается мнения, что производство красноглиняной посуды в Москве завершилось во второй половине XVII в. (Рабинович М.Г., 1971, с. 21). Однако доводы Р.Л. Розенфельдта по этому вопросу представляются более убедительными. Наблюдения за распределением находок в раскопах на Монетном дворе в 1987–1988 гг., на Разинском спуске, а также результаты моих раскопок 1989–1990 г. на ул. Володарского (Гончарная ул.) заставляют отдать предпочтение датировке, предложенной Р.Л. Розенфельдтом.

территории, за пределами усадеб. Остановимся только на двух характернейших примерах – горизонтах XVI–XVII вв. на Историческом проезде и на Разинском спуске, где фрагменты чернолощеных и мореных сосудов были одной из самых распространенных находок (Чернов С.З., 1988; 1989). Именно эта весьма прочная керамика использовалась москвичами для переноса жидкостей и, очевидно, некоторых пищевых припасов. По этой причине большинство сосудов кончало свой век там, где чаще использовалось. Неслучайно чернолощеные и мореные кувшины почти всегда обнаруживаются на дне колодцев XVI–XVII вв. Это обстоятельство было отмечено А.В. Арциховским в первый же год широких археологических исследований в Москве в 1934 г. (Арциховский А.В., 1936, с. 133–138). Характерно, что наиболее распространенная форма для мореной и чернолощеной посуды – кувшин.

Для определения времени, когда прекратилось накопление слоя черно-коричневой супеси, важно обратить внимание на то, что в наборе полностью отсутствует очень распространенная чернолощеная керамика с менее тщательным лощением или с лощением, выполненным в виде полос, зигзагов и т.п. Такое упрощение техники обработки поверхности сосудов, по мнению Р.Л. Розенфельдта, относится к началу XVII столетия (Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 28–39).

Таким образом, представленный выше набор керамики является обычным для слоев, отложившихся в пределах усадеб с конца XV по рубеж XVI–XVII вв. При этом нельзя упускать из вида то обстоятельство, что верхняя дата определена очень приблизительно, поскольку гончарное производство этого времени изучено намного хуже предшествующего периода.

Если взять керамическую коллекцию из раскопа 1 в целом, то на более широком материале можно проверить правильность предложенной датировки относительно времени возникновения усадебной застройки исследованного участка. На раскопе найдено всего три фрагмента красноглиняной гладкой ранней керамики, характеризующейся более сглаженной профилировкой верхней трети сосуда и линейным орнаментом в виде нескольких рассредоточенных по плечикам полос; производившейся с конца XIV до последней трети XV в. (Бойцов И.А., 1991, с. 36–38). Был обнаружен также один фрагмент от серого сосуда. Наличие этих предметов, очевидно, следует связывать с предыдущим периодом хозяйственного освоения местности, периодом существования здесь полей, на месте которых в последней трети XV столетия возникла усадебная застройка, появление которой маркировано большим количеством красноглиняной гладкой и белой грубой посуды в момент, когда полностью прекратилось производство красноглиняной гладкой ранней керамики.

Этот факт чрезвычайно важен для уточнения истории московского гончарного производства второй половины XV в. Генетическая близость двух выделенных типов красноглиняной посуды затрудняла выделение ранней формы горшков в самостоятельную группу. В раскопах, расположенных там, где застройка появилась в XIV или в начале XV в. (московский Китай-город, Ваганьково) в слоях конца XV – начала XVI столетия красноглиняная гладкая ранняя керамика неизменно присутствует как фон, попадая в эти горизонты из многочисленных перекопов.

Изучение красноглиняной керамики из раскопа 1 в Большом Гнездниковском пер. позволило выявить некоторые отличительные особенности данного комплекса, которые в силу ряда причин нельзя считать случайными.

Самая многочисленная форма сосуда – горшок; в наборах красноглиняной посуды XV – первой половины XVI в., собранных в Москве, они отличаются чрезвычайным однообразием, стандартностью (Розенфельдт Р.Л., 1968, с. 15; Беляев Л.А., 1991, с. 43–46; Бойцов И.А., 1991, с. 38, 39). Эталонными комплексами, отражающими типичный московский материал, являются коллекции из раскопок 1988 г. на Старо-Ваганьковском холме, ямы № 2 из раскопок на Историческом проезде, ям № 1 и 4 в раскопе IV на Монетном дворе, из раскопа VIII у Китайгородской стены, а также коллекция с селища под церковью Вознесения в с. Коломенское (Московская керамика..., 1991, табл. 77, 85, 86, 92–98, 101, 102, 104–106, 108, 113–115). Мощным центром

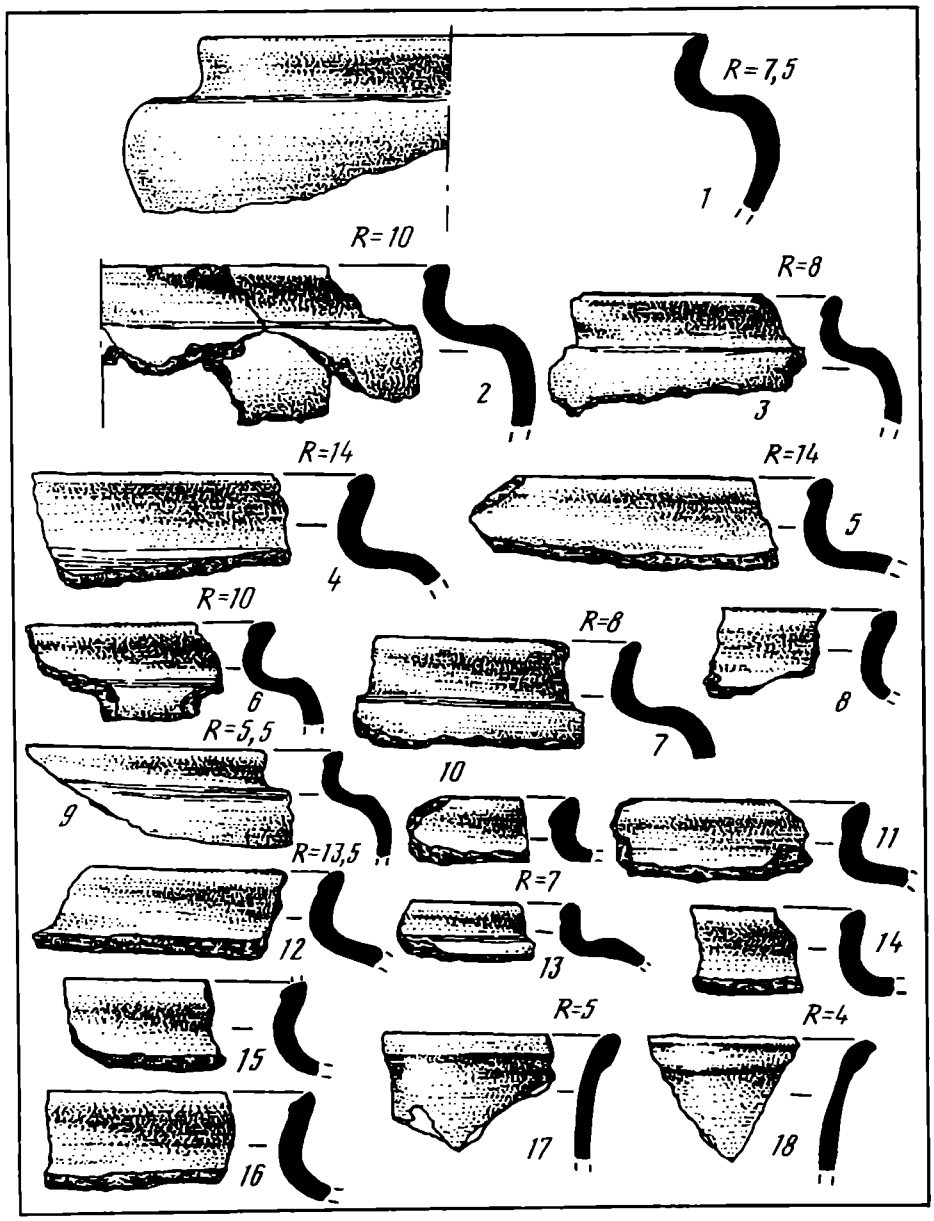


Рис. 3. Стандартная московская красноглиняная керамика второй половины XV – начала XVI в. из раскопок 1989 г. в Заяузье. Заполнение гончарного горна

производства этой однородной по составу продукции, определяющей своеобразие московского набора посуды, являлась Заяузская Гончарная слобода, где при раскопках обнаружены десятки тысяч обломков совершенно одинаковой формы. Красноглиняная гладкая керамика в заполнении нескольких исследованных здесь горнов представлена только одной формой с очень незначительными вариациями (рис. 3).

Однако среди фрагментов красноглиняной посуды из коллекции с Гнездниковского пер. очень четко выделяются два очень непохожих друг на друга набора керамики (рис. 4 и 5). Различия видны в формах венчиков сосудов, орнаментике, а также в технологии их производства – составе глиняного теста, температуре обжига и толщине стенок сосудов. На рис. 5 представлены изделия, явно произведенные в московской Гончарной слободе, где они имеют десятки тысяч аналогий в слоях многих производственных комплексов. Другая группа керамики в Москве также не уникальна, но сосуды таких форм встречаются во много раз реже, составляя даже в крупных коллекциях из нескольких тысяч экземпляров серии, насчитывающие один-два десятка фрагментов.

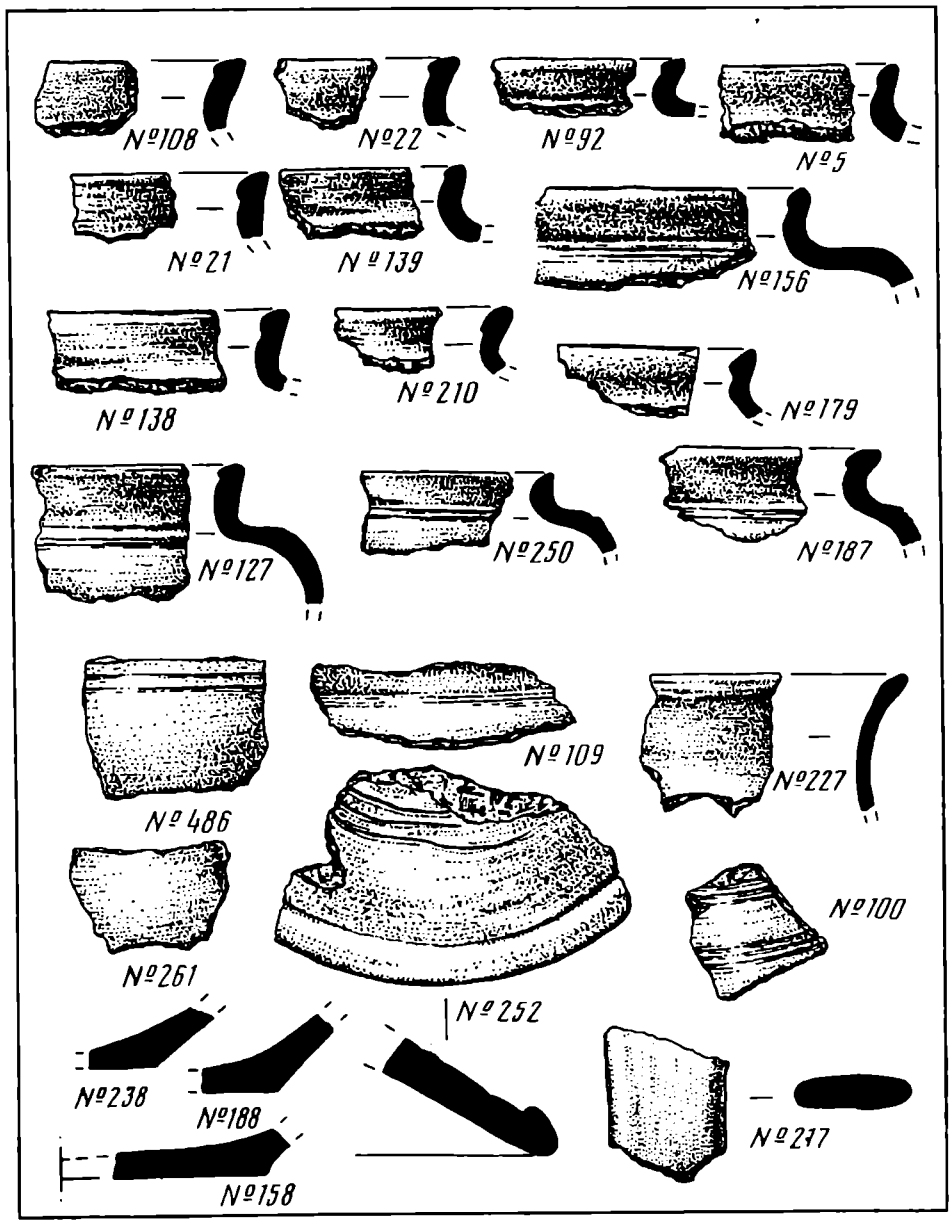


Рис. 4. Стандартная московская красноглиняная керамика второй половины XV – первой половины XVI в. из раскопок в Большом Гнездниковском пер. Номера рисунков соответствуют номерам коллекционной описи

Как правило, выделение такой керамики связано с большими трудностями, поскольку она очень похожа на серую или красноглиняную грубую московскую керамику, поэтому неискушенный во всем разнообразии форм посуды человек, составляющий статистику, очень часто не обращает на нее должного внимания и заносит в один из этих типов. Особенность комплекса из Большого Гнездниковского пер., где отсутствуют напластования, датирующиеся временем до последней трети XV столетия, сильно облегчили задачу выделения группы красноглиняной керамики конца XV–XVI вв., отличающейся от массовой продукции московских гончаров.

Выделенные фрагменты разнообразны, однако одна немаловажная деталь объединяет почти все обломки из набора – это прямостоящий или наклоненный внутрь венчик. Такая постановка венчика свойственна для всех без исключения регионов Европейской части России, Украины, Белоруссии и Прибалтики. На протяжении XV – XVI вв. венчики у большинства горшков постепенно изменяются – отогнутые наружу сменяются прямостоящими, позднее сосуды с прямостоящим венчиком уступают

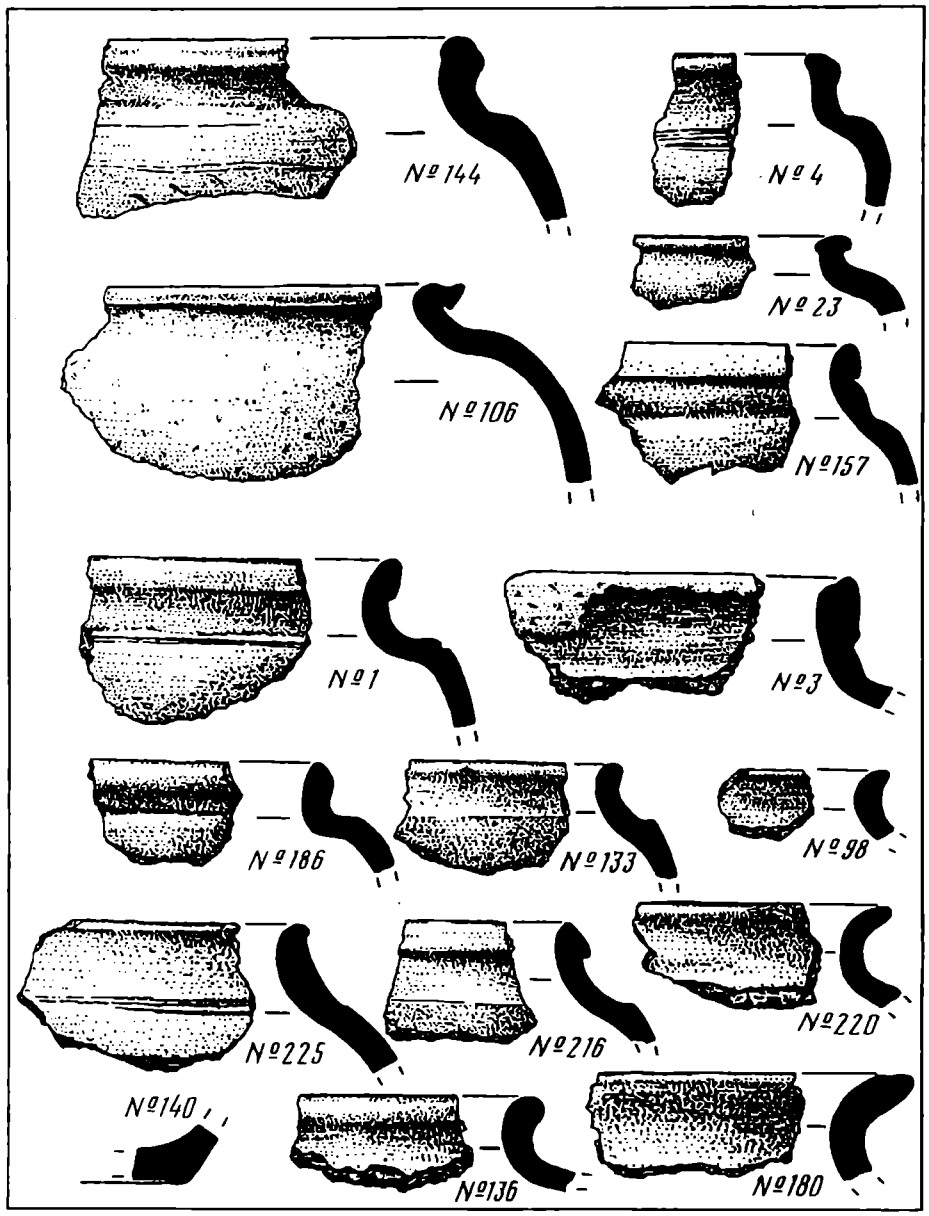


Рис. 5. Красноглиняная керамика второй половины XV–XVI в. из раскопок в Большом Гнездниковском пер. Номера рисунков соответствуют номерам коллекционной описи

место горшкам с загнутым внутрь краем. Горшки XVII–XVIII вв. имеют ярко выраженную шарообразную форму. Эта общая особенность для группы позволяет считать весь набор одновременным красноглиняной гладкой московской посуде.

Среди рассматриваемого набора можно выделить несколько типов венчиков.

Тип 1. Венчики с резким изломом по плечику в основании горла горшка (рис. 5, *133, 216, 225*). Края таких сосудов оформлялись по-разному. Часть фрагментов имеет характерную выпуклость или валик, оконтуривающий край горшка, у других такой особенности нет и край имеет в профиле округлую форму. Этот тип красноглиняных горшков был назван М.Г. Рабиновичем "городищенская керамика" (тип II по классификации 1971 г., тип 2 по классификации 1949 г.) (Рабинович М.Г., 1949, с. 60. 61, 1971, с. 24). Название было дано условно, поскольку аналогичные находки широко известны на средневековых поселениях в Подмосковье. Наиболее полная публикация такой керамики была сделана С.З. Черновым (Чернов С.З., 1991, с. 50–58, табл. 128,

129, 133), где она названа "красноглиняная гладкая московская". Более удачным представляется другое название для этого типа – "красноглиняная гладкая подмосковная", так как именно на сельских поселениях она доминирует, а в Москве встречается лишь спорадически.

Тип 2. Наклоненные внутрь венчики с шейкой, переходящей в плечики через уступ. По краю венчика – припухлость или валик, образованный налепом или путем отгибания края венчика наружу (рис. 5, *3, 4, 23, 106, 114, 157*). Все перечисленные фрагменты относятся к типу VIII по Новгородской классификации керамики (Смирнова Г.П., 1956, с. 232). Такие сосуды были чрезвычайно широко распространены в позднем средневековье, а также зафиксированы на памятниках конца XVIII в. (Малыгин П.Д., 1991, с. 203, 212). Производство их в ряде мест продолжалось вплоть до недавнего времени. Автор наблюдал горшки шарообразной формы с загнутым внутрь венчиком с припухлостью или отгибом по краю в с. Ямуга (Московская обл.), пос. Эммаус (Калининская обл.), с. Оболенское (Калужская обл.), в коллекции из с. Дьяково (Москва).

Горшки, объединенные Г.П. Смирновой в тип VIII, чрезвычайно вариативны по способу формовки венчика. Несомненно, что дальнейшие опыты классификации керамики позволят выделить самостоятельные типы позднесредневековых горшков для каждого региона или производственного центра, где такая керамика производилась, а также уточнить хронологию этой группы сосудов. Если пренебречь сложившимися традициями классификации, то к типу VIII с полным основанием можно отнести "городищенскую" керамику и красноглиняные гладкие московские горшки. Поскольку коллекция из раскопок в большом Гнездниковском пер. немногочисленна, мне кажется, что пока можно ограничиться указанием на наличие нескольких разновидностей венчиков (рис. 5).

Тип 3. Венчики с прямостоящей шейкой и припухлостью по внешнему краю. Прогиб к плечикам плавный (рис. 5, *1, 136, 186*). Очень напоминают форму белоглиняных грубых горшков, однако сформованы из красной глины. Способ приготовления теста с добавкой крупнозернистого песка и мелкой дресвы отличает сосуды этого типа от московской стандартной красноглиняной гладкой керамики. Обжиг также отличается и больше напоминает тот, которому были подвергнуты горшки типа 2. Несомненно, обжиг осуществлялся при более низкой температуре. Такая посуда не производилась в московской Гончарной слободе, поскольку в коллекциях из Заяузья в слоях, связанных с горнами, нет ни одного аналогичного экземпляра, хотя в наборах из перемешанного культурного слоя встречено несколько похожих фрагментов (Бойцов И.А., 1989б, с. 285, рис. 17)[6].

Похожая красноглиняная посуда помимо единичных экземпляров в Москве была найдена в Торжке, Орешке (рис. 6).

Тип 4. Венчики с С-образно изогнутым профилем (рис. 5, *98, 180, 220*). Состав теста и обжиг такой же, как и у трех вышеописанных типов. Фрагменты, выделенные в этот тип, происходят от сосудов большого размера, разбитых таким образом, что сохранился неполный профиль венчика. Поэтому обломки сосудов, отнесенных к типу 4, возможно рассматривать как неопределяемые типологически точно венчики.

Количество венчиков красноглиняной гладкой стандартной московской керамики в коллекции из раскопок на Большом Гнездниковском пер. составляет 12 экз., набор несвойственных для городского культурного слоя Москвы красноглиняных венчиков насчитывает 15 экз.

Таким образом, коллекция весьма необычна по составу. В ней очень большое количество обломков керамики имеет прямые аналогии на памятниках северных и северо-западных территорий России. Представляется, что формирование такого комплекса может быть связано с определенными устоявшимися вкусами населения, поселенного в конце XV в. в исследовавшейся части Белого города. Именно здесь в

[6] Обнаружен в слое, провалившемся в горн после его разрушения (Бойцов И.А., 1989б. с. 292, рис. 30).

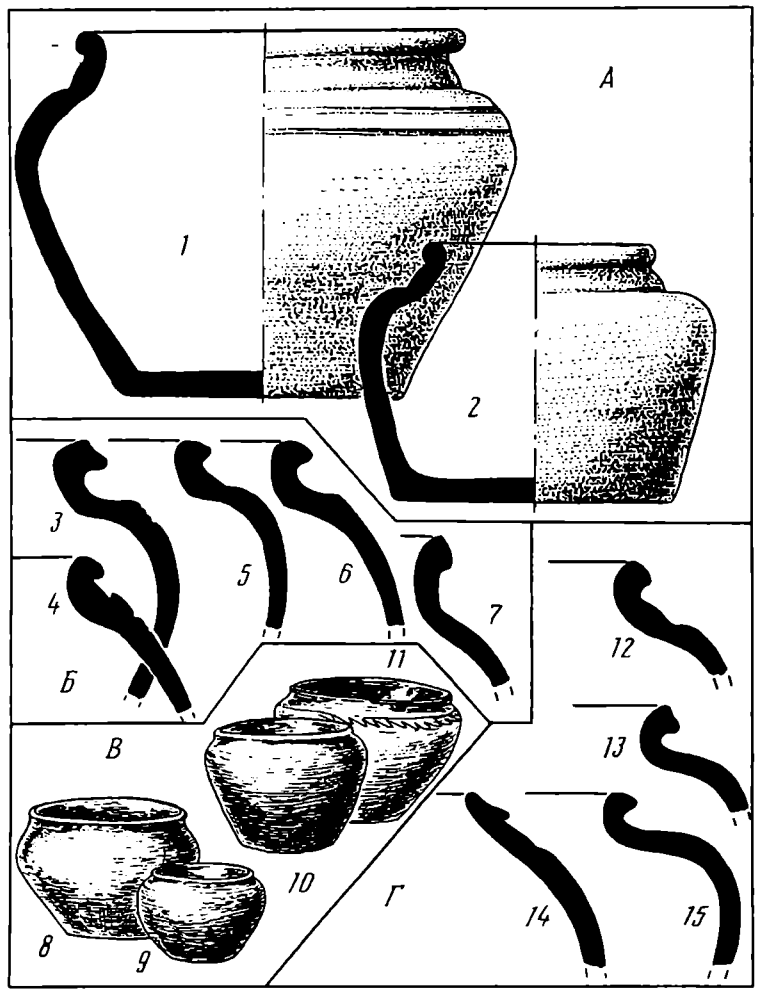


Рис. 6. Красноглиняная керамика XV–XVII вв.: *А* – Новгород (Смирнова Г.П., 1956, с. 246); *Б* – Торжок (Малыгин П.Д., 1991, с. 212); *В* – Орешек (Кирпичников А.Н., 1980, с. 97); *Г* – Псков (Археологическое изучение Пскова, 1983, с. 88, 130)

приходах церквей Николы в Гнездниках, Козьмы и Дамиана в Шубине и Дмитрия Солунского располагались дворы Новгородской черной сотни. Очевидно, первыми жителями сотни были выведенные новгородцы, поселенные на границе города вдоль дороги на Новгород. У них в течение длительного времени сохранялись некоторые особенности материальной культуры, отличные от московской, фиксируемые при анализе массового материала. Возможно и другое объяснение выявленному феномену – активное участие жителей окрестностей Тверской ул. в торговле с северо-западными областями России.

Несомненно, окончательные ответы на предложенные гипотезы могут дать лишь дальнейшие исследования. При этом основной вопрос состоит в том, каким образом происходило формирование материальной культуры москвичей, какую роль играли в этом процессе испомещение в Москве населения из вновь присоединенных земель и развивающаяся торговля.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Александровский А.Л., 1990. Результаты обследования почв и отложений (культурного слоя) на Большом Гнездниковском пер. // Бойцов И.А. Отчет об археологических наблюдениях и раскопках в историческом центре г. Москвы в 1988 г. Ч. 3. Архив ИА РАН. Р. 1. Д. № 15477. М.

Археологическое изучение Пскова, 1983. М.
Арциховский А.В., 1936. Находки в колодцах на Моховой // По трассе первой очереди Московского метрополитена. ИГАИМК. Вып. 132. М.; Л.
Беляев Л.А., 1991. Керамический комплекс из Коломенского и точно датированные сосуды из архитектурных сооружений // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.
Бойцов И.А., 1988а. Отчет об археологических наблюдениях и раскопках в историческом центре г. Москвы в 1988 г. Ч. 2 // Архив ИА РАН. Р. I. Д. № 12809.
Бойцов И.А., 1988б. Отчет об археологических наблюдениях и раскопках в историческом центре г. Москвы в 1988 г. Ч. 1 // Архив ИА РАН. Р. I. Д. № 12808. М.
Бойцов И.А., 1989а. Отчет об археологических наблюдениях и раскопках в историческом центре г. Москвы в 1989 г. Ч. 6 // Архив ИА РАН. Р. I. № 14030.
Бойцов И.А., 1989б. Отчет об археологических наблюдениях и раскопках в историческом центре г. Москвы в 1988 г. Ч. 4 // Архив ИА РАН. Р. I. Д. № 14028. М.
Бойцов И.А., 1990. Отчет об археологических наблюдениях и раскопках в историческом центре г. Москвы в 1990 г. // Архив ИА РАН. Р. I. Д. № 15477. Ч. 3.
Бойцов И.А., 1991. Московская красноглиняная керамика XIV – начала XVI в. и возникновение Гончарной слободы в Москве // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.
Векслер А.Г., Коваль В.Ю., 1991. Новые данные по истории застройки Большой Никитской улицы в Москве (археологические исследования 1990 г.) // Реставрация и архитектурная археология. Новые материалы и исследования. М.
Горюнова Е.И., 1947. Итоги работ археологического надзора на строительстве второй очереди Московского метрополитена // МИА. № 7. М.; Л.
Духовные и договорные грамоты великих и удельных князей XIV–XVI вв., 1950. М.; Л.
Кирпичников А.Н., 1980. Древний Орешек. Л.
Малыгин П.Д., 1991. Типология и хронология Новоторжской керамики XI–XIV вв. // Материалы по археологии Новгородской земли. 1990 г. М.
Мец Н.Д., 1949. Датировка черной лощеной керамики по собранию кладов нумизматического сектора ГИМ // КСИИМК. Вып. XXIV.
Московская керамика: Новые данные по хронологии, 1991 // Материалы и исследования по археологии Москвы. Т. 5. М.
Рабинович М.Г., 1949. Московская керамика // МИА. № 12. М.; Л.
Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой Центральных районов Москвы // МИА. № 176. М.
Розенфельдт Р.Л., 1968. Московское керамическое производство XII–XVIII вв. М.
Смирнова Г.П., 1956. Опыт классификации керамики древнего Новгорода (по материалам раскопок 1951–1954 гг.) // МИА. № 55. М.
Фехнер М.В., 1949. Москва и ее ближайшие окрестности в XV и начале XVI века // МИА. № 12. М.; Л.
Чернов С.З., 1983. Происхождение вотчин XIV–XV вв. в районе Троице-Сергиева монастыря (историческая география землевладения). Дис. ... канд. ист. наук РГБ М.
Чернов С.З., 1988. Отчет Московской археологической экспедиции об археологических раскопках в г. Москве в 1988 г. Т. 1–3, 5 // Архив ИА РАН. Р. I. Д. № 13154–13156, 13158. М.
Чернов С.З., 1989. Отчет Московской археологической экспедиции об археологических раскопках в г. Москве в 1989 г. Т. 1. // Архив ИА РАН. Р. 1. Д. № 14015. М.
Чернов С.З., 1991. К хронологии московской керамики конца XV–XVI вв. // Московская керамика: Новые данные по хронологии. М.

Институт археологии РАН,
Москва

I.A. BOITSOV

RED-CLAY CERAMICS OF THE 15th – 16th CENTURIES FROM BOLSHOI GNEZDNIKOVSKY SIDE-WALK (MOSCOW)

Summary

The paper analyzes ceramics from excavations conducted on the territory of the Novgorod black sotnya (organization of tax-payers of the city district) of Moscow. A detailed analysis of the collection allowed to date the period of construction undertaken in this district of the White city that had not been studied before. Two qroups of the early red-clay ceramics have been identified: one is typical Moscow, the other has direct analogues in the sites of the northern-western regions of Russia. The author makes a suggestion that the appearance of this set of utensils which is very unusual for Moscow may be explained either by the settlement of new-comers from Novgorod lands along Tverskyaya street at the end of the 15th century or by the development of trade between Moscow and north-west lands of Russia.

Заметки

В.В. СИДОРОВ, К.А. СМИРНОВ

ЗООМОРФНАЯ РУКОЯТЬ СО СТАРШЕГО КАШИРСКОГО ГОРОДИЩА

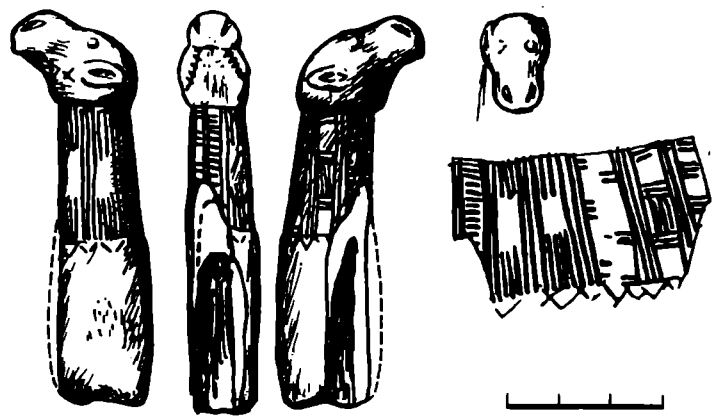
Летом 1997 г. при раскопках на Старшем Каширском городище, расположенном на правом берегу р. Оки в городе Кашире, была найдена роговая рукоять черешкового ножа с зооморфным навершием. Слой, из которого она происходит, оранжевая супесь, остатки построек среднего этапа (гл. 59 см), содержащая костяные орудия и гладкостенную керамику. Найденные бронзовые украшения позволяют датировать слой V–IV вв. до н.э. Памятник относится к числу типичных раннедьяковских. Вместе с тем нельзя не отметить, что невысокий процент сетчатой керамики и малое количество грузиков дьякова типа заставляют выделить окский вариант культуры.

Рукоятка сильно заполирована, вероятно, от длительного использования. Длина ее 76 мм, сечение овальное 16 × 13 мм, черешок ножа входил в гнездо глубиной 38 мм, стенка его сломана (рисунок). Голова зверя образует навершие длиной 24 мм, отходящее в сторону. Такой тип рукоятей с асимметричным навершием известен на дьяковских городищах (Дубынин А.Ф., 1974, табл. IV, *2, 3*). Вероятно, выступ навершия на таких рукоятях представляет собой редуцированное зооморфное изображение, исходная форма которого – описываемая находка. Ниже головы животного рукоять охватывает орнаментальный пояс из вертикальных сгруппированных врезанных полос, между которыми помещены разного рода лесенки. Снизу орнамент обведен зигзагообразным бордюром, очень слабо врезанным и частично стершимся от заполировки. Такая орнаментация на рукоятях ножей достаточно известна. Основу ее составляют продольные полосы. Как примеры можно указать находки с городищ Боршевское и Графская гора.

Какое животное здесь изображено? Широкое, отвисшее вниз окончание морды с крупными ноздрями более всего напоминает лося. Но уши, рельефно выделенные как овальные валики, закруглены, а особенно выпуклый округлый лоб более напоминают медведя. Глаза обозначены четкими бугорками. Неглубокими линиями, расходящимися от вислого носа, обозначен рот. Поперек линии нанесены короткие черточки. Создается впечатление, что мастер пытался изобразить зубы.

Это второе зооморфное изображение со Старшего Каширского городища. При раскопках В.А. Городцова здесь была найдена сломанная прорезанная рукоять, завершающаяся звериной головой с оскаленной пастью, с крупными треугольными зубами. С глазами, обозначенными при помощи гвоздиков (Городцов В.А., 1933, с. 20, рис. VIII, *6*). Стилистика этого изображения иная, более условная. Рукоять много раз привлекала внимание исследователей. А.П. Смирнов определил изображенное животное как медведя и безусловно связал вещь со скифским влиянием (Смирнов А.П., 1952, с. 54). Надо отметить, что способ закрепления клинка в пазу при помощи заклепок – прием, хорошо известный у скифских мастеров, в частности на Среднем Дону (Либеров П.Д., 1965, с. 71). Рукояти такого типа (по В.А. Городцову – "разрезные") в лесной зоне пока найдены только на Старшем Кашинском городище. Среди находок

© В.В. Сидоров, К.А. Смирнов, 1999 г.



Зооморфная рукоятка ножа со Старшего Каширского городища

нынешнего сезона тоже имеется крупная костяная рукоять из двух накладных половинок. Найдена она в верхнем слое. Тип втульчатой рукоятки, к которым относится зооморфная находка, более обычен для дьяковских городищ.

С мнением А.П. Смирнова относительно культурной принадлежности рукояти не согласился В.И. Гуляев (Гуляев В.И., 1963, с. 101). По его мнению, изображение следует связывать с искусством населения лесной полосы, так как изображение медведя в скифских древностях встречается очень редко, а трактовка глаз при помощи железных гвоздиков там неизвестна. Соглашаясь с В.И. Гуляевым относительно культурной принадлежности рукояти, следует отметить, что прием обозначения глаз при помощи гвоздиков неизвестен не только у скифов, но и у племен лесной зоны.

Можно обратить внимание на другие стилистические черты. Так, у первой Каширской звериной головы трактовка носа очень сильно отличается от нынешней находки: это прямо срезанная плоскость в форме пятачка. Трактовка морды лося находки 1997 г. более реалистична. Но такой же условный прием обозначения морды, как на находке В.А. Городцова, – у изображения лошади (?) с Дьяковского городища. С другой стороны, глаза в виде бугорков сближают нашу находку с фигуркой Дьяковского городища, но это довольно широко встречающийся прием.

Очень близка к нашей находке голова лося на роговом наконечнике ножен из ананьинского городища (Збруева А.В., 1952, с. 133). Она значительно крупнее нашей, но здесь также изображены прижатые закругленные уши в виде овальных валиков и показаны крупные прямые зубы. В других случаях изображение зубов у лося не отмечается. В изображениях с памятников лесной полосы, в частности в предметах пермского звериного стиля, которые представлены в наибольшем числе, сочетаются черты разных животных (Грибова Л.С., 1975, с. 7). Изображения лося и медведя нередки в искусстве лесной зоны. По мнению Н.Н. Гуриной, лось и медведь воплощали в себе могущество леса, были "хозяевами зверей" (Гурина Н.Н., 1987, с. 21). Они появляются еще на мезолитических памятниках (Оленеостровский могильник), очень характерны для волосовской культуры, но единично встречаются и в льяловской. Лось играл огромную роль в жизни и верованиях финно-угорских народов (Рыбаков Б.А., 1979, с. 7). Помимо рассматриваемой рукоятки, на городищах железного века в Волго-Окском междуречье известны три изображения лося: на Троицком городище найден костяной стержень с окончанием в виде лосиной морды с большими ушами (Дубынин А.Ф., 1970, с. 66), на Борщевском городище найдена роговая пластина с изображением лося и птицы. По мнению Х.И. Крис, изображение лося имеется на костяной пластине с Пекуновского городища (Крис Х.И., 1995, с. 57).

Предметы с изображением медведя известны на памятниках Волго-Окского междуречья. По мнению А.П. Смирнова, медведь изображен на костяном кочедыке из коллекции Н.А. Самгина, место находки которого неизвестно (Смирнов А.П., 1947, с. 168). Костяной стержень, завершающийся фигуркой стоящего медведя, был найден

Л.И. Пимакиным при раскопках городища "Круглица" (Горюнова Е.И., 1961, с. 133). Наконец, костяная фигурка медведя, стоящего на четырех лапах, известна на Попадьинском селище на верхней Волге (Горюнова Е.И., 1961, с. 133).

Таким образом, хотя изображения животных на памятниках Волго-Окского междуречья – находка редкая, изображения лося и медведя занимают среди них видное место. Рукоять 1997 г., по устройству, характеру изготовления, содержанию и стилистике изображения, вписывается в число находок лесной зоны. От скифского звериного стиля в ней – черты дуализма (лось со лбом медведя и оскаленными зубами, прижатыми ушами хищника). Двойственное изображение – с признаками разных животных – ранее было найдено на Щербинском городище. Это костяной кочедык с зооморфным навершием, которое, по мнению В.И. Цалкина, имело черты лошади и, по-видимому, кабана (Розенфельдт И.Г., 1967, с. 94, 97). Влияние культуры лесостепи обнаруживается на Старшем Каширском городище в характере медных украшений, формах и орнаментации керамики, особенно ярко проявляющихся в нижних слоях. Правобережье Оки – это окраина Средне-Русской возвышенности с плодородными почвами и редкими лесами. Здесь вполне могли встретиться два культурных мира – лесной (дьяковская культура) и лесостепной (скифоидные культуры).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Городцов В.А., 1933. Старшее Каширское городище // ИГАИМК. Вып. 85.

Горюнова Е.И., 1961. Этническая история Волго-Окского междуречья // МИА. № 94.

Грибова Л.С., 1975. Пермский звериный стиль. М.

Гуляев В.И., 1963. Зооморфная рукоять ножа со Старшего Каширского городища // КСИА. Вып. 94.

Гурина Н.Н., 1987. Религиозные представления охотников Европейского Севера // Религиозные представления в первобытном обществе. М.

Дубынин А.Ф., 1970. Троицкое городище // Древнее поселение в Подмосковье. М.

Дубынин А.Ф., 1974. Щербинское городище // Дьяковская культура. М.

Збруева А.В., 1952. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху // МИА. № 30.

Крис Х.И., 1995. Изобразительное творчество обитателей дьяковских городищ // РА. № 4.

Либеров П.Д., 1965. Памятники скифского времени на Среднем Дону // САИ Д1–31.

Розенфельдт И.Г., 1967. Итоги раскопок Щербинского городища // КСИА. Вып. 112.

Рыбаков Б.А., 1979. Космогоническая символика "чудских" шаманских бляшек и русских вышивок // Финно-угры и славяне. Л.

Смирнов А.П., 1947. Новые памятники дьяковской культуры // КСИИМК. Вып. XVI. М.; Л.

Смирнов А.П., 1952. Очерки древней и средневековой истории народов среднего Поволжья и Прикамья // МИА. № 28.

Институт археологии РАН,
Москва

О.И. ДАВИДАН

НОВЫЕ НАХОДКИ ГРЕБНЕЙ В СТАРОЙ ЛАДОГЕ

Гребни, найденные при раскопках Е.А. Рябинина на территории Земляного городища в 1973–1985 гг.[1], представляют интерес не только потому, что пополняют коллекцию односторонних составных гребней, но и потому, что среди них имеются образцы, которые раньше не встречались в Ладоге.

---

[1] Приношу благодарность Е.А. Рябинину за предложение публикации гребней и предоставление их рисунков.

© О.И. Давидан, 1999 г.

По классификации О.И. Давидан, ладожские односторонние составные гребни по размерам, пропорциям и орнаменту были разделены на две группы (Давидан О.И., 1962, с. 94–101, рис. 1–3; 1968, с. 56, 57, рис. 1).

Первая группа – большие гребни с широкой, слегка выпуклой, дугообразной накладкой с прямым базисом, оконтуренной двойной бороздкой, с узором из кружков, поперечных бородок или плетенки. Внутри этой группы выделены по форме концов накладки и по орнаменту два типа с вариантами (тип 1а, 1б, 1в, 1г и тип 2а, 2б, 2в, 2г).

Вторая группа – небольшие гребни с узкой, выпуклой накладкой и простой дугообразной накладкой (тип 1), а также с дугообразной накладкой и верхними выступами в виде "рожек" (тип 2). Для гребней этой группы характерен геометрический орнамент из пересекающихся линий, иногда в сочетании с кружками.

В 70-х годах шведская исследовательница К. Амброзиани (Даниельсон) разделила гребни могильника Бирки (IX–X вв.) на две группы – А и В, которые в основном соответствуют первой и второй группам ладожских гребней по классификации Давидан, при этом Давидан и Амброзиани одновременно и независимо друг от друга пришли к выводу, что для выделения этих групп необходимо внести дополнительный критерий, который исключает субъективность в толковании применяемых терминов, как "широкая" и "узкая", "слабо выпуклая" и "сильно выпуклая" накладка. Этот признак был найден в устойчивой взаимосвязи между шириной и толщиной накладки. Для гребней первой группы (группа А по Амброзиани) это отношение выражается числовым индексом > 4 (по Амброзиани > 3,5), для гребней второй группы < 4 (по Амброзиани < 3,5) (Danielsson K., 1973). Гребни первой группы типа 1а, 1б и 1в объединены Амброзиани в одну группу, обозначенную А2, гребни с зооморфными окончаниями и с плетеным орнаментом (тип 2) – в группу А3.

Ниже приводится описание гребней из раскопок Е.А. Рябинина. В горизонте Е найдено восемь гребней и три срединные пластины с зубьями.

Гребень 82/1579 (горизонт E_3, средний ярус, рис. 1, *1*). Длина 17 см, ширина накладки 2,1 см, толщина накладки 0,4 см (индекс 5). Накладка дугообразной формы украшена двойными бороздками по краю и парами кружков, соединенных врезанными линиями, образующими ромбы. По пропорциям и орнаменту он аналогичен гребню из горизонта E_3 из раскопок 1959 г. (Давидан О.И., 1962, рис. 1, *2*). По классификации ладожских гребней относится к первой группе, типу 1а (Давидан О.И., 1968, рис. 1, *20*).

Гребень 82/1054 (горизонт E_3, верхний ярус, рис. 1, *3*). Длина 19 см, ширина накладки 2 см, толщина накладки 0,3 см (индекс 7). Накладка дугообразной формы орнаментирована двумя бороздками по краю и с одной стороны внутренней рамкой, примерно повторяющей ее форму. На обеих сторонах гребня по всей поверхности тонкими линиями нанесен нечеткий орнамент в виде веточек, шестиугольников, переходящих в двойные линии на концах, "паучков". Узор вырезан ножом и создается впечатление, что эти "дополнения" нанесены на гребень позднее, а не мастером, изготовившим гребень. Гребень очень близок к типу 1б первой группы (Давидан О.И., 1968, рис. 1, *15–17*), но отличается отсутствием кружкового орнамента и тем, что рамка вырезана только с одной стороны.

Два следующих гребня точно повторяют ладожские гребни и относятся к типу 1в первой группы (Давидан О.И., 1968, рис. 1, *3*, *10*, *13*, *14*; Davidan O.I., 1993, Abb. 15, *64–72*; 16, *73–77*).

Гребень 82/1380 (горизонт E_3, верхний ярус, рис. 1, *4*). Длина 18 см, ширина накладки 2,3 см, толщина накладки 0,3 см (индекс 7). Накладка дугообразной формы ориентирована двумя бороздками по краю и поперечными бороздками и с кружками с внешней стороны у верхнего и нижнего концов.

Обломок накладки 74/385, 386 (горизонт E_1, рис. 1, *2*). Ширина 2,2 см, толщина 0,4 см (индекс 5). Орнаментирован двумя бороздками по краю, двумя группами из поперечных бороздок и кружками между ними.

Гребень 84/372 (горизонт E_3, средний ярус, рис. 1, *5*). Длина 18 см, ширина накладки

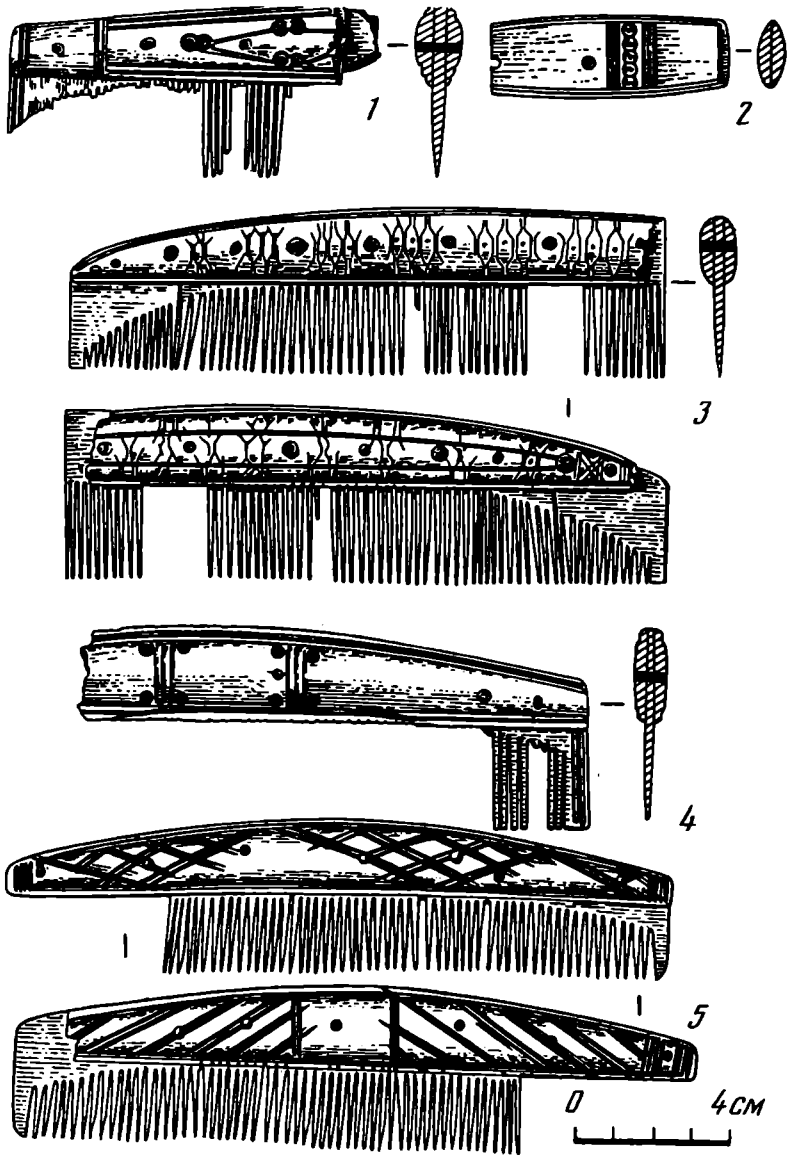


Рис. 1. Гребни из горизонта Е.
1, 5 – горизонт E_3, средний ярус; *3, 4* – горизонт E_3, верхний ярус; *2* – горизонт E_2

2,0 см. Орнаментирован бороздкой по краю и резными двойными линиями. С одной стороны поперечные бороздки располагаются у концов накладки и ограничивают свободное поле в середине накладки, остальное пространство занимает диагональный узор. С другой стороны перекрещивающиеся двойные линии образуют крупную сетку, которая частично заполняет поверхность накладки. По пропорциям гребень относится к типу 1 первой группы, но оконтурен не двойной, а одинарной бороздкой, и геометрический орнамент на ладожских гребнях этого типа не встречался. Правда, один гребень из горизонта E_3, выделенный в особый тип, украшен крестовидными фигурами и косой сеткой, неумело вырезанными ножом (Давидан О.И., 1962, рис. 1, *1*). Близкие аналогии этим гребням мне не известны. Можно лишь указать, что геометрический орнамент в виде косых крестов из двойных линий встречен на таких же гребнях в Хедебю и в могильнике Бирки (Ulbricht I., 1978, Taf. 31, *1*; Arbman H., 1940, taf. 160, *382*), причем на гребне из Хедебю накладка оконтурена, как и на ладожском гребне, одной бороздкой.

Новыми по форме и орнаменту для Ладоги являются два гребня из горизонта E_3.

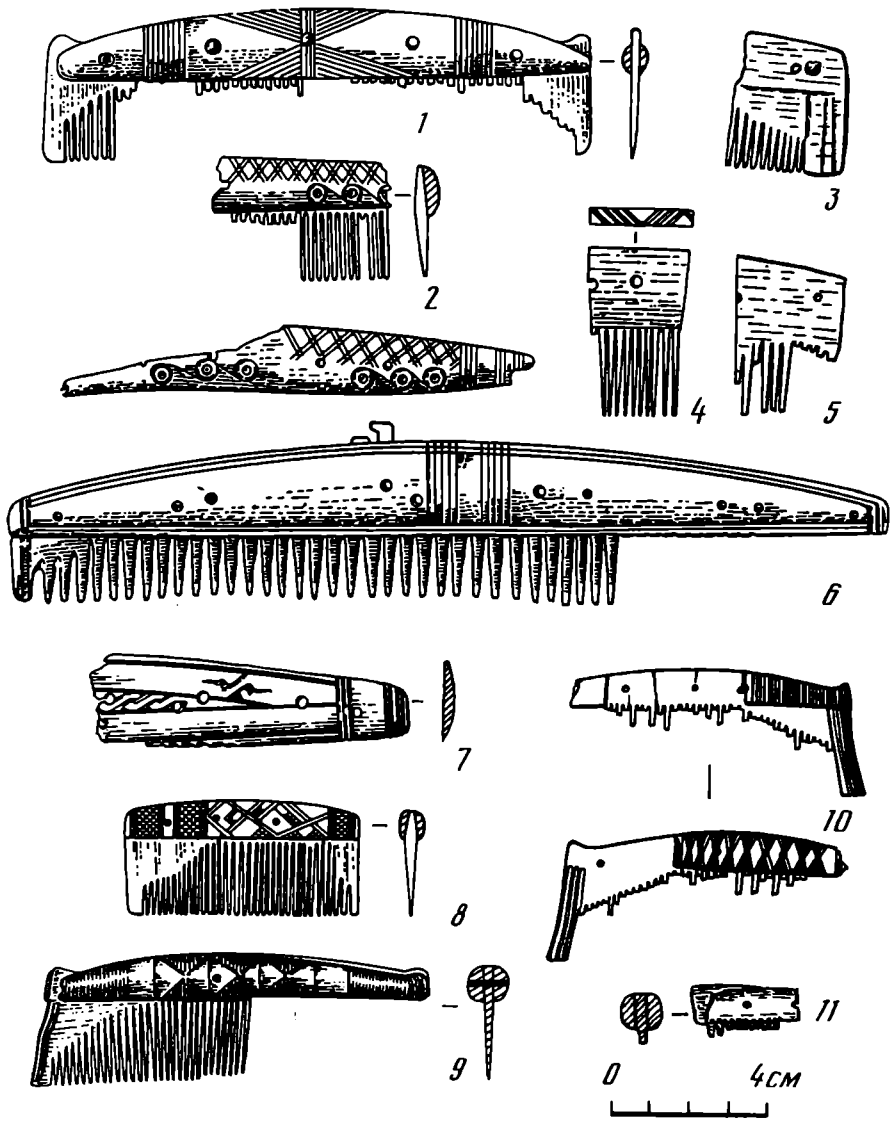


Рис. 2. Гребни из горизонта Е и Д.
1, 3, 5 – горизонт E_3, верхний ярус; *2* – горизонт E_3, средний ярус; *4* – горизонт E_3, нижний ярус; *6* – горизонт E_1; *7–9, 11* – горизонт Д; *10* – вал

Гребень 73/465 (горизонт E_3, верхний ярус, рис. 2, *1*). Длина 14 см (длина накладки 13,8 см), ширина накладки 1,8 см. Крайние пластины с зубьями выступают за верхний край накладки, образуя "рожки". Накладка дугообразной формы со слегка закругленными концами. Орнаментирован геометрическим узором в виде Ж-образной фигуры в центре из густо расположенных бороздок и поперечных линий у концов накладки. Прямые аналоги этому гребню мне не известны. Трехслойные гребни с "рожками" на боковых пластинах, выступающими над концами накладки, являются, по заключению польских исследователей, франко-фризскими по происхождению. Наиболее ранние формы таких гребней встречены на Рейне (VI в.). В VII–VIII вв. они появляются в Фризии (Roes A., 1963, pl. XXI, *1–4*; XXII, *5*; XXXIII, *3*; Cnotliwy E., 1973, s. 123). В.-Д. Темпель в своей статье о различии скандинавских и физических гребней VIII–X вв. отнес эту форму как типичную для Фризии VIII в., отметив, что в Скандинавии она встречается в единичных экземплярах (Tempel W.-D., 1972, S. 58, Taf. 7, *2*). Этот вывод подтверждается и находками из Елизенхофа, где такие гребни обнаружены в слое, датированном VIII в. (Tempel W.-D., 1979, Abb. 2, *10*, *11*).

В отличие от ладожского экземпляра фризские гребни VIII в. имеют более узкую и

сильно выпуклую в разрезе накладку и орнаментированы косой сеткой из двойных линий, что связывает их с гребнями второй группы.

С конца IX – начала X в. гребни с "рожками" на срединных пластинах и с геометрическим орнаментом получают широкое распространение на территории Польши (Cnotliwy E., 1973, s. 124–129, Ryc. 49), тогда как в Скандинавии в это время характерными становятся гребни с "рожками" на концах накладки (тип Б по Амброзиани). Эта форма в Фризии отсутствует (Cnotliwy E., 1973, Ryc. 63), и поэтому такие гребни могут быть отнесены к скандинавским.

Таким образом, несмотря на индивидуальность, ладожский гребень ближе всего к типично фризским VIII в.

Обломки гребня (или двух гребней) 74/6028, горизонт E_3, средний ярус, рис. 2, *2*). Концы гребня не сохранились, поэтому форма гребня не восстанавливается. Длина 14 см, ширина накладки 1,7, толщина накладки 0,4 см (индекс 4). Узор составляет косая сетка из двойных линий в верхней половине накладки и группы кружков, соединенных линиями от верхнего края одного кружка к нижнему краю следующего в виде "бегущей волны".

По пропорциям, гребень ближе к первой группе ладожских гребней. Орнамент сближает его с фризскими гребнями VIII в., для декора которых характерна косая сетка из двойных линий и отсутствие бороздок по краю накладки. Что касается узора в виде "бегущей волны", то он не встречается в это время в Скандинавии, то известен тоже в Фризии на гребне VII в. переходного типа от круглоспинных к длинным с широкой дугообразной накладкой (Roes A., 1963, p. 1.XVII, *3*) и на гребнях Дорестада (Holwerda J., 1930, abb. 72, *100*, *103*), а также на других изделиях из Фризии (Roes A., 1965, p. 1.XXIX, *222*; XXX, *225*; XXVIII, *212*).

Из горизонта E_1 происходит так называемый "конский" гребень с крупными зубьями и остатками ушка у верхнего края (73/202, рис. 2, *6*)[2]. Длина 22,5 см, ширина накладки 2,4 см. Украшен двумя бороздками по краю и группами поперечных бороздок в центре накладки.

Два обломка пластин с крупными зубьями, по-видимому, такого же гребня найдены в Ладоге в горизонте Д (инв. №№ СЛ-532, 2751/186). Подобные гребни встречены в могильнике Бирки в количестве четырех экземпляров (Ambrosiani K., 1981, s. 68) и в Новгороде (Давидан О.И., 1968, с. 60).

Помимо целых гребней в горизонте E_3 найдены три срединные пластины от гребней первой группы (74/729, нижний пласт, рис. 2, *4* и 82/700, 768, верхний пласт, рис. 2, *3*, *5*).

В горизонте Д обнаружено четыре гребня.

Обломок накладки (82/922, рис. 2, *7*). Длина 16 см, ширина 2,3 см, толщина 0,3 (индекс 7). Накладка простой дугообразной формы. Украшена бороздкой по краю и плетенкой в центре, заключенной в полуовальную рамку. У верхнего края рамки нанесен узор, напоминающий плетенку. Гребень относитя к первой группе, типу 1г.

Гребень (82/413, горизонт Д, нижний пласт, рис. 2, *9*) с "рожками" на концах накладки. Длина 10 см, ширина накладки 1,0 см, толщина накладки 0,3 см (индекс 3,3). Орнамент геометрический из двойных линий, образующих ромбы, и заштрихованные треугольники между ними. Гребень относится ко второй группе, типу 2.

Гребень 75/236 (горизонт Д, рис. 2, *8*). Длина 6 см, ширина накладки 1,0 см. Орнаментирован вертикальными полосками с косой сеткой из пересекающихся линий на концах накладки и двойными пересекающимися линиями в центральной части в виде узора, напоминающего плетенку, частично заполненную косой сеткой.

По форме и орнаменту гребень может быть отнесен ко второй группе, хотя он и отличается не совсем обычным орнаментом.

---

[2] Уточнение внесено Е.А. Рябининым. В его публикации 1985 г. в сборнике "Средневековая Ладога" гребень был отнесен к горизонту E_{2-3} (с. 67, рис. 10, *14*).

Обломок гребня 81/186 (горизонт Д, верхний пласт, рис. 2, *11*). Сохранилась средняя часть. Ширина накладки 1,0 см, толщина накладки 0,4 см (индекс 2,5).

Гребень относится ко второй группе; тип, за отсутствием концов, определить не представляется возможным.

Со времени выхода в свет статей по классификации, датировке и происхождению ладожских гребней прошло более 20 лет. За это время опубликованы и изучены гребни из хорошо датированных памятников VIII–X вв. в Скандинавии, Дании, Германии. Особо интересны в этом плане исследования гребней из поселения Хедебю в Германии (Tempel W.-D., 1970; Ulbricht I., 1978), Елизенхоф в Фризии (Tempel W.-D., 1979), могильника Бирки в Швеции и поселения Рибе в Дании (Ambrosiani K., 1981, 1984; Danielsson K., 1973), могильника вендельского времени на о. Левё в Швеции (Lamm J.P., 1973; Petre B., 1984a, b, c). Сейчас имеется возможность сопоставить находки в Скандинавии и в Фризии с синхронными ладожскими гребнями и внести некоторые коррективы по вопросам их происхождения и датировки.

На основе стратиграфических данных был сделан вывод, что среди ладожских гребней первой группы наиболее ранними по характеру орнамента являются гребни типа 1а и 1б, встреченные только в горизонтах E_3 и E_2, а гребни типа 1в и 1г – более поздними.

Новые находки гребней типа 1б и 1в в горизонте E_3 (рис. 1, *3–4*) указывают на то, что четкой хронологической границы между гребнями этих вариантов не прослеживается и вслед за К. Амброзиани их можно объединить в одну хронологическую группу.

По происхождению, гребни первой группы типа 1а, 1б, 1в традиционно считались франко-фризскими, получившими в IX–X вв. широкое распространение, а гребни типа 1г и типа 2 – как скандинавские (Давидан О.И., 1968, с. 58–61).

В последнее время В.-Д. Темпель и К. Амброзиани, изучавшие гребни Фризии и Скандинавии, высказали предположение, что все эти гребни могут быть по происхождению скандинавскими (Tempel W.-D., 1972, s. 58; Ambrosiani K., 1981, s. 21, 34). Основанием для этого вывода послужили следующие данные. В Скандинавии имеются не только многочисленные прототипы гребней группы А по Амброзиани в вендельских могильниках (главным образом на о-ве Левё и на Готланде), но можно проследить непрерывную цепочку развития односторонних составных гребней, начиная с римского времени до VIII–IX вв. В отличие от Скандинавии, в Фризии до конца VIII в. бытовали другие формы гребней.

В Фризии для VIII в. были характерны два типа гребней: небольшие по размерам (10–15 см) с выступающими концами срединных пластин (для соединения с футляром), орнаментированные крестовидными или штриховым узором, часто разделенным на две зоны; длинные гребни (15–20 см) с широкой дугообразной накладкой с боковыми срединными пластинами, выступающими в виде "рожек" над накладкой. Гребни обоих типов обычно украшены с одной стороны (Tempel W.-D., 1972, s. 57, Taf. 7, *1–2*; 1979, s. 163–170, Abb. 2, *10–12*). Аналогии этим гребням имеются в алеманских и франкских погребениях VIII в. В Скандинавии первый тип отсутствует, а второй встречается крайне редко, поэтому такие гребни в Скандинавии могут считаться импортом (Tempel W.-D., 1972, s. 57).

С конца VIII в. и в IX в. в Фризии и в Скандинавии получают распространение одинаковые для обоих регионов гребни, выделенные К. Амброзиани в группу А2 (ладожские гребни первой группы типа 1а, 1б, 1в) (Tempel W.-D., 1972, s. 58, Taf. 8, 9, 11; 1979, s. 167, 168, Abb. 2, *24–32*). Для Фризии они являются инновацией. Как неоднократно указывалось в различных публикациях, такие гребни в IX–X вв. известны во многих памятниках и за пределами Скандинавии и Фризии. Очерчивая территорию распространения гребней типа А1, А2 и А3, К. Амброзиани отметила, что гребни типа А3 отсутствуют в Фризии и наиболее часто встречаются в Норвегии, что соответствует ранее высказанному заключению о западноскандинавском происхождении ладожских гребней типа 1г и типа 2 (Давидан О.И., 1968, с. 60, 61).

После выхода в свет публикаций В.-Д. Темпеля и К. Амброзиани изданы более полные исследования материалов из раскопок могильника Левё, в котором было найдено свыше сотни гребней различного времени. В результате всестороннего изучения определены комплексы римского времени, эпохи переселения народов, вендельского периода и погребения эпохи викингов. Это позволило выделить основные хронологические группы гребней и проследить изменение отдельных конструктивных элементов и орнаментации, выразив их буквенными и цифровыми обозначениями: общая форма гребня (R1-5), сечение накладки (S1-7), сечение срединных пластин с зубьями (M1-4), виды кружкового и линейного орнамента (C1-4, L1-10; Petre B., 1984c, s. 71–78, fig. 36–41, 91).

Для вендельского времени исследователь могильника Левё Б. Петре выделил следующие доминирующие признаки: полуовальная слабовыпуклая в сечении накладка (S-6), орнамент из кружков, соединенных линиями (L-9), орнамент из отдельных кружков и групп кружков (C-3-4).

В отличие от интересующих нас гребней эпохи викингов (первая группа ладожских гребней), накладки гребней вендельского времени сильнее изогнуты и сужаются к концам (форма R-4 по Петре), тогда как более поздние гребни имеют плавно дугообразную накладку (форма R-5). Как отмечалось уже в статье о ранних ладожских гребнях, два гребня типа 1а их горизонта E_3 (нижний ярус) имеют не плавно дугообразную накладку, а с изгибом у концов, т.е. форму, восходящую к более ранним формам гребней (Давидан О.И., 1968, с. 59).

Кроме того, накладки гребней вендельского периода обычно оконтурены по краю не двумя, а тремя линиями, и только в VIII в. появляются "Rahmenornament" из двух линий, который становится характерным в IX–X вв. Что касается других орнаментальных мотивов ладожских гребней, то различные узоры из групп кружков встречаются начиная с VII в. Приведем несколько примеров.

К гребням типа 1а наиболее близки гребни вендельского периода из могильника Левё (Lamm I.P., 1973, pl. 11, *1*, *17*; Petre B., 1984a, abb. A 75, *7*, 90, *4*; 1984b, abb. A 18, *6*), гребням типа 1б – из Левё (Lamm I.P., 1973, pl. 13, *1*; 17, *2*; Petre B., 1984a, abb. A 102, *8*; 1984b, abb. A 15, *3*). Гребни типа 1в с вертикальными бороздками в середине накладки в сочетании с кружками в могильнике Левё не встречены. Из находок вендельского периода на Готланде можно указать лишь один гребень, датированный 750–800 гг. (Nerman B., 1969, Taf. 292, *316*), так что этот узор, по-видимому, является для вендельского времени более поздним и редким вариантом орнамента.

На основании изложенного выше представляется возможным принять предположение о скандинавском происхождении староладожских гребней первой группы типа 1а, 1б, 1в, 1г и типа 2. Однако, учитывая, что с конца VIII в. они целыми сериями появляются в Фризии (Дорестад, Елизенхоф) и становятся характерными для Швеции и Фризии, их можно для этого времени назвать фризско-скандинавскими типами.

Сложнее дело обстоит с определением места изготовления гребней в VIII–IX вв. К. Амброзиани высказала предположение, что гребни могли делать странствующие (скандинавские) мастера, продававшие свою продукцию в разных местах, или гребни изготовляли в разных местах странствующие мастера или, наконец, они могли изготовляться местными мастерами по импортным образцам (Ambrosiani K., 1981, s. 38, fig. 13).

В этой связи следует обратить внимание на то, что в Фризии в VIII в. фризские трехслойные гребни выполнялись очень профессионально и в такой же технике, как и интересующие нас гребни (группа А по Амброзиани). В Елизенгхофе в слое конца VIII–IX вв. был найден гребень, который, как указал Темпель, по форме копирует "северные" (скандинавские) гребни, а орнамент остался типично фризским: двойная линия по краю заменена полосками густой сетки (Tempel W.-D., 1979, s. 170, Abb. 2, *23*). Этот факт может служить доказательством того, что какая-то часть гребней изготовлялась в Елизенхофе или в другом пункте Фризии. Точнее определить места производства гребней VIII–IX вв. не представляется возможным, так как ни в Скан-

динавии, ни в Фризии не обнаружены не только косторезные мастерские, но и заготовки, отбросы производства гребенщиков или скопление сырья.

Что касается Ладоги, то мы остаемся при прежнем мнении, что гребни VIII–IX вв. были в основном привозными и только отдельные экземпляры изготовлялись на месте, очевидно, приезжими мастерами (Давидан О.И., 1968, с. 62, 63).

Тот факт, что среди новых находок гребней VIII–IX вв. в Ладоге обнаружены два гребня, которые скорее всего являются фризскими (рис. 2, *1–2*), подтверждает высказанное ранее предположение о контактах Ладоги с Фризией (Давидан О.И., 1968, с. 61–63).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Давидан О.И., 1962. Гребни Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 4.

Давидан О.И., 1968. К вопросу о происхождении и датировке ранних гребенок Старой Ладоги // АСГЭ. Вып. 10.

Ambrosiani K., 1981. Viking age. Combs, comb marking and comb makers in the light of finds from Birka and Ribe // Stockholm studiens in archaeology 2. Stockholm.

Ambrosiani K., 1984. Kämme aus Birka // Birka II: 1. Sistematische Analisen der Gräbfunde. Ed. G. Arwidsson Stockholm.

Arbman H., 1940. Birka I. Taffeln. Uppsala.

Cnotliwy E., 1973. Rzemiosło rogowniczne na Pomorzu wczesnosred-niowiecznym. Wrocław; Warszawa.

Danielsson K., 1973. Bearbetat ben och benhorn // Birka. Svarta jordens hamråde. Arkeologisk undersökning 1970–1971. (Riksantiuva rieämbetet, rapport C1) Stockholm.

Davidan O.I., 1993. Kunsthandwerkliche Gegenstände des 8. bis 10. Jahrhunders aus Alt-Ladoga // Zeitschrift für Archäologie des Mittelalters 20. Köln.

Holwerda J., 1930. Opgravigen van Dorestad // Oudheidkunde Medeelingen XI. Leiden.

Lamm J.P., 1973. Fornfynd och fornlåmningar på Lovö // Arkeologiska studier kring en upplåndsk järnåldersbygd. Theses and Papers in North-European Archaeology. Stockholm.

Nerman B., 1969. Die Vendel Gotlands II. Tafeln. Stockholm.

Petré B., 1984 a,b,c. Arkeologiska undersökningar på Lovö. Del. 2–4 // Studies in North-European Archaeology 8–10. Acta universitatis Stockholmiensis. Stockholm.

Roes A., 1963. Bone and antler objects from the Frisian terp-mounds. Haarlem.

Roes A., 1965. Vandsten van Dorestad // Archaeologica Traiectina VII. Groningen.

Tempel W.-D., 1970. Die Kämme aus Haithabu (Ausgrabungen 1963–1964) // Berichte über die Ausgrabungen in Haithabu 4. Neumünsster.

Tempel W.-D., 1972. Unterschiede zwischen den Formen der Dreilagenkämme in Skandinavien und aus der Friesischen Wurten von 8. bis 10. Jahrhundert // Archäologisches Korrespondenzblatt 2. Heft 1. Mainz am Rhein.

Tempel W.-D., 1979. Die Kämme aus der frühgeschichtlichen Wurt Elisenhof // Studien zur Küstenarchäologie Schleswig-Holsteins. Seria a Elisenhof. Band 3. Frankfurt am Main.

Ulbricht I., 1978. Die Geweihverarbeitung in Haithabu // Die Ausgrabunden in Haithabu. Band 7. Neumünster.

Государственный Эрмитаж,
Санкт-Петербург

И.А. БОГАТСКАЯ, Т.Д. ПАНОВА

НОВЫЙ ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ ГОРОДИЩА СТАРАЯ РЯЗАНЬ

Интерес к археологии древнерусского города возник в России достаточно поздно, только в конце XIX в. В первой половине прошлого столетия мы почти не знаем случаев тщательной фиксации (описания, чертежи, рисунки) находок русских городских древностей. Это полностью относится и к начальному периоду археологического изучения городища Старая Рязань, история исследований которого насчитывает почти два века.

Самые ранние сведения о случайных находках на территории Старой Рязани относятся к первой трети XIX века (Рязанские русские древности..., 1831); сохранились данные о раскопках, проведенных здесь в 1836 г. (Тихомиров Д., 1844). Эти археологические материалы из Старой Рязани, как правило, упоминаются в трудах исследователей одного из древнейших древнерусских центров – столицы Рязанской земли.

В предлагаемой публикации вводится в научный оборот неизвестный до настоящего времени источник, относящийся к первой трети XIX в., – серия рисунков академика Ф.Г. Солнцева, хранящаяся в фонде отдела письменных, рукописных и графических материалов Государственного историко-культурного музея-заповедника "Московский Кремль". На рисунках зафиксирована интересная находка, сделанная в 1832 г. на городище Старая Рязань.

В книге "Моя жизнь и художественно-археологические труды" академик Ф.Г. Солнцев (1801–1892 гг.) кратко вспоминал и об этой поездке, и о работе, осуществленной в конце лета 1832 года: "... я отправился по приказанию А.Н. Оленина в городище Старую Рязань: там были открыты подле кирпичного фундамента три гроба из белого камня ... Я срисовал гробы, план местности или городища, а также виды с четырех сторон ... Рисунки я отослал, по обыкновению, к А.Н. Оленину" (Солнцев Ф.Г., 1876, с. 148).

Следует отметить, что о данной находке была опубликована небольшая заметка – это произошло спустя 5 лет, в 1837 г., причем в донесении в ОИДР за тот год отмечено достаточно точное место обнаружения древностей – "на 100 сажаней к западу от деревянной Борисоглебской церкви" (Альфонский А., 1837, с. 189). Позже эта краткая информация была перепечатана почти дословно, правда, с ошибкой при указании года события (1830, а не 1832), в "Трудах Рязанской ученой архивной комиссии" (1899, с. 378, 379). Но ни в одной из публикаций не было сведений о том, что находки 1832 г. фиксировал художник, и поэтому сообщение о важном открытии не привлекло в XX столетии внимание исследователей истории Старой Рязани.

А.Н. Оленин и Ф.Г. Солнцев были среди тех, кто стоял у истоков археологии в России и, видимо, следует немного подробнее остановиться на их жизни и деятельности.

В прошлом столетии Федор Григорьевич Солнцев был известен как художник-археолог и реставратор древних памятников живописи и зодчества. Археология в исторической науке XIX в. трактовалась достаточно широко – как любое изучение древностей, будь то памятники материальной культуры или письменность. Художественная археология была основной точкой приложения творческих сил Ф.Г. Солнцева. По его собственным воспоминаниям, им было создано около пяти тысяч рисунков. Более пятисот из них, с изображением древних памятников истории и культуры, составили фундаментальный иллюстрированный свод "Древности Российского государства" (Отд. 1–6. М., 1849–1853). Рисунками Ф.Г. Солнцева украшены также такие издания, как "Памятники Московской древности" (М., 1842–1845 г.) с текстом И.М. Снегирева, "Древности Босфора Киммерийского, хранящиеся в Императорском музее Эрмитажа" (СПб., 1854).

© И.А. Богатская, Т.Д. Панова, 1999 г.

Издание "Древностей Российского государства", для которого в течение многих лет трудился Ф.Г. Солнцев, было задумано президентом Академии художеств, директором Императорской Публичной библиотеки, историком и археологом А.Н. Олениным. Сферой научных интересов этого ученого была преимущественно античная археология. Оленин собирал коллекцию антиков, занимался историей раскопок в Керчи, историей античного костюма и оружия. Как руководитель учебного заведения он ввел археологию как самостоятельную дисциплину в курс обучения воспитанников Академии. Но таким же неиссякаемым у А.Н. Оленина был интерес к истории России и ее древним памятникам. Ученый занимался исследованиями о шлеме князя Ярослава Всеволодовича, найденном в 1808 г., и о Рязанских древностях, обнаруженных в 1822 г. Оленина привлекала мысль о более глубоком изучении российских древностей, их отыскании, описании, а следовательно,.и тщательной зарисовке.

В 1830 г. по заданию его как президента Академии художеств, а также по высочайшему повелению Николая I, бывший выпускник Академии Федор Солнцев, специализирующийся на занятиях археологией и этнографией, был отправлен по древнерусским городам, храмам, монастырям "для срисования старинных наших обычаев, одеяний, оружия, церковной и царской утвари, скарба, конской сбруи и прочих предметов, принадлежащих к историческим, археологическим и этнографическим сведениям" (Солнцев Ф.Г., 1876, с. 634).

Эти поездки художника по стране продолжались до 1853 г. За 20 с лишним лет Федор Солнцев побывал в творческих командировках в Москве, Владимире, Суздале, Юрьеве-Польском, Твери, Торжке, Новгороде, Ладоге, Пскове, Белозерске, Смоленске, Старой и Новой Рязани, Ярославле, Костроме, Киеве, Чернигове и отовсюду он привозил множество тщательно исполненных акварелей и рисунков, фиксирующих с точностью древние памятники. Сначала эти рисунки передавались А.Н. Оленину, а тот в свою очередь знакомил с ними императора. Николай I лично просматривал рисунки Солнцева, он одобрил занятия художника, и в этом высочайшие интересы и интересы науки совпадали.

Фиксацией памятников Старой Рязани Ф.Г. Солнцев занимался несколько раз. Впервые, после 1827 г., когда, закончив Академию художеств, он, по заданию Оленина, в его кабинете рисовал золотые украшения Рязанского клада XII – начала XIII вв. Во второй раз, в 1832 г., когда по предписанию Оленина был послан в Старую Рязань зафиксировать три захоронения в белокаменных гробах, случайно открытые крестьянами близ остатков бывшего Борисоглебского собора.

Сохранилось ходатайство А.Н. Оленина об отправлении художника Солнцева зарисовать погребения в Старой Рязани (РГИА, 1832–1849, л. 1), воспоминания о поездке самого художника (Солнцев Ф.Г., 1876, с. 148). Сохранилась в архивном собрании музеев Кремля и серия рисунков (их всего 14), выполненных Солнцевым в конце лета 1832 г. А уже 28 сентября того же года президент А.Н. Оленин посылает художнику 14-го класса Ф. Солнцеву новое распоряжение, из текста которого становится ясно, что со своим заданием в Старой Рязани он справился: "... Теперь, по окончании порученных вам работ при открытии трех старинных каменных гробов, найденных в Старой Рязани, и по отправлении ко мне рисунков ваших как с тех гробниц, так и с найденных в них вещей, с видом местоположения, где они открыты были, и с письменными замечаниями..." (Успенский А., 1900, с. 199), художник должен был приступить в Москве к зарисовке русских древностей Оружейной палаты по распоряжению царя Николая I.

Работая в Старой Рязани, Ф. Солнцев сделал хотя и краткие, но важные для изучения прошлого наблюдения, которые он привел в своих воспоминаниях: "Первый гроб, который мы окопали, был уже вскрыт. Когда окопали фундамент, то оказалось, что здесь была некогда церковь, которая, вероятно, сгорела, так как во время раскопок обнаружился в большом количестве уголь. В одном из гробов я нашел скелет, который был в фелони (священническое облачение) с позументами на вороту, и в монашеских башмаках, поверх фелони лежал холщевый крест. Желая определить сан погребен-

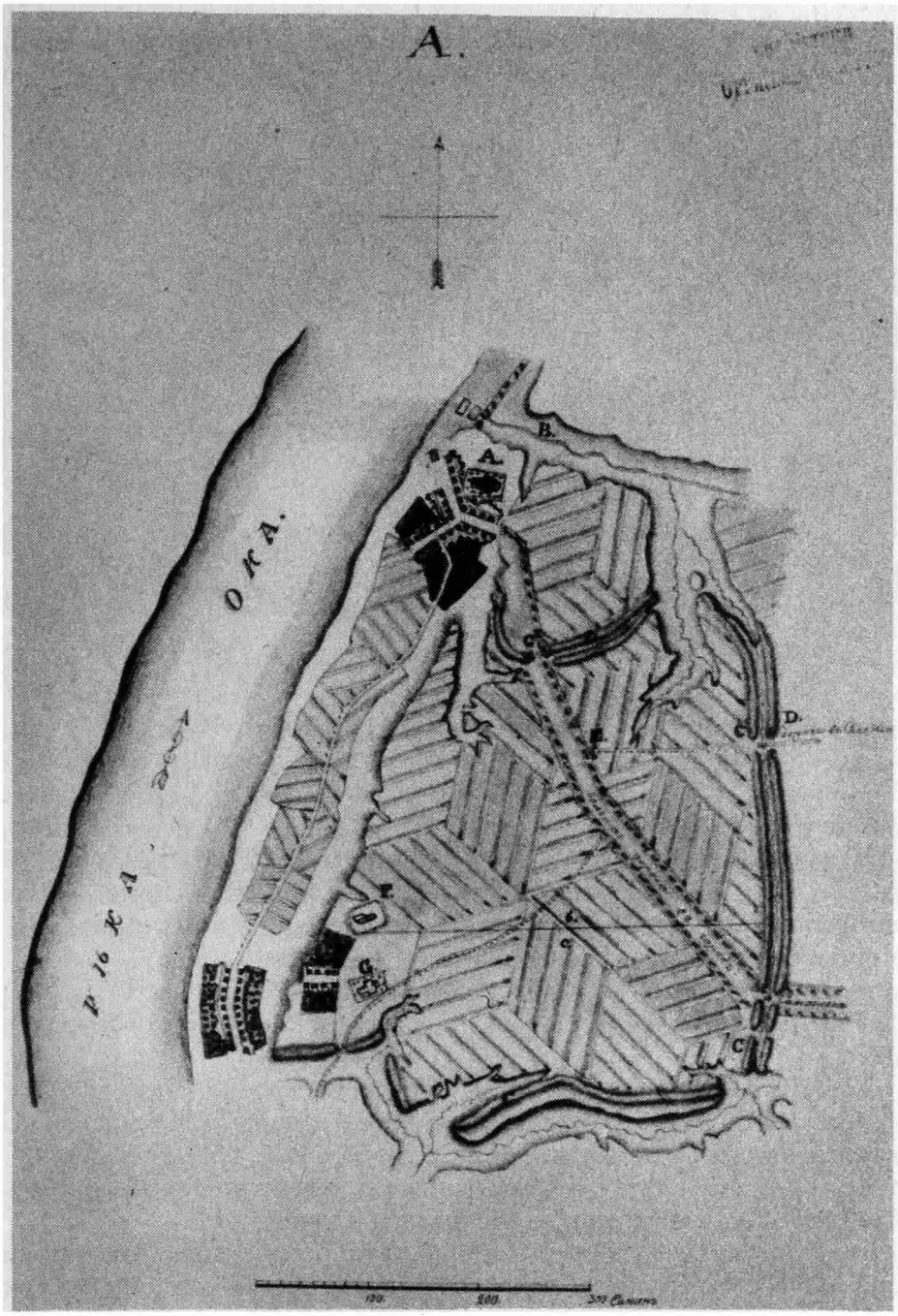


Рис. 1. План городища Старая Рязань. 1832 г. (№ 45691 КП)

ного монаха, я собрал прах и просеял его, но не нашел никаких металлических знаков; стало быть, это был простой монах. Я срисовал гробы, план местности или городища, а также виды с четырех сторон. Куски материи я принес домой, но они, побыв на воздухе, ... рассыпались в прах. Сколько времени гробы находились в земле, определить было невозможно" (Солнцев Ф.Г., 1876, с. 148).

Поражает точность наблюдений, удивительная для молодого человека, только начинавшего путь в науке в период зарождения в России интереса к прошлому. Неразработанностью методики объясняются те приемы, которые он использовал; в частности, способ определения "сана монаха", вызывающий сегодня невольную улыбку.

Ф.Г. Солнцев блестяще владел техникой акварели. Почти все из рассматриваемых в данной публикации рисунков, включая планы местности, выполнены акварелью и

Рис. 2. Вид городища Старая Рязань и место находки трех саркофагов (№ 48195 КП)

тушью. Кроме одного, с планом гробниц у кирпичной кладки фундамента – он сделан только тушью.

Первый рисунок (№ 45691 КП) демонстрирует нам план городища Старая Рязань. Слева показана река Ока, городище пересекают дороги, на его территории нарисованы храмы и гражданские постройки. Есть на плане и находка 1832 г. – три каменные гробницы. Выполненный в масштабе план городища (со всеми особенностями рельефа местности), несомненно, является важным историческим источником для всех, изучающих прошлое древней столицы Рязанской земли (рис. 1).

На втором рисунке (№ 48196 КП) изображены берега реки Оки, на которых расположены крестьянские избы. Справа, на высоком холме, виден деревянный храм с колокольней.

На третьем рисунке (№ 48194 КП) художник зафиксировал место находки древних саркофагов. Слева вида река, на берегу которой размещены крестьянские постройки. В центре нарисована яма в земле и краешек гроба в ней. Стоящие вокруг местные жители показывают друг другу обнаруженные древности. Этнографически точно переданы народные костюмы крестьян Рязанской губернии.

На четвертом рисунке (№ 48195 КП) гробы уже освобождены от скрывавшей их земли. Видна часть стен храма из кирпича, возле которых размещены три захоронения. Двое мужчин накрывают гроб деревянным щитом. Вокруг раскопа мы вновь видим людей, среди которых преобладают местные крестьяне и крестьянки; здесь же стоят приезжие, явно городские жители. Слева видна деревянная церковь с колокольней, рядом с нею – несколько крестьянских построек (рис. 2).

На пятом рисунке (№ 45683 КП) показан участок городища с планом раскопа. Художник изобразил часть северной стены храма и примыкающие к ней снаружи три каменные гроба.

На шестом рисунке (№ 45682 КП) часть северной стены дана более крупно. Снаружи к ней примыкают три саркофага. Здесь же обнаруженные древности показаны в разрезе.

Седьмой рисунок (№ 45680 КП) почти полностью повторяет предыдущий, но выполнен в одном тоне – только тушью.

На восьмом рисунке (№ 48197 КП) мы видим три каменные саркофага сверху. Они закрыты крышками. Размещены гробы так, как они и были найдены в земле – два рядом, а третий в ногах у них.

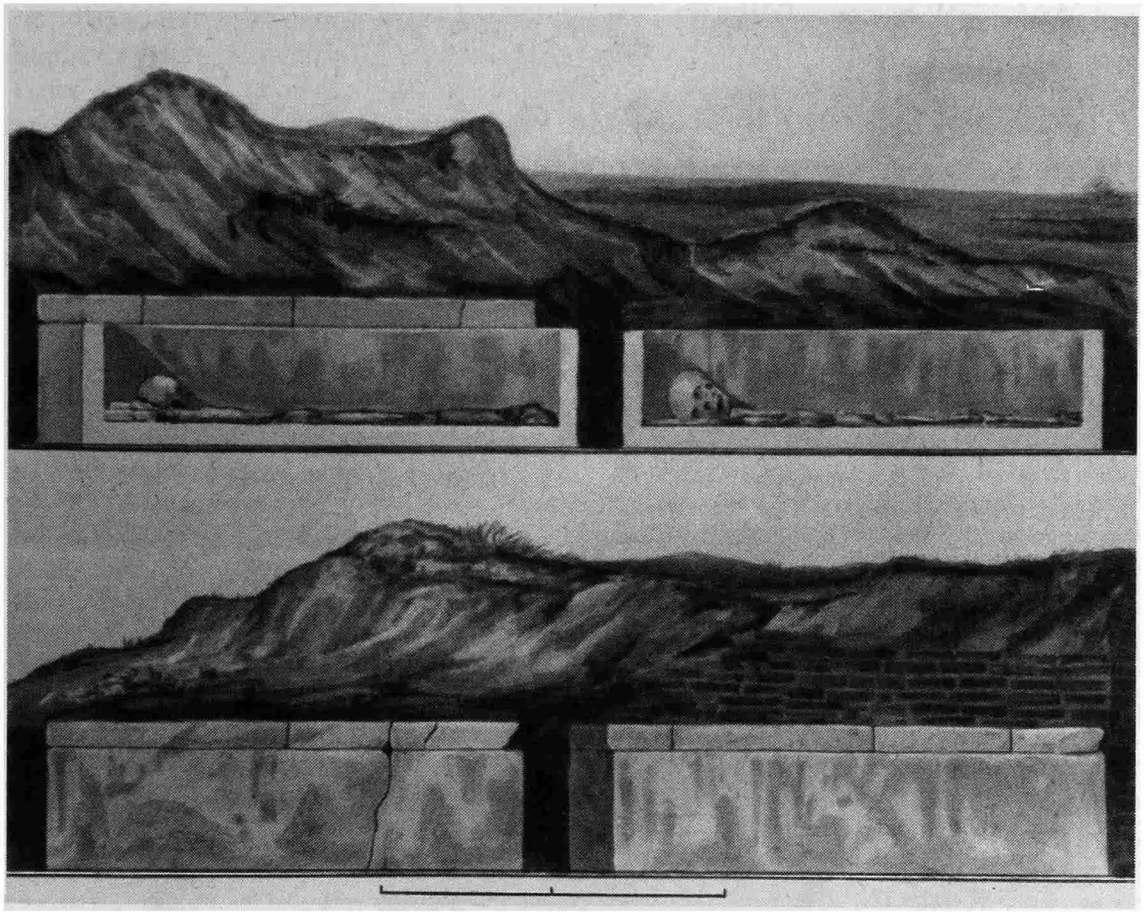


Рис. 3. Вид саркофагов сбоку и в разрезе (№ 48199 КП)

Между тем как на девятом рисунке (№ 48198 КП) каменные гробы без крышек размещены уже в один ряд и к ним присоединен еще один, детский. Он как бы пририсован (в туши), – возможно, обнаружен в последний момент раскопок и зарисован не так тщательно.

Гроб А. Это несомненно захоронение церковнослужителя, а не монаха, как предполагал Ф. Солнцев. Его тело запеленуто и перевязано широкой тесьмой. Поверх одежды (фелони, по описанию художника) виден широкий холщовый крест; небольшой, видимо также матерчатый крест лежит на груди погребенного. На ногах – остатки обуви из кожи. Под головой видны две керамические плитки квадратной формы. Длина гроба около 2 м.

Гроб Б. На костяке видны незначительные остатки погребальной одежды; хорошо сохранилась кожаная обувь. Под головой погребенного лежит красноглиняная плитка, в ногах – плитка зеленого цвета (несомненно, поливная). Длина гроба также около 2 м.

Гроб С. В этом захоронении, кроме костяка, ничего не сохранилось. В саркофаге нет подголовий из плиток. Длина гроба 1,9 м.

Гроб В. Детское захоронение. Хорошо видны керамические плитки под головой и ногами погребенного ребенка. Одежда его почти не сохранилась. Длина гроба 1,1 м.

На десятом рисунке (№ 3 48199 КП) саркофаги (два взрослых захоронения) показаны сбоку и в разрезе. Хорошо видны черепа, лежащие на плитках-подушках (рис. 3).

На одиннадцатом рисунке (№ 48200 КП) художник зафиксировал вид саркофагов с торца и дал разрезы двух саркофагов в их головных частях.

На следующем рисунке (№ 48201 КП) показаны обнаруженные в погребениях фрагменты тесьмы, обрывки плетеного шнура, керамические плитки (в плане и разрезе) и остатки кожаной обуви (рис. 4).

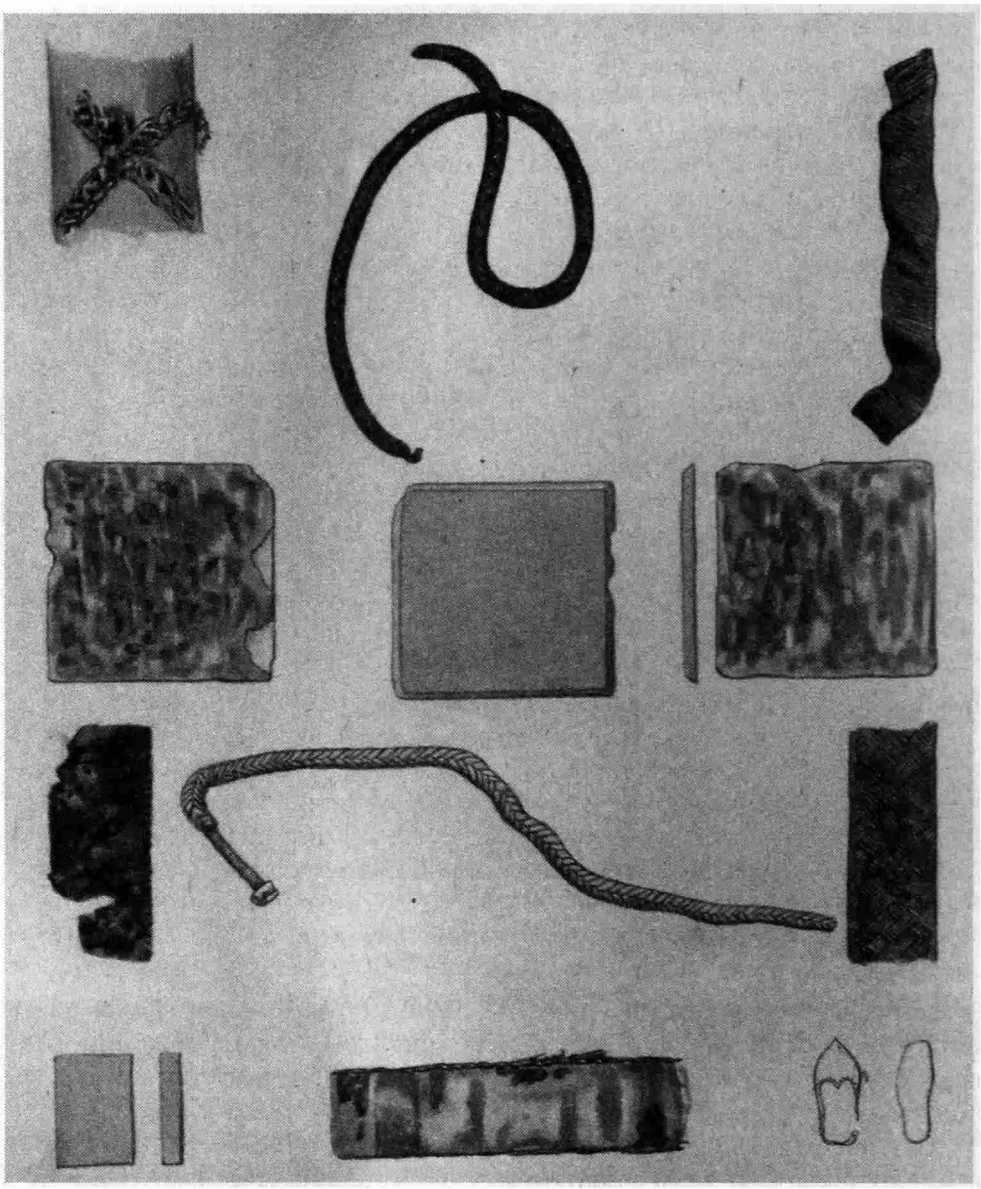


Рис. 4. Погребальный инвентарь захоронений (№ 48201 КП)

На тринадцатом рисунке (№ 45681 КП) художник запечатлел обрывки тканей из саркофагов. Ему удалось точно передать не только цветовую гамму ткани, но и сложный растительный орнамент.

Очень интересен последний, четырнадцатый рисунок (№ 45692 КП) так как он единственный имеет подпись: "План Борисоглебского собора, открытого в селе Старой Рязани в Рязанской губернии". Возможно, он – результат еще одной поездки Ф. Солнцева в Старую Рязань, где в 1836 г. Д. Тихомиров вскрыл остатки храма с восьмью захоронениями в белокаменных саркофагах. На рисунке показаны четыре погребения в юго-западном углу храма (два саркофага пусты) и четыре захоронения в северо-западном углу (одно из них в кирпичной гробнице, вскрытой и пустой). Размещение трех взрослых саркофагов совпадает с зафиксированным художником в 1832 г. Четвертый гробик – детский. Схематично он был изображен еще в 1832 году (рис. 48198 КП).

Итак, перед нами серия рисунков, отражающая место и обстоятельства находки, а также характер древностей, обнаруженных на городище Старая Рязань. Волею случая были найдены остатки храма домонгольского времени и захоронения, которые размещались в его юго-западном углу.

Ф. Солнцев ошибочно поместил на некоторых рисунках саркофаги снаружи, возле северной стены храма. Уже раскопки 1836 г. доказали, что три гроба взрослых людей и один детский находились именно в юго-западном углу (Тихомиров Д., 1844, с. 11, рис. III). Правда, в некоторых саркофагах обнаружили большое количество костей. Видимо, после работ 1832 г. в гробы попали останки из других нарушенных захоронений, открытых внутри и возле храма – такое часто происходило при вскрытии древних погребений в XIX–XX вв. На рисунках Ф. Солнцева зафиксирован момент первого вскрытия захоронений, до тех пор никем не тронутых, что хорошо видно на изображениях саркофагов, где все костяки полностью сохранили анатомический порядок.

Важную информацию графический источник предоставляет изучающим погребальный обряд русского средневековья. Очень точно определяется тип саркофагов-монолитов. Это гробы-ящики прямоугольной формы с плоскими крышками, без памятных надписей-эпитафий. Из других деталей обряда отметим "каменные подушки" под головами погребенных, из керамических плиток пола. В двух случаях они зафиксированы в ногах погребенных.

Показательно отсутствие инвентаря в захоронениях и различие в погребальной одежде светских лиц и священнослужителя (гроб А).

Наличие захоронений светских и церковных лиц в одном храме-усыпальнице является интересной деталью в истории формирования некрополя, характерной для домонгольского периода.

Саркофаги-ящики из монолита белого камня, как правило, не имели дополнительных деталей при оформлении внутреннего пространства. Крышки таких гробов лишены орнаментации и эпитафий. Аналогичные погребальные сооружения хорошо известны в археологическом материале Киева, Владимира, Ростова, Белгородки, Новгорода, Галича, Смоленска, Кидекши, Суздаля, где они датируются XI – началом XIII вв. Необходимо отметить широкое распространение и такой черты обряда, как "каменная подушка" в захоронениях домонгольского времени на Руси, она зафиксирована и в простых грунтовых могилах городских кладбищ, и в усыпальницах, в том числе в каменных саркофагах.

Не удивляет отсутствие в погребениях, найденных на городище Старая Рязань в 1832 г., нательных крестов (Панова Т.Д., 1995, с. 72–74). Дополнительную информацию дает рисунок захоронения священнослужителя. Погребальный обряд этой группы городского населения изучен на сегодня крайне слабо.

Огромный интерес представляет подробный план городища Старая Рязань начала XIX в. Подобные источники очень важны и для реконструкции древней топографии этого памятника в целом, и для изучения истории его отдельных объектов.

Один из исследователей творчества Ф.Г. Солнцева очень точно оценил вклад этого художника в науку. По его мнению, он "трудился на археологическом поприще, сохраняя от забвения драгоценнейшие материалы для бытовой истории русского народа", "благодаря ему сохранились многие важные исторические предметы, если не в подлинниках, теперь уже утраченных, то по крайней мере в верных копиях" (Собко Н.П., 1883, с. 471).

К этой высокой оценке вводимых в научный оборот графических материалов по истории старорязанского городища трудно что-либо прибавить.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Альфонский А., 1837. О трех древних гробницах, найденных близ Старой Рязани // Труды и летописи ОИДР. Ч. VIII. М.

Панова Т.Д., 1995. Нательные кресты в погребальной практике русского средневековья (XI–XVI вв.). Церковная археология. Ч. 2. СПб. – Псков.

РГИА, 1832–1849. Ф. 472. Оп. 17/97/934. Д. 4. СПб.

Рязанские русские древности или известие о старинных и богатых великокняжеских и царских убранствах, найденных в 1822 г. близ с. Старая Рязань, 1831. СПб.

Собко Н.П., 1883. Ф.Г. Солнцев и его художественно-археологическая деятельность. 3 // Вестник изящных искусств. Т. I. Вып. 3. СПб.

Солнцев Ф.Г., 1876. Моя жизнь и художественно-археологические труды // Русская старина. Т. XV. СПб.
Тихомиров Д., 1844. Исторические сведения об археологических исследованиях в Старой Рязани. М.
Труды Рязанской ученой архивной комиссии, 1899. Т. XIV. Вып. 3. Рязань.
Успенский А., 1900. Записные книги и бумаги старинных дворцовых приказов. М.

Государственный историко-культурный
музей-заповедник
Московский Кремль

Н.Г. НЕДОШИВИНА

О БОЛЬШИХ КОЛТАХ СВЯТОЗЕРСКОГО КЛАДА

В 1908 г. крестьянином д. Новая Буда Сосницкого у. Черниговской губ. в урочище Св. Озеро был найден клад серебряных украшений. Клад был куплен Д.Я. Самоквасовым и передан затем на хранение в Московский Исторический музей, где он хранится и в настоящее время (инв. № 46043). Клад хорошо известен археологам и не раз опубликован[1]. Г.Ф. Корзухина датировала его концом XII – началом XIII в. Т.И. Макарова относит колты с обнизью из крупных шариков к середине XII в., и следовательно, Святозерский клад следует датировать этим же временем (Макарова Т.И., 1986, с. 63).

Среди многочисленных украшений клада находятся два больших серебряных колта, орнаментированных на обеих сторонах гравированными изображениями сопоставленных спинами грифонов по сторонам плетенки, обращенных головами друг к другу. Фон подвесок заполнен хорошо сохранившейся чернью (рис. 1). Оба колта всегда рассматриваются вместе, авторы публикаций никогда не отмечают различий между ними. Так, Т.И. Макарова пишет: "К ней (т.е. к мастерской г. Чернигова – *Н.Н.*) надо отнести колты с грифонами, найденные в том же святозерском кладе. Они отличаются изяществом и совершенством исполнения. Не только сам рисунок, но и отделка деталей отличается большим мастерством" (Макарова Т.И., 1986, с. 52). Однако это не совсем так. При внимательном изучении данных подвесок видно, что они по многим параметрам отличаются друг от друга. И если слова Т.И. Макаровой, приведенные выше, можно отнести к одному из колтов, то другой явно не соответствует той высокой оценке, которой награждает Т.И. Макарова мастера, сделавшего эти подвески.

Уже беглого взгляда достаточно, чтобы отметить, что обе подвески отличаются друг от друга прежде всего размерами[2]. И действительно, колт № 1 меньше и изящнее колта № 2. По всей видимости, оба они выполнены на разных матрицах, о чем свидетельствуют не только размеры самих колтов, но и композиции на щитках.

Номер колта	Диаметр, мм			Расстояние между петлями, мм
	с обнизью	без обнизи	по вертикали	
1	90	65	54	35
2	96	67	56	39

[1] Список литературы, в которой опубликован клад, приведен у Г.Ф. Корзухиной (Корзухина Г.Ф., 1954, с. 138, 139, клад 152). Кроме того, вещи с чернью из клада Св. Озеро (в том числе и большие колты) анализируются Т.И. Макаровой (Макарова Т.И., 1986, с. 52, рис. 18, № 132).

[2] В дальнейшем будем различать котлы по номерам: № 1 и № 2.

© Н.Г. Недошивина, 1999 г.

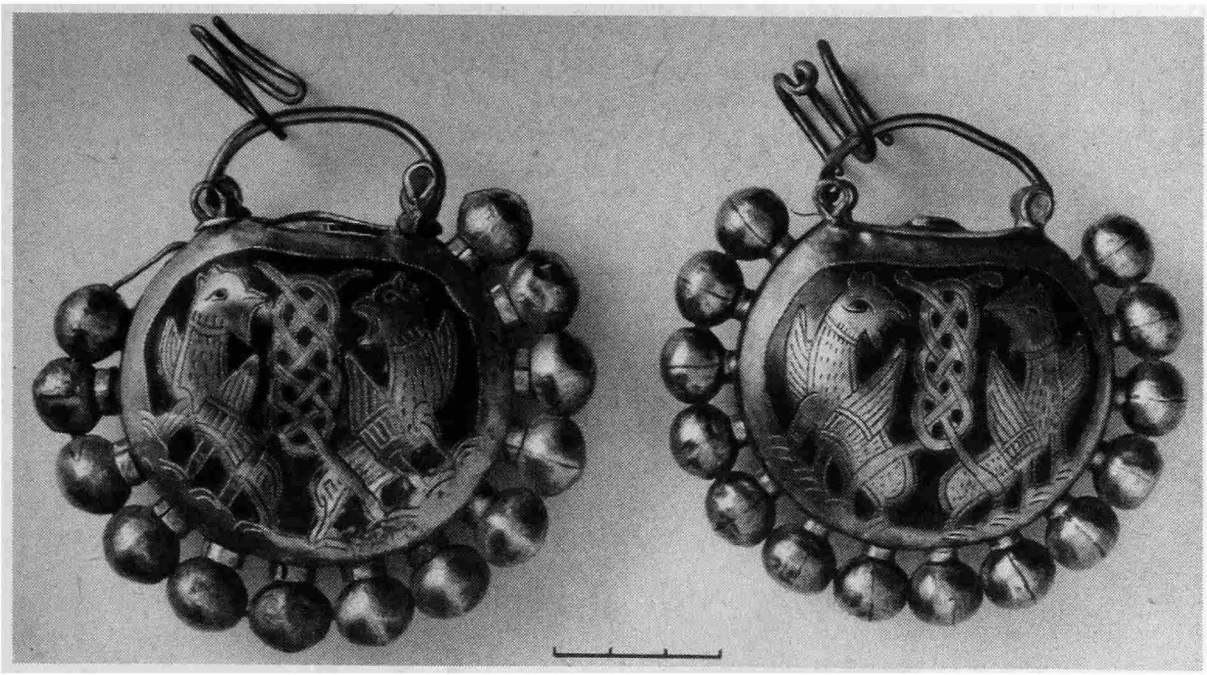


Рис. 1. Колты Святозерского клада (левый – № 2, правый – № 1)

Заметно различаются и шарики обнизи обеих подвесок. Так, бусины колта № 1 имеют форму близкую к шарообразной (диаметр их около 1,2 см), они посажены на горлышки (Д – 0,6 см) плотно припаянные к шарикам обнизи и к самому колту. При этом швы заделаны так тщательно, что места соединения деталей почти не видны. Бусины тесно спаяны между собой, поэтому сейчас невозможно решить, пропущена между ними скрепляющая их проволока или они держатся на колте в результате очень качественной пайки, прочно соединяющей обнизь.

Шарики колта № 2 большего размера, а форма их приближается к овалу (1,4 × 1,2 см). Они посажены на колечки (Д – 0,8 см), сделанные из толстых и грубых пластинок, у которых хорошо видны незаделанные швы, заметны и все места соединения колта и бусин. Качество пайки, по-видимому, было столь низким, что большое количество шариков оторвалось от своих мест. Для лучшего скрепления обнизь соединялась пропущенной внутри проволокой, хорошо заметной в настоящее время (рис. 1).

Петли для прикрепления дужки к колтам в верхней части подвесок также оформлены по-разному. Если у колта № 1 петли входят так, что видны лишь одни колечки, штыри полностью утоплены в "тело" колта, а места соединения тщательно заделаны, то у колта № 2 петли припаяны так грубо, что видны штыри, не полностью углубленные внутрь, а в местах соединения колец с колтом оставлены грубые манжеты. Сама проволока дужки колта № 2 толще и грубее, чем у первого.

Большие различия видны и в оформлении верхней площадки колтов, где оставлено отверстие для заполнения их ароматическими веществами. У подвески № 1 отверстие небольшое, правильной овальной формы, расположено в центре пластины; швы при этом тщательно заделаны и не видны. В то же время у колта № 2 это отверстие представляет собой грубую щель с отворотами, идущую по всей длине пластины. Создается впечатление грубой и небрежной работы (рис. 2).

Таким образом, видим, что конструктивные особенности колтов резко отличают их друг от друга. Это же можно сказать и о способе орнаментации обеих подвесок.

Даже при сравнительно небольшом увеличении заметно, что орнаментальные композиции на колтах выполнены разными резцами. Если инструмент, которым мастер гравировал орнамент на колте № 1 оставил след в виде углубленного штриха с легким "хвостиком", то след резца на колте № 2 имеет вид елочки (рис. 3, 4).

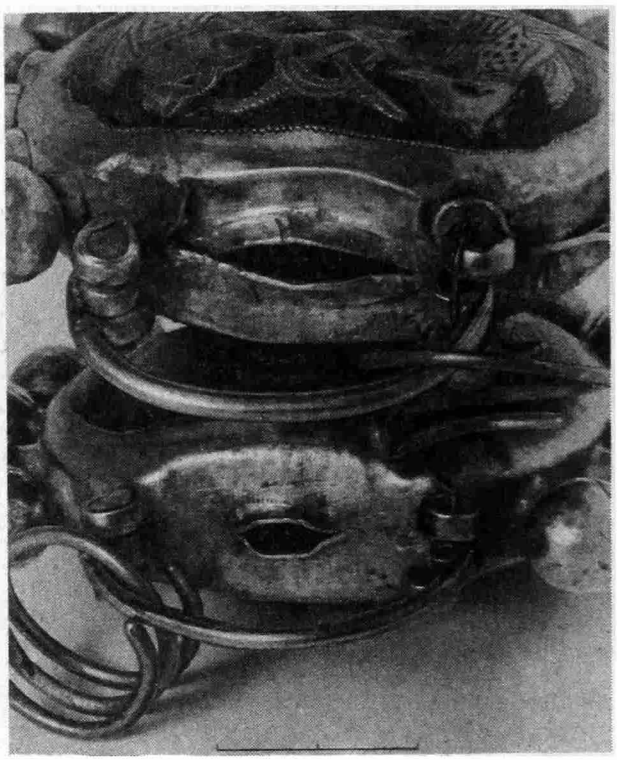


Рис. 2. Верхние площадки святозерских колтов (внизу колт № 1)

Тела грифонов и плетенки между ними на обоих колтах различаются размерами и пропорциями. Если фигуры зверей на обеих сторонах колта № 1 полностью, во всех мельчайших деталях совпадают между собой, то все четыре грифона колта № 2 имеют каждый свои особенности, отличающие их друг от друга и от зверей колта № 1. При этом изящно изогнутые тела зверей колта № 1 умело вписаны в круглое поле щитка. Грифоны второго колта грубее и тяжеловеснее, а тела их имеют более прямолинейные очертания (рис. 3, 4).

Различий в оформлении декора слишком много, поэтому остановимся лишь на некоторых из них. Бросается в глаза, что форма и размеры крыльев животных совершенно различны в обоих случаях. Так, крылья грифонов колта № 1 имеют форму, приближающуюся к серповидной, а конец крыла каждой фигуры почти достигает клюва, крылья же грифонов на колте № 2 меньшего размера (они своим концом не доходят даже до бородки зверя) и имеют симметричную форму в виде "деревца".

Различна и разделка самих фигур – легкие штрихи, изображающие шерсть у грифонов первого колта, и грубые штрихи и линии второго.

Обратим внимание и на форму глаза грифонов. Мастер первой подвески изобразил глаза в виде двух пересекающихся овальных линий, глаз на второй образован петлей на конце линии. Видны различия в оформлении лап зверей, в украшении гладкого бордюра вокруг черневого фона, изображении плетенки и т.д. (рис. 3, 4).

Таким образом, все отмеченные выше различия между двумя подвесками одного клада заставляют предположить, что колты эти были изготовлены разными мастерами. Колт № 1 сделан очень профессионально и тщательно, у него заделаны все производственные швы, рисунок проработан во всех деталях, чернь тщательно отполирована. Несмотря на крупные размеры, подвеска производит впечатление изящного и мастерски сделанного украшения. Колт № 2 изготовлен, по всей видимости, учеником, копировавшим работу мастера, однако сделал он это не совсем умело, а часто грубо и небрежно.

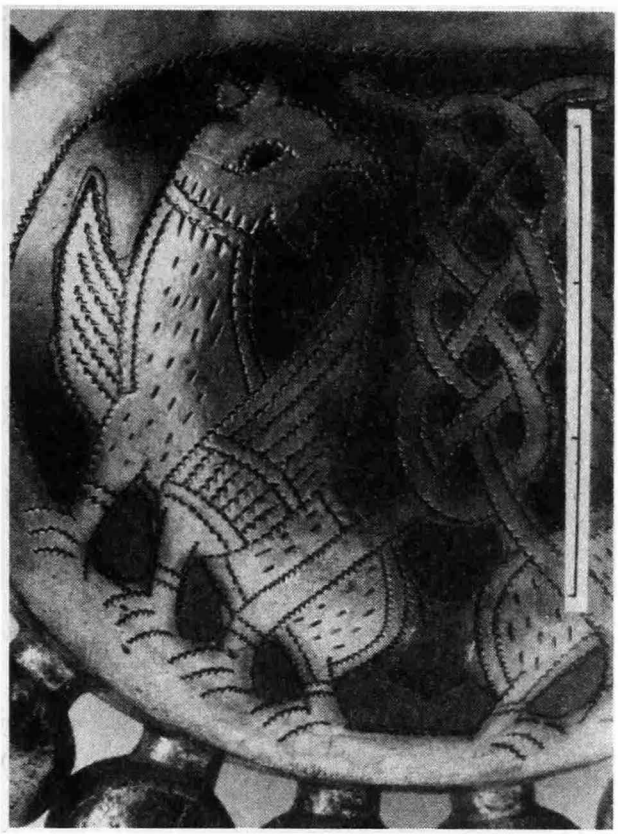


Рис. 3. Деталь колта № 1

Рис. 4. Деталь колта № 2

Кем же был этот мастер? Т.И. Макарова обратила внимание на две пары колтов (из Княжей Горы и Сахновки – № 108–111 каталога. Макарова Т.И., 1986, с. 133) с композицией, аналогичной изображенной на Святозерских колтах. Автор отмечает изящество и уверенность рисунка, умелое размещение композиции на поле щитка, ровный и уверенный зубчатый след резца и приходит к выводу о том, что колты с грифонами были изготовлены греческими мастерами (Макарова Т.И., 1986, с. 51). Возможно, что и колт № 1 Святозерского клада был также выполнен греческим мастером в одной из черниговских мастерских. А может быть, это был русский ремесленник, в совершенстве освоивший сложную технику изготовления черневых украшений и скопировавший византийский образец, бывший у него перед глазами. Колт № 2, бесспорно, сделан его учеником, работавшим в той же мастерской и повторившим шедевр своего учителя.

Этот небольшой этюд лишний раз подтверждает высказанные ранее мысли о существовании ювелирных мастерских по изготовлению черневых изделий в г. Чернигове, об институте ученичества, существовавшем в Древней Руси, проследить "...путь ремесла от мастера-творца к ремесленнику, способному только на повторение создания своего учителя в более примитивном варианте" (Макарова Т.И., 1986, с. 117, 119; Коваленко В.П., 1995).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Коваленко В.П., 1995. Вотчинные мастера-ювелиры в городах чернигово-северской земли // Славянская археология 1990. Раннесредневековый город и его округа. М.

Корзухина Г.Ф., 1954. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л.

Макарова Т.И., 1986. Черневое дело Древней Руси. М.

Государственный Исторический музей,
Москва

Н.А. АЛЕКСЕЕНКО

ПЕЧАТЬ КИЕВСКОГО МИТРОПОЛИТА КИРИЛЛА ИЗ ХЕРСОНЕСА

На протяжении последнего ряда лет в море, под мысом у входа в Херсонесскую гавань, найдено значительное количество византийских подвесных печатей-моливдовулов (Alexeenko N., 1996, p. 8414). Среди общего числа находок (в настоящее время их уже насчитывается более 450 экз.), привлекает внимание фрагмент крупной печати с изображением Богоматери на лицевой стороне и пятистрочной надписью на обороте.

Исследование моливдовула показало, что, несмотря на его фрагментарность, он представляет большой интерес для истории средневекового Херсонеса, так как сохранил полную информацию о своем владельце – видном церковном деятеле первой половины XIII в. Благодаря данным печати перед нами открывается еще одна неизвестная страница истории Херсонеса, отражающая одно из направлений исторически сложившихся связей города с окружавшими его странами и народами.

Судя по сохранившемуся фрагменту, моливдовул был оттиснут на свинцовой пластинке размером 36–38 и толщиной ~ 3 мм. Печать разломана надвое по каналу. Сохранность уцелевшей части печати удовлетворительная.

Лицевая сторона (рис. 1): изображение Богоматери "Знамение" в полный рост. Слева – столбиком остатки сокращенной греческой надписи: MP/ΘY. Μη(τηρ) Θ(εο)υ

© Н.А. Алексеенко, 1999 г.

Рис. 1. Лицевая сторона моливдовула

Рис. 2. Оборотная сторона моливдовула

Оборотная сторона (рис. 2): греческая надпись в пять строк:

...Λ]ΛΟC	...λ]λος
...CEΛEW	...ϛελεω
...Π]ICKOΠO[C]	...π]ισΧοπο[ϛ]
...Π]OΛE	...π]ολε
...C]IAC	...σ]ιας

Благодаря тому что моливдовулы с таким изображением и легендой достаточно хорошо известны в научной литературе, атрибуция данного, хотя и фрагментированного памятника не вызвала особых сложностей и затруднений. Подобный экземпляр приводит в своей работе "Печати патриархов константинопольских" еще Н.П. Лихачев, ссылаясь на моливдовул, изданный А.В. Орешниковым (Лихачев Н.П., 1889, с. 65). Такая же печать представлена и в сводном каталоге русских печатей В.Л. Янина (Янин В.Л., 1970, с. 176, № 53). Присутствует аналогичный моливдовул и среди новых поступлений Эрмитажа (Сотникова М.П., 1987, с. 161, 162, № 7). Сопоставление изображений нашей находки с указанными выше печатями позволяет совершенно безошибочно восстановить полный текст надписи оборотной стороны, который имел следующий вид:

[+KVPIΛ]ΛOC / [MONAXO]CEΛEW / [ΘY APXIEΠ]ICKOPO[C] / [THCMPOΠ]OΛE/ [WCPWC]IAC.

[+Κυρι]λλος [μοναΧο]ϛ ελεω [Θ(εο)υ αρΧιεπ]ισΧοπο[ϛ της μητροπ]ολε[ως Ροσ]ιας.

"Кирилл, монах, божьей милостью архиепископ митрополии России".

Как видно из надписи, рассматриваемая печать принадлежала митрополиту России Кириллу. Среди первосвященников с таким именем древнерусские летописи называют Кирилла, прозванного "блаженным", который возглавил Русскую православную церковь на киевском престоле в 1225–1233 гг. (Лаврентьевская летопись, 1926, с. 447; Новгородская летопись, 1915, с. 213).

Находка в Херсонесе моливдовула высшего церковного иерарха Руси – сам по себе

факт весьма примечательный и, безусловно, свидетельствует об определенных контактах Херсона с русскими землями.

Но как и при каких обстоятельствах эта печать попала в Херсон? Ответить на этот вопрос на основании только данных печати практически невозможно. Известно, что в этот период на русскую кафедру назначались византийские епископы, путь которых на Русь, по-видимому, лежал через Херсон. Возможно, этим же путем следовал из Никеи, где в то время обосновались императорский двор и патриарх, и архиепископ Кирилл. Но, очевидно, нет оснований связывать появление печати в Херсонесе с традиционной церковной корреспонденцией. Хотя Кирилл, будучи выходцем "из греков", как это отмечают летописи (Новгородская первая летопись..., 1950, с. 282), мог состоять в переписке с местными священнослужителями. Эта версия представляется нам маловероятной. Более реальны были бы его связи непосредственно с патриархом и центральной администрацией церкви, ставленником которых он являлся. Скорее всего, поводом для отправки в Херсон важного церковного документа, а он, несомненно, таковым являлся, так как перед нами – официальная печать высшего церковного иерарха, могли послужить какие-либо значительные события в жизни обеих церквей или даже самих государств – Руси и Византии.

Однако соответствующих свидетельств в письменных источниках мы не находим. И все же сведения, сохранившиеся в русских летописях, на наш взгляд, позволяют высказать предположение о связи нашей находки с известными событиями первой четверти XIII в. Речь идет о сохранившихся в древнерусских литературных источниках сведений "о принесении чудотворного образа святаго Николая ис Корсуни града в пределы Рязанския земли, яже в Росийской области". Примечательно, что в "Повестях о Николе Зарайском" и "Повести о разорении Рязани Батыем" указывается достаточно точная дата прихода чудотворной иконы на Русь – 1224/1225 гг. (Лихачев Д.С., 1986, с. 235–258; 1949, с. 124–128). Это в известной мере соответствует датировке нашей находки, т.е. времени, когда митрополитом на Руси был поставлен архиепископ Кирилл, указанный на нашей печати. Вполне вероятно, что русский митрополит мог ходатайствовать о передаче чудотворной иконы на Русь, тем более – в период начавшихся татарских набегов. Особо почитаемая, чудотворная корсуньская икона, по-видимому, призвана была охранять русские земли от нашествий вражеских орд.

Заметим, что время моливдовула митрополита Кирилла – это период резкого осложнения внешнеполитической обстановки после Калкской битвы не только для Руси, но и для северных областей Византийской империи. Движение татаро-монгольских орд на запад повлекло за собой активизацию половцев, наполнивших причерноморские степи и практически отрезавших Херсон от севера. Следует отметить, что именно на конец первой четверти XIII в. приходятся и первые набеги татар на Таврику (Тизенгаузен В.Г., 1884, с. 26; Заметки..., 1863, с. 601, № 33), и поход в Крым сельджукского эмира Чабана (Якубовский А., 1928, с. 55–58; Попадопуло-Керамевс А.И., 1897, с. 116–118). Неспокойная военная обстановка, безусловно, не могла не нарушить и традиционную транзитную торговлю Херсона с Русью. Привычный путь по Днепру теперь был недоступен, и купцам приходилось следовать на Русь кружным путем через варяжские земли. О чем достаточно подробно сообщается в "Повестях о Николе Зарайском" (Лихачев Д.С., 1986, с. 125). Создавшаяся ситуация в регионе, по всей видимости, требовала каких-то конкретных мер по защите интересов обеих сторон перед угрозой нашествия вражеских орд. И где как не в православной Византии, хотя и разделенной на части, можно было найти такую поддержку. Роль посредника в этом, по всей видимости, была отведена Херсону, сохранявшему, по данным археологических находок, связи с русскими землями и в этот период. В литературе достаточно широко известны изделия древнерусского ремесленного производства, обнаруженные при раскопках Херсона. Среди них можно назвать предметы интересующего нас периода: серебряные гривны, принадлежавшие к хорошо известному "новгородскому типу" XII–XIII вв. (Орешников А.В., 1901, с. 216, табл. IV, *1*); керами-

ческие сосуды, аналогичные поднепровским, и корчажец "киевского типа" XI–XIII вв. (Пятышева Н.В., 1974, с. 64–68; Якобсон А.Л., 1958, с. 121–123, 126, 127); изделия из кости – рукояти ножей и гребни, декор которых имеет прямые аналогии на предметах из Старой Ладоги X–XI вв. и Пскова X–XIII в. (Романчук А.И., 1981, с. 89, № 52; с. 91, № 63); известные среди славянских древностей этого времени украшения, похожие на херсонское золотое височное кольцо (Тахтай А.К., 1947, с. 131, рис. 62; Ср.: Левашева В.П., 1967, с. 14, 18, 19; Седов В.В., 1982, с. 205, табл. XXXI, *39*), значительное количество предметов культа – кресты-энколпионы, цепи, нательные крестики, шиферные иконки (Рыбаков Б.А., 1948, с. 263, 474; Корзухина Г.Ф., 1958, с. 135, 136; Кадеев В.И., 1973, с. 22; Белов Г.Д., Якобсон А.Д., 1953, с. 137, 138, 147, 153; Белов Г.Д., 1941а, с. 245, рис. 77; 1941б, с. 239, 240). Некоторые энколпионы происходят из поднепровских городов, скорее всего из самого Киева, и имеют точные аналогии, которые датируются 1230 г. (Богданова Н.М., 1991, с. 79, 80). В первой половине XIII в. он все еще являлся северными воротами империи и оставался в сфере интересов и Никейского двора, и константинопольского патриарха, и своего нового сюзерена – Трапезундской империи, о чем свидетельствуют письменные источники и археологические материалы (Алексеенко Н.А., 1990, с. 25–29; 1997, с. 5; Успенский Ф.И., 1929, с. 43–59).

Как известно, осуществление посольских миссий в большинстве случаев поручалось представителям церкви. И, весьма вероятно, в силу сложившихся традиций именно в христианском Херсоне мог искать поддержку и помощь киевский митрополит Кирилл, которая, по-видимому, выразилась в передаче чудотворной иконы на Русь. Не исключено, что именно этим событиям мы обязаны находке в Херсоне его печати – интереснейшего памятника христианской средневековой сфрагистики.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алексеенко Н.А., 1990. Патриарший моливдовул из Херсонеса // АДСВ.

Алексеенко Н.А., 1997. К вопросу о денежном обращении и развитии торговых связей Херсонеса в XIII в. // Херсонесский сборник. Вып. VIII. Севастополь.

Белов Г.Д., 1941а. Раскопки в северной части Херсонеса в 1931–1933 гг. // МИА. Т. 4.

Белов Г.Д., 1941б. К изучению экономики и быта позднесредневекового Херсонеса // СА. № 7.

Белов Г.Д., Якобсон А.Л., 1953. Квартал XVIII (раскопки 1940 года) // МИА. Т. 34.

Богданова Н.М., 1991. Херсон в X–XV вв. Проблемы истории византийского города // Причерноморье в средние века. М.

Заметки XII–XV века, относящиеся к крымскому городу Сугдее (Судаку), приписанные на греческом Синаксаре, 1863 // ЗООИД. Т. V.

Кадеев В.И., 1973. Раскопки в "Центре участка" // АДСВ. Вып. 9.

Корзухина Г.Ф., 1958. О памятниках "Корсуньского дела" на Руси // ВВ. Т. XIV.

Лаврентьевская летопись, 1926 // ПСРЛ. Т. 1.

Левашева В.П., 1967. Височные кольца // Очерки по истории русской деревни X–XIII вв. Труды ГИМ. Вып. 43.

Лихачев Д.С., 1949. Повесть о разорении Рязани Батыем // Воинские повести Древней Руси / Под ред. В.П. Адриановой-Перетц. М.; Л.

Лихачев Д.С., 1986. Повести о Николе Зарайском // Исследования по древнерусской литературе. Л.

Лихачев Н.П., 1889. Печати патриархов Константинопольских // ТМНО. Т. II. Вып. 1.

Новгородская летопись, 1915 // ПСРЛ. Т. 4.

Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов / Под ред. А.Н. Насонова, 1950. М.; Л.

Орешников А.В., 1901. Опись серебряным монетным слиткам из собрания Российского исторического музея // ТМНО. Т. II.

Попадопуло-Керамевс А.И., 1897. Сборник источников по истории Трапезундской империи. Т. 1. СПб.

Пятышева Н.В., 1974. Славянская керамика // Херсонес Таврический. Ремесло и культура. Киев.
Романчук А.И., 1981. Изделия из кости в средневековом Херсоне // АДСВ.
Рыбаков Б.А., 1948. Ремесло Древней Руси. М.
Седов В.В., 1982. Восточные славяне в VIII–XIII вв. // Археология СССР. М.
Сотникова М.П., 1987. Новые сфрагистические материалы XI–XV вв. в собрании Эрмитажа // Нумизматика в Эрмитаже. Л.
Тахтай А.К., 1947. Археологические открытия в Херсонесе в 1942–1944 гг. // КСИИМК. Вып. XIV.
Тизенгаузен В.Г., 1884. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. 1. СПб.
Успенский Ф.И., 1929. Очерки из истории Трапезундской империи. Л.
Якобсон А.Л., 1958. Русско-корсуньские связи XI–XIV вв. // ВВ. Т. XIV.
Якубовский А., 1928. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XII в. // ВВ. Т. XXV.
Янин В.Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. 1. М.
Alexeenko N., 1996. Уникальная находка группы византийских печатей из Херсона // Byzantium. Identity, Image, Influence. XIX Int. Congr. of Byzantine Studies. Abstracts of Communications. Copenhagen.

Национальный заповедник
"Херсонес Таврический", Севастополь

А.М. КОЛЫЗИН

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ГИРЬКА ИЗ МОСКОВСКОГО КРЕМЛЯ

В 1994 г. в процессе археологических исследований на территории центрального двора бывшего Сената, в северо-восточной части Московского Кремля, в заполнении деревянного сооружения второй половины XIV в. был найден медный предмет в форме кубика, со слегка усеченными в верхней части боковыми гранями. Размеры его 1,7 × 1,7 × 1,2 см (рисунок).

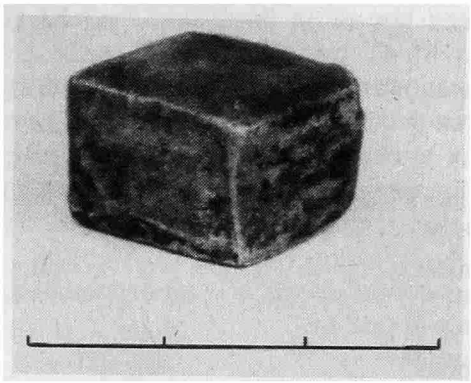
Сооружение, из которого происходит находка, имело размеры 3,6 × 3,6 м и конструктивно было выполнено в виде сруба, из четвертушек и восьмушек бревен (исходный диаметр которых был около 60 см), сложенных в лапу, гладкой стороной внутрь. От постройки сохранилось семь венцов, верхний из которых зафиксирован на отметке 3,2 м, а нижний – 4,4 м. Материк зафиксирован на отметке 4,8 м. Постройка погибла в пожаре, о чем свидетельствуют сильно обгоревшие изнутри стены, и вероятно, являлась подвальным помещением – зернохранилищем, так как непосредственно на досках пола был зафиксирован мощный (до 10 см) слой горелого зерна. Гибель постройки можно, по-видимому, связать с нашествием золотоордынского хана Тохтамыша в 1382 г., так как из ее заполнения происходят шесть стрел, верхняя дата которых не выходит за пределы XIV в.

Медный кубик был найден в верхней части сооружения на отметках 3,2–3,4 м.

По-видимому, изделие было первоначально выпилено из медного бруска или отлито, а затем напильником его грани зачистили, тем самым придав ему более правильную форму и одновременно добившись того, чтобы его вес соответствовал какой-то вполне определенной величине.

Данный предмет, по нашему мнению, является гирькой. Его вес равен 31,16 г, что позволяет выделить следующие метрологические особенности.

© А.М. Колызин, 1999 г.



Медная гирька из культурного слоя Московского Кремля. Вторая половина XIV в. – первая четверть XV в.

Во-первых, вес гирьки соответствует весу двадцати золотоордынских дирхемов второй–третьей четверти XIV в. или 30 первых (анонимных) монет Дмитрия Донского, т.е. пяти алтынам, выраженным в первых дореформенных деньгах этого князя, чеканенных до середины 80-х гг. XIV в. по весовой норме около 1,02–1,03 г. Однако шесть таких гирек весят меньше московского 200-денежного рубля, выраженного в первых монетах Донского, а семь гирек – больше.

Во-вторых, вес шести таких гирек (186,97 г.) равен весу московского 200-денежного рубля, выраженного в пореформенных (с именем князя) денгах Дмитрия Донского, чеканенных с середины 80-х годов XIV в., а также денгах Василия Дмитриевича, чеканенных до 1409 г., т.е. по весовой норме около 0,93 г. Однако вес одной гирьки, в данном случае, уже не соответствует целому количеству алтынов, выраженных в московских денгах, чеканенных с середины 80-х годов XIV в. – до 1409 г.

В-третьих, вес пяти таких гирек (155,8 г) соответствует весу московского рубля, выраженному в денгах, чеканенных после реформы 1409 г., по норме около 0,79 г., а вес одной гирьки равен весу двух московских счетных гривен после реформы 1409 г. (московская счетная гривна, как известно, состояла из 20 денег).

Находка данной гирьки уточняет вес московского рубля, предшествовавшего реформе 1409 г., а также пореформенного рубля. Как видно, именно на величину одной такой гирьки и было уменьшено содержание серебра в московском рубле в 1409 г.

Отметим еще одно обстоятельство. Средний вес анонимных денег с обеими русскими сторонами, которые, по нашему мнению, чеканились в Москве в конце княжения Дмитрия Донского, равен 0,87 г (Колызин А.М., 1992, с. 21–32; 1994, с. 73, 74). Чеканку этих же монет Г.А. Федоров-Давыдов относил к Нижнему Новгороду в начале XV в. (Федоров-Давыдов Г.А., 1989, с. 109–130). Вес данной гирьки соответствует весу шести алтынов, выраженных в этих "спорных" денгах, безусловно чеканенных на рубеже XIV–XV вв. А вес шести таких гирек равен весу 216 данных монет.

Власти старались поддерживать равенство веса 200-денежного счетного московского рубля рублю-слитку в XIV в. (Колызин А.М., 1995, с. 41; 1997, с. 56). Однако в результате постепенного, ползучего снижения веса монет все же это равенство нарушалось, поэтому слитки шли на счет, а монеты – на вес. Скорее всего именно для взвешивания монет и предназначалась данная гирька, изготовленная в конце XIV–начале XV в. Известны свинцовые гирьки, происходящие из слоев конца XIV–начала XV в. Москвы и Коломны, каждая из которых весит около 93 г., т.е. соответствует трехкратному весу медной гирьки из Московского Кремля. Так, при археологических раскопках в Коломне в 1991 г. в Кремле, на соборной площади, в слое, стратиграфически датированном концом XIV–началом XV веков, найдена дисковидная свинцовая гирька, вес которой 93,7 г. Другая свинцовая гирька биконической формы весом 92,74 г происходит из слоев того же времени и найдена при раскопках 1995 г. на ул. Ильинке в Москве (о находках нам любезно сообщили археологи А.Б. Мазуров (г. Коломна) и В.В. Зайцев (г. Москва). Гирька аналогичной формы из свинца весом 92,4 г была найдена при раскопках в Зарядье в 1951 г. М.Г. Рабинович необоснованно

удревнил время ее бытования до XI века (Рабинович М.Г., 1954, с. 81, 82, рис. 22; 1964, с. 40, 41, рис. 65 (1); 1967, с. 26; 1971, с. 84, рис. 17 (2).

Исследователями установлено, что смена монетных норм в процессе их развития не является бессистемной. В ее основе лежит определенная метрологическая концепция. Каждая вновь вводимая монетная норма должна сохранять простое рациональное соотношение или с существующими и широко употребительными в торговой практике весомыми единицами, или же с предшествующей монетной нормой (Федоров-Давыдов Г.А., 1958, с. 8; Янин В.Л., 1958, с. 17). Рассматриваемая гирька, в частности, хорошо соотносится с существовавшими в Москве в конце XIV–начале XV в. монетными нормами.

Аналогичные по форме гирьки были найдены на болгарском городище, причем, как отмечает Г.А. Федоров-Давыдов, восьмигранные и шестигранные гири характерны именно для золотоордынского времени и известны из раскопок А. Терещенко на Царевском городище (Федоров-Давыдов Г.А., 1957, с. 247, 248).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Колызин А.М., 1992. О монетном чекане в последние годы княжения Дмитрия Донского // НС МНО. Ч. 2. М.

Колызин А.М., 1994. О метрологии монетного чекана Москвы последней четверти XIV века // НС МНО. Ч. 3. М.

Колызин А.М., 1995. Весовые нормы монетной чеканки Москвы второй половины XIV–начала XVI в. // Третья Всероссийская нумизматическая конференция в г. Владимире 17–21 апреля 1995 г. Тез. докладов. М.

Колызин А.М., 1998. О весовых нормах монет, рубле-слитке и счетном рубле Великого княжества Московского последней четверти XIV–первой половины XV века // НС ГИМ. Ч. 13. М.

Рабинович М.Г., 1954. Материалы по истории Великого посада Москвы (некоторые предварительные итоги археологических работ 1949–1951 гг.) // Археологические памятники Москвы и Подмосковья. Труды МИРМ. Вып. V. М.

Рабинович М.Г., 1964. О древней Москве. М.

Рабинович М.Г., 1967. О возрасте и первоначальной территории Москвы // Новое о прошлом нашей страны. Памяти академика М.Н. Тихомирова. М.

Рабинович М.Г., 1971. Культурный слой центральных районов Москвы // МИА. № 167. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1957. О болгарских гирьках из собрания Государственного музея Татарской АССР // СА. № 1.

Федоров-Давыдов Г.А., 1958. Основные закономерности развития денежно-весовых норм в Золотой Орде // АЕ за 1957 г. М.

Федоров-Давыдов Г.А., 1989. Монеты Нижегородского княжества. М.

Янин В.Л., 1958. О метрологических закономерностях в развитии русских монетных норм XIV–XVII веков // АЕ за 1957 г. М.

Государственный историко-культурный
музей-заповедник
Московский Кремль

Работа выполнена при поддержке РГНФ (проект № 98–01–00374).

В.А. БУРОВ

О ПЕЧАТИ "МАРФЫ-ПОСАДНИЦЫ"
(из истории фальсификации)

О существовании печати "Марфы-посадницы" исследователи впервые узнали из трудов архимандрита Соловецкого монастыря Досифея, сообщившего о находящейся в монастырской ризнице "подлинной вкладной записи" 1470 г. Марфы Борецкой на владение земельными участками в Поморье. Досифей писал: "Подлинник оной крепости с вислою свинцовой печатью, изображающею имя Марфы славянскими буквами, хранится между древними документами в Соловецкой ризнице". Было дано и описание буллы: "А печать свинцовая, а на печати подпись – имя Марфы Посадницы" (Досифей, 1833, с. 17; 1836, с. 57). Данный документ в 1917 г. держал в руках Б.Д. Греков, который описывал архив и ризницу Соловецкого монастыря. Однако он ничего не сообщил о печати (Греков Б.Д., 1926, с. 92). Вскоре Н.С. Чаев констатировал утрату печати (Чаев Н.С., 1929, с. 130).

Современное издание грамоты Марфы Борецкой было осуществлено по копии 1633 г., которая удостоверяла факт существования печати: "А печать свинцовая, а на печати потпись, имя Марфы посадницы" (ГВНП, 1949, с. 242, № 219).

Между тем В.Л. Янин привел достаточно веские аргументы в пользу того, что грамота Марфы является фальсифицированной. На фальсификат, по мнению исследователя, указывает в первую очередь "несообразность ее формул": "Се дасть Марфа Исаковская, Великого Новаграда посадница...", "А у даные сидел мои духовнои софеискои поп Иосиф да Олесеи Бархатов. А даную писал сын мои Феодор Исаков лета 6978-го. К сеи данои яз, Феодор, матере своея Марфы печать приложил" (Янин В.Л., 1991, с. 357, 358). Кроме того, проверка сообщения об игуменстве Зосимы по актовым документам показала, что в конце 1460-х–первой половине 1470-х годов на Соловках достоверно игуменствовал Иона. С ним связаны акты, датируемые 1468–1475 гг.: "игуменство Зосимы представляет собой, по всей вероятности, только тенденциозный факт агиографии, но не факт истории". Саму печать Марфы В.Л. Янин назвал "фантастической" (Янин В.Л., 1981, с. 50; 1991, с. 358). В пользу фальсификации акта 1470 г. Марфы Борецкой свидетельствуют и другие факты.

Зосима действительно не был игуменом Соловецкого монастыря. Такой важный исторический источник, как подлинный летописец конца XVI в., содержит следующее сообщение о смерти Зосимы: "Того же лета (6986. – *В.Б.*), априля в 17 день, преставися преподобный отец Зосима, Соловецкого монастыря начальник" (Корецкий В.И., 1981, с. 232). В древнерусском языке слово "начальник" имело значения: тот, кто положил начало чему-либо, был первым, прежде других начал что-либо делать, зачинатель, инициатор, учредитель, основатель и пр. (Словарь русского языка..., 1983, с. 306, 307). Это сообщение о Зосиме ничем не отличается от сообщения той же летописи о смерти Савватия: "Того же лета (6944. – *В.Б.*) преставление преподобнаго Саватия, Соловецкого монастыря начальника".

Явное преувеличение роли Зосимы в истории Соловецкого монастыря свойственно агиографии. Проделанный нами анализ названия Соловецкого монастыря, которое постоянно упоминается в актовых документах XV–XVI вв. и которое содержит перечень главных культовых построек обители, указывает на то, что Зосима никак не мог быть строителем Успенской церкви, приписываемой ему житием (Буров В.А., 1997, с. 76–80). В то же время недостоверные биографические версии о Зосиме из его жития начали уже в первой половине XVI в. активно входить в общественное сознание. Яркий пример тому – на клейме 18 иконы 1545 г. (Маясова Н.А., 1970, рис. 23), присланной игуменом Филиппом (Колычевым) в Москву, изображена встреча иноками Зосимы после поставления его в игумены.

© В.А. Буров, 1999 г.

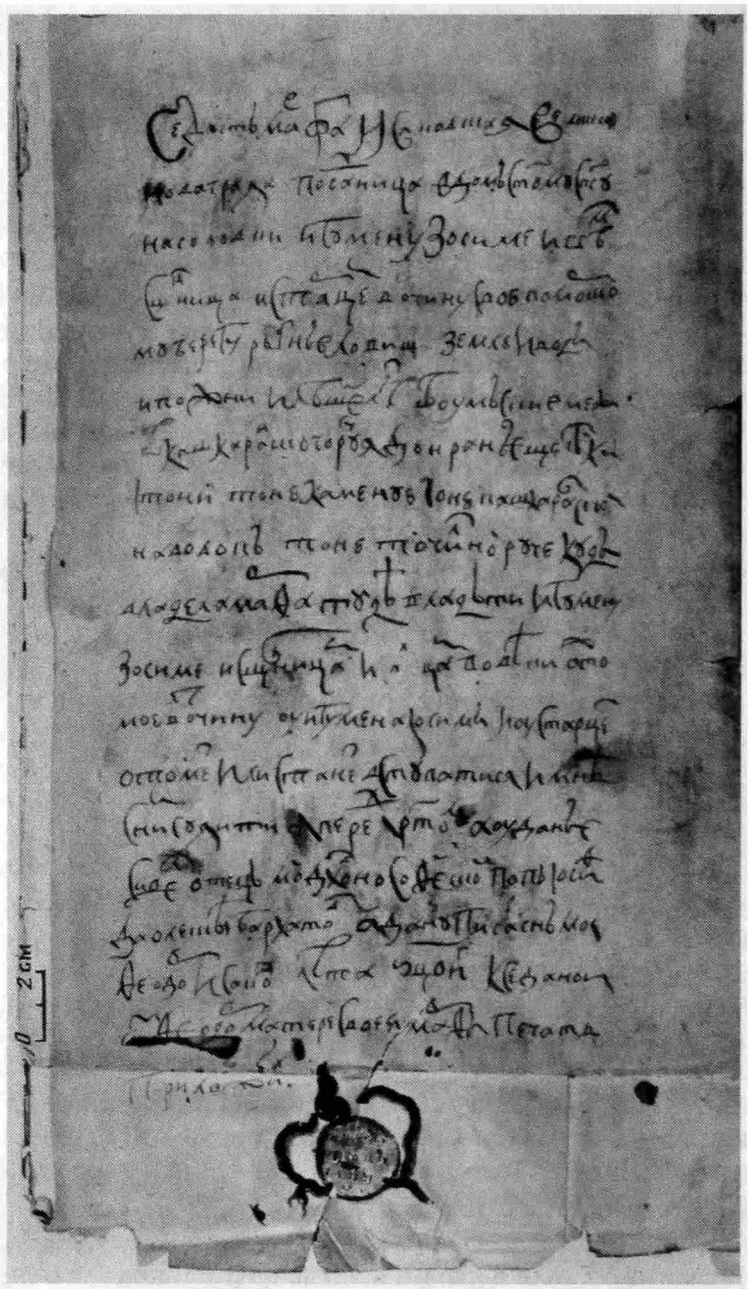


Рис. 1. Копия "подлинной грамоты 1470 г. Марфы Борецкой". Около 1825 г. (РГАДА, ф. 1605, оп. 1, ед. хр. 116)

Сопоставление грамоты Марфы Борецкой с другими грамотами Соловецкого монастыря позволяет получить дополнительную аргументацию в пользу ее фальсификации. Указаная в этом акте географическая номенклатура (Кашкаранский ручей, тони Кашкаранский наволок, Каменная, Точильный ручей) полностью совпадает с пунктами, впервые упомянутыми в сотной Варзужской волости с книг письма Василия Огалина и Степана Федорова от 6 мая 1575 г.: "По мѳрскому берегу от умъские межи от речки от Оленницы в Варзуге реки тони спаские Соловецкого монастыря: х Кашкаранцам едучи тоня Каменая, тоня Кашкаранской наволок, тоня Точилной ручей; и всего три тоне, а ловят оне на тех тонях красную рыбу семгу на монастырь, а дань и оброк с тех тонь и за десятую рыбу в государеву казну не идет по государевой жаловалной грамоте" (Акты..., 1990, с. 70, № 565). Однако в сотной ничего не говорится о том, что эти земли были ранее за Марфой Борецкой. Для сравнения заметим,

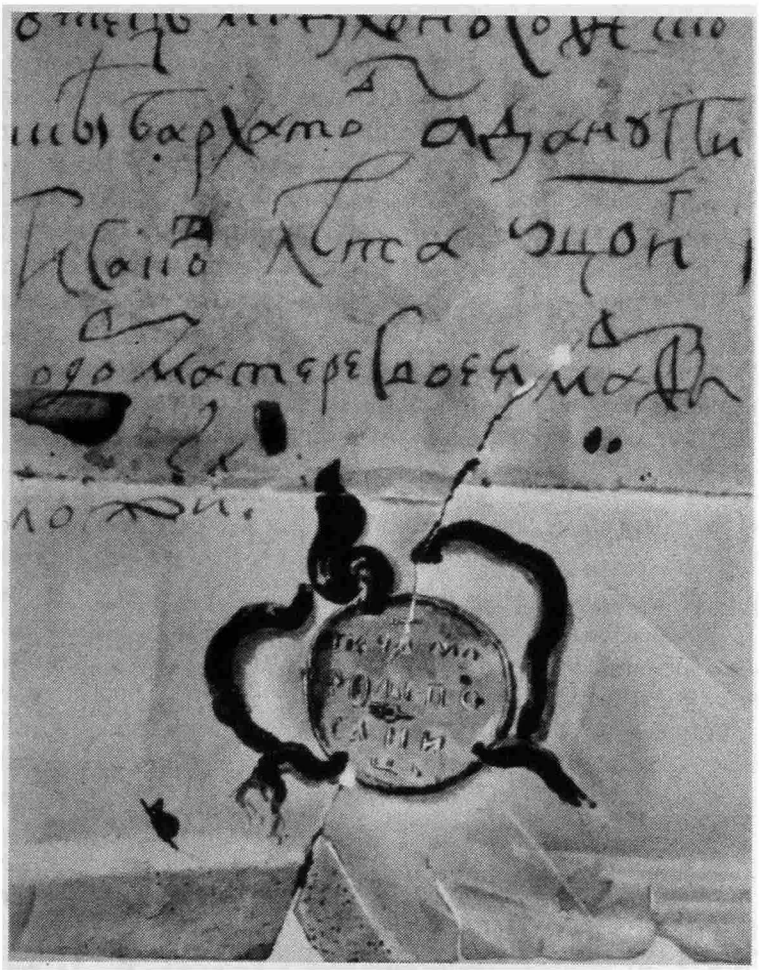


Рис. 2. "Печать Марфы-посадницы" – изображение около 1825 г. н.в.

что многие соловецкие грамоты XVI в. содержат постоянное указание на бывшие боярщины Марфы Борецкой, например по р. Выг (Акты..., 1988, с. 21, 22, 82, 105, 109, 129, 173).

На фальсификацию грамоты Марфы Борецкой указывает и другой момент. По своему оформлению документ не вписывается в новгородскую правовую систему. Хорошо известно, что движение земельной собственности в Новгороде в XIV–XV вв. шло только по линии двух институтов: веча и так называемого "владычного наместника" (Янин В.Л., 1970). Без этих новгородских органов никто лично не мог передать другому лицу землю во владение. Только представители именно этих институтов и должны были приложить к грамоте свою печать, но никак не сама Борецкая.

Что же представляла из себя печать Марфы? Новая архивная находка копии самой грамоты Марфы Борецкой, а не ее списка позволяет ответить на данный вопрос.

На существенные копии грамоты Марфы нам любезно указал искусствовед В.В. Скопин[1]. Она хранится в РГАДА в коллекции историка прошлого века Г.В. Юдина (ф. 1605, оп. 1, ед. хр. 116). Копия выполнена на бумаге с филигранью, имеющей дату: J WHATMAH. Turkey Mill. 1825. Размер листа 21.2 × 37,7 см. Часть листа с текстом тонирована акварелью серого цвета. Нижняя часть листа загнута. Именно на ней и помещен рисунок печати, крепившейся к документу шнурами (рис. 1).

Печать по контуру тонирована синей акварелью. Буквы белые – незакрашенные. Печать круглая диаметром 25 мм. По краю различим ободок. Канал для шнура внутри

[1] Пользуясь случаем, выражаю В.В. Скопину признательность за данное сообщение.

печати разветвляется на два выходных отверстия. На представленной одной стороне буллы читается надпись из четырех строк: "Печат Марфы посадницы" (рис. 2).

Анализ представленного изображения печати показывает, что перед нами фальсификат. Во-первых, печати столь малых размеров не характерны для конца XV в., когда действовала тенденция к увеличению диаметра буллы. Во-вторых, печати домосковского времени имели другое устройство канала для шнура: он был сквозным без ответвлений. В-третьих, на оборотной стороне отсутствует изображение[2].

Таким образом, "печать Марфы-посадницы" при фальсифицированном акте 1470 г. также оказалась фальшивкой. Предстоит еще выяснить обстоятельства появления этого документа в промежутке времени между второй четвертью XVI в. (в 1575 г. тони на р. Варзуге не считались марфинскими) и 1633 г., когда с грамоты Марфы был сделан список. Скорее всего фабрикация фальшивки была вызвана земельным спором, когда монастырь должен был обосновать свои владельческие права на три варзугские тони.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Акты социально-экономической истории севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1479–1571 гг., 1988. Л.

Акты социально-экономической истории севера России конца XV–XVI в. Акты Соловецкого монастыря 1572–1584 гг., 1990 г. Л.

Буров В.А., 1997. Название Соловецкого монастыря как исторический источник // Прошлое и настоящее Новгородской земли. Материалы научной конференции 11–13 ноября 1997 года. Новгород.

ГВНП: Грамоты Великого Новгорода и Пскова, 1949. М.; Л.

Греков Б.Д., 1926. Отчет об осмотре архива Соловецкого монастыря // ЛЗАК. Вып. 33. Л.

Досифей, 1833. Летописец Соловецкий на четыре столетия от основания Соловецкого монастыря до настоящего времени, то есть с 1429 по 1833 год. М.

Досифей, 1836. Географическое, историческое и статистическое описание ставропольского первоклассного Соловецкого монастыря. Т. I. М.

Корецкий В.И., 1981. Соловецкий летописец конца XVI в. // Летописи и хроники. 1980 г. М.

Маясова Н.А., 1970. Памятник с Соловецких островов. Икона "Богоматерь Боголюбская с житиями Зосимы и Савватия" 1545 г. Л.

Словарь русского языка XI–XVII вв., 1983. Вып. 10. М.

Чаев Н.С., 1929. Северные грамоты XV в. // ЛЗАК. Вып. XXXV. Л.

Янин В.Л., 1970. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. Т. II. Новгородские печати XIII–XV вв. М.

Янин В.Л., 1981. Новгородская феодальная вотчина (Историко-генеалогическое исследование). М.

Янин В.Л., 1991. Новгородские акты XII–XV вв. Хронологический комментарий. М.

Институт археологии РАН,
Москва

[2] П.Г. Гайдуков, ознакомившийся с изображением данной печати, заметил в рецензии: "По всей вероятности, художник копировал восковую печать. Об этом свидетельствует трещина, которая хорошо видна как на бумаге, так и на печати. Эта трещинка проходит сверху и идет вниз влево. Кроме этого, из-под печати выходят три шнура, они прижаты к бумаге горячим воском. Объяснить такое расположение на свинцовой печати сложно". Однако все известные мне архивные документы отмечают, что печать была именно свинцовая. Трещина на самом деле копирует излом бумаги: разрыв проходит и по шнуру.

Археологические фонды музеев

А.В. ШИШЛОВ, Л.А. КОЛБАСИНА

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ФОНДЫ НОВОРОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО МУЗЕЯ-ЗАПОВЕДНИКА

Новороссийский государственный исторический музей-заповедник отпраздновал в 1996 г. свое 80-летие. Он был создан в 1916 г. по инициативе Черноморского вице-губернатора Л.А. Сенько-Поповского как музей природы и истории Черноморского побережья Кавказа. В основу его фондов легли предметы старины, собиравшиеся и хранившиеся в городской публичной библиотеке с 1894 г., и коллекции по палеонтологии и геологии первого хранителя музея Г.Н. Сорохтина. Торжественное открытие экспозиции состоялось 27 декабря 1916 г. в здании, купленном на пожертвованные средства граждан города. Одним из редких, уцелевших экспонатов того времени является серебряная чаша с изображением боя греков с кентаврами (рис. 1), найденная и поступившая в музей в год открытия (Фармаковский Б.В., 1921, с. 193). Музей благополучно пережил лихолетье революций и гражданской войны. Его ангелом-хранителем все эти годы был все тот же Л.А. Сенько-Поповский, который, покидая город вместе с белой армией в 1920 г., оставил жителям "любимое детище" и коллекции музея в полной сохранности. После установления Советской власти в музей пришли работать новые люди. С 1921 по 1930 г. сначала хранителем, а затем заведующим музея был Г.Ф. Чайковский, автор многих статей о древностях Анапы и Новороссийска. К началу Великой Отечественной войны музей стал крупным научно-просветительным учреждением. Его фонды насчитывали более 7 тыс. ед.хр. и располагали отличными коллекциями по геологии и археологии. Богатым было собрание черкесского оружия. Среди авторов коллекции живописи имена О.А. Кипренского, И.К. Айвазовского, А.Н. Бенуа, М.С. Сарьяна. Музей обладал прекрасной научно-исторической библиотекой, насчитывающей 44 500 томов. К великому сожалению, почти все это богатство было утрачено в годы войны. Поэтому можно считать, что фонды музея собирались последние 50 лет. Основной фонд музея на 01.01.97 г. составил 130 тыс. музейных предметов. Из них в фондах археологии – 20 тыс. ед.хр.

Археологические исследования в районе Новороссийска начались еще в прошлом веке. Их проводили известные специалисты своего времени П.С. Уварова, В.И. Сизов, Е.Д. Фелицын. Но материалы этих экспедиций попадали в центральные музеи. С момента основания Новороссийского музея систематических археологических исследований не проводилось. Его фонды формировались за счет доследования разрушаемых памятников, а также случайных находок, покупок или подарков. Видимо, одним из этих способов попали в музей античные монеты из собрания знаменитого до революции керченского коллекционера И.А. Терлецкого. Началом полнокровного формирования археологических фондов в результате раскопок можно считать 1954 г., когда под руководством В.Д. Блаватского проходили исследования Раевского городища, работами на котором с 1955 по 1963 г. руководила Н.А. Онайко, долгие годы плодотворно сотрудничавшая с Новороссийским музеем. Работая старшим научным сотрудником Института археологии АН СССР, Надежда Анисимовна Онайко возглав-

© А.В. Шишлов, Л.А. Колбасина, 1999 г.

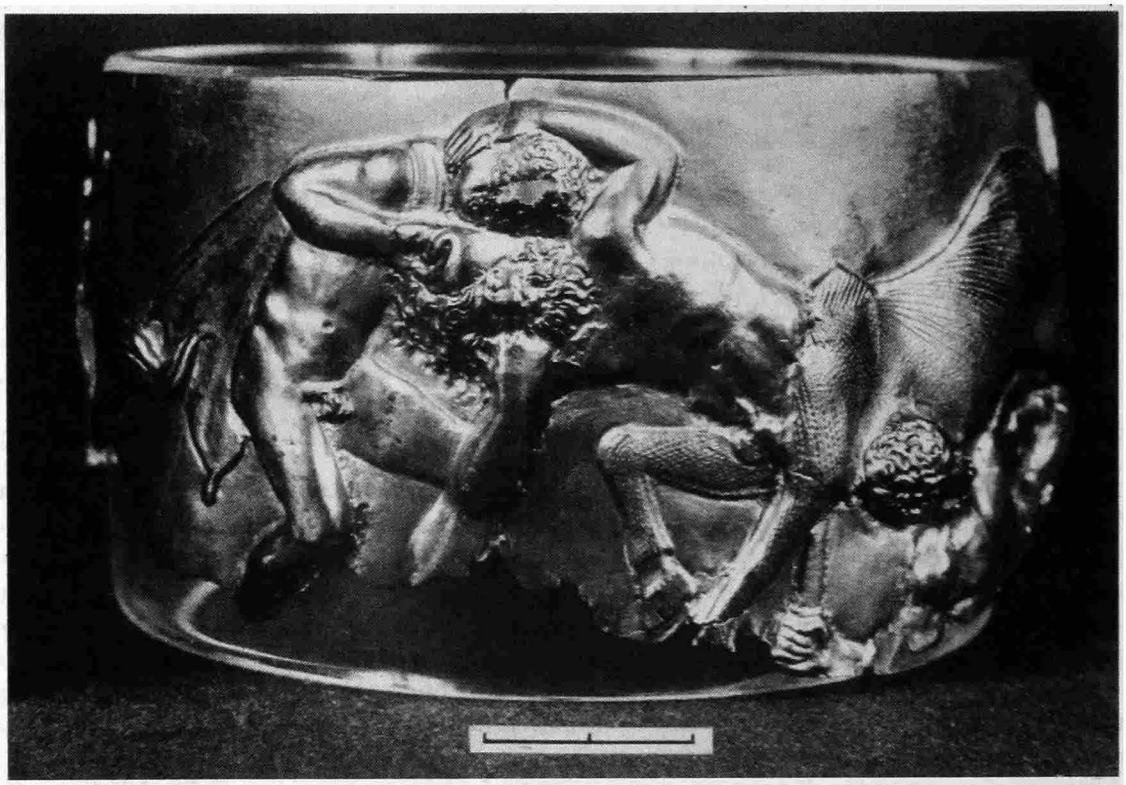


Рис. 1. Серебряная чаша с изображением боя греков с кентаврами. Довоенные фонды музея

ляла Новороссийскую, а затем Новороссийско-Геленджикскую экспедиции института, проводившие исследования в нашем районе и передававшие материалы раскопок в фонды музея. Н.А. Онайко открыты и частично раскопаны античные поселения в селах Широкая Балка, Мысхако, Цемдолина, Владимировка, а также прилегавшие к ним некрополи. Неизменным участником этих исследований был А.В. Дмитриев, заведующий Отделом археологии музея, в дальнейшем сам возглавивший ряд экспедиций, материалы которых составляют значительную часть археологических фондов. Наибольшую известность получили проведенные им раскопки раннесредневекового могильника в долине р. Дюрсо, на котором было обследовано более 500 погребений. Следует отметить также исследования средневекового могильника на горе Сапун в 1985–1986 гг., античного некрополя на Раевской оросительной системе в 1984–1985 гг. и раскопки разновременного комплекса памятников в с. Мысхако в 1990–1993 гг. В 1990–1991 гг. в с. Мысхако работала Северо-Кавказская экспедиция ИА РАН под руководством А.Н. Гея и Е.И. Савченко, исследуя энеолитическое поселение. В 1990 г. возобновила свою работу Новороссийская экспедиция ИА РАН под руководством А.А. Малышева. Исследования велись в тесном контакте с Отделом археологии музея. В эти годы охранные раскопки проведены на некрополе Лобанова щель (1990 г.), некрополе в с. Цемдолина ул. Тепличная (1991 г.), могильниках раннего железа и средневековья в с. Цемдолина ул. Золотая Рыбка (1995 г.), раскопки античного поселения и некрополя в с. Мысхако (1996 г.). Свою лепту в формирование музейного собрания внесли местные археологи, научные сотрудники музея: А.П. Кононенко, проведший работы на могильнике эпохи бронзы в устье р. Дюрсо в 1974 г., дольменном комплексе в верховьях р. Озерейки в 1986–1987 гг., раннесредневековом могильнике в с. Цемдолина "Птицефабрика" в 1994 г.; Н.В. Федоренко, руководившая раскопками средневекового могильника в с. Мысхако в 1991–1992 гг.; А.В. Шишлов, исследовавший античный некрополь в с. Южная Озереевка в 1995 г.

В археологическом собрании музея представлены материалы от каменного века до позднего средневековья. Коллекция каменного века состоит только из случайных

находок, так как кроме единственного местонахождения на р. Баканка других памятников этого периода в нашем районе не обнаружено. Зато хороша коллекция эпохи энеолита, пополняющаяся в результате раскопок энеолитического поселения Мысхако-1 (Гей А.Н., Савченко Е.И., 1992, с. 12). Материалы этого памятника включают коллекцию керамики, состоящую большей частью из фрагментов сосудов шаровидной и бомбовидной формы с округлым дном, венчик которых плавно или резко отогнут. Стенки сосудов покрыты лощением и часто украшены орнаментом, причем преобладает так называемый "жемчужный". Из других видов сосудов можно выделить небольшие полусферические миски и дуршлаги-цедилки. Кремневые орудия состоят из подтреугольных наконечников стрел, ножей на массивных пластинах, а также скребков, сверл, вкладышей. Целую серию образуют шлифованные каменные орудия: тесла, долота, пестики, фрагмент сверленной булавы. Набор изделий из кости включают шилья, проколки, шпатели, наконечник гарпуна, ложки, подвески, имитирующие оленьи зубы.

В материалах эпохи бронзы наряду со случайными находками, например коллекцией каменных топоров, найденных в окрестностях города, содержатся и предметы, поступившие в результате раскопок. Первой по хронологии стоит коллекция керамики из поселения майкопской культуры в долине р. Дюрсо. Хранящийся в музее керамический комплекс состоит из сосудов с эллипсоидным туловом и нешироким горлом, прямым или отогнутым венчиком, круглым или слабо уплощенным дном, а также из лепного сосуда неясного назначения колоколовидной формы, со сквозным отверстием в тулове и валиком в основании. Часть сосудов сделана на гончарном круге, некоторые раскрашены красной и темно-коричневой краской.

Эпоха средней бронзы представлена материалами раскопок могильника в устье р. Дюрсо, дольменного комплекса в верховьях р. Озерейка и, видимо, синхронных друг другу поселения и могильника в с. Мысхако. Именно материалы двух последних памятников наиболее многочисленны и интересны. Они включают в себя разнообразные по форме и размерам образцы плоскодонной керамики различного назначения. Сосуды большей частью покрыты лощением, иногда украшены резным геометрическим орнаментом. Некоторые имеют ручки, часть из которых профилирована. Интересной особенностью коллекции является то, что керамика, найденная на могильнике, повторяет типы сосудов с поселения, но отличается миниатюрными размерами. Среди других находок следует отметить искусно отретушированные кремневые наконечники стрел, каменные мотыжки так называемого сочинско-адлеровского типа, грузила, сделанные из гальки, рогатый костяной амулет-подвеску, квадратную в сечении бронзовую проколку – пока единственный металлический предмет, найденный на этих памятниках. Остальные изделия из бронзы, хранящиеся в музее, а это проушные топоры, топоры-кельты, наконечники копий, тесла, кинжал, являются случайными находками.

Культуру местных племен в эпоху раннего железа отражают материалы раскопок грунтовых могильников Большие Хутора, Шесхарис, Широкая Балка, Цемдолина. В результате этих работ расширились наши представления об этом периоде. Поступившие в музей материалы содержат характерные для Северного Причерноморья бронзовые предметы конского снаряжения: двукольчатые, однокольчатые, стремечковидные удила, трехпетельчатые и трехдырчатые псалии, уздечные бляхи и пронизи. Некоторые предметы выполнены в зверином стиле (рис. 2): бляха с изображением орла, терзающего рыбу; бляшки в виде голов грифона, волка; клювовидные пронизи. Традиционные предметы вооружения: железные наконечники копий, топорики с молотковидным обушком, бронзовые наконечники стрел, а подборка коротких мечей-кинжалов с бабочковидным или сердцевидным перекрестием, брусковидным или антенным навершием позволяет проследить эволюцию этого вида оружия. Предметами защитного вооружения в коллекции являются детали панцирей из бронзовых и железных пластин. Из других изделий из бронзы отметим изящные перстни с миндалевидными щитками, массивные с орнаментированной поверхностью браслеты, диско-

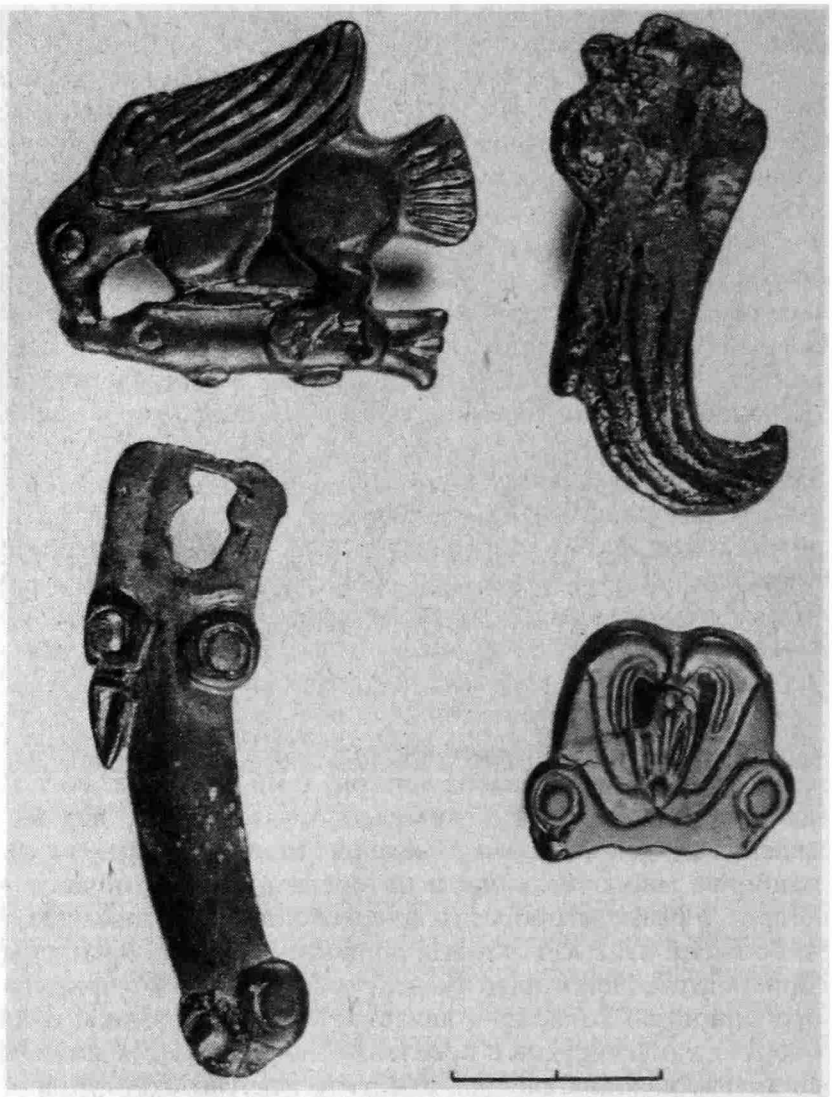


Рис. 2. Зооморфные бляшки конской упряжки. Цемдолинский могильник. Раскопки А.А. Малышева 1995 г.

видные зеркала, одно из которых "ольвийского" типа с ручкой, украшенной головой барана (Онайко Н.А., 1975, с. 83).

Античное собрание музея состоит из уцелевших экспонатов довоенных фондов, большей частью беспаспортных, и материалов раскопок последних лет. Коллекция старого музея хотя и немногочисленна, но выразительна. Она включает в себя чернолаковую посуду классических форм, среди которой выделим краснофигурную ойнохою с изображением Диониса в окружении Менад, а также чернофигурный лекиф с изображением выпрыгнувшего из воды дельфина. Среди других предметов керамической части коллекции отметим мегарскую чашу, краснолаковый стакан с орнаментом, выполненным в технике "барботин", двухрожковый светильник, украшенный фигуркой орла (рис. 3), три терракотовые статуэтки, протомы Деметры и Диониса, Амона, актерскую маску.

В состав коллекции входят 18 фрагментов надписей, все они изданы (Болтунова А.И., 1979, с. 78), самые ценные из них – фрагменты манумиссии. Надписи, видимо, были переданы в музей Н.И. Веселовским, жившим в 1920-е годы в Анапе. К сожалению, беспаспортна и мраморная голова юноши (рис. 4). Интересен бронзовый шлем коринфского типа, имеющий в отличие от многих предметов легенду; он был

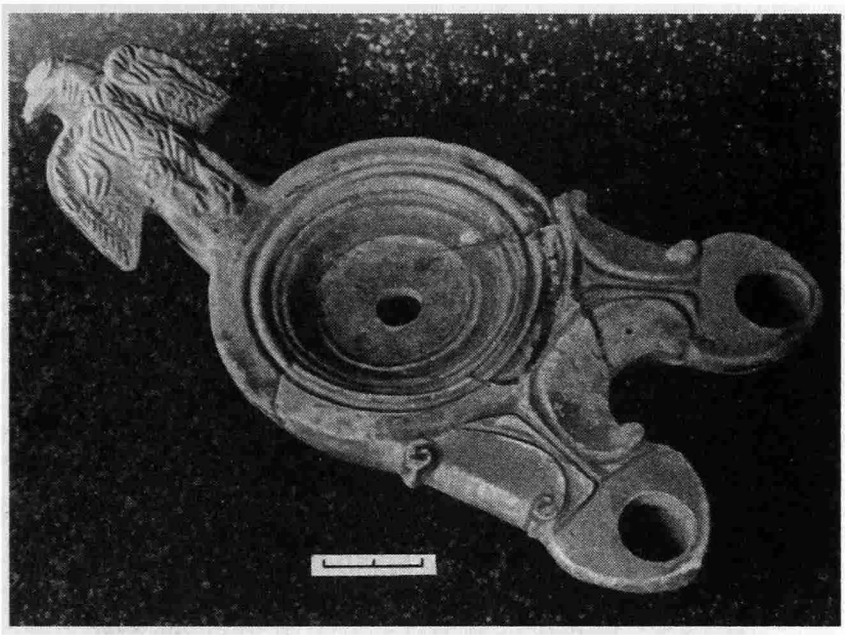


Рис. 3. Светильник. Довоенные фонды музея

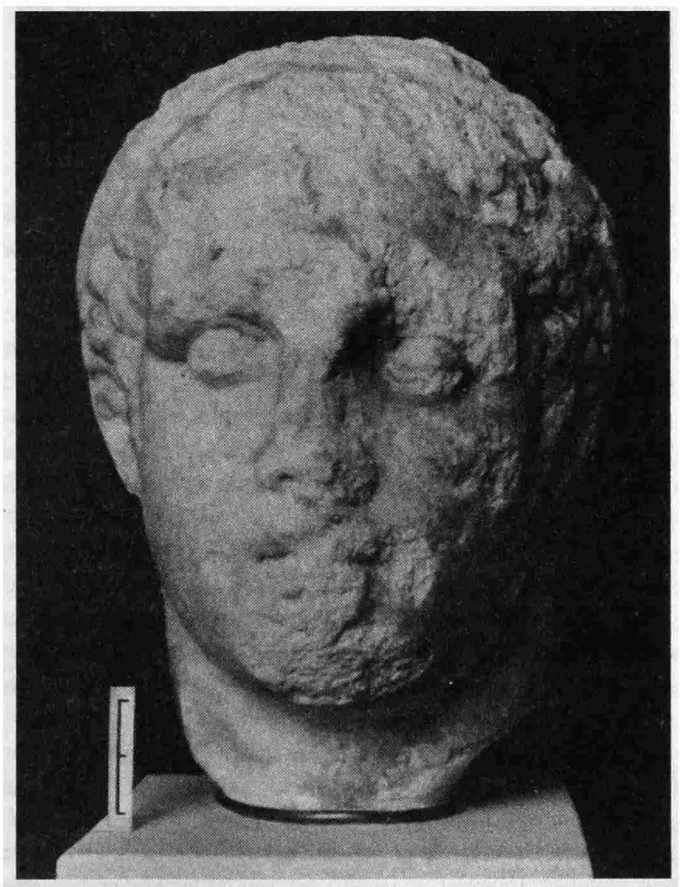


Рис. 4. Мраморная голова юноши. Довоенные фонды музея

Рис. 5. Терракотовая статуэтка Аттиса. Некрополь Мысхако. Раскопки Н.А. Онайко в 1979 г.

найден при строительстве железной дороги под г. Туапсе, так же, как упоминавшаяся ранее чаша с кентаврами (Фармаковский Б.В., 1921, с. 193), и передан в музей в октябре 1917 г.

Материалы, поступившие в результате раскопок, практически охватывают весь античный период. Первой по хронологии стоит коллекция с поселения на Тонком мысу Геленджикской бухты, отождествляемая с Ториком Псевдо-Скилака. Материалы этого поселения относятся к начальному периоду греческой колонизации (Онайко Н.А., 1980). Период IV–II вв. до н.э. нашел отражение в материалах раскопок Раевского городища, подкурганного склепа и грунтового могильника на Раевской оросительной системе, а также в материалах могильника в Лобановой щели. Коллекция включает в себя чернолаковые пелику и канфары, покрытые бурым лаком мегарские чаши и разнообразную столовую и кухонную красноглиняную и сероглиняную гончарную посуду, амфоры Родоса, Синопы, боспорскую клейменную черепицу, бронзовые украшения, среди которых – витые браслеты и перстни-печатки. Оружие в коллекции представлено короткими мечами с антенным навершием, топориками, наконечниками копий и дротиков.

Многочисленны коллекции I в. до н.э.–III в. н.э. Они состоят из материалов раскопок Раевского городища, Владимировского поселения, поселений и некрополей Мысхако, Широкая Балка, Цемдолина, некрополей Дюрсо-1 и Южная Озереевка. Материалы этих памятников схожи, а в чем-то и дополняют друг друга. Содержательна коллекция керамики, включающая в себя большинство видов керамических изделий, бытовавших в то время. В ее составе – краснолаковые лагиносы, чаши, кубки, красноглиняные кувшины, тарелки, флаконы, сероглиняные двух-трехручные канфары, кубышки, миски, кувшины с зооморфными ручками, лепные горшки, сосуды с носиком, рюмкообразные вазочки, тарная керамика, черепица, пирамидальные грузила, трапециевидные плитки "меотского" типа. Коллекция терракот немногочисленна и почти вся происходит из раскопок в Мысхако. Бóльшая часть – это фрагменты, поэтому интересна статуэтка Аттиса с собакой (рис. 5). Точной аналогии нам найти не

Рис. 6. Золотой перстень с геммой на сердолике с изображением Гигиеи. Некрополь Южная Озереевка. Раскопки А.В. Шишлова 1995 г.

удалось, ближайшая по сюжету – статуэтка, найденная в Фанагории, Аттис – ребенок с птицей и собакой (Кобылина М.М., 1978, с. 79). Хороша коллекция стеклянной посуды, до 80 целых форм – кувшины, бутылки, чашки, кубки, бальзамарии, блюдо. Многочисленны наборы бус из стекла, фаянса, гагата, сердолика, янтаря, хрусталя. Есть несколько подвесок из египетского фаянса с изображением Гора, лежащего льва, скарабея. Разнообразны в коллекции изделия из бронзы, серебра, золота. Это украшения, детали одежды, посуда, погребальный инвентарь. Отличаются многообразием украшения этого времени: проволочные массивные браслеты с декоративно оформленными концами, проволочные и витые гривны, серьги в виде проволочного кольца с подвесками, кольца, перстни со вставками. Среди последних выделим перстни с геммами, которых в коллекции полтора десятка. Из последних поступлений можно отметить литой золотой перстень с геммой на сердолике с изображением Гигиеи, кормящей из кубка змею (определение О.Я. Неверова) (рис. 6). Среди украшений неординарен золотой медальон с изображением солнечного божества (рис. 7). Детали одежды представлены в коллекции пряжками со щитками и без них, наконечниками ремней, фибулами различных типов, среди которых выделим круглые и ромбовидные фибулы-броши с цветной эмалью. Из предметов туалета отметим бронзовые кованые из тонкого листа зеркала и зеркала-привески с тамгообразными знаками на обратной стороне. Коллекция бронзовой посуды состоит как из целых форм: ойнохои, патеры, ковша, флаконов, так и из фрагментов сосудов – часть вещей опубликована (Малышев А.А., Трейстер М.Ю., 1994, с. 59). Погребальный инвентарь представлен золотыми штампованными бляшками в виде розеток и протом Деметры, погребальным венком. За последние годы существенно пополнилась коллекция художественной бронзы. К бюсту-гире, найденному в 1969 г. в Широкой Балке (Онайко Н.А., 1971, с. 73), присоединились найденные на Мысхако статуэтки Юпитера (Трейстер М.Ю.,

Рис. 7. Золотой медальон с изображением солнечного божества. Хутор Победа. Случайная находка

1992, с. 41), орла (Шишлов А.В., 1996, с. 53), Геракла (Малышев А.А. и др., 1997, с. 218, 219, рис. 27).

Коллекция оружия этого периода включает короткие мечи с кольцевым навершием и брусковидным перекрестием и длинные мечи с ручкой-штырем без перекрестия, наконечники копий, черешковые наконечники стрел. Из предметов конской упряжи интересны латунные фалары с изображением скачущего на пантере Эрота (рис. 8).

Нумизматическая часть античной коллекции состоит из боспорских и римских монет разного достоинства, наиболее яркие из них – боспорские статеры I–II вв. н.э., среди которых уникальны статер Котиса I 49 г. н.э. (Онайко Н.А., Дмитриев А.В., 1982, с. 120) и "варварские" подражания римским денариям (Онайко Н.А., 1967, с. 52). В состав коллекции входит один клад – Куматырский II в. до н.э. (157 ед.), а точнее его половина, так как вторая часть хранится в Анапском музее.

Эпоху раннего средневековья в музейном собрании освещают великолепные материалы грунтового могильника на р. Дюрсо (Дмитриев А.В., 1979, с. 52), насчитывающие более 5000 предметов. Хронологически более ранний материал V–первой половины VIII в. этого могильника характеризуется разнообразной керамической и стеклянной посудой, обилием украшений и деталей одежды из меди, серебра и золота, среди которых, несомненно, наиболее интересны двухпластинчатые фибулы, пряжки, височные кольца, гривны, серьги. Оружие представлено кинжалами с двумя вырезами на рукояти, длинными мечами, наконечниками копий и топорами. Ко второй хронологической группе могильника Дюрсо VIII–IX вв. н.э. примыкают материалы могильника Цемдолина (птицефабрика) и материалы разрушенного могильника на землях бывшего совхоза "Ленинский путь". Коллекция этого времени характеризуется прекрасно дошедшими до нас из-за особенностей погребального обряда железными предметами вооружения и конского снаряжения. Вооружение представлено слабоизогнутыми саблями, наконечниками копий с узким пером, топориками с молотковидным обушком, разнообразными черешковыми наконечниками стрел, наборами ножей раз-

Рис. 8. Латунный фалар с изображением Эрота на леопарде. Цемдолинский могильник. Раскопки А.А. Малышева в 1991 г.

личных размеров. В состав конского снаряжения входят удила со стержневидными и S-видными псалиями, стремена арочной формы, подпружные пряжки. Керамика этих памятников представлена ойнохоевидными кувшинами, сероглиняными и красноглиняными кувшинчиками, амфорами, пифосообразными сосудами с рифлением.

Остальной средневековый материал суммарно датируется XII–XVI вв. и включает в себя материалы курганных могильников Грушовая Балка, Молдаванский, Днепровский, Южная Озереевка, Владимировка, Мысхако, Лобанова щель, Шесхарис, Сапун, Большие Хутора, а также небольшое количество предметов из довоенных фондов и случайные находки.

Наиболее массовым материалом этих памятников являются предметы вооружения и конского снаряжения. В состав набора вооружения входят длинные слабоизогнутые сабли, наконечники копий, топоры-секиры, четырехгранные, листовидные, треугольные, ромбические наконечники стрел, длинный нож, костяные детали колчанов. Защитное вооружение включает шлемы, кольчуги, железные оковки щитов.

Конское снаряжение представлено однокольчатыми двусоставными удилами с кольцами для повода, стременами дуговидной и овальной формы с плоской широкой подножкой, бронзовым начельником с подвесками-бубенцами. Керамика этого периода состоит из красноглиняных кувшинов разных размеров, среди которых интересен тип с одним или двумя перехватами тулова, поливной посуды, в которой выделим чаши со стилизованной арабской надписью и изображением барса. В коллекцию входят использовавшиеся в качестве погребальных урн рифленые ангобированные амфоры с высокими ручками, пифосообразные лощеные или рифленые сосуды с ручками-ушками, высокие сосуды с ойнохоевидными венчаком и двумя ручками. Среди керамики этого времени – и самые крупные сосуды в собрании музея – пифосы емкостью от 500 до 700 л из кратковременно существовавших в XIII в. поселений. Интересна стеклянная посуда, коллекция которой включает графины, рюмки, высокие стаканы, один из них с изображением золотых рыбок и арабской надписью.

Рис. 9. Бронзовое зеркало из разрушенного погребения. с. Владимировка 1927 г.

Предметы туалета состоят из наборов ногтечисток и копоушек, зеркал из серого сплава с выпуклой ручкой на нерабочей части. Редким экземпляром является бронзовое зеркало с изображением бегущих зверей и надписью по окружности на обратной стороне диска (рис. 9). Оно происходит из старой коллекции музея и, судя по запискам Г.Ф. Чайковского, было найдено у с. Владимировка в 1927 г. (Чайковский Г.Ф., 1927–1928, с. 75).

Украшения и детали одежды представлены бронзовыми и серебряными подвесками в одни или полтора оборота, серьгами в виде знака вопроса, пряжками и бронзовыми пуговицами. Редкостью является бронзовая иконка-подвеска с изображением богоматери (рис. 10).

Средневековая нумизматическая коллекция состоит из византийских, арабских, золотоордынских, крымско-татарских монет. В ее состав входит один клад крымских серебряных монет XV–XVI вв. н.э. (384 ед.), найденных на хуторе Чекон. Среди редких экземпляров коллекции отметим золотой солид императора Феофила.

К особенностям археологических фондов Новороссийского музея относится коллекция подводных археологических находок. Бóльшая часть коллекции сформирована из случайных находок, сделанных водолазами и рыбаками в различных пунктах Черного моря. В нее также вошли материалы, переданные подводной археологической экспедицией А.В. Кондрашова по результатам работ в акватории Цемесской бухты и в районе мыса Тузла в 1990–1991 гг. Коллекция содержит якорные камни эпохи бронзы, каменные и свинцовые штоки деревянных греческих якорей, средневековые железные якоря, а также амфоры – от античных до средневековых.

В заключение следует сказать, что археологические фонды Новороссийского го-

Рис. 10. Бронзовая иконка с изображением богоматери. Курганный могильник Мысхако. Раскопки Н.В. Федоренко в 1991 г.

сударственного исторического музея-заповедника дают объективную картину жизнедеятельности человека в разные исторические эпохи и являются надежным фундаментом для дальнейшего изучения истории нашего края.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Болтунова А.И., 1979. Из эпиграфических коллекций Новороссийского историко-краеведческого музея // ВДИ. № 2.

Гей А.Н., Савченко Е.И., 1992. Исследование поселения Мысхако 1 в 1990 г. // Археологические раскопки на Кубани в 1989–1990 годах. Ейск.

Дмитриев А.В., 1979. Могильник эпохи переселения народов на реке Дюрсо // КСИА. № 158.

Кобылина М.М., 1978. Изображения восточных божеств в Северном Причерноморье в первом веке н.э. М.

Малышев А.А., Дмитриев А.В., Колпакова А.В., Шишлов А.В., Федоренко Н.В., 1997. Исследования в поселке Мысхако // АО-96. М.

Малышев А.А., Трейстер М.Ю., 1994. Погребение Зубовско-Воздвиженского типа в окрестностях Новороссийска // Боспорский сборник. № 5.

Онайко Н.А., 1967. "Варварские" подражания римским денариям из раскопок Раевского городища // КСИА. № 109.

Онайко Н.А., 1971. Бронзовый бюст-гиря из раскопок античного поселения в Широкой Балке // КСИА. № 128.

Онайко Н.А., 1975. Результаты работ Новороссийской экспедиции в 1971–1972 гг. // КСИА. № 143.

Онайко Н.А., 1980. Архаический Торик – античный город на северо-востоке Понта. М.

Онайко Н.А., Дмитриев А.В., 1982. Сторожевые посты в окрестностях Бат // ВДИ. № 2.

Трейстер М.Ю., 1992. Бронзовая статуэтка Юпитера Капитолийского из Мысхако // ВДИ. № 2.

Фармаковский Б.В., 1921. Серебряная украшенная рельефами чашка Новороссийского музея // ИРАИМК. Т. I. № 19.

Чайковский Г.Ф., 1927–1928. Случайные находки древностей в 1924–1927 гг. на Черноморском побережье // Зап. Северо-Кавказского о-ва археологии, истории, этнографии. Т. III. Вып. 3–4. Ростов-на-Дону.

Шишлов А.В., 1996. Археологические памятники Новороссийска и история их исследований // Исторические записки Новороссийского музея-заповедника. Новороссийск.

Новороссийский государственный
исторический музей-заповедник

Дискуссии

Я.А. ШЕР

О СОСТОЯНИИ АРХЕОЛОГИИ В РОССИИ

(продолжение полемики)

В 1995 г. в № 3 журнала "Российская археология" случайно или преднамеренно сошлись две статьи, написанные по разным поводам, но фактически на одну тему. Первая – В.И. Гуляева и Л.А. Беляева "О современном состоянии археологии в России" (полемические заметки) – своим подзаголовком как бы призывала к дискуссии. Автор второй статьи «О книге Л.С. Клейна "Феномен советской археологии" и о самом феномене» А.А. Формозов, разбирая книгу Л.С. Клейна, рассматривал те же вопросы, но оценивал состояние археологии в нашей стране раньше и сейчас почти во всем противоположно оценкам В.И. Гуляева и Л.А. Беляева. Таким образом, дискуссия началась сразу. Казалось, что должно было последовать продолжение. Ведь поднята острая проблема, которая касается всех нас, причем не только в России. Подобные же вопросы дискутируются в печати на Украине (Отрощенко В.В., 1997; Посредников В.А., 1997), а устно – практически везде в странах СНГ. Однако прошло больше двух лет, но никто по поставленным вопросам не высказался. В данной статье предпринимается попытка продолжить полемику.

Принимая предложение В.И. Гуляева и Л.А. Беляева рассматривать "социальный статус, самоощущение" нашей науки внутри общества во время кардинальных перемен в самом обществе, я бы добавил, что всякую науку делают живые люди с их личными качествами, с достоинствами и недостатками. Поэтому самоощущение науки будет неполным без некоторого трудноуловимого человеческого фактора, который ее сопровождает, но всегда остается в тени. Мемуаров археологи почему-то не пишут. Приятным исключением стали две книги Б.Б. Пиотровского, но они посвящены другим сторонам нашей науки. Очень интересны, хотя и небесспорны, историографические труды и статьи А.А. Формозова, но пока еще всего этого мало. Когда на лекциях по курсу "Введение в археологию" начинаешь рассказывать студентам об М.И. Артамонове, А.В. Арциховском, Б.Н. Гракове, М.П. Грязнове, А.А. Иессене, М.И. Максимовой, Т.С. Пассек, С.И. Руденко и других наших учителях, как о живых людях, аудитория замирает и преображается. Наука из безличной превращается в живую.

Советская археология до перестройки (1950–1980-е годы). Для меня и моих сверстников-археологов, из которых в живых осталось не так уж много, есть большой соблазн "впасть в ностальгическое любование" тем ушедшим временем, когда, по мнению В.И. Гуляева и Л.А. Беляева, положение археологии было довольно благополучным (Гуляев В.И., Беляев Л.А., 1995, с. 97). В самом деле, для нас, кому сейчас больше 60 лет, 1950–1960-е годы были счастливыми: вхождение в науку, первые собственные раскопки и открытия, первые доклады на всесоюзных пленумах, первые публикации, первые книги. Положение археологии на Западе мы знали плохо. Далеко не все из нас владели языками, а те немногие, кто владел и читал зарубежную литературу, не очень спешили распространять свои знания о положении археологии на Западе.

© Я.А. Шер, 1999 г.

Недолго было оказаться в числе "низкопоклонников" или, того хуже, идеологических диверсантов. Из того же, что публиковалось в нашей печати об археологии на Западе, в основном получалась "буржуазная наука на службе империализма" (Монгайт А.Л., 1949; 1951; позднее А.Л. Монгайт давал западной науке намного более объективные оценки: Монгайт А.Л., 1963; 1973; 1974).

Возьмем период в 35 лет (1950–1985 гг.). Интервал выбран совершенно произвольно: то, что мне довелось видеть самому, как бы "изнутри", с 1950 по 1954 г. как участнику экспедиций, руководимых А.Н. Бернштамом, А.П. Окладниковым, Г.Ф. Дебецом, а с 1958 г. – как аспиранту и сотруднику ЛОИА.

Советская археология была сосредоточена в учреждениях трех типов: 1) институты АН СССР и АН союзных республик (фактически это была единая система); 2) крупные музеи; 3) кафедры старых университетов. В библиографическом указателе "Советская археологическая литература" за 1958–1962 гг. приведено 8178 публикаций, принадлежащих примерно 950 авторам книг и статей[1]. Около одной трети из них – авторы публикаций по смежной, историко-этнографической и иной тематике. Таким образом, в отмеченные годы действующих "чистых" археологов в СССР было примерно 600–650 чел., что совсем немного для такой огромной страны, даже если сократить ее площадь до половины или одной трети за счет гор, морей и иных "нежилых" территорий. Когда в конце 1950-х или в начале 1960-х годов П.Н. Третьяков вернулся из командировки в Чехословакию, он сообщил, что там на единицу площади приходится в десятки раз больше археологов, чем у нас. Однако эти вопросы оставались где-то на заднем плане и не вызывали какого-то недовольства существующим положением. Оно воспринималось как нечто "от бога", не подлежащее сомнению.

Не вызывало особого неудовлетворения и бюджетное финансирование в целом весьма скромное, но сравнивать было не с чем, а специфика науки такова, что гнаться за кубометрами не приходилось. Отдельные ученые добивались приличного финансирования для своих экспедиций (Хорезм, Новгород, Пенджикент), но таких были буквально единицы.

Известное постановление СНК об особом финансировании археологических работ в зонах строительства особенно интенсивно заработало в связи с "великими планами преобразования природы". Нас радовала возможность масштабных исследований на новостройках, отпускавших невиданные по тем временам деньги на эти цели. Когда, например, на Байкальскую экспедицию 1959 г. было отпущено 1,2 млн. руб. (в дохрущевских деньгах), эта сумма оказалась столь гигантской, что для укомплектования экспедиции пришлось устраивать мобилизацию и почти принудительно направлять туда античников, среднеазиатов, неолитчиков и других специалистов, а также привлекать москвичей и местных археологов. Никто не допускал и тени сомнения в целесообразности "великих строек коммунизма".

Большое значение для нас имело осознание принадлежности к Академии наук СССР, престиж которой был самым высоким среди научных учреждений страны. Не последнее место занимала и вполне приличная по тем временам зарплата, которая напрямую зависела от научных успехов и резко повышалась после присуждения ученых степеней. Мы тогда как-то эгоистично не думали о том, что в соседнем по Дворцовой набережной Эрмитаже такие же по квалификации археологи получают зарплату вдвое более низкую.

Тем из нас, кто умел и хотел преподавать, разрешалось по совместительству преподавание в университете. Это тоже возвышало нас в собственных глазах и требовало повышать свой профессиональный и общенаучный уровень. Наконец, в академический институт всегда было очень трудно попасть, но из него практически никого не увольняли. Правда, в начале 1970-х годов прошла некоторая совершенно беззаконная "чистка рядов", особенно в Ленинграде, но в целом на престиже академии это не отразилось.

---

[1] Чтобы избежать случайностей, авторы одной публикации не учитывались.

За эти годы (1950–1985) советская археология достигла без преувеличения больших успехов. Были возобновлены или начаты масштабные стационарные раскопки в Костенках, Новгороде, Пенджикенте, на античных памятниках Причерноморья, в долинах Оби, Иртыша, на Енисее и на Алтае. Это было время выдающихся полевых открытий: палеолитическая живопись в Каповой пещере, письмо на бересте, согдийские фрески, скифское золото с Украины и из Средней Азии и многое другое. В те же годы началось активное использование в археологии естественнонаучных методов: абсолютное датирование по радиоуглероду, геофизические методы поиска и изучения памятников (особенно в Крыму), аэрофоторазведка и аэрофотосъемка (особенно в Хорезме, в Туве и на Украине), первые успешные попытки использования математических методов и ЭВМ. Тогда же произошел мощный рывок в области теории, не только сопоставимый с американской "новой археологией", но и превосходящий ее по ряду показателей.

Постоянно росло количество публикаций. В библиографических указателях за 1950–1984 гг. указано 77 389 печатных работ. Обычно в среднем на 40–50 археологических публикаций приходится одна книга (монография), не считая сборников статей и трудов конференций. Значит, за это время вышло около 2000 книг. Среди них были такие фундаментальные работы, как "Зодчество Северо-Восточной Руси" Н.Н. Воронина, "Древний Киев" М.К. Каргера, "Ванское царство" Б.Б. Пиотровского, "Древняя история Южной Сибири" С.В. Киселева, "Изображения человека в палеолитическом искусстве Евразии" З.А. Абрамовой, "Историко-археологические очерки Центрального Тянь-Шаня и Памиро-Алая" А.Н. Бернштама, "Древнейшее прошлое человечества" П.И. Борисковского, "Первобытная техника" С.А. Семенова, работы В.В. Бунака и Я.Я. Рогинского по антропогенезу, М.М. Герасимова по реконструкции внешнего облика по лицевому скелету, "Аржан" М.П. Грязнова, публикации Новгородской и Пенджикентской экспедиций, целая серия "Свода", большая часть задуманной в 1960-х годах 20-томной "Археологии СССР" и многие другие.

Некоторые из этих публикаций сейчас критикуются – например, работы А.П. Окладникова, С.П. Толстова, "Свод" и "Археология СССР" (Формозов А.А., 1995, с. 230, 231). Конечно, в работах С.П. Толстова, А.П. Окладникова и других их сверстников есть недостатки. Но, во-первых, это критика работ 40–50-летней давности с позиций современной науки, что некорректно. Во-вторых, это были большие монографии по совершенно новым направлениям археологии, и недостатки, видимые сейчас, в те годы были незаметны. Что же касается "Свода" и "Археологии СССР", то это особый вид издания, при котором была нужна либо длительная подготовительная работа по созданию описательных и классификационных стандартов (тогда бы мы не увидели вообще ни одного выпуска ни "Свода", ни "Археологии СССР"), либо следовало вырабатывать эти стандарты по ходу издания отдельных выпусков, чего, к сожалению, также не произошло. Тем не менее "Своды" и "Археология СССР" в магазинах не залеживались и сейчас пользуются большим спросом.

Нельзя не отметить, что крупнейшие авторитеты западной археологии (В. Гордон Чайлд, Фр. Борд, А. Леруа-Гуран, К. Йеттмар, К. Михаловский и др.) относились к успехам нашей науки не только внимательно, но и одобрительно. Парадоксально, но во времена жесткого идеологического пресса значительно чаще, чем сейчас, печатались переводы на русский язык книг В.Г. Чайлда, Дж. Г.Д. Кларка и Дж.Д. Кларка, Э. Маккея, С.К. Дикшита, Д. Пендлбери, А. Эванса, К. Йеттмара, Ж.-К. Гардена и других далеких от марксизма западных археологов.

Несмотря на общее прохладное отношение высокого партийно-государственного начальства к древности вообще и к археологии в частности, археологов иногда отмечали самыми престижными научными премиями того времени – Сталинскими (позднее Государственными) и Ленинскими. Как и в других науках, не все из этих работ заслуживали такой высокой оценки и здесь, конечно, не обходилось без соответствующих интриг, но в данном случае важен сам факт: власть признавала научную ценность археологических исследований и видела в них нечто большее, чем только идеологи-

ческое обеспечение своей политики, как это было с историей нового и новейшего времени. Однако из этого вовсе не следует, что "археология находилась в целом вне идеологических подозрений, а это обеспечивало археологам известную свободу действий" (Гуляев В.И., Беляев Л.А., 1995, с. 98). В условиях тотальной несвободы такого просто не могло быть "по определению".

Не говоря уже о репрессиях 1930-х годов, когда совершенно безвинно либо погибли, либо пострадали Г.А. Бонч-Осмоловский, Г.И. Боровка, М.П. Грязнов, Б.С. Жуков, Б.А. Куфтин (единственный в СССР археолог, именем которого названа улица в Тбилиси), Б.А. Латынин, А.А. Миллер, С.И. Руденко, С.А. Теплоухов. Достаточно также вспомнить проработки 1950-х годов, которые полностью следовали указаниям из ЦК ВКП(б) – КПСС. Эти экзекуции всегда совпадали с волнообразными кампаниями борьбы то с космополитизмом и низкопоклонством, то с буржуазным национализмом, то с марризмом, формализмом и бог знает с чем еще. Бывало так, что кампания уже иссякла, а люди еще попадали под ее инерционные или отраженные волны. Доходило до смешного, если бы это не было столь грустно. Например, А.Н. Бернштама в компании с киргизским поэтом А. Токомбаевым и русским композитором А. Фере обвиняли в киргизском буржуазном национализме.

Бывало и наоборот, когда ведущие археологи сочиняли заказные, полностью подыгрывающие политической конъюнктуре публикации. Началось это в 1930-е годы; кстати, и А.Н. Бернштам был по молодости к этому причастен (печально знаменитая статья против С.И. Руденко). В 1950–1960-е годы это "творчество" набрало новую силу. Писали то об исконности славянства чуть ли не с эпохи палеолита, то о границах древнекитайских культур на нашем Дальнем Востоке, которые менялись в зависимости от политической погоды, то о России как родине всех достижений культуры. Именно тогда родилась печально-ироническая формула "Россия – родина слонов".

Можно возразить: "Попробуй откажись в те времена" – и таким образом оправдаться, но ведь мы знаем, что одни отказывались или тихо саботировали подобные указания, несмотря на действительную опасность, а другие сочиняли эти прокламации весьма охотно и гордились ими. Все было очень неоднозначно, и нельзя в оценке состояния советской археологии пользоваться только белой или черной красками. В.И. Гуляев и Л.А. Беляев, например, сильно приукрасили политическую независимость археологии тех лет, а А.А. Формозов, наоборот, сгустил краски: "Внедрение коммунистической партией в науку своих людей, сплошь и рядом невежественных и агрессивных, характерно не только для 1920–1930-х годов, но и для всего остального времени... Признав право археологии на существование, партийное руководство страны не собиралось предоставить археологам возможность работать так, как подсказывал им опыт русской и мировой науки, а диктовало им, что нужно и что не нужно, что идеологически выдержано, а что нет... Именно жесткий диктат партийных невежд и тех из ученых, кто ради карьеры стал проводить предписанные свыше требования, и делал работу археологов в СССР крайне трудной" (Формозов А.А., 1995, с. 227–229).

Это неверно. Во-первых, не знаю, как в 1920–1930-х годах, но в 1950–1970-х годах это были вовсе не невежды, а люди из своей же академической среды, образованные специалисты, талантливые сочинители, по-видимому, искренне считавшие себя обязанными проводить в жизнь "линию" и слыть бóльшими католиками, чем папа римский. Во-вторых, никакие начальники не могли ничего диктовать, например, М.И. Артамонову, который был снят с поста директора Эрмитажа именно за достоинство и независимость. Никто не мог заставить М.И. Максимову, М.П. Грязнова, С.И. Руденко, И.И. Ляпушкина и им подобным делать что-то по команде – наоборот, с ними приходилось считаться. Б.Б. Пиотровский, при всем своем конформизме, смог противостоять всесильному Г.В. Романову.

Вернемся к главному в нашей работе – к раскопкам. Уже в начале 1960-х годов большой размах работ на новостройках породил у кое-кого из нас сомнения в необходимости столь жестких темпов строительства. Вскоре после начала работ Красноярской экспедиции стало ясно, что к затоплению Хакасско-Минусинской котловины

мы не успеем не то что раскопать все, что уходило под воду, но и выборочно охватить хотя бы основные периоды. Подход властей к археологическим работам на новостройках в целом верно был охарактеризован А.А. Формозовым: "На новостройках не археологи диктовали сроки строительства, а строители задавали неприемлемый для ученых темп... Новостроечные экспедиции 1970–1980 гг. выезжали в поле в апреле, когда земля еще была покрыта снегом, а возвращались в октябре, когда снег вновь ложился... Материала добывалось так много, что его негде было хранить, некому реставрировать и обрабатывать..." (Формозов А.А., 1995, с. 229). Не совсем верно, что темп задавали строители. На самом деле темп задавали партийно-хозяйственные власти, которые должны были к тому или иному юбилею и уж обязательно к 31 декабря отрапортовать о новом "достижении". Строителей тоже не устраивали такие темпы, хотя их и подкупали премиями, орденами и т.п. Честные строители понимали, что страдает качество работ, и иногда "бунтовали". Так, за отказ подписать акт о пуске очередного агрегата, который на самом деле был не готов, поплатился один из директоров строившихся ГЭС, с пониманием относившийся к нам и нашим работам.

Сейчас о "преобразовании природы" уже сказано и написано так много, что даже неосведомленному интеллигентному человеку не пристало вспоминать с одобрением эти чудовищные насилия над природой. Тем, кто десятки сезонов отдал новостроечным экспедициям, драма, показанная В. Распутиным в "Прощании с Матерой", кажется лакировочным соцреализмом в сравнении с реальными трагедиями на всех уровнях – от конкретных семей до страны в целом. Ущерб, нанесенный стране, исчисляется многими десятками миллиардов рублей (в ценах 1960-х годов) и еще продолжает наноситься. Потери российской археологии только от затопления долины Верхнего Енисея, этого уникального археологического музея под открытым небом, вряд ли удастся подсчитать хотя бы приблизительно. Потеряны целые эпохи. Например, здесь долго не могли найти достоверно неолитического культурного слоя. А когда Л.П. Зяблин, наконец, нашел удивительную по материалу стоянку Унюк, нефрит и керамику приходилось доставать уже из-под воды, потому что гидростроители и в наполнении водохранилища были обязаны опережать план.

Кроме ушедших под воду памятников, потери продолжаются. Грубые ошибки проектировщиков привели к тому, что контур Красноярского водохранилища на правом берегу не устоялся до сих пор (через 30 лет после затопления). Это установлено специальным обследованием (Широков В.М., 1974, с. 146–148). Крутой правый берег Енисея продолжает рушиться, и вместе с ним уходят под воду культурные слои поселений, курганы и петроглифы. Затоплены так и не обследованные пещеры Кубинская и Жемчужная. При этом деньги на археологический надзор больше не отпускаются.

Определенную роль "великие стройки" сыграли и в личных судьбах тех, кто пытался доказать Б.А. Рыбакову (он тогда был академиком-секретарем отделения исторических наук и директором сразу двух институтов, имел немалый вес и прямой выход на ЦК КПСС и Совет министров), что эти темпы гибельны для памятников. Чем это кончилось для "ходатаев", хорошо известно.

Для сравнения – свежий пример. Недавно в Португалии в долине р. Коа были обнаружены уникальные петроглифы, которые, как считают многие специалисты, относятся к эпохе палеолита. Это место попало в зону затопления строящейся плотины. По просьбе службы охраны памятников, сроки затопления долины без особых сложностей были перенесены, чтобы дать возможность археологам досконально изучить эти находки. Судя по тому, что на днях пришло приглашение на симпозиум в "археологический парк Коа", не исключено, что здесь будут построены специальные защитные сооружения.

Для объективных оценок прошедших десятилетий еще прошло слишком мало времени. У каждого из нас слишком много пристрастия неизбежного для свидетелей тех событий. Но писать об этом нужно сейчас. Пусть эти записки будут субъективными – время все расставит на свои места. Нужно публиковать факты, воспоминания, а наши потомки сами разберутся, кто чего стоил. Ведь это та, невидимая извне, часть нашей

науки, которая не отражена ни в каких документальных источниках. Если бы даже удалось найти чудом сохранившиеся протоколы партийных собраний и заседаний парткомов или каких-то "погромных" ученых советов, восстановить по ним подлинный дух того времени будет невозможно, его помнят только современники. Ведь никакой, даже самый подробный протокол не отразит атмосферы заседаний, на которых, например, громили ЛО ИИМК за марризм, а заодно и за все, что угодно остальное. Никакой протокол не отразит подлинной атмосферы некоторых докторских защит с заведомо запланированными провалами или заседаний советов, на которых при помощи "черных шаров" расправлялись с неугодными.

Не следует повторять ошибку наших учителей. Те из них, кому удалось выжить после репрессий 1920–1930-х годов и последующих проработок, были настолько запуганы или зажаты, что даже после реабилитации не вступали ни в какие разговоры о своих мытарствах и тем более не оставили никаких записанных воспоминаний. Например, М.П. Грязнов только в конце 1960-х годов слегка "оттаял" и иногда со свойственным ему юмором рассказывал в узком кругу, как он, сидя в тюрьме НКВД на ул. Каляева (в Ленинграде), изобрел игру в шашки для троих партнеров. Но в ответ на более серьезные вопросы тут же замыкался и деликатно давал понять, что ему не хочется продолжать разговор.

Пытаясь подытожить все, чего достигла наша наука за 1950–1985 гг., нужно учитывать, что для разных поколений эти итоги могут показаться разными. Мы вошли в науку и выросли в условиях, которые большинству из нас казались естественными. Было много всяких беспокойств, но одно мы знали твердо: средства на исследования, очень разные (для одних мизерные, для других практически неограниченные), отпускались стабильно, зарплата была относительно высокой, книги – дешевыми. Время от времени нас упрекали в том, что мы – иждивенцы на шее рабочих и крестьян. Самое обидное было слышать это из уст своих же начальников. Но и к этому мы тоже привыкли.

Наряду с несомненными успехами науки в целом, в конце 1960-х и в начале 1970-х годов мы стали замечать, что возникает разрыв между поколениями. Впервые я об этом задумался серьезно, когда ушел из жизни С.И. Руденко. Оказалось, что в случае, как говорится, "не дай Бог", почти ни у кого из старшего поколения нет равноценной замены. И действительно, еще через 10–15 лет наши учителя стали уходить один за другим, не вырастив себе такой смены, которая могла бы достичь большего, чем они сами (подробнее см. Формозов А.А., 1995, с. 230, 231), а это – главное условие успешного развития науки. Ученики должны опережать учителей, иначе наука начнет деградировать.

Итак, в целом этот период, как мне представляется, можно охарактеризовать двумя самыми главными итогами, противоположными по своему значению.

1. Советская археология достигла очень высокого уровня своего развития во всех направлениях. В некоторых из них мы опережали мировой уровень. Так, один довольно известный палеолитчик из Бельгии говорил мне на конгрессе в Турине, что он и его коллеги считают для себя честью стажировку в Костенках. В чем-то мы были на мировом уровне: например, методы математической обработки, классификации, абсолютное датирование развивалось у нас одновременно с Западом и самостоятельно. В чем-то мы отставали. Но в одном мы еще не скоро достигнем мирового уровня – в обустройстве науки: в оборудовании, снабжении, в разделении труда, в реализации идей, которые нашим специалистам нередко приходили раньше, чем западным коллегам. Но, видимо, такова уж российская судьба. Однако в целом, как верно отметил А.А. Формозов, за 1950–1980-е годы советские археологи свой долг перед наукой выполнили (Формозов А.А., 1995, с. 231).

2. В силу ряда разных обстоятельств (объективных и субъективных) в 1960–1970-е годы наметился, а затем стал углубляться разрыв между поколениями. Он выразился в том, что ученые старшего, "гаимковского", поколения по разным причинам (объективным и субъективным) не смогли плавно передать эстафету своим наследникам.

Этот разрыв сказывается сейчас и еще долго будет отрицательно влиять на состояние нашей науки.

Разумеется, эти итоги не перекрывают всего и не исключают многих других успехов и потерь. Период был очень насыщен и выдающимися достижениями, и грустными событиями. Это была реальная история нашей науки, и если к кому-то из нас она была не так милостлива, как бы этого хотелось, ничего не поделаешь. У истории, как и у природы, "нет плохой погоды".

Перестройка (1985–1991). Люди интеллигентные воспринимали перестройку, как правило, только с одной точки зрения: свобода слова и власть закона дороже колбасы. Однако только очень немногие могли предвидеть, что долгожданная свобода потребует значительно бóльших жертв, чем дешевая колбаса по талонам. Законность тоже вроде бы есть, но опять не та и не для всех, прямо как Закон об охране памятников: ответственность предусмотрена, даже уголовная, но ни раньше, ни сейчас он ни разу не сработал, хотя памятники продолжают разрушать и грабить.

Наука – система очень инерционная. Поэтому в первые 3–4 года (1985–1988) явно заметных изменений и не могло произойти. Исследования финансировались, зарплату платили. Большие надежды связывались с приходом нового директора ИА АН СССР акад. В.П. Алексеева. Стратегия директора головного института всегда была важна для всех археологических учреждений страны. Такая ситуация сложилась в то время, когда директором был акад. Б.А. Рыбаков. Можно спорить, чего в этой стратегии было больше – положительного или отрицательного. Это зависит от точки зрения. Например, В.И. Гуляев и Л.А. Беляев считают, что это было хорошо, что так была создана стройная и разветвленная система археологических учреждений разного уровня (Гуляев В.И., Беляев Л.А., 1995, с. 98). Я думаю, что это была типичная феодальная система удельного княжения и вассальной зависимости. Сам Б.А. Рыбаков иногда как бы в шутку называл руководителей секторов или регионально-хронологических направлений удельными князьями и воеводами. Когда мы отмечали 70-летие М.П. Грязнова, в ЛОИА пришла телеграмма: "Поздравляю воеводу сибирского..." и далее по тексту. Но это – взгляд из Ленинграда. Если посмотреть на эту политику из Москвы или, наоборот, со стороны далекой периферии, может быть это было и хорошо, поскольку в те годы, когда подобная система создавалась, в отдалении от Москвы и Ленинграда было мало квалифицированных кадров и, возможно, была нужда в твердой руководящей руке.

Ко второй половине 1980-х годов ситуация изменилась и систему нужно было менять. В.П. Алексеев это хорошо понимал, но еще лучше он понимал, что в интересах института и всей советской археологии не следует делать "резких движений", нужно постепенно гасить упомянутую выше инерцию. К сожалению, Валерий Павлович никогда не был внимателен к своему здоровью и погиб, что называется, "на взлете". Все же кое-что важное он успел сделать. Были сняты некоторые уже ставшие привычными запреты: тем, кто при прежнем директоре был "невыездным", разрешили зарубежные поездки; Совету ленинградского отделения разрешили прием докторских защит, чего он был лишен еше со времен марристского погрома, а вскоре и вообще разрешили отделиться и возродить независимый ИИМК. Тоже, кстати, не совсем ясно, чего в этом акте обретения независимости было больше – плюсов или минусов.

Итак, недолгий период перестройки особого вреда нашей науке не причинил. Принес ли он пользу – об этом можно спорить: кому-то принес, а кому-то нет. Но так было и раньше.

Постперестройка и реформы (1992 г. и позже). После первых, еще инерционных лет перестройки пришли "тяжелые времена", и кое-кто затосковал по ушедшему времени. Когда говорят "пришли тяжелые времена", очень хочется спросить: а когда были "легкие времена"? Всякие времена для одних были легкими, для других тяжелыми. Ведь количество добра и зла в мире стабильно, оно только перетекает от одних к другим. Для одних постперестроечные приобретения оказались вполне реальными, для других – эфемерными. Однако одна потеря для археологов оказалась общей и весьма

болезненной: резкое сокращение, а потом и полная потеря бюджетного финансирования полевых и иных исследований, средств на командировки. Точнее, финансирование осталось прежним, но взлетели цены (результат один и тот же). Плюс ко всему упал уровень реальной зарплаты, особенно для рядовых сотрудников. Нет денег на оборудование, на литературу, на все, что еще вчера, хоть и в мизерных объемах, но поступало регулярно и, главное, централизованно. Был "Центракадемснаб", где все старались иметь знакомства. Равенство в нищете было не только в быту, но и в науке. Каждый администратор на любом уровне твердо знал: нужно уметь "выбить" или "выпросить" в Москве. Когда я заведовал Лабораторией археологической технологии в ЛОИА, вопрос о дополнительных 4500 руб. (в ценах 1968 г.) для покупки микроавтобуса с геофизическим оборудованием мог решить только первый вице-президент АН СССР М.Д. Миллионщиков. Поскольку вице-президент принимал только директоров институтов, а Б.А. Рыбаков идти к нему с этой просьбой не пожелал, а ограничился только поддерживающим письмом, можно себе представить, каких усилий стоило получить положительную резолюцию М.Д. Миллионщикова. Москва была ближе к начальству и Москве вообще жилось легче, чем всем остальным. Может быть поэтому сейчас главные жалобы на "тяжелые времена" раздаются из Москвы?

В чем же эта "тяжесть" нынешних времен? Отсутствие бюджетного финансирования, которое росло бы вместе с ценами, фактическое и очень значительное сокращение зарплаты – это, конечно, очень плохо. Но таково же положение всей науки, особенно академической, фундаментальной. Нам не хуже других. "Утечка мозгов" за границу и внутри России, в коммерческие структуры, столь печально известная для математики, естественных и технических наук, у нас почти не наблюдается. Приток в аспирантуру не убавился. Да и растерянность была всеобщей не так уж долго. Активные люди быстро научились ориентироваться в новой обстановке. Появились гранты, спонсоры, внимательнее отслеживаются проекты новостроек. Как ни странно, при столь низком уровне финансирования несоизмеримо по отношению к "тем" годам активизировались международные связи и поездки за рубеж. Например, в 1995 г. в Париже на симпозиуме по наскальным изображениям Центральной Азии только из Кемерово было 7 чел., а всего из б. СССР – 21 чел. Думаю, что ни на одном из международных конгрессов "тех" лет не было столь представительной советской делегации, к тому же полностью состоявшей из профессионалов, а не из академиков и сопровождающих их "проверенных" людей. Вспоминается, как в 1969 г. четверых, относительно молодых тогда археологов из Москвы и Ленинграда пригласили в Марсель на один из первых международных симпозиумов по математическим методам в археологии, причем за счет Франции. Конечно, никого туда не пустили, а устроителям симпозиума ответили, что кто-то из приглашенных болен, кто-то занят в экспедиции и т.д.

Один из важных показателей жизнедеятельности науки – количество научных публикаций. В "благополучные" годы число публикаций неуклонно росло – от 1600 (1958) до 3600 (1984) в год. На этом фоне примерно 2100 публикаций за 1997 г. могут показаться свидетельством упадка или даже кризиса (откат к 1967 г.). Однако на самом деле пик прошел задолго до перестройки и реформ – в 1979–1981 гг., когда в год выходило до 4000 публикаций. После 1982 г. их число стало медленно убывать: 3600 в 1984 г., 3200 в 1985 г., за 1986–1987 гг. у меня данных нет, 1988 г. – 1900, 1989 г. – 2040, 1990 г. – 2200. Эти цифры свидетельствуют о том, что количество печатной продукции стабилизировалось около числа 2000–2200 в год и ни перестройка, ни реформы на этот показатель не повлияли.

Другим признаком, имеющим важное значение для археологии, является количество ежегодно работающих археологических экспедиций. В "благополучные" годы, по данным "Археологических открытий", в 1970–1980-е годы в России ежегодно работало от 164 в 1970 г. до 330 в 1985 г. экспедиций и самостоятельных отрядов. Несколько меньшее, но близкое количество экспедиций работало на территориях союзных республик (от 176 в 1970 г. до 296 в 1985 г.). Известную долю в них составляли российские археологи. Стало ли сейчас больше или меньше экспедиций, мне сказать трудно (эту

статистику можно проследить точно по числу ежегодно выдававшихся и выдаваемых сейчас открытых листов), но даже если экспедиций стало явно меньше, это показатель низкого финансирования, но еще не кризиса науки.

Еще одно свидетельство активной научной жизни – количество и география конференций, конгрессов и симпозиумов. Даже без точных и полных данных рост количества конференций (локальных, всероссийских и международных) заметен "невооруженным глазом". За 5 лет с 1958 по 1962 г. было проведено 95 археологических и близких к ним конгрессов, конференций, совещаний, т.е. в среднем почти по 20 в год. За 1982–1984 гг. – по 72. По приблизительным данным, в 1987 г. было около 80 конференций, в 1988 г. – более 90, в 1989 г. – более 70, в 1994 г. – более 60, в 1995 г. – 53, в 1996 г. – 58. Здесь видна характерная тенденция. В "благополучные" времена провести конференцию было непросто. Нужны были согласования на всех уровнях партийной иерархии вплоть до ЦК КПСС. Когда эти ограничения были сняты, число конференций быстро выросло до почти 100 в 1988 г. Потом наметился естественный спад, связанный не только с финансами, но и с мельчанием тематики. Думается, что число конференций в 1994–1996 гг. (от 50 до 60 в год) стабилизуется и не будет особенно меняться в ближайшие 10 лет. Динамика числа конференций, которые требуют немалых расходов, свидетельствует о чем угодно, но во всяком случае не об упадке или кризисе в археологии.

Итак, в целом по основным объективным показателям положение археологии в России по сравнению с доперестроечным временем, несомненно, ухудшилось, в связи с тем что бюджетное финансирование безнадежно отстало от роста цен. Но это же наблюдается и во всех остальных науках, особенно в фундаментальных.

И все же не следует преувеличивать значение приведенных цифровых данных. В качественном аспекте они еще весьма далеки от желаемого. Например, среди публикаций очень большая доля приходится на тезисы докладов. Так, в 1988 г. была издана 41 книга материалов конференций и совещаний. Из них только 2 (!) с полными статьями, а 39 – тезисы. Можно говорить, что за последние 10–12 лет в нашей научной литературе появилось новое явление – "тезисная археология", но оно возникло не в результате перестройки и нынешних реформ, а задолго до них. Это скорее результат разрыва между поколениями и общего снижения планки качества публикаций. Тезисы докладов печатались и раньше, но это были не самодовлеющие публикации, а подсобные материалы к конференции. Они выходили с пометкой "на правах рукописи" и в списках печатных работ не учитывались. Обычно спустя год-два на место тощей брошюрки тезисов ставился том "Трудов" конференции. Тезисы были чисто информационным, как бы газетным материалом, иногда они были нужны и для закрепления приоритета того или иного автора.

В эпоху "главлита" печататься было трудно (разумеется, кроме тех немногих, кому это было легко, для кого находили и мелованную бумагу, и красивые обложки, и т.д.). Аспиранты не успевали что-либо напечатать к окончанию срока аспирантуры. В ожидании выхода статьи приходилось откладывать защиту диссертации. Тогда была принята поправка к инструкции ВАК засчитывать тезисы как научные публикации. И с тех пор пошло. Сейчас разливанное море 1–2-страничных бездоказательных и безответственных "тезисов докладов" заполонило библиографию. Их пишут все: от студентов до маститых академиков. Когда это первая печатная работа студента, все понятно и вопросов нет. Но когда в такой литературе "блистают" академики с сотенными списками научных трудов, становится жалко и читателей, и "писателей". Фактически это даже не тезисы докладов. Из публикуемых в толстой брошюре "тезисов" той или иной конференции озвучивается едва ли половина из опубликованного. Остальное по разным причинам (в основном по причине отсутствия средств на поездку) остается тезисами и публикуется только для приумножения списка трудов их авторов. Нынешние студенты и аспиранты уже не сомневаются в том, что это и есть нормальные научные публикации. На конференциях – как раньше, так и сейчас – происходит парад докладов, а времени на самое главное – на дискуссии – не остается никогда.

Археологические работы на "великих стройках коммунизма" породили новое явление, которое можно назвать "прорабской археологией". Оно еще даст о себе знать в будущем. Для работы на новостройках квалифицированных кадров не хватало. Некоторые молодые в 1960–1970-е годы археологи научились вести грамотные раскопки, писать приемлемые отчеты, но не успевали за лавиной материала увидеть культурно-исторические проблемы и осмыслить их. В итоге количество раскопанных памятников и находок постоянно растет, а исторические знания на этой основе прирастают весьма непропорционально объему раскопок и находок. Однако и в этом ни перестройка, ни реформы не повинны.

"Прорабская археология" имеет прямую связь с другой очень важной для всех нас сферой – системой высшего археологического образования. Двадцать пять лет назад в университетах всего СССР было едва ли больше четырех кафедр археологии: в Москве, Ленинграде, Киеве и Ташкенте. Здесь были сложившиеся школы и традиции, программы, предусматривающие и высокий уровень общего образования, и большой объем практических, профессиональных занятий. Для студентов-археологов в 1950–1960-е годы было нормой за лето поработать не менее чем в двух разных экспедициях. А поскольку денег у студентов не было никогда, использовались все возможные виды транспорта – от пеших переходов и автостопа до товарного поезда и плавания на попутных баржах. Так расширялся профессиональный кругозор. В МГУ и ЛГУ почти официально учебный год у студентов-археологов старших курсов начинался не 1 сентября, а 1 октября. Студенты участвовали в научных заседаниях и естественным образом втягивались в атмосферу научного коллектива. В итоге из университета выходил профессионал, которого уже знали в научной среде и, если он того заслуживал, при всех штатных трудностях того времени его старались удержать, содействовали тому, чтобы рано или поздно он был устроен на работу по специальности. Спустя еще два года стажа или службы в армии (таковы были правила) лучших отбирали в аспирантуру.

За последние 10–15 лет даже на старых кафедрах археологии наблюдается снижение уровня профессионального образования. Сокращаются учебные часы по дисциплинам специализации. Когда я начал преподавать на Кафедре археологии ЛГУ (1964 г.), у нас было более 800 часов специальных дисциплин, а теперь едва ли 500 (Савинов Д.Г., 1997). Ездить в экспедиции стало намного дороже и сложнее, а без должного объема специальных курсов, полевой, камеральной и лабораторной практики профессионал сложиться не может.

Сейчас количество кафедр археологии в России трудно сосчитать. Особенно после того, как за два года (1991–1992) число наших "университетов" удвоилось (с 48 до 97), а теперь уже вообще перевалило за сотню (во всем СССР их было чуть больше 60). Право открытия новых кафедр передано от министерства ректорам, и теперь уже все зависит не от наличия условий для открытия той или иной специальности, а от пробивной силы потенциального заведующего кафедрой и благорасположения ректора. Открывается кафедра, потом оказывается, что в библиотеке нет нужной литературы, нет лабораторий, нет средств на полноценную полевую практику, нет достаточно квалифицированных преподавателей специальных дисциплин, но закрыть кафедру бывает сложнее, чем открыть, и теперь у нас чуть ли не в каждом университете есть кафедра археологии.

Снижение планки качества в университетском образовании привело к снижению фактических требований к кандидатским и докторским диссертациям, хотя формально они не изменились. Я вхожу в совет по защитам кандидатских диссертаций и иногда оппонирую на кандидатских или докторских защитах в других советах. В 1960-х годах я был членом такого же совета в ЛОИА, мне есть с чем сравнивать нынешние кандидатские и докторские диссертации. Помимо снижения профессионального уровня особенно удручает низкая общая языковая культура многих сегодняшних кандидатов и докторов наук. Когда в студенческой курсовой или дипломной работе я вижу нелады с грамматикой, то безжалостно снижаю оценку. А в диссертациях уже давно никто не

обращает внимания на грубые орфографические ошибки и корявые словесные обороты. В лучшем случае оппонент деликатно отметит "досадные опечатки", а ГАК (ВАК) и вовсе ничего не замечает. Нужно ввести общее правило: если диссертант представил работу с невыправленными ошибками, она не должна рассматриваться даже в "первом чтении". Ведь любая культура, в том числе и научная, постигается через язык. Неуклюжий, корявый, тем более неграмотный язык – зеркало уровня культуры его носителя.

Порой при чтении некоторых диссертаций, особенно докторских, перед глазами встают образы уже ушедших из жизни старых московских и ленинградских профессоров. Даже те из них, кто страдал природными дефектами речи, никогда не страдал дефектами языка – ни устного, ни тем более письменного. Увы, в сравнении с ними мы с каждым годом проигрываем все больше и больше. И не только в языке. Косвенным свидетельством снижения уровня диссертаций является соотношение докторских и кандидатских. Нормальным в науке считается соотношение 1 : 10, у нас, особенно за 1988–1990 гг. – 1 : 6.

Возникают вполне естественные и традиционные для российской культуры вопросы: "кто виноват?" и "что делать?". На первый вопрос пытаются ответить авторы упоминавшихся выше статей (Гуляев В.И., Беляев Л.А., 1995; Формозов А.А., 1995). В обеих статьях есть, несомненно, верные утверждения, но есть и то, с чем хотелось бы поспорить.

В первой статье вина за утраченное благополучие возлагается на нынешние власти. Критическое отношение к любой власти – необходимое качество интеллигентного человека. Раньше об этом можно было говорить только в рамках "кухонного диссидентства", а теперь, ничем не рискуя, – со страниц любой прессы, в том числе и "Российской археологии". Уже сама возможность такой публикации в открытой печати является положительным результатом перестройки и реформирования нашего общества.

Но инерция сохраняется. России за последние 80 лет как-то не везет на образованных политических руководителей, особенно на образованных в гуманитарной сфере. Начиная с 1917 г. все наши вожди убеждены, что прежде всего нужно развивать производство и экономику, а наука, культура и нравственность приложатся как бы сами собой. До тех пор, пока они будут следовать этому принципу, все гуманитарные науки, культура и искусство будут пребывать в нищете.

Но ведь этот "остаточный прицип" был у советской власти всегда, и нынешние лидеры нисколько его не ужесточили. Неверно, что раньше археология поддерживалась официальными властями, а сейчас они в лучшем случае к ней равнодушны (Гуляев В.И., Беляев Л.А., 1995, с. 98, 101, 102 и сл.). Археология поддерживалась "постольку-поскольку" и уж несоизмеримо меньше, чем идеологизированные и политизированные "науки". Несоизмеримым было и финансирование археологии в сравнении, например, с историей КПСС. В отделении исторических наук АН СССР в 1970-х годах было 10 или 11 академиков, из них археологов – 2. Остальные в большинстве своем были либо историки КПСС, либо историки нового и новейшего времени, что фактически то же самое. Была жесткая "разнарядка" ЦК КПСС, кого избирать из новых претендентов, а кого не избирать. Теперь разнарядки нет, в том же отделении количество археологов уже удвоилось: с историками древности и членами-корреспондентами их почти половина.

Однако общая ситуация изменилась мало. Казалось бы, при сокращении общего уровня финансирования науки и образования нужно какое-то избирательное регулирование на основании того, какова польза от одних и других. Не знаю, как сейчас в институтах РАН, но ведь в вузах все бывшие кафедры истории КПСС, научного коммунизма и т.п. продолжают существовать. Они только сменили таблички на дверях. Было: "Кафедра истории КПСС" – стало: "Кафедра истории России", было: "Кафедра научного коммунизма" – стало: "Кафедра политологии". Уже по одному их количеству, даже не подсчитывая точных финансов, ясно, каковы приоритеты. Я не

вижу здесь злого умысла – просто меньше хлопот. Попробуй привить новый и чуждый для них способ научного мышления и устроить на другую работу тысячи доцентов и профессоров. Не проще ли поменять таблички на дверях?

Наивные мечты времен М.С. Горбачева, что мы все переустроим за 5–10 лет, не сбылись. Уж очень сильна инерция. То, что сейчас археология оказалась в таком тяжелом положении, – это не злонамеренные действия нынешней власти (все ли там вообще знают, что это за наука?), а непогашенная инерция прежней. Таким образом, на вопрос: "кто виноват?" можно ответить, что виновата система, которая в течение 80 лет держала гуманитарию, непосредственно не связанную с сиюминутной политической конъюнктурой, на положении бедного родственника. Эта политика по инерции продолжается и сейчас. Благие пожелания приводят к некоторым изменениям, но, к сожалению, не всегда к лучшему. Действует закон возрастания энтропии. Ведь изменения к лучшему нужно специально планировать, финансировать и контролировать их реализацию. А для изменений к худшему ничего делать не нужно, надо только пустить все на самотек. Сейчас вся наука – и академическая, и вузовская – пущена правительством на самотек по принципу "спасение утопающих – дело рук самих утопающих". Деньги даются только на нищенскую зарплату, а в остальном выживайте, как можете. Почему же, если вся наука пущена на самотек, археология должна оказаться на особом положении? Чем мы лучше других фундаментальных наук?

Что же делать? Прежде всего не ждать ничего от власти "на блюдечке с голубой каемкой". Федеральное бюджетное финансирование если и подрастет за ближайшие 10 лет, то очень незначительно. Лет через 50, когда обретут силу и устоятся благотворительные фонды при университетах, жить станет легче, но не нам. Кажется, граф А.С. Уваров говорил, что археология – наука богатых.

Да, наша наука (как и все остальные гуманитарные и естественные науки) оказалась в тяжелом состоянии. Это реальный факт, и правы В.И. Гуляев и Л.А. Беляев, когда они об этом пишут и подчеркивают, что речь идет только о финансах, делая при этом совершенно верную оговорку относительно "финансовых ресурсов, которые у фундаментальных наук всегда крайне ограничены (что верно не только для России, но и для мира вообще, в том числе и для "богатых" стран) (Гуляев В.И., Беляев Л.А., 1995, с. 104). Все правильно, но не все так уж беспросветно.

Утверждение, что, "по-видимому", археология не сможет выйти из кризиса только своими силами" и что "дальнейшая судьба археологии будет во многом зависеть от позиции государства и общества" (Гуляев В.И., Беляев Л.А., 1995, с. 104), весьма спорно. Мало того, если сейчас, ограничиться таким выводом и уповать на помощь государства и общества, недалеко и до полного вымирания. Если государство решило идти к рыночной экономике, то было бы странно требовать от него создать какие-то огражденные от рыночных законов "зоны" для отдельных наук, в частности для археологии.

На сегодняшний день просматриваются два (а возможно, и больше) пути выхода из финансового кризиса: *стратегический* и *тактический*, причем на том же низком уровне бюджетного финансирования, который есть сейчас. Первый путь будет сложнее, длительнее, но эффективнее, правда, не для нас самих, а для будущего нашей науки; второй тоже может привести к выходу, даже скорее, чем первый, но для науки в целом от него пользы будет меньше, чем от первого.

Прежде всего, кто должен разрабатывать стратегию выхода из тяжелой ситуации? Разумеется, Институт археологии РАН, головной институт вместе с ИИМКом и институтами Сибири и Дальнего Востока. Нет нужды давать советы, как это делать – это в компетенции директоров институтов. Если им удастся договориться, можно расширить конвенцию на страны СНГ, тем более что многие из них пока еще заинтересованы в сохранении единого научного пространства. Однако нынешний уровень сепаратизма заставляет сомневаться в успехе. Тогда за разработку стратегии нужно браться только головному институту – на то он и головной институт, единственный на всю Россию обладающий правом выдачи открытых листов. Рано или поздно он по-

теряет эту монополию, и тогда уже с ним вообще никто считаться не будет. А так вошло бы в историю, что именно головной институт вытащил российскую археологию из кризиса.

В чем суть предполагаемой стратегии? Какие бы большие средства не отпускались, их всегда будет мало. Поэтому нужно отказаться от принципа "всем сестрам по серьгам". Не знаю, как было до войны, но все послевоенное время и головной институт, и его ленинградское отделение представляли собой не целостное научное учреждение, а собрание выдающихся личностей, каждая из которых претендует на роль чуть ли не особого направления в науке и требует соответствующих средств на реализацию своих творческих планов. Призывы перейти к проблемно-ориентированному финансированию были еще в 1960-е годы. Известно, что и в "благополучное время" средств на всех не хватало и еще тогда дальновидные сотрудники предлагали пересмотреть тематику в сторону ее сокращения и укрупнения. Однако у дирекции не было проблем с финансами для себя, а создавать себе лишние сложности перераспределением средств, плодить недовольных никому не хотелось.

Уже сейчас в СО РАН есть такие институты, где основные силы сосредоточены на трех-четырех направлениях и результативность работы весьма высока. Здесь тоже есть спорные моменты, но в нынешней экстремальной ситуации вреда от них меньше, чем пользы. Параллельно с концентрацией основных сил на главных направлениях заслуживает внимания и дальнейшего совершенствования практика открытия небольших академических научных подразделений в западносибирских университетах (Омск, Кемерово и др.). Средства на это требуются минимальные (одна-две ставки), в университетах есть готовые и почти "бесплатные" для СО РАН научные руководители и сотрудники этих подразделений. Для ректоров университетов такая лаборатория или отдел означает повышение престижа и рейтинга вуза, и они охотно содействуют их работе, находя дополнительные средства из своих резервов, которых без этого никакая кафедра никогда бы не получила. Польза очевидна всем: прежде всего науке, одновременно и студентам, и сотрудникам, и руководителям с обеих сторон. Почему бы головному институту и ИИМКу не подумать об открытии подобных подразделений для начала в двух-трех старых университетах Европейской России? Помимо всего прочего, это еще поможет сдвинуть с мертвой точки очень трудное дело, о котором многие говорят и пишут, но не знают, как к нему подступиться, – преодоление разрыва между университетской и академической наукой.

Еще более высоким уровнем стратегии (и, к сожалению, поэтому еще менее реальным) была бы реогранизация всей структуры институтов РАН. Нигде в мире на государственном бюджете нет таких гигантских институтов, как у нас. Почти везде академии наук представляют собой общественные организации, добровольные собрания ученых, членство в которых престижно, но не выгодно. За право членства нужно платить, а не наоборот, как у нас. Точные данные, конечно, не афишируются, но информированные люди утверждают, что чуть ли не четверть бюджета РАН поглощают Президиум и его аппарат. К этому нужно добавить многочисленные канцелярские службы в каждом институте (бухгалтерии, кадровики, управленцы, снабженцы, малоэффективная техническая обслуга и прочие "штатные единицы", не участвующие в научной работе ни прямо, ни косвенно).

Примеров для подражания достаточно. Национальный научный Центр Франции (CNRS), финансируемый из госбюджета, – почти точный аналог нашей РАН. Правда, за последние полтора десятилетия правления социалистов CNRS тоже заметно погряз в бюрократии и сейчас начинается кампания структурных преобразований. Но главное, что заслуживает внимания, это организация научных подразделений. В CNRS нет институтов в нашем понимании (в которых работают сотни и тысячи человек), хотя некоторые научные подразделения и носят название институтов. Например, Институт математики А. Пуанкаре: в нем вряд ли более десятка штатных сотрудников, но есть средства на приглашение временных сотрудников из других стран, поэтому постоянно ощущается приток новых идей. Самые крупные, всемирно известные естественно-

научные лаборатории насчитывают не более 40–50 чел. Что касается гуманитарных "экипов", то в них вообще не больше 10–12 чел. в каждом. Руководители этих исследовательских групп вполне автономны в своих решениях (в рамках отпущенного финансирования), и главный критерий их работы – научная продукция. Всего на 1996 г. в CNRS было 1500 лабораторий, в которых работает 31 000 чел., из них 5000 – приглашенные иностранцы. Бюджет CNRS 1997 г. – 2,7 млрд. долл. Но это только для фундаментальной науки. Прикладные науки помимо частных фирм и фондов финансируются государством через другие научные центры (INRA – сельское хозяйство, INRIA – медицина, INSERM – информатика и др.). Туда направляется из казны еще около 8 млрд. долл. (Рейналь Ф., 1997, с. 6–9). Аналогичная система бюджетных научных учреждений в Италии, Германии и в других странах. В США вообще многое по-другому – там основная наука сосредоточена в университетах, которые либо принадлежат частным фондам, либо находятся на бюджете штатов.

К сожалению, мало надежды на осуществление стратегического подхода. Руководители РАН, от которых в первую очередь зависит реализация новой стратегии, привыкли к тому, чтобы видеть плоды своего труда и особенно к тому, чтобы их за это хвалили. А здесь нужно заранее настроиться на то, что твои современники будут тебя ругать, а для следующих поколений такая стратегия будет уже нормой, они и не вспомнят тех, кто положил свой живот на алтарь науки, и о том, какими усилиями проводил в жизнь реформу.

Но есть запасной вариант – тактический. С одной стороны, мы потеряли большую часть бюджетного финансирования, но одновременно с этим появились новые казенные источники: гранты РФФИ и РГНФ. В списках грантополучателей не так уж мало археологов. Правда, в основном они сосредоточены в Москве и Санкт-Петербурге, но и провинции тоже кое-что перепадает. Система грантов себя полностью оправдала, ее нужно продолжать.

Тактический путь тоже не так уж прост и не обойдется без потерь. Собственно, мы уже по нему идем. Стихийно, путем чего-то подобного "естественному отбору". В этой стихийности есть только одна серьезная опасность, которая в несколько ином виде уже высказывалась (Формозов А.А., 1995, с. 232): скорее "прорвутся" не те, кто способнее к науке, а те, кто способнее к конкурентной борьбе. Прежде всего поэтому его нельзя пускать на самотек.

Резюмируя сказанное выше, можно отметить, что при всей сложности и тяжести обстоятельств, в которых оказалась сегодняшняя наука, в том числе и археология, положение не безвыходное. С момента публикации статьи В.И. Гуляева и Л.А. Беляева прошло больше трех лет, но за это время никаких серьезных целенаправленных шагов по выходу из кризиса никто не предпринимал. Так есть ли вообще кризис? Или он привиделся тем, кому в "благополучные" годы жилось вольготно? Все продолжают работать, как кто может. Некоторый кризис, конечно, есть, но пока еще вполне возможно возрождение на новой основе. Вряд ли это произойдет само собой, но если предпринять соответствующие усилия, не надеясь на доброго дядю в лице властей, то и для полного пессимизма тоже нет особых оснований.

Еще немного о роли власти. Однажды во время командировки во Францию я прочел еще свежую (шел 1991 г.) публикацию "Доклад премьер-министру о состоянии археологии во Франции" (Goudineau C., 1990). Премьер М. Рокар обратился с письмом к проф. Коллеж де Франс К. Гудино с просьбой дать краткий анализ состояния археологии в стране, особенно в связи с тем, что мы называем новостроечной, "спасательной" археологией. В 1970–1980-е годы во Франции тоже много говорили о "кризисе" археологии, но это был кризис иного рода. "Краткий" анализ занял 13 страниц типографского текста журнального формата. Уже один этот факт показателен. Даже если его читал не сам премьер, а кто-то из его помощников, ясно, что в регламенте премьера этот вопрос стоял и требовал должного внимания и времени.

В докладе премьер-министру сообщалось, что, как и у нас, у них большие проблемы с новостройками, с нехваткой квалифицированных кадров для обеспечения архео-

логического надзора на этих новостройках и при этом огромные трудности для выпускника университета найти себе стабильную работу в самой Франции. Найти работу в одной из более чем 300 (!) французских археологических миссий на рубежом легче, хотя тоже непросто, но такая работа требует жить длительное время за пределами Франции. Это примерно то же самое как, скажем, москвичу или петербуржцу переехать работать куда-нибудь в Усть-Каменогорск или Минусинск. Коллекций и памятников – необозримое множество, трудись на здоровье, но ехать никто не хочет. Словом, многое, как у нас, за исключением одной "мелочи": наш премьер-министр нашими проблемами не интересуется.

Как показали прошедшие 7 лет, этот доклад премьеру не имел каких-то заметных последствий для французских археологов. Скорее, это был чисто политический шаг, поскольку археология во Франции очень популярна (я насчитал четыре ежемесячных популярных журнала, не считая двух детских и огромного количества видеодисков, телефильмов, комиксов и тому подобной продукции на археологические темы). Но вместе с тем сам факт показателен и имел определенное влияние на многих из тех, кто распоряжается бюджетными и частными средствами. Хотелось бы, чтобы наши внуки дожили до того времени, когда наш премьер-министр затребует себе доклад о положении археологии в России.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гуляев В.И., Беляев Л.А., 1995. О современном состоянии археологии в России (полемические заметки) // РА. № 3.

Монгайт А.Л., 1949. Американская археология на службе империализма // ВИ. № 5.

Монгайт А.Л., 1951. Кризис буржуазной археологии // КСИИМК. Вып. 40.

Монгайт А.Л., 1963. Археология и современность. М.

Монгайт А.Л., 1973. Археология Западной Европы. Каменный век. М.

Монгайт А.Л., 1974. Археология Западной Европы. Бронзовый и железный века. М.

Отрощенко В.В., 1997. Деякі зауваження з приводу "кризи" українскоі археологіі // Донецкий археологический бассейн. Вып. 7. Донецк.

Посредников В.А., 1997. Некоторые замечания по поводу кризиса и методологии в украинской археологии // Донецкий археологический сборник. Вып. 7. Донецк.

Рейналь Ф., 1997. Научно-исследовательские центры во Франции // Label France. № 27.

Савинов Д.Г., (ред.) 1997. Программы базовых курсов по археологии. СПб.

Формозов А.А., 1995. О книге Л.С. Клейна "Феномен советской археологии" и о самом феномене // РА. № 3.

Широков В.М., (ред.) 1974. Формирование берегов Красноярского водохранилища. Новосибирск.

Goudienau C., 1990. Rapport au premier ministre sur l'archéologie nationale // Les nouvelles de l'archéologie. № 40.

Кемеровский Государственный университет

Критика и библиография

NATALIA B. TETERIATNIKOV. THE LITURGICAL PLANNING OF BYZANTINE CHURCHES IN CAPPADOCIA. Pontificio Instituto Orientale. Roma, 1996. (Orientalia christiana analecta, 252) 240 p. (включая индексы: общий, иконографический, список донаторов); 83 фото, 20 чертежей и карт

Название книги Н.Б. Тетерятниковой можно перевести на русский язык как "Литургическое устройство церквей Каппадокии византийского периода". Автор книги – куратор Архива полевых исследований и фотографий Византийского отделения Дамбартон Окс (Вашингтон), в прошлом – ученица известного американского византиниста Томаса Мэтьюса. Этим в значительной мере определен подход к работе. Автор стремится изучать архитектуру и литургию в их взаимосвязи, постоянно стараясь понять (или реконструировать) одно через другое. При этом она опирается на предельно тщательное исследование точно зафиксированных археологических элементов (значительная часть обмеров и фотографий исполнена Н.Б. Тетерятниковой, многие публикуются впервые).

Сам подход, распространенный (по крайней мере в последние полвека) на Западе, в русской церковной (архитектурной) археологии основательно забыт и с большим трудом оживает в последние годы. Археологи России совсем недавно были вынуждены воспринимать средневековый храм одним из четырех способов: 1) как "памятник архитектуры", обреченный на эстетическое любование потомков; 2) как абстрактный, схематический объем (или даже план), занимающий определенное место в типологической цепи "саморазвития форм"; 3) как продукт определенных политических и религиозных контактов; 4) наконец, как совокупность технических приемов, как часть некой "материальной культуры".

В работе Н.Б. Тетерятниковой нам предлагается совершенно иной подход к памятнику, причем на хорошо сохранившемся (хотя и относительно малодоступном) материале демонстрируются его возможности. Этот подход можно назвать функциональным, или историко-литургическим, согласно которому церковное здание (прежде всего его внутреннее пространство и специальные устройства) рассматриваются как вполне функциональное сооружение, призванное отвечать конкретным потребностям создавшей его общины верующих, в первую очередь требованиям богослужения (более конкретно – литургии, но в широком смысле слова, включая сюда погребение и последующую заботу о душах покойных; обеспечение спасения души ктитора и его семьи; создание необходимого комфорта при общих молениях прихожан, а в монастырях – для совместных бдений и т.п.).

Для нас интересны и пока еще новы не только результаты исследования, но и его метод. Поэтому главная задача данной рецензии – познакомить коллег с содержанием работы.

Основной материал исследования – скальные церковные постройки провинции Каппадокия в Малой Азии. Хотя их главная часть датируется средневизантийским периодом, однако хронологический охват при анализе намного шире. Включается и архитектура раннехристианского времени, и более поздние, вплоть до периода оккупации провинции турками-сельджуками в XIII в. Особенности "литургической организации" каппадокийских церквей выявляются через сопоставление их со столичными (константинопольскими) храмами и постройками христианского Востока – Армении и Грузии, Месопотамии и Сирии, Палестины и Египта. Благодаря этому выводы автора получают совершенно особое звучание, они освещают не только Каппадокию, но в отраженном свете по-новому показывают и всю византийскую архитектуру, а также и архитектуру, ей родственную, – например, древнерусскую.

Первые три главы посвящены рассмотрению основных частей храма, начиная с востока: 1. "Алтарная часть"; 2. "Наос"; 3. "Вход". Их дополняет специальная гл. 4. "Места погребений". В последней гл. 5 рассматриваются географическое размещение церквей, социаль-

© Л.А. Беляев, 1999 г.

ная и экономическая среда, породившая изучаемые формы храма и богослужения, а главное – история патронажа.

Чрезвычайно важным представляется основной вывод автора о том, что храмы Каппадокии обладают такими чертами в организации, которые связаны с характерными, местными чертами литургии (а в некоторой степени – и социальной организации) и остаются неизменными при любом варианте плановой и пространственной организации церквей, причем эти черты сохраняются на протяжении всей истории каппадокийского строительства.

Многие элементы алтарных частей "указывают на местные особенности как в архитектурном, так и в функциональном отношении" (с. 225). Сюда относятся апсиды в форме лошадиной подковы (резко отделенные округлыми простенками от наоса), обычно полностью совпадающие в плане с алтарным помещением. "Подобная концепция апсиды-алтаря делает организацию каппадокийских церквей полностью отличной от храмов Константинополя или Греции, где апсиды были просто восточной оконечностью алтаря", – пишет Н.Б. Тетерятникова (с. 225).

Второй важной особенностью является расположение ниши протезиса (жертвенника) вне алтарного пространства. Это указывает на известный динамизм литургической структуры, приближавший ритуал подготовки Даров к молящимся и делавший возможным участие в его ходе мирян. "В то же время это делало Таинство видимым верующими, благодаря чему позволяло вовлечь их в центральный акт литургии" (с. 225). Такое положение протезиса уникально в византийском храмостроительстве, где ниша протезиса обычно помещается в самом алтаре. В больших соборах типа Софии Константинопольской ритуал Предложения был особенно сложным и потому происходил в специальном помещении ("skeuophylakion"), из которого Святые Дары выносились в неф и помещались на алтаре. По контрасту с этим ритуал приготовления Даров в церквях Каппадокии оказывается гораздо более простым, но зато тесно приближенным к верующим.

Наконец, планирование храмов с несколькими алтарными помещениями помогает в разрешении старого вопроса о функциях так называемых помещений для жертвенника и дьяконника, якобы фланкировавших алтарь византийского храма. Никаких следов подобных помещений в храмах Каппадокии не обнаруживается. Для местных церквей типичен одноапсидный план, или соединение нескольких однотипных апсид в многоапсидную композицию. (Это находит параллели в организации алтарных частей храмов всего христианского Востока, но особенно в Месопотамии и коптском Египте.) Поскольку Каппадокия входила в Константинопольский патриархат, встает вопрос о функциях боковых помещений при алтаре в храмах средневизантийского периода и в самой столице империи.

Важно отметить, что эта черта плана характерна для Каппадокии с раннехристианского до позднесредневекового периода. "Хотя определенные изменения в литургическом оформлении обнаруживаются, литургия служилась в ее традиционной, основной форме. Более того, «каппадокийский феномен" в планировании алтаря свидетельствует о существовании эволюционного процесса в литургическом планировании храмов на протяжении всей истории. Консерватизм же в формах местной литургии – важнейший фактор такого процесса" (с. 226).

В скальных церквях литургические устройства высекались из монолита. Благодаря такой технике сохранность и доступность изучения их гораздо выше, чем в остальных храмах Византии, где важные детали, свидетельствующие о ходе литургии, давно исчезли. Здесь же, несмотря на отсутствие (или крайнюю бедность) письменных источников, оказывается возможным до известной степени восстановить картину происходившего в наосе местного храма. В этом помогают такие важные детали, как портреты донаторов, надписи и программы росписей.

О нише протезиса уже говорилось, но нужно добавить, что ее размещение предполагает движение молящихся по направлению к ней в ходе ритуала Предложения. Форма и размещение мест для сидения и чаш с водой показывают, что организация наосов Каппадокии близка общевизантийской. Неизменное присутствие скамей в нефах местных храмов – надежное свидетельство традиции использовать их в часы ночных служб и особенно при чтении псалмов. Как было показано Р. Тафтом, традиция ночных вигилий родилась и развивалась в монастырских общинах, а затем повлияла и на соборную литургию. Остатки скамей в других храмах Византии как будто свидетельствуют о повсеместности этого обычая.

Другой универсальной чертой был обычай использования святой воды при литургии. В каппадокийской версии чаша со святой водой помещается обычно у стены или в нише этой

стены, и это место часто украшает роспись, сюжеты которой тематически связаны с чудом водосвятия.

Далее автор переходит к вопросам размещения верующих в церковном наосе. Она предполагает, что церковный неф заполняли как монахи и духовенство, так и миряне (мужчины, женщины и дети), поскольку среди изображенных в росписях ктиторских портретах они все встречаются. При этом внутреннее пространство в отличие от планировки константинопольских церквей было менее структурированным. Каппадокийские скальные храмы в ранне- и средневизантийский период имели обычно только один вход, западный. Кроме того, у них не было боковых галерей. Следовательно, все – как клирики, так и миряне – входили теми же вратами и располагались в едином пространстве наоса. При этом клирики и монахи располагались, вероятно, ближе к алтарю (на что указывают ниша протезиса, расположение скамей и епископского седалища). Миряне, видимо, стояли за ними, причем женщины, согласно византийскому обычаю, отдельно от мужчин. В ограниченном пространстве церкви они должны были занимать места в западной части храма, ближе к входу (отмечается, что роспись здесь чаще представляет образы святых женщин). Социальные же различия в церквах сельской Каппадокии были выражены в планировке слабее, чем в столице.

Композиция западной, привходовой части также тесно определялась посвятительной и литургической функциями. Ведь здесь верующий проводил некоторое время, собираясь с мыслями и подготавливая себя к вступлению в наос. В Каппадокии эта композиция сравнительно проста и свободна. Если в Греции и Константинополе в ранне- и средневизантийскую эпоху полностью господствовал нартекс, то в местной традиции не меньшим было значение открытой западной галереи со столбами-колоннами ("портика"). Они были, видимо, взаимозаменяемы. "Портики" господствовали в ранний христианский период, что связывает каппадокийскую традицию с сирийской и месопотамской (указывается на близость климата и тесное взаимодействие этих территорий). Только в средний византийский период (вероятно, под влиянием центральных областей Византии параллельно развивается и нартекс. Выбор между ними определялся нуждами местной общины – монастыря или прихода. Размещение именно в этих компартиментах посвятительных образов, надписей и молений подчеркивает их посвятительную функцию. Предлагается, в частности, ясная параллель с изображением Пантократора и коленопреклоненного императора Льва VI над центральными дверьми нартекса Софии Константинопольской.

Особое значение в храмовой композиции имели места погребений, бывшие важной частью литургии. Погребения монахов, священников и мирян требовали ежедневных поминальных молитв и служб[1].

Размещение погребений показывает, что донаторы и члены их семей должны были заранее планировать места для них внутри храма, причем имели возможность эти места выбирать. В итоге такой выбор не мог не сказаться на развитии церковного пространства. "Разнообразие плана церковных построек, включая появление двух-трехнефных церквей, приделов и индивидуальных гробовых часовен, часто было по сути дела результатом желания донатора обрести собственную погребальную капеллу" (с. 229). Важную роль играли и прочие погребения, располагавшиеся в "портике", нартексе или нефе. Они "фиксировали" в церковном пространстве специальные точки для осуществления заупокойных служб. Наконец, могилы в нартексе и наосе часто выделялись с помощью сюжетов фресок, написанных над ними. Последние предстательствовали за умершего или служили символом грядущего воскресения души.

Возможность сравнения воздействия погребений в храмах на их архитектуру в общевизантийской и местной традиции, по мнению автора, ограничена. Изучение практики захоронений в связи с зодчеством в Византии сравнительно мало разработано и только начинается (с. 229).

Нельзя не одобрить стремления Н.Б. Тетерятниковой сохранить подход к храму как совокупному результату развития окружающей среды, общества, политики и экономики и не избегать, параллельно исследованию литургического устройства церквей Каппадокии, изучения церковных сообществ и патронажа. Храм, таким образом, должен быть осознан как своеобразный синтез искусства, обряда и социума. "Именно местное общество обеспечивало динамику исторического развития церковной архитектуры. Местные обычаи, связи между местными обществами и столицей, так же, как с другими провинциями Византии,

[1] Автор специально изучала этот предмет и посвятила ему несколько лет назад очень интересную статью: *Teteriatnikov N.B.* Burial Places in Cappadocian Churches // Greek Orthodox Theol. Rev. 1984. V. 29.

рождали тот феномен, который мы называем местной традицией" (с. 230). Для средневизантийского периода этот процесс может быть показан в деталях благодаря сохранившимся свидетельствам, для ранневизантийского – весьма вероятен. В отличие от прежде распространенной точки зрения автор показывает, что храмы ставились не в изолированных или отдаленных от поселений местах: наоборот, они географически тесно связаны с размещением узлов дорог, деревень и городов. Достаточно учесть разнообразие погребений, надписей, персональных инвокаций, чтобы ощутить сложность социального контекста, в котором рождались и жили храмы. "Хотя среди церковных построек можно найти монастыри и кельи отшельников, совершенно ясно, что и они существенно зависели от местных родов или отдельных вкладчиков, которые их поддерживали" (с. 230). Размер монашеских общин непосредственно зависел от экономических факторов: более того, организация восточной части храма с двумя, тремя и даже четырьмя равнозначными алтарями также зависела от нужд местного сообщества. Итак, именно местные монахи, священники и миряне планировали, как будет строиться церковь.

Наконец, материалы Каппадокии можно рассматривать в плане давней дискуссии о местных традициях и взаимоотношениях между провинциями, столицей Византии и странами христианского Востока. Географическое расположение Каппадокии в центр Анатолийского плато обеспечивало благодаря древней дорожной сети сравнительно легкую связь и с Константинополем, и с территориями востока и юго-востока. Военное значение региона делало его интересным для столицы и позволяло поддерживать тесные связи политического характера. Как известно, связи каппадокийских родов с императорской семьей часто были наикратчайшими – из Каппадокии происходил император VI в. Маврикий. Никифор Фока (X в.) принадлежал знатному каппадокийскому роду, поддерживавшему тесную связь с двором почти два столетия. Это достоточно объясняет как внешние столичные влияния, так и параллелизм, временами заметный в стиле каппадокийской архитектуры и декора.

Однако с точки зрения церковного устройства церковная архитектура Каппадокии ближе соседним странам христианского Востока, чем столице. Базисом единых архитектурных и литургических элементов можно считать общность маршрутов паломничеств и силу монашеских традиций. Очень убедительный пример – сходство Каппадокии, Месопотамии и коптского Египта в размещении идентичных алтарных композиций в одном храме. В то же время значительная высота алтарных помещений Каппадокии находит параллель только в Армении и некоторых храмах Грузии. Наконец, сохранение архаических литургических устройств, например синтрона, в средневизантийских храмах Каппадокии также имеет аналогом синхронную грузинскую архитектуру. Западные компартименты в известной мере напоминают Сирию, раннехристианскую Армению и Грузию, в которых велика была роль портика.

Устройство нефа, за исключением ниши протезиса, было единым и в Византии, и на христианском Востоке. Однако каппадокийские устройства отличаются заметными местными особенностями (прежде всего благодаря своеобразной технике исполнения).

Все это дает автору основания говорить о специальной архитектурно-литургической традиции, которая может по праву быть названа Каппадокийской. Архитектурные формы определенно свидетельствуют о местной форме самого богослужения и позволяют (хотя бы до известной степени) понять его особенности и убедиться в несомненной генетической связи того и другого с раннехристианским периодом.

Работа Н.Б. Тетерятниковой заполняет существеннейший пробел в наших знаниях, добавляя важное, если не ключевое, звено в картину историко-культурного процесса развития христианской цивилизации на пространстве Восточного Средиземноморья. Поэтому книга – несомненное явление в мире археологии, архитектуры и истории литургии Византийской империи. Она показывает нам перспективы историко-литургического и вообще функционального подходов к исследованию церковной архитектуры, которые, можно надеяться, будут скоро применены на практике и к памятникам средневековой Руси.

Институт археологии РАН,
Москва

Л.А. Беляев

Н.Н. ТЕРЕХОВА, Л.С. РОЗАНОВА, В.И. ЗАВЬЯЛОВ, М.М. ТОЛМАЧЕВА. ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ ДРЕВНЕЙ ЖЕЛЕЗООБРАБОТКИ В ВОСТОЧНОЙ ЕВРОПЕ. М.: МЕТАЛЛУРГИЯ, 1997. 316 с.

Прошло более 40 лет после выхода в свет работ Б.А. Колчина, впервые показавшего возможность получения широких исторических выводов на основе использования методов металлографического анализа массовых серий кузнечных железных изделий Древней Руси. Накопленный за это время огромный аналитический материал требовал систематизации, обобщения, историко-технического и историко-культурного анализа.

Именно этим задачам подчинена рецензируемая книга. И хотя названа она "Очерками ...", по существу представляет собой монографическое исследование проблем становления и развития железной индустрии в Восточной Европе на протяжении трех тысячелетий.

Важной частью книги и в какой-то мере фундаментом является глава, посвященная экспериментам по физическому моделированию различных приемов древней техники и технологии обработки цветных металлов. На основании полученных данных показаны последовательные стадии обработки сырьевого материала в процессе превращения его в готовый продукт, приводятся объективные характеристики артефактов, получаемых на различных стадиях превращения крицы в готовое изделие, определены оптимальные температурные режимы и время, необходимые для успешной проковки крицы, степень потери веса (больше половины от веса крицы) в процессе превращения ее в товарный продукт и т.д. В качестве подтверждения этому небезынтересно напомнить, что в одной из староассирийских табличек колоний Малой Азии еще на рубеже III и II тыс. до н.э. не только сообщалось о производстве криц, но и указывалась соответствующая потеря в весе крицы после ее кузнечной обработки (Иванов В.В., 1983, с. 91), а полученная таким образом товарная крица стоила тогда в 9–10 раз дороже золота, в 35–40 раз дороже серебра и в 400 раз дороже олова (Waldbaum J., 1980, p. 75). Стоит отметить, что сами эксперименты по физическому моделированию древней технологии железообработки были проведены с конкретным археологическим материалом (новгородские средневековые крицы XIV в.).

В книге даны четкие дефиниции выделенным понятиям – горновая крица, товарная крица, полуфабрикат, заготовка, которые в археологической литературе зачастую неправильно идентифицируются, что соответственно приводит к искажению историко-культурных выводов.

Первая часть книги посвящена истории зарождения и развития железообрабатывающего производства в Восточной Европе, огромной территории, которой достиг исходный "железный импульс" из Малой Азии (Анатолия) во второй половине II – начала I тыс. до н.э. скорее всего через Восточнопричерноморский или Западнокавказский путь, являвшийся в данном контексте, на мой взгляд, самым перспективным из трех путей диффузии железа, приведенных в книге со ссылкой на Р. Плейнера. Но тем не менее до начала VIII в. до н.э. железные изделия здесь пока еще раритетны (герои Илиады сражаются еще бронзовыми мечами). Авторы книги относятся с определенной осторожностью к мнению некоторых исследователей (Шрамко Б.А., Паньков С.В. и др.) о самостоятельном открытии и освоении сыродутного способа производства железа на территории ряда областей Восточной Европы, ибо для подтверждения данного тезиса необходим не только конкретный, хорошо стратифицированный материал, но и тщательные аналитические исследования железных шлаков, которые вполне могут оказаться отходом в процессе цветной металлургии (с. 32).

Как известно, человечество вначале познакомилось с метеоритным железом, что нашло отражение в хеттских клинописных текстах: "небесное железо", "черное небесное железо", отчасти, возможно, и "черное железо" (Гиоргадзе Г.Г., 1988, с. 243, 244). В представлении многих народов Кавказа небо было сделано из железа. Именно из такого металла, "громового камня", изготовлен особый меч героя абхазских нартских сказаний Сасрыквы. В этой связи смотрятся уникальными публикуемые в книге металлографические и химические анализы артефактов из метеоритного железа (долотовидное орудие, биметаллическое орудие типа тесла, дисковидный предмет), найденных на памятниках древнеямной культуры Южного Приуралья, самые ранние в Европе. До настоящего времени подобные материалы происходили в основном из регионов Ближнего Востока. Авторы книги убедительно доказали, что мастера бронзового века степной полосы были знакомы с метеоритным железом, его свойствами (твердость, ковкость в горячем состоянии) и поэтому целенаправлен-

© О. Бгажба, 1999 г.

но искали его на обширной территории. Интересно, что при изготовлении рабочей части биметаллического орудия предпочтение мастерами бронзового века уже отдавалось железу (с. 39).

Первые же изделия из металлургического железа появились на территории Восточной Европы скорее всего после распада в XIII в. до н.э. Хеттского государства, до этого времени сохранявшего монополию на железо ("Железное письмо" Хаттусили III). Находки их, как видно из книги, очень редки, а ассортимент ограничен предметами простых форм и размеров, поэтому авторы, естественно, не исключают также возможности их импорта. Особое место уделяется в книге анализу биметаллических кинжалов Северного Кавказа, юга России и Средней Волги, возникших под влиянием закавказских и переднеазиатских прототипов и иллюстрирующих переходный этап от бронзового века к железному в киммерийское время.

Обращаясь к материалам Центрального Кавказа, авторы вслед за Г.А. Вознесенской используют заниженные датировки Б.В. Техова, которые в последнее время не принимаются большинством исследователей (Воронов Ю.Н, Погребова М.Н., Раевский Д.С., Грантовский Э.А., Членова Н.Л., например, убедительно показали, что опорные памятники Кавказа: Тли 68 и 85 – не древнее VII–VI вв. до н.э.). В этой связи нам кажется более правильным относить раннее использование приема искусственного получения стали в горных районах Центрального Кавказа не к X–IX вв. до н.э., а к VIII–VII вв. до н.э.

Новый, наиболее выразительный этап в развитии железообработки Восточной Европы авторы справедливо связывают со скифским периодом, когда в производстве черного металла происходит не только количественный, но и качественный скачок, связанный по существу с началом железного века. На основании сравнительной характеристики техники обработки черного металла из могильников и поселений южных и северных склонов Центрального Кавказа, северо-восточной и северо-западной его частей, Волго-Камья, степного Северного Причерноморья и лесостепного Приднепровья скифского времени авторы убедительно выделили три группы памятников, тяготеющих к трем металлургическим центрам: Северокавказскому, Закавказскому и Северопричерноморскому, которые имели тесные культурно-исторические связи. Уже тогда, у истоков железного века кавказские и ананьинские мастера владели почти всеми основными приемами свободной кузнечной ковки и рядом дополнительных технологических операций, в том числе термообработкой, которая, как показано в книге, отсутствует в практике кузнецов северопричерноморского центра.

Технологический прогресс на этом этапе в южных областях Восточной Европы связывается с появлением на исторической сцене киммерийских и скифских племен, которые стимулировали культурные контакты между различными народами. Вместе с тем роль "посредников" в определенной степени принадлежала и кавказским мастерам, принимавшим участие в скифских переднеазиатских походах (с. 77).

Население лесной полосы в это время не было знакомо с железом. На этом фоне уникальными выглядят находки массовых серий кузнечного инвентаря в памятниках южной группы ананьинской культуры (Старший Ахмыловский могильник). На основании технологического анализа в книге убедительно показано, что ананьинские изделия изготовлены в традициях, характерных для кавказских центров. Авторы допускают присутствие и самих кавказских мастеров в Волго-Камском регионе.

Проблемам развития железообработки в античных центрах Северного Причерноморья посвящена специальная глава. Железные изделия из античных памятников, как правило, отличаются плохой сохранностью, поэтому они мало пригодны для аналитических исследований.

Тем более ценными представляются металлографические данные, приводимые в книге. Это прежде всего материалы из Горгиппии (современная Анапа) – одного из крупнейших городов Боспорского царства, а также из местных сельских некрополей и поселений близ Анапы и Новороссийска.

Железообрабатывающее производство Северного Причерноморья в античную эпоху базировалось, по мнению авторов, не столько на металле, получаемом из местных керченских руд, сколько на металле, поступающем из разных центров в виде полуфабрикатов, причем один из таких источников находился в лесостепи.

Изучение кузнечной продукции из памятников Северного Причерноморья позволило авторам выявить технологические характеристики продукции сельских кузнецов-универсалов и городских мастеров.

Первая часть книги завершается рассмотрением материалов из памятников различных

культур лесостепной (зарубинецкая, киевская, черняховская, пражская, пеньковская, колочинская и др. культуры) и лесной (дьяковская, азелинская, именьковская и др. культуры) зон Восточной Европы, относящихся к концу I тыс. до н.э. – третьей четверти I тыс. н.э. Отдавая должное ценным изысканиям и вкладу в данную проблему своих коллег из Украины и Белоруссии (Вознесенская Г.А., Гопак В.Д., Гурин М.Ф. и др.), авторы книги вместе с тем вносят некоторые коррективы, опираясь на сравнительные технологические данные. Анализ комплексных данных по железопроизводству у племен киевской культуры позволил авторам книги говорить об определенной преемственности в этой сфере деятельности по отношению к позднезарубинецкой культуре. Важным является вывод авторов о профилирующем направлении развития железодобычи в лесостепной зоне, имеющей различные формы вплоть до товарного производства (с. 103).

Кузнечное ремесло в лесостепных и лесных культурах I тыс. до н.э., несмотря на локальные различия, как показано в книге, имело сходную линию развития. Оно сложилось в самостоятельную отрасль, однако дифференциация в самом ремесле еще не наступила. На это указывает отсутствие стандартизации приемов в отношении определенных категорий изделий.

Вторая часть книги посвящена особенностям кузнечного производства в период средневековых государств.

Одним из первых раннефеодальных государств являлся Хазарский каганат, роль которого возросла во второй половине VIII в. настолько, что он способствовал отделению от Византии и образованию в Восточном Причерноморье независимого Абхазского царства (VIII–X в.). История Хазарии привлекала внимание многих исследователей, однако такая важная отрасль ремесленной деятельности, как железообработка, не получила должного освещения в литературе. В рецензируемой книге впервые обобщены результаты исследования черного металла, происходившего из памятников лесостепного и степного вариантов салтово-маяцкой культуры, отождествляемой с культурой Хазарского каганата. В результате удалось выделить здесь единый очаг металлообработки (VIII–X в.), на который работали металлургические центры лесостепной и степной зон, где использовались разнотипные сыродутные печи (ямные горны с камерой-тиглем и более продуктивные ямные горны шахтного типа), что привело к определенным локальным особенностям в обработке черного металла в каждом регионе. В книге показано, что техника и технология обработки черного металла обоих регионов Хазарского каганата, несмотря на различия в способах получения кузнечных заготовок, достаточно единообразны, что подтверждается и типологическим анализом. В данном аспекте просматривается интегрирующее начало самой Хазарии как государственного образования. Много общих черт наряду с различиями выявляется при сравнении салтовской кузнечной технологии с контактной восточнославянской (роменской, борщевской, постпеньковской). Причем в некоторых случаях предполагается импорт готовой продукции или обмен полуфабрикатами. Авторы убедительно показали, что производственные традиции железообработки в Хазарии, ориентированной на военные нужды, создавались в процессе синтеза технических знаний различных народов параллельно со сложной политической историей основного алано-болгарского населения данного государства (с. 214).

В рецензируемой книге также впервые в обобщенном виде рассмотрена железообработка у финно-угорских племен Приуралья (удмурты, коми-пермяки и др.) в эпоху средневековья, которая являлась, как убедительно показано в книге, составной частью восточноевропейского металлообрабатывающего производства. Так, для кузнечного ремесла финнов Приуралья в начале II тыс. определяющими являлись новации, зародившиеся в среде древнерусских городских ремесленников. Однако при производстве ножей местные пермские мастера не применяли наварные технологии, широко внедрившиеся в кузнечное ремесло Древней Руси. Авторы отмечают, что уральские кузнецы широко использовали сырцовую сталь, умели различать обычное и высокофосфорное железо. Ими были освоены многие виды дифференцированной термообработки (резкая закалка и закалка с последующим низким и высоким отпуском). Местная металлообработка испытывала на себе сильное воздействие со стороны новгородского кузнечного дела, в то же время обладая и некоторыми своеобразными чертами, уходящими своими корнями в предшествующее время. Если в ведущих ремесленных центрах Восточной Европы в условиях складывающегося рынка шел процесс упрощения технологии производства, то отсутствие необходимых социально-экономических условий в Приуралье тормозило развитие кузнечного ремесла (с. 264).

Книга завершается главой, в которой освещаются пути развития и формирования

традиций в кузнечном ремесле Древней Руси. Исследование, построенное на основе аналитических данных более полутора тысяч ножей IX–XIII вв. из многочисленных памятников Южной и Северной Руси, дает достаточное основание авторам говорить о существовании различий в технологических традициях древнерусского кузнечного ремесла. Так, для южнорусских земель наряду с сохранившимися архаическими приемами обработки черного металла (цементация готового изделия, пакетирование) характерна наварка стального лезвия на железную основу с последующей закалкой. Корни технологических традиций здесь уходят, как убедительно показали авторы, в эпоху раннего железа и сохраняются вплоть до татаро-монгольского нашествия. Технологическое же своеобразие северорусских земель выражается в предпочтительном использовании сварных схем, основанных на сочетании железа и стали (трехслойный пакет, наварка), а также приемов термообработки. Причем первая схема доминирует в X–XI вв., а вторая – в последующие столетия. Примерно с XIII в. подобные технологические различия в железообработке между Южной и Северной Русью нивелируются, и получает распространение наварка – универсальный и наиболее экономичный способ технологии (с. 292–295).

В Заключении авторы намечают основные рубежи, отражающие динамику развития железообработки в Восточной Европе, начиная со второй половины II тыс. до н.э. вплоть до XIV в. н.э.

Рецензируемая монография написана хорошим языком и выдержана в едином стиле, несмотря на то что она была создана коллективом авторов. Книга снабжена четкими таблицами, картами, схемами, графиками, микрофотографиями структур, рисунками и фотографиями самих изделий. Они хорошо дополняют текст, делают его более конкретным, научно обоснованным. Даже те небольшие огрехи в виде опечаток (они единичны) не влияют на общее положительное впечатление. Сугубо научное повествование оживляет пассаж из девятой руны "Калевалы" о фольклорном кузнеце Ильмаринене.

Абхазский Институт гуманитарных исследований, Сухуми

О. Бгажба

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гиоргадзе Г.Г., 1988. Производство и применение железа в центральной Анатолии по данным хеттских клинописных текстов // Древний Восток. Этнокультурные связи. М.

Иванов В.В., 1983. История славянских и балканских названий металлов. М.

Waldbaum J., 1980. The first archaeological appearance of iron and transition to Iron Age // The Coming of the Age Iron. New Haven; London.

И.В. ИВАНОВ, И.Б. ВАСИЛЬЕВ. ЧЕЛОВЕК, ПРИРОДА И ПОЧВЫ РЫН-ПЕСКОВ ВОЛЖСКО-УРАЛЬСКОГО МЕЖДУРЕЧЬЯ В ГОЛОЦЕНЕ. М.: Интеллект, 1995. 264 с.

Книга известного почвоведа, д-ра геогр. наук И.В. Иванова (Пущино) и археолога, канд. ист. наук И.Б. Васильева (Самара)[1], представляет собой весьма незаурядное явление для отечественной археологической науки. Редкое по гармоничности сочетание труда ученых "естественнонаучников" и представителей гуманитарных дисциплин дало исключительный по значимости и глубине научный результат.

В книге реконструируются условия обитания человека и оценивается вероятная динамика населения за 11 500 лет на территории Рын-песков – песчаных пустынь Прикаспийской низменности левого берега Волги. В качестве модельного пространства авторы взяли квадрат размером 100 × 100 км, западная сторона которого является левым берегом р. Волга. На этой территории за восемь полевых сезонов было открыто 183 археологи-

[1] В написании отдельных разделов принимали участие еще ряд исследователей: П.П. Барынкин, А.А. Вакулин, А.А. Выборнов, С.В. Губин, А.М. Комаров, Е.В. Козин, Т.С. Луковская.

© Н.Н. Крадин, 1999 г.

ческих местонахождений от мезолита до времени существования Золотой Орды и Астраханского ханства включительно, осуществлено их подробное тестирование для выяснения стратиграфии и культурно-хронологической принадлежности, а также взяты пробы почв и проведены многочисленные естественнонаучные анализы.

Книга состоит из Введения, семи глав, Заключения и Приложения, которое является самостоятельным исследованием, прямо относящимся к предмету монографии, – очерк А.И. Дмитриева "Формирование фауны грызунов Северного Прикаспия в верхнечетвертичное время". Монография опирается на масштабный фактологический фундамент, имеет большое количество иллюстраций (около 50) и 31 таблицу.

В первой главе дается общая географическая характеристика Рын-песков: климат, геологическое строение, особенности рельефа и почв, растительный и животный мир, сообщаются наиболее общие сведения об экосистемах исследуемого участка. Во второй главе рассматриваются особенности почв изучаемого региона. В третьей главе излагаются методика и методология исследования, описывается источниковая база, обсуждаются основные способы палеоэкологических, экономических и демографических реконструкций. Четвертая – седьмая главы построены по схожему принципу. В них вышеизложенные методики применяются соответственно к периодам мезолита, неолита – энеолита, эпохам бронзы и раннежелезного века, периодам средневековья, нового и новейшего времени. Здесь дается характеристика археологических памятников и артефактов соответствующего времени (начиная с XVI в. информация основана на письменных источниках), осуществляются реконструкции природных эпох, систем расселения, экологии человека, демографии, рассматриваются особенности взаимодействия природы и общества в те или иные периоды.

Монография содержит богатый фактический материал, в том числе и археологический, множество интересных идей и выводов, на всех из которых в рецензии нет воможности остановиться. Однако для читателей, по всей видимости, наиболее интересна реконструируемая авторами картина взаимодействия общества и природы в исследованном регионе. В общих чертах она показывает прерывисто-дефляционный характер заселения территории и выглядит следующим образом.

Впервые человек появился здесь в эпоху мезолита примерно 11,5 тыс. лет назад. По мнению исследователей, заселение Рын-песков происходило из различных районов Причерноморья, Северного Кавказа и Поволжья. В основном люди этого времени занимались охотой на диких парнокопытных, частично собирательством и рыболовством. Численность населения была очень незначительна – примерно 0,03 чел./км^2 (с. 58, 59, 89, 90, 200).

В эпохи неолита и энеолита освоение человеком региона осуществлялось более интенсивно. Для этого периода характерны развитие широких культурных контактов населения Рын-песков со степными культурами Восточной Европы, проникновение мигрантов из Поволжья, увеличение численности населения сначала примерно в 2 раза, а затем, в энеолите, и того более (до 0,1–0,2 чел./км^2). Вследствие интенсификации охоты происходит активное уничтожение куланов и сайгаков. Человек вынужден перейти к более интенсивной хозяйственной деятельности: сначала зарождаются (возможно, заимствуются) элементы производящего хозяйства (приручение ряда животных), а к концу энеолита роль животноводства становится весьма существенной. Однако в связи с массовой аридизацией (примерно в III тыс. до н.э.) местное население было вынуждено покинуть территорию Рын-песков (с. 58, 59, 140–145, 196, 197). В ямное время (III тыс. до н.э.) по причине сильного опустынивания региона территория Рын-песков лишь спорадически посещалась скотоводами. Однако уже в полтавкинскую эпоху (III–II тыс. до н.э.) произошло атмосферное увлажнение исследуемой территории. Это обусловило значительную заселенность Рын-песков (0,4–1 чел./км^2) подвижными группами населения, пришедшими, вероятно, с территории Поволжья, которые помимо скотоводства занимались охотой и рыбной ловлей.

Значительное количество населения – даже большее, чем в период существования Золотой Орды, привело, по мнению авторов, к начальной фазе пастбищной дигрессии в Рын-песках. Однако в историю опять вмешался климат. Вновь наступившая аридизация в срубное время привела к оттоку значительной части населения из Рын-песков, которые изредка посещались (в благоприятные периоды) теми или иными группами подвижных скотоводов. По мере нормализации климата постепенно восстановилось ландшафтное равновесие, и в XVI–XII вв. до н.э. Рын-пески периодически заселялись скотоводами и охотниками на копытных животных, которые подвергали экосистему периодическим нагрузкам (с. 58, 59, 159, 160, 196, 197, 201).

В савромато-скифское время (VI в. до н.э. – V в. н.э.) территория Рын-песков активно не эксплуатировалась. Лишь небольшая часть населения сарматской эпохи выпасала стада на

данной территории (0,1–0,2 чел./км^2 – плотность, сопоставимая с эпохой энеолита), вследствие чего экосистема находилась в равновесном состоянии, увеличилось количество диких стад копытных (сайгаков, куланов). В позднесарматское время экологические условия ухудшились по причине аридизации климата в регионе (с. 58, 59, 166, 167).

В послесарматское время и вплоть до монгольских завоеваний, согласно исследованиям авторов, территория Волжско-Уральского междуречья оказывается незаселенной. Они полагают, что по причине аридизации климата номады сюда просто не заходили (с. 58, 59, 205). Однако отсутствие здесь следов пребывания кочевников в это время требует дополнительного изучения и истолкования, поскольку климатические условия в данное время в Рын-песках не были сверхсуровыми (с. 168, 169, 205, табл. 25), а данный исторический период был временем нескольких больших политических катаклизмов на территории Евразии: во-первых, переселением гуннов в восточноевропейские степи и их нашествием на Европу; во-вторых, созданием в VI в. Великого тюркского каганата, объединившего многие народы Евразии от маньчжурской тайги до Каспия и Волги; в-третьих, созданием на основе западных владений тюрков могущественного Хазарского каганата, который не только контролировал все приволжские степи, но и столица которого (Итиль) находилась где-то в непосредственной близости от моделируемого участка; в-четвертых, миграцией на территорию Дешта печенежских, а затем и половецких племен, осуществлявших на данной территории активную военно-политическую деятельность.

Новый период активного освоения Рын-песков приходится на время существования Золотоордынского государства. Для данного этапа характерно некоторое похолодание (так называемый малый ледниковый период), но в то же самое время авторы зафиксировали следы новой масштабной увлажненности Рын-песков. Как раз на территории изучаемого участка Левобережья Волги была построена столица кочевой империи – Сарай-Бату (так называемое Селитренное городище). Согласно авторским расчетам, плотность кочевого и полукочевого населения на моделируемом участке левобережья Волги могла достигать 0,4 чел./км^2 (с. 59, 172–175, 195). Но это, конечно, без учета Сарая (количество жителей которого равнялось, возможно, 75 тыс. чел.), а также других многочисленных населенных пунктов и караван-сараев, связывавших столицу империи торговыми трассами с богатыми рынками Самарканда и Хорезма. Совершенно очевидно, что такой большой город, как Сарай не мог существовать только за счет скудных ресурсов левобережья. И хотя в городе, судя по археологическим данным, широко практиковалось огородничество, последнее едва ли могло обеспечить продуктами земледелия все население города. В качестве аналогии можно указать на условия существования главной столицы монгольской империи г. Каракорум. Оказалось, что стоило только Хубилаю во время междоусобной борьбы за великоханский престол с Ариг-бугой перекрыть торговые пути, чтобы остановить подвоз провианта в столицу, как в Каракоруме начался голод. К сожалению, авторы несколько схематично затрагивают этот весьма интересный, на мой взгляд, период (что, впрочем, объективно связано с невозможностью выявить какие-либо принципиальные изменения за столь небольшой промежуток времени). Тем не менее И.В. Иванову и И.Б. Васильеву удалось зафиксировать определенное сокращение кочевого населения в периоды существования Астраханского ханства и Ногайской Орды.

Наиболее активный период эксплуатации Рын-песков, по мнению авторов, приходится на период нового и новейшего времен (с. 59, 175–192, 195). Данные полевых исследований здесь хорошо коррелируются с многочисленными архивными и этнографическими источниками, что в ряде случаев позволило проследить соотношение количества джутов и развитие пастбищной эрозии с динамикой численности населения и скота буквально по десятилетиям.

В начале XVII в. в Рын-пески прикочевали из Джунгарии калмыки, которые вытеснили отсюда остатки ногайцев. Для этого времени фиксируется начальная фаза перевыпаса пастбищных ресурсов. В 1771 г. часть калмыков ушла обратно в Монголию, оставшиеся переселились на правый берег Волги, на левобережье осталась лишь их небольшая часть. С начала XIX в. на территорию Рын-песков переселились казахи Букеевской орды, которая являлась вассалом, а позднее – одной из структурных единиц административной системы Российской империи. Постепенное увеличение поголовья стад, количества кочевников, интенсивная вырубка деревьев и кустарников, стравливание травостоя и т.д. привели к кризису экосистемы. Кризис углублялся нарастающей аридизацией. От джутов 1828, 1839, 1844 гг. погибло в общей сложности 1,3 млн. голов скота. Все это привело к частичной оседлости населения (в первую очередь на зимниках), началу заготовок сена для скота, попыткам установления частной собственности на землю, переориентации хозяйства на

товарный рынок (лошади, крупный рогатый скот). Тем не менее засушливость климата продолжала увеличиваться. Количество населения в это время было гигантским для кочевников – в среднем около 4–4,5 чел./км^2. Вследствие перевыпаса наступила резкая пастбищная дигрессия, началось массовое развеивание песков (в некоторых районах до 80–100%). "Были превышены все пороги устойчивости экосистем, и в Рын-песках разразилась исподволь развивавшаяся экологическая и социальная катастрофа" (с. 185).

Начиная с конца XIX в. предпринимаются первые попытки по закреплению песков, высаживаются массовые лесонасаждения, что привело к определенным положительным результатам. В период первой мировой и гражданской войн и коллективизации – фактически геноцида против кочевников – сельское хозяйство пришло в упадок, резко сократилось поголовье скота, повысилась биопродуктивность экосистемы, что способствовало ее естественному восстановлению. Вплоть до 1950-х годов нынешнего столетия активно продолжались лесонасадительные работы. Однако, к сожалению, в советское время (особенно с 1960-х годов), как отмечают авторы, хозяйственная политика шла практически вразрез с уже накопленным научным опытом природопользования в аридных экологических зонах. Снова началось массовое увеличение поголовья скота (подогреваемое соответствующими партийными компаниями), что привело к очередной деградации пастбищ, увеличению площади развеваемых песков. Резко увеличились техногенное воздействие и загрязнение, обусловленное геологодобывающими, дорожными, газоперерабатывающими и химическими работами (с. 189–192). Увы, история в очередной раз продемонстрировала, что, как правило, из нее никто и никогда не делает никаких выводов.

Особенный интерес в монографии, с точки зрения рецензента, вызывает табл. 25 "Изменчивость увлажнения в степной зоне Евразии за последние 6 тысяч лет" (с. 204–207). Здесь обобщены результаты многолетних собственных изысканий И.В. Иванова, которые дополнены данными ряда других исследователей (Л.Г. Динесмана и др.). Указанная таблица очень важна с точки зрения того, как глобальные климатические изменения влияли на массовые миграции кочевников, создание ими могущественных "кочевых империй" и завоевание оседло-земледельческих цивилизаций. Не секрет, что на этот счет было высказано очень большое количество самых разнообразных концепций и гипотез. Можно напомнить, что эпохи завоевания и масштабных переселений кочевников связывали с глобальными циклами усыхания – увлажнения (правда, по-разному) такие авторитеты, как Э. Хантингтон, Г.Е. Грумм-Гржимайло, М.М. Боголепов, А. Тойнби, Л.Н. Гумилев и др.

Сведения, систематизированные в табл. 25, позволяют взглянуть на эту проблему в свете современных источников. Оказывается, что практически вся история взаимоотношений восточных славян и их соседей-кочевников приходится на длительный период аридизации степей (только в готско-гуннское время в восточноевропейских степях существовали "нормальные", т.е. близкие к современным, условия). Следовательно, все набеги (печенеги, половцы и др.) и переселения (гунны, болгары, венгры и пр.) необходимо связывать не с ритмами увлажнения – усыхания степных зон, а с какими-то иными причинами. В Прикаспии и на берегах Волги мощные империи, созданные кочевниками, возникали как в период аридизации (Хазарский каганат), так и увлажнения (Золотая Орда) климата.

Столь же неоднозначная ситуация существовала и в монгольских степях. Кочевые империи существовали здесь как в периоды увлажнения (хунну, жужани, тюрки, монголы), так и в эпохи усыхания (сяньби, кидани, а также ойратские и джунгарские ханства) степных экосистем Центральной Азии, а массовые нашествия и миграции номадов на "юг", в Китай (IV–V и XIII вв.) в отличие от Восточной Европы приходятся на периоды увлажнения. Правда, одна интересная закономерность здесь все-таки прослеживается. Самые великие "евразийские" кочевые империи (Тюркская и Монгольская) возникли как раз в период максимального пика увлажнения Центральной Азии. Однако в целом все это далеко не то, что излагалось и излагается в большинстве теорий, связывавших нашествия и миграции кочевников главным образом с масштабными изменениями климата.

Конечно, последние вопросы уже выходят за рамки проблем, поставленных в рецензируемой монографии. Однако несомненно, что отечественная (впрочем, не только отечественная) наука получила очень ценное и интересное исследование, богатый фактический материал и выводы которого будут актуальны и важны для представителей самых разных гуманитарных и естественных дисциплин.

Институт истории, археологии
и этнографии народов Дальнего
Востока ДВО РАН

Н.Н. Крадин

OKULICZ-KOZARYN Ł. DZIEJE PRUSÓW. MONOGRAFIE FUNDACJI NA RZECZ NAUKI POLSKIEJ. Ser. humanistyczna. Wrocław, 1997

Автор рецензируемой монографии – профессор Института археологии и этнологии Польской Академии наук и Варшавского университета Люция Окулич-Козарын – свою новейшую монографию назвала "История пруссов". При этом первое слово названия ближе по значению русскому понятию "прошлое" и показывает задачу, поставленную перед автором: составить цельное описание этапов и событий прошлого догерманского населения Янтарного края. До сего времени такая задача исследователями Балтии еще не ставилась. Изданы монографии под титулом "Древности пруссов", представляющие по возможности широкий спектр знаний, полученных на определенном этапе исследований археологического наследия пруссов и создающие базу для написания истории этого народа. Эти монографии увидели свет в Кенигсберге (Tischler O., Kemke H., 1902) и в Москве (Кулаков В.И., 1990а). Фонд развития польской науки (Варшава) совершенно справедливо счел необходимым создать подобную монографию в Польше, результатом чего стала возможной реализация соответствующего издательского проекта, осуществленного проф. Люцией Окулич-Козарын. Задача "Гуманитарной серии", в которой вышла рецензируемая монография, – представить современному читателю весь спектр знаний по заявленной теме.

Вместо ожидавшейся в начале книги историографической главы, посвященной истории изучения древностей пруссов, читатель знакомится со вступлением, начинающимся с параграфа «Имя "пруссы" и исторические изменения его значения» (с. 5–11). Относительно этимологии этнонима "пруссы" автор придерживается мнения Й. Бендера, высказанного им в 1865 г.: "Bruzzi, Pruzi" – от прусск. "prota" (русск. – "понимать"). Этноним мог образоваться при контактах западных славян с пруссами, отвечавшими поморянам на их вопросы словом "presi" (русск. – "я понимаю")(с. 8). Остальные варианты этимологии этнонима остались Л. Окулич-Козарын неизвестными. При этом этноним "Bruzzi, Pruzi" не являлся самоназванием пруссов, именовавших себя по соответствующим землям (сембы, натанги и пр.). Автор справедливо полагает, что пруссы не являлись населением всей территории исторической Пруссии в междуречье Вислы и Немана. Правда, данный тезис был высказан уже 10 лет тому назад (Кулаков В.И., 1987а, с. 101). Завершающий вступление параграф "Исторические источники и их интерпретация" содержит очерк упоминаний о пруссах (от Плиния Старшего до О. Тишлера). Автор отмечает, что впервые на прусские древности обратили внимание Ян и Иероним Малецкие (1742 г.), хотя на самом деле результаты первых регулярных раскопок в земле пруссов были опубликованы Иоганном Якобом Роде уже в 1725 г. (Кулаков В.И., 1994а, с. 1–9).

В главе "Историческая родословная пруссов" автор рассматривает разнообразные версии этногенеза пруссов. Используя установившееся в современной лингвистике мнение о территории, заселявшейся балтами в древности, автор, к сожалению, не приводит мнений конкретных специалистов по данному вопросу. В пределах этого ареала, распространявшегося от Янтарного берега до Среднего Днепра и верховий Оки, Поднепровье указывается как прародина балтов. Надо отдать должное Л. Окулич-Козарын в том, что относительно проблемы внутренней градации западнобалтийской языковой группы она базируется на мнении общепризнанного авторитета в этом вопросе известного литовского лингвиста акад. В. Мажюлиса. Справедливым следует признать вывод о том, что западнобалтские языки (прусский и ятвяжский) на уровне диалектов выделились, как и славянские языки, на достаточно ранней фазе существования "балтославянского" языкового массива (с. 360). В параграфе "Как возникла западная часть балтов?" автор выводит гипотезу о перемещении части балтов со Среднего Поднепровья на берега Балтики в конце VI в. до н.э., подкрепляя ее сообщением Геродота о неврах. Этих северных соседей скифов Л. Окулич-Козарын, судя по всему, и считает возможными предками западных балтов (с. 52). Параграф "Историческое наследие древних эпох" рецензируемой монографии представляет читателю весьма краткий очерк древностей Юго-Восточной Балтии IV–I тыс. до н.э., причем, как правило, без сносок на работы соответствующих исследователей. В этом параграфе показаны, к сожалению, давно устаревшие данные о раскопках, предпринимавшихся в Пруссии до предвоенного времени. Некритичный подход автора к данной теме проявился, в частности, в публикации "каменного топорика с изображением лося" из Кумельска (Сувальское воев.) (рис. 15), давно признанного фальшивкой. Результаты

© В.И. Кулаков, 1999 г.

послевоенных исследований древностей каменного века на территории Калининградской обл., неоднократно публиковавшиеся (библиография – Кулаков В.И., Тимофеев В.И., 1992, с. 30–32), по неясной причине оказались автору недоступными. Несмотря на то что Л. Окулич-Козарын ранее достаточно глубоко изучила древности Пруссии эпохи раннего железа (Okulicz Ł., 1970), довольно странным выглядит ее мнение о резкой перемене материальной культуры Юго-Восточной Балтии. На самом деле культура самбийских курганов, испытывавшая серьезное влияние носителей лужицких древностей (с. 69), органично трансформировалась в VI–V вв. до н.э. в культуру западнобалтийских курганов, распространяясь с запада на восток. Согласно Л. Окулич-Козарын, носителями балтских культурно-этнических признаков оказываются жители восточной части Мазурского Поозерья, пришедшие, по ее мнению, с востока и постоянно сохранявшие на рубеже эпохи бронзы и железа связи с "прародиной" балтов в Среднем Поднепровье (с. 70). Если учесть археологические реалии, то носители самбийских древностей в своем движении на восток должны были превратиться в западных балтов, слившись с мазурскими "балтами", уровень материальной культуры которых был несравним с древностями Янтарного берега. Отмеченная выше гипотеза Л. Окулич-Козарын нуждается в серьезном обосновании, которого в рецензируемой монографии не прослеживается.

Параграф "Первый период развития западных балтов" посвящен истории населения Юго-Восточной Балтии раннего железного века. Как считает автор, в начале этого периода происходит процесс оседания на берегах Балтики балтов, пришедших со своей восточной прародины. Несколько волн переселений, происходившие в течение нескольких десятилетий, привели к инфильтрации пришельцев в местную среду. Показателем этого Л. Окулич-Козарын считает соседство прежних грунтовых могильников лужицкого типа с курганами, содержавшими каменные конструкции (с. 76). На самом деле данные погребальные сооружения являются симбиозом традиций автохтонов эпохи поздней бронзы (культура самбийских курганов) и пришедших с юго-запада на Янтарный берег носителей лужицких традиций. Учитывая важную роль транзитной торговли местных жителей, автор считает, что ее результатом стало появление на Балтике керамических традиций, происходящих из глубин Восточной Европы (сосуды с округлым дном) (с. 85).

Эпоха римского влияния освещена в параграфе "Западные балты в первых веках нашей эры". Основное внимание уделяется здесь автором сообщениям античных авторов о деятельности Янтарного пути. Совершенно справедливо упоминаемый Плинием Старшим "остров Глэзария" сопоставляется автором с Самбией (с. 92). Л. Окулич-Козарын подразделяет территорию будущей земли пруссов в I–IV вв. н.э. на два региона: ареал богачевской культуры, занятый, по ее мнению, племенем галиндов, и ареал эстиев, распространившийся от низовий р. Преголи до устья р. Неман. Эстии называются носителями консервативных традиций ввиду сохранения ими курганной обрядности (с. 102). На самом деле детальное знакомство с древностями эстиев I–II вв. н.э. показывает отсутствие здесь для этого времени могильников с курганами. В I–II вв. н.э. ввиду непосредственного переселения в ареал эстиев групп носителей вельбарской культуры на Самбии и в ее окрестностях возникают могильники с грунтовыми погребениями, перекрывавшимися несколькими рядами каменных кладок. Подобного рода всхолмления (высота не более 0,40 м), известные в Зеленоградском р-не (Дубровка, б. Regehnen; Геройское, б. Goitehnen; Ярославское, б. Schlakalken) и в Озерском р-не (Радужное, б. Rominten), археологами Восточной Пруссии фиксировались зачастую как "курганы". В раннеримское время трупосожжения впускались и в насыпи курганов эпохи раннего железа (Хрустальное, б. Wiekau и Клеверное, б. Drusker Forst, Зеленоградский р-н). К сожалению, проблема прямых контактов восточногерманского и западнобалтского населения, весьма актуальная для Янтарного края римского времени (Кулаков В.И., 1989а, с. 170), в рецензируемой книге совершенно не затронута. В ней лишь упомянуто о создании на Эльбонгской возвышенности "хозяйственного центра" гепидов, занимавшихся посредничеством в янтарной торговле (с. 109). Заключительная часть параграфа наполнена пересказом информации Тацита об эстиях. Его сообщение о том, что "они редко пользуются железом, чаще – палками" признается справедливым, ибо в погребениях эстиев I в. н.э. (с. 118) железные изделия редки. Результаты археологических изысканий опровергают этот вывод и показывают широкий спектр сделанных из железа орудий и предметов вооружения и быта в археологии Янтарного края ранней фазы римских влияний.

Параграф "Эстийско-галиндские территориальные группы в VI–VIII вв." представляет мнение Л. Окулич-Козарын о событиях, происходивших в земле пруссов в эпоху Великого переселения народов. Автор справедливо отмечает возможность участия западных балтов в

"варварских" походах III – начала V в., в связи с чем, как она отмечает, страна янтаря опустела (с. 121). Эстии продвинулись на запад в поисках новых торговых контактов, что привело в VI в. к появлению западных балтов на землях к западу от р. Висла (с. 123). Этот вывод автор аргументирует лишь топонимами балтского происхождения, возможности датирования которых отсутствуют. Археологических доказательств этому феномену для VI в. нет. Интернациональную общность видиваріев Йордана Л. Окулич-Козарын, называя ее "племенной военной демократией", датирует VI в. (с. 126) и помещает ее на Эльблонгской возвышенности. Роль видиваріев в сложении культуры пруссов и формировании дружной организации с середины V в. на землях между устьем р. Ногата и Северной Самбией, осталась автору неизвестной. Не зная прусских археологических реалий этого времени, Л. Окулич-Козарын излагает ничем не подкрепленные размышления об освоении "эстиями" ранее запретных для них "зон взаимной боязни" – крупных лесных массивов, служивших межплеменными границами. Вместо прежде родо-племенной системы у пруссов возникает, по мнению автора, некая "территориальная общность", объединявшая своих членов по общему происхождению, языку, верованиям и культуре (с. 128). Приводятся неизвестно откуда взятые автором сведения о "пограничных городищах", где на границах "общностей" некие "стражи" контролировали торговлю, проводившуюся иноплеменными купцами (с. 131). Развитие дружинных отношений VI–VII вв., четко фиксируемое по археологическим данным в юго-западной части прусского ареала (низовья р. Ногата), воспринимаются автором как возникновение на окраине племенной территории "центра сложения культуры и дальней торговли" (с. 133). То же самое говорится и об ареале "галиндов" в западной части Мазурского Поозерья. Археологические материалы, не подтверждающие подобные построения (Кулаков В.И., 1990б, с. 148–273), автором просто не учитываются. Вызывает удивление отсутствие интереса автора к проблемам формирования на обломках родового общества дружины пруссов – социального фактора, во многом определившего исторические судьбы западных балтов в эпоху раннего средневековья. Единственно, с чем можно согласиться в тексте данного параграфа книги, это с важной ролью, которую играли для западных балтов в VI–VII вв. добыча и торговля янтарем. Кроме того, впервые в польской историографии Юго-Восточной Балтии Л. Окулич-Козарын предполагает участие в деятельности мазурской культурной группы VI – рубежа VII–VIII вв. германских этнокультурных элементов (герулы?) (с. 141, 142). С финальным для данного параграфа выводом автора о формировании в VI–VII вв. принципов поселенческо-хозяйственной структуры прусских земель, сохранившихся до XIII в. (с. 143), согласиться, к сожалению, нельзя. Данные польских коллег, суммированные в 1992 г., содержат информацию о 30 городищах и 50 селищах с прусских земель Помезании, Погезании и Вармии, исследования которых в рамках поселенческой археологии в принципе не проводились (Pawłowski A.J., 1992, s. 58. 61).

Глава "Пруссы в эпоху формирования раннефеодальных государств в регионе Балтики (IX–XI вв.)" включает несколько параграфов. Первый из них – "Викинги на Балтике" – содержит хрестоматийные сведения о восточном варианте движения викингов, причем "вики" называются "торговыми портами" (с. 147). "Локальными торжищами" названы Трусо, Гданьск и Кауп, существовавшие, по мнению автора (с. 150), соответственно с начала IX по начало X в. (Трусо) и с начала X в. (Гданьск и Кауп). Такие хронологические рамки значительно омолаживают реальный возраст торгово-ремесленных центров земли пруссов эпохи викингов. В параграфе "Процессы создания раннефеодальных государственных форм в регионе Балтики" (с. 153–159) автор приводит общие рассуждения по указанному вопросу. Далее в параграфе "Направления политико-территориального и хозяйственного развития прусских земель между IX и XI веками" автор пытается показать специфику внутреннего устройства прусского общества эпохи викингов. "Фактории викингов", как считает Л. Окулич-Козарын, существовали в земле пруссов до конца X в., причем торговую деятельность вокруг Трусо осуществляли преимущественно западнославянские и прусские купцы. Дружинных и родовых прусских поселений на территории Погезании автор не отмечает. Этому противоречат сообщение Вульфстана и данные археологии (Кулаков В.И., 1989в, с. 37). Напротив, основной задачей западной части прусского ареала на переломе эр являлось, как считает автор, постоянное осуществление контактов между мирами западных славян и балтов (с. 167–169). X в. определяется как время формирования структуры прусской земли (на примере "земель" Паслук и Ланзания и непонятно, по каким принципам выделенной автором "земли Эльблонгской" – рис. 95) на основе низовой категории "лаукс" (польск. "ополе"). Призванные подтвердить этот постулат карты памятников прусской археологии (рис. 95, 96) далеки от реальной ситуации. Отсутствие на них нумерации памятников не позволяет проверить их аутентичность. Из текста параграфа остается

неясной связь "лауксов" с "оборонительными градами" (с. 185), датировка которых (заведомо различная) автором вообще не рассматривается (как, впрочем, и типология прусских городищ, давно опубликованная – Кулаков В.И., 1990в, с. 71, 72, рис. 4). Вызывает крайнее удивление высказывание автора: "Ничего не известно на тему территории, занятой галиндами и эстами в эпоху между IX и XI вв." (с. 181). Если древности западной части Мазурского Поозерья (якобы "галинды") после событий рубежа VII–VIII вв. практически не прослеживаются (Кулаков В.И., 1987б, с. 172–174), то ареал пруссов эпохи викингов давно известен и достаточно подробно картирован (Кулаков В.И., 1994б, рис. 2). На с. 183–203 Л. Окулич-Козарын представляет читателю очерк хозяйственной деятельности пруссов. Ее основой определяются военная и торговая деятельность. Ремесла и домостроительство описаны, к сожалению, весьма обобщенно и, что характерно для всей книги, без указания используемых источников. Такой подход к раскрытию темы вводит читателя в заблуждение. В частности при описании прусского керамического производства эпохи викингов автор оперирует материалом могильников V–VI вв. н.э. (рис. 105, 106), не имеющим никакого отношения к кухонной или столовой посуде X–XI вв. Целый ряд артефактов, привлекаемых в данном параграфе, вообще не имеет отношения к прусской культуре (рис. 108–112). В параграфе "Культура, обычаи и обрядность пруссов" даются устаревшие данные о погребальных ритуалах пруссов, их домостроительных принципах и внешнем виде. К сожалению, со свидетельствами археологических исследований по данным вопросам (Кулаков В.И., 1994б, с. 32–143) этот текст имеет мало общего. В итоге разбора представленных в книге археологических сюжетов складывается впечатление о том, что сами понятия "типология" и "хронология" прусских древностей у автора монографии не вызвали никакого интереса. В параграфе "Связи с Польшей", завершающем главу, Л. Окулич-Козарын сосредоточилась на анализе соответствующих письменных источников.

В начале главы "Пруссы в последнем периоде независимости (XII – середина XIII в.)" (с. 239–267) автор представляет добротный разбор исторических событий в Юго-Восточной Балтии на пороге эпохи крестовых походов. Параграф "Прусская территориально-политическая организация и общественная структура (XII – середина XIII в.)" Л. Окулич-Козарын знакомит читателя с территориальным устройством Янтарного края по схеме "лаукс – малая земля – земля", впервые опубликованной автором в научно-популярной работе пятнадцатилетней давности (Okulicz-Kozaryn Ł., 1983, s. 40–69). К сожалению, блестящие результаты работ В.Т. Пашуто относительно внутреннего устройства "прусской конфедерации" (Пашуто В.Т., 1959, с. 287–293) оказались вне круга интересов автора рецензируемой монографии. Параграфы "Предпосылки хозяйственного развития прусских земель в XII и XIII веках" и "Культура, обычаи и прусская обрядность в XII–XIII веках" страдают поверхностным подходом к археологическому материалу, относящемуся на самом деле к самым различным хронологическим отрезкам периода средневековья.

Глава "Тевтонский Орден и его политика захвата прусских земель" выгодно отличается по своему качеству от глав предыдущих. Нарративный характер изложения исторических событий, происходивших в Балтии в XIII в., раскрытие их политической сущности вполне позитивен. Такой высокий уровень качества данной главы связан со значительными успехами, достигнутыми польскими историками в изучении орденской истории. Работы этих специалистов (Biskup M., Labuda G., 1986) дали возможность автору монографии эффективно представить читателю блок данных о потере западными балтами своей независимости. Правда, попытки автора иллюстрировать исторические свидетельства о борьбе пруссов с крестоносцами при помощи археологических данных выглядят неубедительно. Вызывают удивление сообщения Л. Окулич-Козарын о "копировании" пруссами XII в. русского вооружения или попытка поисков прусских корней у использовавшегося в войсках Ордена шлема типа "prusche helm" (с. 391).

Глава "Под чужой властью" повествует о судьбе пруссов в рамках Орденского государства. Данная часть работы так же, как и предыдущая глава, вызывает самый положительный отзыв, будучи адаптированным для широких кругов польских читателей сводом мнений лучших европейских историков последних десятилетий (прежде всего талантливого польского историка М. Бискупа) о позднесредневековой истории Пруссии.

Заключением монографии Л. Окулич-Козарын служит глава "Прусский эпилог", в которой автор рассматривает финальную фазу существования остатков самобытной культуры пруссов до конца XVII в. В отличие от предыдущих частей книги в данной главе удачно использован археологический материал (раскопки могильника Рувнина Дольна, Ольштынское воеводство). Основанное на результатах изысканий Ромуальда Одоя мнение автора рецензируемой книги о длительном существовании пережитков язычества в Пруссии

подтверждается результатами новейших раскопок прусских могильников XIV–XVI вв. Однако это стало результатом не столько скрытого протеста пруссов против христианства (с. 465), сколько следствием толерантного отношения орденских и епископских властей к балтскому населению Пруссии. Эту главу завершает подробная информация о миграционных процессах из земли пруссов в Польшу и (в меньшей степени) в Литву, начавшиеся, по мнению автора, уже в X в. (с. 491). Вполне естественно стремясь показать позитивную роль Польши в сохранении прусского культурного наследия, Л. Окулич-Козарын совершенно забывает о том, что значительная (если не основная) часть прусских эмигрантов фиксируется на территории Древней Руси. В дальнейшей истории России потомки различных прусских родов оставили незабываемый след, проявившийся, в частности, в создании одними из них (род Гланда Камбилы) династии Романовых (Кулаков В.И., 1989б, с. 8).

Книга Л. Окулич-Козарын, как показала представленная рецензия, является новым изданием в череде многочисленных книг, содержащих различного рода размышления на темы ранних этапов истории Восточной Пруссии. Данная монография по своему содержанию представляет собой значительно расширенный вариант популярной работы, изданной ее автором в 1983 г. (Okulicz-Kozaryn Ł., 1983) и, видимо, призванной заполнить хиатус в польском изучении прусских древностей, возникший после выхода в свет книги Е. Окулича, представившего материал прусской археологии лишь до рубежа VII–VIII вв. н.э. (Okulicz J., 1973). К сожалению, осуществленную без привлечения новейших данных по прусской археологии попытку представить объективный очерк прусской истории удачной назвать нельзя. Правда, капитальный труд Л. Окулич-Козарын акцентирует важное значение поисков подлинной роли западных славян (позднее – Польского государства) в исторических судьбах Юго-Восточной Балтии. Этим данная работа выгодно отличается от книг по прусской тематике, принадлежащих перу современных германских краеведов (например, Baumann K., 1991; Scheneidereit O.A., 1994).

Институт археологии РАН,
Москва

В.И. Кулаков

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кулаков В.И., 1987а. Земля пруссов и "прусские земли" // Балто-славянские исследования 1985 г. М.

Кулаков В.И., 1987б. Пруссы, авары и анты: конфликт 675–700 гг. // Взаимодействие кочевых культур и древних цивилизаций. Алма-Ата.

Кулаков В.И., 1989а. Видиварии и Витланд // XI Всесоюз. конф. по изучению истории, экономики, языка и литературы скандинавских стран и Финляндии. М.

Кулаков В.И., 1989б. Геральдика пруссов и генеалогические корни родов, возводимых в России к выходцам "из прус" // Генеалогия. Источники. Проблемы. Методы исследования. М.

Кулаков В.И., 1989в. Погребения военачальников прусской дружины // КСИА. Вып. 198.

Кулаков В.И., 1990а. Древности пруссов VI–XIII вв. САИ. Г1-9. М.

Кулаков В.И., 1990б. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V – начала VIII в. (по материалам раскопок 1878–1938 гг.) // Barbaricum-1989. Warszawa.

Кулаков В.И., 1990в. Поселенческая ситуация в Самбии II–XIII вв. // Проблемы изучения древних поселений в археологии (социологический аспект). М.

Кулаков В.И., 1994а. Юбилеи прусской археологии // Археол. бюл. № 4. (20).

Кулаков В.И., 1994б. Пруссы (V–XIII вв.). М.

Кулаков В.И., Тимофеев В.И., 1992. Очерки археологии Калининградской области "" Vakarų baltų istorija ir kultūra. T. I. Klaipėda.

Пашуто В.Т., 1959. Образование Литовского государства. М.

Baumann K., 1991. Die Pruβen. Ein sympatisches Wolk zwischen Weichsel und Memel. Leer.

Biskup M., Labuda G., 1986. Dzieje Zakonu Krzyżackiego w Prusach. Gdańsk.

Okulicz J., 1973. Pradzieje ziem pruskich od późnego paleolitu do VII w. n.e. Wrocław; Warszawa; Kraków; Gdańsk.

Okulicz Ł., 1970. Kultura kurhanow zachodniobałtyjskich we wszsnej epoce żelaza. Wrocław; Warszawa; Kraków.

Okulicz-Kozaryn Ł., 1983. Życie codzienie Prusów i Jacwiegów w wiekach średnich (IX–XIII w.). Warszawa.

Pawłowski A.J., 1992. Stan i potrzeby badań nad wczesnym średniowieczem Pomezanii, Pogesanii i Warmii // Stan in potrzeby badań nad wczesnym średniowieczem w Polsce. Poznań; Wrocław; Warszawa.

Tischler O., Kemke H., 1902. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg.

Scheidereit O.A., 1994. Die Prussen und der Deutsche Orden. Berlin.

Хроника

КОНФЕРЕНЦИЯ, ПОСВЯЩЕННАЯ 100-летию СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ М.М. КОБЫЛИНОЙ (Москва, 1997)

8 декабря 1997 г. в Москве в Институте археологии РАН прошла конференция, посвященная 100-летию со дня рождения М.М. Кобылиной, доктора искусствоведения, известного отечественного исследователя античной культуры и искусства Греции, Рима и Северного Причерноморья. На конференцию собрались ученые-антиковеды – как археологи, так и историки – из разных научных учреждений России и Украины.

На открытии конференции выступил директор Института археологии РАН, д-р ист. наук проф. *Р.М. Мунчаев*. Во вступительном слове он отметил значительные заслуги М.М. Кобылиной в области истории античного искусства – изучении скульптуры Греции и Рима. М.М. Кобылина всю свою жизнь посвятила научной деятельности: работала в музеях и библиотеках, участвовала в археологических раскопках древних городов Северного Причерноморья. Р.М. Мунчаев отметил самоотверженность, целеустремленность М.М. Кобылиной в научном творчестве и преданность исследовательницы своему делу.

Темы докладов, представленных на конференцию, касались проблем изучения археологии, истории и культуры античных государств и городов Причерноморья.

С воспоминаниями о М.М. Кобылиной выступили *Н.А. Сидорова, А.К. Коровина, И.Т. Кругликова* и *Н.П. Сорокина*. Они отметили прежде всего разносторонность научных интересов исследовательницы и как музейного сотрудника, хранившего и изучавшего образцы вазовой живописи, и как полевого археолога, непосредственно находившего расписную керамику при раскопках античных городов Северного Причерноморья. М.М. Кобылина принимала деятельное участие в целом ряде археологических экспедиций (Ольвия, Камыш-Бурун, Харакс и Пантикапей). С 1947 по 1975 г. она возглавляла Фанагорийскую экспедицию.

Итогами многолетних исследований явились книга об античной скульптуре (1972) и капитальный труд "Свод терракот Северного Причерноморья", ставшие значительным вкладом в изучение различных проблем культуры и искусства античных городов Причерноморья. Вспоминая университетские курсы, выступавшие отмечали, что лекции М.М. Кобылиной всегда были содержательными, полными и обстоятельными, как правило, сопровождались разными ссылками на специальную литературу как на русском, так и на иностранных языках. Не случайно из курса лекций по истории античного искусства родилась книга "Искусство Древнего Рима".

М.М. Кобылина была не только талантливым исследователем, доброжелательным научным руководителем, но и удивительно простым, добрым и внимательным человеком в общении с друзьями, коллегами и учениками, о чем они всегда будут помнить.

С.И. Финогенова (ГМИИ им. А.С. Пушкина, Москва) в докладе "Терракоты из мастерской фанагорийского коропласта" основное внимание уделила анализу обнаруженных в мастерской предметов: несколько разъемных форм, глиняные оттиски с них, терракоты и ряд фрагментированных статуэток. Мастерская погибла в пожаре, что дало возможность увидеть не только готовую продукцию, но и еще не прошедшие обжиг полуфабрикаты. Кроме того, были обнаружены формы, из которых еще не успели вынуть оттиснутые статуэтки. Все, рассмотренные в докладе терракоты и формы, в которых они были изготовлены, по наблюдению выполнены из фанагорийской глины. Образцами для некоторых статуэток служили привозные изделия (родосско-ионийский тип), датирующиеся более ранним временем (конец VI в. до н.э.).

В совместном докладе *Т.Н. Смекаловой* (Институт физики СПбГУ) и *Ю.Л. Дюкова* (Государственный Эрмитаж, С.-Петербург) "О наиболее раннем применении латуни и "чистой" меди в эллинистической чеканке государств Северного Причерноморья и Малой Азии" на основании результатов исследований состав боспорских монет, вступивших в противоречие с данными многочисленных предыдущих изысканий, известных по литературным данным, которые свидетельствовали, что монеты из сплава на медной основе всей эллинистической эпохи греческого мира никогда не чеканились из чистой меди, а изготовлялись повсеместно и неизменно из бронзы, представлен опыт реконструкции генезиса применения латуни и "чистой" меди. В ходе работы с монетами Малой Азии, времени Митридата VI из основного собрания Государственного Эрмитажа выяснилось, что с самого начала применение новых сплавов наряду с бронзой носило совершенно

© А.В. Безруков, 1999 г.

осмысленный и преднамеренный характер. Авторам представляется логичным увязывать введение прогрессивного и прибыльного технического новшества с деятельностью Митридата VI в период наивысших побед в Первой войне с Римом и, следовательно, датировать наиболее раннее применение латуни для чеканки монет временем около 88 г. до н.э.

А.В. Куликов (Керчь) в докладе "Морские промыслы в экономике Боспора в первые века нашей эры" предлагает вновь обратиться к данной теме, акцентируя внимание на комплексном рассмотрении проблемы – не изолированно, а в контексте хода экономического развития государства и всего Причерноморья. Выделяя наиболее важные черты, характеризующие состояние этой отрасли, а также решая вопрос о месте рыбных промыслов в экономике боспорского царства, докладчик приходит к следующим выводам: рыболовство и рыбообработка динамично развивались в первые века нашей эры, морские промыслы были важной составляющей экономики, но не главной ее отраслью, так как ведущую роль по-прежнему играло сельское хозяйство.

В.А. Хршановский (Государственный музей истории религии, С.-Петербург) в докладе "Погребальный комплекс с трупосожжением I–II вв. н.э. на некрополе Китея" проанализировал погребальный инвентарь захоронений. По совокупности всех данных докладчиков была предложена указанная датировка для трупосожжения с захоронением праха в сосудах.

В.В. Назаров (Киев) в докладе "Некоторые итоги археологических исследований Березанского поселения (1988–1997)" отметил основные результаты 10-летнего цикла работ, в ходе которых были получены новые данные, существенно дополняющие представления об облике античного поселения в различные периоды его существования. Полученные результаты определяют основные направления дальнейших исследований.

В совместном докладе *А.А. Масленникова* (ИА РАН, Москва) и *М.Г. Абрамзона* (Магнитогорский государственный педагогический институт) "Золотые монеты Феодосия II из Восточного Крыма", была сделана попытка рассмотреть солиды в контексте имеющихся в распоряжении сведений о находках монет этого и других императоров V в. н.э. в Северном Причерноморье и соседних регионах. На основании анализа надписей и изображений наиболее вероятным местом чеканки рассматриваемых монет назван монетный двор Фессалоник. Локализация большинства находок монет Феодосия II в Северо-Западном Причерноморье и соседних районах Восточной Европы позволяет предположить, что поступление римской монеты в этот регион в V в. н.э. проходило в основном через Нижнее Подунавье, когда монетой снабдились опорные пункты Восточной Империи на Дунае, Балканах, в Добрудже, Северо-Западном Причерноморье.

А.В. Безруков (ИА РАН) в докладе "Южные связи Приуралья в VI–IV вв. до н.э." основной акцент сделал на реконструкции предполагаемого характера экономических и политических взаимоотношений кочевых племен данного региона с районами, входящими в сферу экономического и политического влияния державы Ахеменидов.

В докладе *А.А. Малышева* (ИА РАН) "Погребения местной знати V–IV вв. до н.э. из Цемесской долины" сообщалось о могильнике скифской эпохи, доследованном в 1995–1997 гг. Докладчик отметил особенности этого памятника, отличающие его от синхронных памятников причерноморской зоны Северного Кавказа. Среди указанных особенностей были данные, свидетельствующие о существовании достаточно развитой социальной стратиграфии общества, оставившего этот могильник. Это погребения знатных воинов, которые, видимо, преднамеренно были совершены вне основной территории могильника. Кроме того, об их высоком социальном ранге свидетельствует погребальный инвентарь, прежде всего защитное оружие – панцири, которые позволяют датировать погребения: первое – второй половиной V в. до н.э., второе – второй половиной IV в. до н.э. В связи с этим сделан вывод, что в V–IV вв. до н.э. в Цемесской долине находился политический центр этого региона.

Помимо этих докладов были заслушаны выступления С.Б. Сорочан (Харьковский госуниверситет) "О степени доходности херсонесского соляного промысла" и С.Б. Дьячкова (Харьковский госуниверситет), "Канаба" или "казарма" (некоторые результаты раскопок в портовом районе Херсонеса)".

В заключение работы конференции *Т.В. Блаватская* вспомнила несколько эпизодов из жизни М.М. Кобылиной и ее семьи. Она, в частности, зачитала письмо М.М. Кобылиной от 15 августа 1974 г. об археологических работах в Фанагории. Это письмо отражает творческую обстановку, которая была характерна для руководимой М.М. Кобылиной Фанагорийской экспедиции, где получила закалку значительная часть археологов-антиковедов. Многие из них сложились как исследователи именно в этой экспедиции.

Институт археологии РАН,
Москва

Безруков А.В.

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "ВИЗАНТИЯ И КРЫМ"

(Севастополь, 1997)

С 7 по 11 июня в Севастополе состоялась международная конференция "Византия и Крым". Ее организаторами были Крымское отделение Института Востоковедения Национальной академии наук Украины (рук. А. Айбабин), Государственный комитет по охране и использованию памятников истории и культуры при Совете министров Автономной Республики Крым (пред. Ю. Могаричев), а также Национальный заповедник "Херсонес Таврический" (дир. Л. Марченко), на территории которого происходила конференция. По замыслу организаторов, она должна была стать местом дискуссии и обмена результатами новейших исследований между специалистами разных направлений византиноведения Украины, России, Франции, Австрии, Польши, Болгарии, Германии, Греции, Великобритании. Встреча ученых была приурочена к 175-летнему юбилею начала археологического исследования Херсонеса.

Конференция отразила те изменения, которые произошли в историко-археологических исследованиях в Крыму за последние годы. Недавно образованный Институт востоковедения стал головным научным учреждением по византиноведению на Украине. В настоящее время институт проводит направленные исследования по изучению контактов между Византией и варварами в Северном Причерноморье.

Данная встреча – одно из направлений научной политики Института востоковедения. Следует отметить, что это третья конференция, связанная с указанной проблематикой среди проведенных в Крыму в 1990-е годы. Если на конференции 1991 г. основную массу участников составляли крымские специалисты, то на конференции 1994 г. были широко представлены археологи из разных государств СНГ, а также значительное количество коллег из Франции, Германии, Болгарии, Польши, США. Если основные сюжеты конференции 1991–1994 гг. были связаны с археологическими исследованиями, то нынешняя конференция привлекла внимание также специалистов по письменным источникам, филологии, сфрагистике, нумизматике. Присутствие историков и специалистов вспомогательных дисциплин показало, с одной стороны, важность Крыма для изучения византийской проблематики, а с другой – необходимость подготовки в Крыму собственных специалистов по письменным источникам.

Участие в этой встрече специалистов разных научных профилей и разных школ дало возможность разносторонне осветить ряд проблем византиноведения, что является несомненным успехом организаторов конференции. Интересно отметить, что большинство докладов было сгруппировано вокруг двух исторических эпох: позднеримского времени и периода VIII–X вв. Это объясняется состоянием исследований в Крыму. Действительно, в последнее время здесь были опубликованы важные работы по древностям V–VII вв. Назовем хотя бы исследование А. Айбабина по хронологии могильников Крыма или труд А. Герцена по ранней византийской фортификации (Айбабин А.И., 1990; Герцен А.Г., 1990). Естественно, что сейчас другие, менее изученные периоды, привлекли особое внимание исследователей.

Конференция открылась пленарным докладом акад. *Ж. Дагрона* (Париж) "Двуликий Крым". Французский историк отметил роль Крыма как места встречи различных цивилизаций. На примере византийской административной системы, монетного дела, церковной организации Ж. Дагрон показал, что Крым занимал особое положение в Византийской империи. Несмотря на византийское присутствие, Крым оставался полунезависимым регионом-сателлитом.

Несколько докладов конференции было посвящено позднеримской эпохе (III–IV вв.). В выступлениях был представлен новый и принципиально важный материал, полученный крымскими археологами в последние годы. *И. Храпунов* и *С. Мульд* (Симферополь) остановились на результатах раскопок могильников Дружное и Нейзац в Центральном Крыму. Наблюдения над богатейшим инвентарем, особенностями погребальных сооружений и обрядов позволяют авторам считать, что население, оставившее эти могильники, появилось здесь в III в. Видимо, это вызвано миграцией алан с Северного Кавказа. Это население испытало влияние позднеримской цивилизации, а также черняховской культуры. В эпоху переселения народов аланы были оттеснены в горную часть Крыма, с чем связано появление там памятников типа Лучистое и Скалистое.

А. Пуздровский, Ю. Зайцев, И. Неневоля (Симферополь) представили серию новых погребальных памятников III–IV вв. в среднем и нижнем течении р. Кача. Большое количество вещей позднеантичного производства, а также присутствие многочисленных предметов вооружения в погребальном инвентаре позволяет говорить о вовлечении населения, оставившего эти памятники, в позднеримскую военно-политическую систему на положении союзников. Влияние культуры Херсонеса на жителей Гераклейского п-ова показали в своем докладе *О.* и *Д. Савеля* (Севастополь), посвященном материалам могильника Киленбалка. Семь последовательных погребений склепа № 3 этого памятника не только являются эталоном для крымских древностей IV в. благодаря выразительному инвентарю в сочетании с большим числом монет, но и дают богатейший материал для реконструкции одежды, рациона питания и других сторон жизни местного населения.

© А.В. Мастыкова, И.О. Гавритухин, М.М. Казанский, 1999 г.

Доклады *В. Кутайсова* и *В. Юрочкина* (оба – Симферополь) были посвящены вопросам источниковедения городских центров. Исследователи рассмотрели материалы позднеримского времени из водосборного бассейна в юго-западной части Херсонеса. *О. Шаров* (С.-Петербург) обратился к материалам известного склепа Гордиковых из Керчи. По его мнению, на знаменитом серебряном блюде с изображением императора, происходящем из этой могилы, представлен не Констанций Второй, как считалось ранее, а Константин Великий.

В дискуссии, возникшей по алано-сарматской тематике, киевский черняховед *М. Левада* отметил, что крымские исследователи слишком широко используют термин "черняховский тип". По его мнению, речь в ряде случаев скорее идет о вещах близких, но не тождественных черняховским. М. Казанский отметил также, что аланская атрибуция данных некрополей нуждается в дополнительной аргументации и, видимо, пока следует избегать столь точных этнических привязок.

Для понимания истории Крыма важны исследования северной варварской периферии. *М. Казанский* (Париж) предпринял попытку культурно-этнического определения германских древностей Крыма и Приазовья. Среди германцев, закрепившихся в III–IV вв. в Северном Причерноморье, выделяются выходцы из пшеворско-вельбарской зоны (первая волна мигрантов), а также группы носителей черняховской культуры (вторая волна мигрантов). Особое положение занимают южнобережные могильники типа Ай-Тодор, связанные по происхождению с Западной Скандинавией. *М. Щукин* (С.-Петербург) посвятил свой доклад возможностям сопоставления результатов исследований в области хронологии черняховской культуры с данными о генеалогии готских королей. *М. Мачинска* (Лодзь) познакомила участников конференции с важной, еще неопубликованной находкой: кладом из Любляны (Северная Польша). Этот клад содержит большое количество вещей I–V вв.

При обсуждении докладов по позднеримской тематике неоднократно отмечалось, что желательны более детальные сопоставления крымских материалов с памятниками других территорий.

Блок докладов о древностях V–VII вв. преимущественно связан с углубленным изучением уже известных памятников. *Л. Голофаст* (Севастополь) проанализировала комплексы кварталов Херсонеса, связанные со стеклоделием. Это позволило ей выделить две хронологические группы материалов: IV – первая половинаV в. и конец VI–начало VII в. Доклад *И. Завадской* (Симферополь) посвящен раннехристианской храмовой архитектуре Херсонеса. Массовое строительство церквей относится здесь к периоду со второй четверти VI до середины VII в. Храмовые комплексы функционировали на протяжении ряда столетий, при этом многие из них неоднократно перестраивались. Разрушения храмов, расположенных в западной части Херсонеса, датируются временем не ранее конца X в. На территории большинства из них позднее возникают новые культовые сооружения, связанные с местами многочисленных захоронений. Гибель остальных церквей Херсонеса скорее всего относится к концу истории города. *А. Герцен* (Симферополь) остановился на выделении в массиве пещерных городов Крыма ранневизантийского горизонта VI–VII вв. Строительство крепостей в горном Крыму было ответом Византии на тюркскую экспансию. Уникальный характер памятника и тщательность раскопок на могильнике у с. Лучистое позволили *Э. Хайрединовой* (Симферополь) предложить детальные реконструкции женского костюма с орлиноголовыми пряжками второй половины VI–VII вв., отражающего культурные особенности населения, оставившего могильник.

В докладе *В. Сидоренко* (Симферополь) был показан нумизматический материал, который свидетельствует о чеканке византийских монет на Боспоре в середине VII в. Вопрос о влиянии боспорского ювелирного ремесла на Среднее Поднепровье в VI–VII вв. рассматривался *И. Гавритухиным* (Москва). По мнению автора, характер распространения боспорных фибул на Днепре, в Южном Крыму и других территориях возможно объяснить присутствием там выходцев из Восточного Крыма. После доклада возникла дискуссия между А. Айбабиным и И. Гавритухиным. Последний утверждал, что точка зрения И. Вернера о том, что в архаических обществах ряд аксессуаров женского костюма не является предметом торговли и их распространение вне зоны основного ареала отражает реальное перемещение носителей традиций, в данном случае наиболее адекватна для объяснения результатов типологического и картографического анализов. А. Айбабин со своей стороны считает, что появление предметов женского убора за пределами их основного ареала связано не столько с перемещением реальных людей, сколько с культурно-экономическими контактами. Интересное свидетельство дальних связей Крыма представляют собой сасанидские печати-геммы, одна из которых была представлена в докладе *М. Крамаровского* (С.-Петербург). Эта печать, датируемая V–VI вв., была найдена в г. Старый Крым.

И. Баранов (Симферополь) обратил внимание на опубликованные недавно письменные источники, содержащие сведения о Великой Болгарии. На основании этих источников он предложил новую реконструкцию истории болгар в VII в. Доклад И. Баранова вызвал резкую критику со стороны некоторых участников конференции (П. Толочко, М. Казанский), которые отметили, что использованные им источники считаются специалистами недостоверными (см., например, последние публикации О. Прицака).

Ряд докладов был посвящен различным аспектам политической и культурной истории Крыма и соседней территории в эпоху Хазарского каганата. В докладе *А. Айбабина* предпринята попытка выявить археологические памятники этнических хазар в Северном Причерноморье. Ряд трупоположений и кремаций с

конями, поминальные комплексы, стойбища являются компонентами хазарской археологической культуры. Захоронения хазар появились в последней четверти VII в. в крымских и приазовских степях. В докладе *К. Цукермана* (Париж) приведен ряд аргументов, позволяющих поставить под сомнение традиционную точку зрения о венгерско-хазарском союзе и связать прекращение хазарского владычества в Крыму с военными акциями венгров в 850–860-е годы. Заключения К. Цукермана вызвали возражения со стороны некоторых археологов (В. Майко), которые обратили внимание на тот факт, что в археологическом материале Восточного Крыма нет следов присутствии венгров. С другой стороны, было отмечено, что в регионе в это время доминирует салтовская культура. В заключительном слове к дискуссии А. Айбабин подчеркнул, что сведения письменных источников и археологический материал по-разному отражают древние реалии. Письменные источники фиксируют отдельные наиболее яркие события, например прорыв венгров в Крым и прекращение хазарского господства на полуострове. Археологический материал свидетельствует о том, что, несмотря на изменение военно-политической ситуации, население Восточного Крыма оставалось салтовским, т.е. тюрко-болгарским. Доклад *И. Баранова* и *В. Майко* (Симферополь) был посвящен проблемам материальной культуры Восточного Крыма VIII–X вв. Авторы попытались связать археологические материалы Судака с конкретными этническими группами. В ходе дискуссии отмечалось, что этнические атрибуции, предложенные авторами, не могут быть приняты, в частности отождествление салтовской культуры с собственно хазарами. Особое внимание было уделено поливной керамике X в. *В. Зинько* (Керчь) представил в своем докладе новые и важные материалы охранных раскопок на поселениях салтовского времени в Восточном Крыму.

Проблемы этнической истории Крыма затрагивались и в докладах, не имеющих прямого отношения к варварскому населению. Так, в докладе *И. Ачкинази* (Симферополь), посвященном средневековым иудейским общинам в Крыму, автор показал, что на ранних этапах истории этих общин имел место принудительный прозелитизм, что в конечном итоге привело к потере этими общинами этнического облика.

Важное значение в изучении периода так называемых "темных веков" Византийской истории имеет материал Херсонеса. В докладе *В. Зайбта* (Вена) были рассмотрены возможные модели взаимоотношений Херсонеса с Константинополем в VII–VIII вв. Было обращено внимание на новый сфрагистический материал, важный для изучения этой проблемы. В докладе *А. Романчук* (Екатеринбург) на примере Херсонеса рассматривались особенности континуитета городской жизни в приморских городах Византии. Важное значение для рассмотрения вопросов специфики городской жизни Херсонеса имеют выделение комплексов IX в. и анализ встреченной в них керамики, предложенный в докладе *Л. Седиковой* (Севастополь).

Следующая группа докладов посвящена рассмотрению взаимоотношений Византии с ее северо-восточными соседями. На широком материале *П. Толочко* (Киев) показал особенности русско-византийских отношений в X–XIII вв. Автор особо отметил значительную роль Византии в христианизации Руси, а также существенный вклад империи в становление культуры и архитектуры Киевской Руси. Докладчик особо подчеркнул активную роль Руси во взаимоотношениях с Византией. *Дж. Ховард-Джонсон* (Оксфорд) проанализировал некоторые сведения из хроники Симеона Логофета, касающиеся византийско-болгарского конфликта 890-х годов. Проблемы взаимоотношений империи и северных варваров на Дунае и в Крыму были также рассмотрены на сфрагистическом материале в докладе *И. Иорданова* (Шумен). Доклад *Р. Штихеля* (Мюнстер) был посвящен разбору "славянского жития" Св. Кирилла, который в 860 г. предпринял поездку к хазарам с миссионерскими целями. Р. Штихель показал, что сведения об изучении Св. Кириллом еврейского языка в Крыму, а также сообщение "жития" о существовании в это время евангелия и псалтыря, написанного "русскими письменами", вымышлены автором "жития". *М.-Ф. Озепи* (Париж) представила новый детальный анализ текстов житий святых, который по-новому освещает вопрос о Крымской Готии VIII – первой половины IX в.

Группа историков сосредоточила свое внимание на проблемах, связанных с византийской администрацией в Крыму в IX–X вв. Этой теме, в частности, был посвящен пленарный доклад *Н. Икономидиса* (Афины). На основании данных трактата Константина Багрянородного "Об управлении империей", а также благодаря многочисленным находкам византийских печатей в Херсонесе автор смог констатировать, что стратег города распоряжался местными доходами от коммеркиона, а также, что власть херсонского стратега распространялась и на другие крепости полуострова. В своем докладе *Ж.-К. Шене* (Париж) на примере Херсона изучил роль провинциального архонта в IX в. Особое внимание докладчик уделил вопросу о времени исчезновения этого титула, а также соотношению провинциальных архонтов с другими фемными чиновниками. *В. Науменко* (Симферополь) в своем докладе сделал попытку представить синтез данных письменных источников о византийской феме IX–X вв. в Таврике. Докладчик, вслед за К. Цукерманом, отметил связь становления фемной организации в Крыму с ослаблением Хазарии и прорывом в Северное Причерноморье венгров. *В. Шандровская* (С.-Петербург) ознакомила участников конференции с византийскими печатями из Херсона, ныне хранящимися в Эрмитаже. Представленный в докладе *Н. Алексеенко* (Севастополь) новый сфрагистический материал позволил не только дополнить список глав фемной администрации (Михаил Херсонит), но и определить особенности политики Константинополя по отношению к Херсонесу в X–XI вв.

Ряд докладов выходил за рамки собственно крымской проблематики и был посвящен Северному Кавказу. Такое расширение тематики конференции объясняется тем фактом, что в эпоху Хазарского каганата Крым и Кавказ входили в единое культурно-политическое пространство. Возможность реконструкции древних торговых путей, по которым средиземноморский импорт поступал в Восточную Европу, была предложена в докладе *А. Мастыковой* (Москва). На основе разработки детальной типологии и картографирования бус Северо-Западного Кавказа и салтово-маяцкой культуры были прослежены различия в функционировании двух отрезков Великого Шелкового Пути – так называемых Даринского и Мисимианского.

Анализ поясной гарнитуры VIII в., проведенный *Ф. Даймом* (Вена), позволил ему выделить продукцию византийских мастерских. Византийские гарнитуры распространялись на Балканах, на Среднем Дунае, в Сирии, Крыму и Волго-Уральском регионе, но практически не попадали на территорию Позднеаварского каганата в Карпатской котловине. Ряд находок византийских поясов в Южной Моравии и Юго-Западной Словакии можно поставить в связь с дипломатическими контактами между Византией и славянами на территории, которая стала впоследствии ядром Великой Моравии.

Ряд докладов был посвящен периоду XI–XV вв. В докладе *С. Рыжова* (Севастополь) были представлены результаты раскопок последних лет в средневековых кварталах Херсона. В результате этих раскопок были, в частности, получены новые интересные материалы XIII в. *Ю. Могаричев* (Симферополь) представил обзор пещерных монастырей Инкерманской долины. Расцвет этого монастырского центра приходится на XIV–XV вв., а возникновение некоторых обителей восходит к X–XI вв. *Т. Яшаева* (Севастополь) на основе полевых исследований выделила три типа монастырских обителей херсонесской округи на Гераклейском п-ове: небольшие наземные монастыри, пещерные кельи отшельников, пещерные монастыри. Расцвет последних относится к XIV в. и связан с исихазским влиянием на религиозную жизнь Крыма.

Как и для предыдущей эпохи, тематика докладов выходила за рамки собственно Крыма. Так, *Г. Ивакин* (Киев) ознакомил участников конференции с результатами новых раскопок на территории Михайловского Златоверхого монастыря в Киеве. Особое внимание участников конференции привлекли образцы древнерусской скульптуры из этих раскопок. В докладе *И. Аржанцевой* (Москва), посвящённом аланским городским центрам Северного Кавказа, был представлен материал, на основании которого автор пришел к выводу о значительном влиянии византийской культуры на средневековых алан.

Запоминающейся частью конференции стали две экскурсии, позволившие познакомиться с пещерными памятниками Эски-Кермен и Каламита, с ханским двором в Бахчисарае, а также с генуэзской крепостью в Балаклаве.

Необходимо отметить высокий уровень организации конференции, что является в первую очередь заслугой сотрудников Крымского отделения Института востоковедения под руководством А. Айбабина, составивший костяк оргкомитета, и сотрудников заповедника "Херсонес Таврический" под руководством Л. Марченко, радушно принимавших многочисленных гостей. Несмотря на сложную экономическую ситуацию в Крыму, Госкомитет по охране памятников под руководством Ю. Могаричева сумел изыскать необходимые средства для проведения этой встречи. Своевременная публикация тезисов докладов, осуществленная на высоком полиграфическом уровне, существенно облегчила работу участников конференции, в первую очередь многочисленных иностранных специалистов, которым подчас было сложно следить за устными выступлениями докладчиков.

Материалы конференции планируется опубликовать в текущих выпусках "Материалов по археологии, истории и этнографии Таврии", как это было с докладами конференции 1994 г.

Конференция явилась важным событием не только в исследовании истории и археологии Крыма, но, несомненно, внесла значительный вклад в развитие византиноведения, а также в изучение истории юго-востока Европы в период поздней античности и средневековья. Хочется надеяться, что проведение такого рода междисциплинарных встреч в Крыму примет регулярный характер.

Институт археологии РАН,
Москва
Национальный центр
археологических исследований,
Париж

А.В. Мастыкова, И.О. Гавритухин,
М.М. Казанский

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Айбабин А.И., 1990. Хронология могильников Крыма позднеримского и раннесредневекового времени // МАИЭТ. Вып. I.

Герцен А.Г., 1990. Крепостной ансамбль Мангупа // МАИЭТ. Вып. I.

КРУГЛЫЙ СТОЛ "ПОГРЕБАЛЬНЫЙ ОБРЯД: РЕКОНСТРУКЦИЯ И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ДРЕВНИХ ИДЕОЛОГИЧЕСКИХ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ"

(Москва, 1997)

5–6 июня 1997 г. в Институте археологии РАН проходил круглый стол "Погребальный обряд: реконструкция и интерпретация древних идеологических представлений", организованный Отделом теории и методики ИА РАН и редколлегией журнала "Российская археология". В его работе приняло участие около 40 специалистов преимущественно из московских научных организаций и учреждений. Всего было заслушано и обсуждено 11 докладов и сообщений.

Заседания открыл заместитель директора ИА РАН и главный редактор журнала "Российская археология" *В.И. Гуляев*. В его вступительном слове было подчеркнуто, что изучение древних погребальных памятников и погребальной обрядности является одной из важнейших задач современной археологии, решению которой уделяется постоянное внимание и в России, и за рубежом. Проведению "круглого стола" предшествовала публикация с 1993 г. на страницах журнала "Российская археология" дискуссионных материалов, посвященных разработке проблем содержания, структуры и социологической интерпретации погребальных памятников и обрядности. Достигнутые в данной области определенные положительные результаты открывают перспективы в изучении и наиболее сложного аспекта исследования погребальных памятников – реконструкции древних религиозно-мифологических представлений.

В содокладе *В.С. Ольховского* был дан общий обзор состояния проблемы анализа и интерпретации погребальных памятников и погребальной обрядности в современной археологии России и стран СНГ. Так, отмечалось, что проявившийся в 1970–80 гг. кризис теоретических положений отечественной археологии во многом был вызван стремлением выйти за рамки традиционной археологии, философски осмыслить ее гносеологические возможности в условиях подлинного "информационного взрыва", в течение короткого времени вызвавшего многократное увеличение фонда археологических источников. К этому же периоду относятся первые попытки комплексного изучения археологических материалов с помощью статистико-комбинаторных методов и ЭВМ. При этом "полигоном" для испытания разнообразных методик служили чаще всего именно погребальные памятники. Разработка же теоретических и статистических "моделей" погребений и обрядов выявило неудовлетворительное состояние и острую необходимость унификации терминологического аппарата, используемого специалистами в процессе анализа погребальных памятников. Определенные шаги в данном направлении были сделаны в 1980-е гг. В частности, все более распространялось признание того факта, что погребальные памятники и реконструируемые на основе их изучения погребальные обряды – далеко не одно и то же, и самый подробный анализ археологических памятников не дает гарантии адекватной реконструкции обрядности, не говоря уже об основе обрядности – религиозно-мифологических представлениях. С течением времени эйфория, вызванная открывающимися возможностями компьютеризации археологии, заметно убавилась, хотя и были достигнуты некоторые успехи в создании систем описания (кодов) и локальных баз данных погребальных памятников. В частности, выяснилось, что самый достоверный статистический анализ не способен объяснить сути археологического явления, тех или иных черт погребального обряда. Отсюда вполне закономерное стремление археологов при реконструкции погребальных ритуалов опираться на результаты лингвистических, фольклорно-этнографических, семиотических и иных "неархеологических" штудий, хотя теоретическое обоснование и механизм подобных междисциплинарных заимствований остаются практически неразработанными. В столь же "промежуточном" состоянии находится и проблема реконструкции социального стро́я древних обществ по данным погребальной обрядности, вместе с тем активно эксплуатируемая археологами, действующими на основе собственной интуиции и "здравого смысла". Большие перспективы в данной области сулит сотрудничество археологов с антропологами и палеодемографами.

В ходе изучения возможностей социологических и семантических реконструкций по данным погребальной обрядности среди археологов выявились сторонники двух направлений. Согласно первому, любые реконструкции, осуществляемые на основании анализа погребальных памятников, apriori не соответствуют исторической реальности. Согласно второму направлению, более популярному, реконструкция религиозно-мифологических воззрений и социальных систем в принципе возможна, но добиться этого можно лишь путем разработки и осуществления целой системы приемов, максимально объективно анализирующих не только погребальные памятники, но и целую группу самых разнообразных источников. Разработка подобной методики и в теоретическом плане, и на конкретном археологическом материале остается насущной задачей современной археологии.

В докладе *Е.В. Антоновой* (ИВ РАН) "Место умерших в жизни живых и погребальный инвентарь" констатировалась сложность сопоставления археологических и письменных свидетельств, касающихся по-

© В.И. Гуляев, В.С. Ольховский, 1998 г.

гребальной практики населения Месопотамии раннединастического периода, и в частности обычая помещения в могилу предметов, сопровождающих умершего. Так, судя по данным письменной традиции, обитатели древней Месопотамии не считали смерть полным концом существования. Уходя на "тот свет", в мрачное подземное царство на краю земли, человек превращался в тень, наделяясь свойствами других обитателей "того" мира – духов, богов, предков. Для благополучного существования умершего в загробном мире предполагалось совершение живыми определенных обрядов, а также снабжение умершего пищей и питьем. Подобная взаимозависимость, "связь" между живыми и мертвыми была важна еще и потому, что умершие оказывались посредниками между живыми и их богами, обитавшими в обоих мирах.

Учитывая, что погребальный обряд являлся обрядом "перехода" из одного состояния в другое, над умершим осуществляли и ряд действий, означающих его возрождение: обряжение в новую одежду, надевание украшений и амулетов, подкрашивание глаз (явные элементы брачного ритуала, также относящегося к "переходным"). Именно этим определялось помещение в могилу одежды и украшений, маркировавших и социальный статус умершего. Без сомнения, умерший подвергался и обряду омовения (ритуального очищения).

Обычными элементами инвентаря являлись и сосуды, количество которых иногда достигало нескольких десятков. Это обстоятельство, а также существование многочисленных изображений пиршеств позволило реконструировать обряд kispum – разделения пищи между живыми и мертвыми. Таким образом, часть помещаемых в могилу предметов предназначалась умершему (включая заупокойные приношения в засыпи погребения), а часть – богам и духам подземного мира. При этом именно умерший от своего имени и имени "лежащих с ним" преподносил дары подземным богам. Однако, по мнению Е.В. Антоновой, попытки выяснения "единственно верного" значения элемента обряда все же малопродуктивны, ибо действия, фигурирующие в них вещественные и словесные тексты многозначны, не связаны только с представлениями о загробном существовании.

В докладе *В.И. Гуляева* "Представления древних майя о загробном мире" рассматривались захоронения правителей и высшей знати позднеклассического времени (VI–IX вв. н.э.), большая информативность которых позволяла проводить их сопоставления с источниками другого рода. В частности, докладчик указал, что, хотя пышные захоронения майяской знати, сопровождаемые богатым набором погребальных даров, часто фиксировались под полами или в пирамидальных основаниях храмов, вывод о прямой взаимосвязи гробницы и храма при этом не делался (считалось, что храмы посвящены богам местного пантеона, а устройство в них могил умерших аристократов объясняется стремлением разместить их поближе к жилищу богов). Ситуация резко изменилась после открытия гробницы в Паленке (Мексика) и ряда пышных захоронений правителей в толще храмовых пирамид города Тикаля (Гватемала): стало ясно, что главным элементом комплексов являлась гробница, а заупокойный храм строился позже прямо над погребальными шахтами. Изображения на крышке саркофага и стенах гробницы в Паленке имеют прямое отношение к символике загробного мира (девять правителей подземного мира, мировое дерево со змеем в ветвях и птицей наверху, полулежащий человек на маске чудовища земли и т.д.). Археологические материалы, позволяющие реконструировать майяские представления об "ином мире", во многом дополняются сведениями этноисторических источников XII–XVII вв. Сопоставление источников разного рода дало возможность воссоздать майяскую "модель Вселенной" (13 небесных ярусов, плоская прямоугольная земля с мировыми деревьями по углам и в центре, 9 ярусов подземного царства и т.д.). Огромным достижением в изучении данной проблемы явилась многотомная публикация майяской росписной керамики VI–IX вв. до н.э. с изображениями богов и персонажей, которые, по убедительному мнению М.Д. Ко, связаны с подземным царством смерти и сюжетами о путешествии в Шибальту (загробный мир) божественных братьев-близнецов из эпоса майя-киче "Пополь-Вух".

В ходе обсуждения и ответов на вопросы докладчик отметил, что погребальный памятник у древних майя не следует считать "символом власти"; захоронений же рядовых членов общества известно очень немного. Шаманизм же, очевидно, был известен и майя. Выступавшие обратили внимание на то, что современные кладбища потомков майя – это кладбища вторичных погребений, свидетельствующие о сохранении "отблеска" универсальной идеи реинкарнации.

И.С. Каменецкий (ИА РАН) в докладе "Один из факторов искажения погребального обряда" отметил, что нередко погребальный обряд даже в рамках одной археологической культуры оказывается разнообразным, причем отклонения от канона носят и глобальный, и локальный характер. В силу иррациональности, фантастичности представлений, лежащих в основе погребального обряда, восстановить смысл тех или иных действий при утрате традиционного объяснения, по мнению докладчика, практически невозможно, даже если сохранились какие-то "священные" тексты.

Одним из явных нарушений единства погребального обряда является "имущественное неравенство" погребенных. Так, у меотов грунтовая погребальная яма может быть "нормальной", узкой, почти квадратной, со столбовыми конструкциями (Келермесские курганы). Главной причиной этого, по И.С. Каменецкому, являлась необходимость помещения в могилу большего количества "инвентаря" (не только вещей, но и туш коней, тел слуг). У скифов Северного Причерноморья размеры погребения явно связаны с

"богатством" погребенного. Так, разнообразие ориентировок, количество и направление дромосов и входных шахт свидетельствуют, что четких предписаний по поводу формы и размеров погребального сооружения у скифов не было. Неизменна только камера для покойника, т.е. ритуал требовал наличия свода над местом положения умершего, создания искусственной пещеры. Могилы рядовых скифов отличаются, по мнению докладчика, единством конструкции, определяемым не ритуалом, а выбором наименее трудоемкого варианта создания для погребаемого камеры со сводом. Отличия от других и разнообразие могильных сооружений скифской знати определялись, считает И.С. Каменецкий, в первую очередь количеством инвентаря, подлежащего помещению в могилу.

В ходе дискуссии по докладу выступавшие отметили, что предложенное докладчиком сугубо рациональное объяснение обилия вариаций погребальных сооружений не во всем убедительно; вполне вероятно, что разнообразие отражало сохранение племенных традиций в рамках одной культуры.

В сообщении *Ю.А. Смирнова* (ИА РАН) "О случайном возникновении одной погребальной традиции (на примере погребения пророка Мухаммада)" подчеркивались разновариантность раннемусульманской погребальной обрядности в ее основных проявлениях, случайность выбора формы (мединской, а не мекканской) погребального сооружения. По мнению докладчика, дошедшие до нас письменные источники описывают все же исключительные случаи, но к основной массе материала (погребальных памятников) отношения не имеют.

В докладе *В.С. Ольховского* (ИА РАН) "К изучению скифской ритуалистики: посмертное путешествие" на основе источниковедческого анализа погребений преимущественно скифской знати была предложена реконструированная "идеальная модель" скифского погребального комплекса, главный элемент которого – погребальное сооружение – перекрывался курганной насыпью; при этом была подтверждена трактовка комплекса как символической тернарной модели упорядоченного мира в вертикальной и горизонтальной проекциях. Изучение конструктивных особенностей реальных курганов, сопоставление их с элементами индоиранских религиозно-мифологических представлений позволили выявить их семантику и реконструировать этапы скифского погребально-поминального ритуала. Суть последнего составляла масштабная инсценировка путешествия умершего в загробный мир, несомненно, повторяющая общеизвестный миф о путешествии солярного героя (героя-родоначальника) в подземный мир, результатом которого было перерождение и последующее воскрешение.

В ходе последующего обсуждения докладчик обосновал свою интерпретацию кольцевых рвов и валов, кольца менгиров, реальной или воображаемой водной преграды как воплощений препятствий мифологических; уточнил роль погребальной дорожки как способа преодоления, но также и прокламирования препятствий. Была также продемонстрирована сопряженность горизонтального и вертикального участков "посмертного пути" погребаемого и в реальном, и в "мифологизированном" пространстве; понимание скифами курганной насыпи именно как микромодели Мировой горы, и др.

С.Н. Кореневским (ИА РАН) в докладе "Культ стопы у племен юга Восточной Европы и Предкавказья в эпоху энеолита и бронзового века" подробно проанализирована иконография 13 северопричерноморских и крымских каменных стел с изображением стоп человека. При этом изображение стоп на "спине" изваяний (но ниже лопаток) или спереди в зоне бедер, носками вниз к поясу или тазу, по мнению докладчика, иллюстрирует идею показа позы человека, лежащего на спине скорченно, со стопами, поднятыми к тазу и поставленными плашмя на землю. Подобная интерпретация находит параллель в реальной позе погребенных "по ямному обряду". Плиты "со стопами" были прежде всего памятниками усопшим, которых клали в могилы скорченно. Они выполняли роль надгробий и укладывались, как правило, над погребением горизонтально. Связь все с тем же комплексом религиозных представлений демонстрируют рисунки стоп охрой на полу камер катакомб. Стелы же с изображением стоп воплощают, по мнению докладчика, собирательный образ мужчины, воина, пастуха, охотника, подателя жизненного начала, связанного и с фаллическим культом. В ведийской традиции такому образу более всего соответствуют покровитель пастушества Пушан и бог-воин Рудра, позднее слившийся с Шивой. Однако мифологический пласт, запечатленный в изваяниях восточноевропейских степей, гораздо древнее времени появления ариев в Индии и складывания "Ригведы". Культ же стопы, возникший в позднем палеолите и имевший широчайшее распространение, был связан с магией следа как заменителя субстанции человека и вместилища его души; неслучайно особым поклонением пользовались именно следы мужских героев и божеств (Геракла, Шивы и др.).

В ходе последовавшей дискуссии докладчик отстаивал свое мнение о связи стопы с идеей души. Выступавшие же обратили внимание на широкое распространение изображений "следов" по всей ойкумене, что свидетельствует, скорее, о наличии культа следа, а не стопы.

А.Н. Гей (ИА РАН) в докладе "О некоторых символических моментах погребальной обрядности степных скотоводов Предкавказья в эпоху бронзы" выступил против "мифотворческого" направления в археологии, объясняющего сущность древних обрядов через фольклорные и другие материалы позднейших эпох. Докладчик всесторонне проанализировал сведения о причерноморских и предкавказских захоронениях с целыми повозками и их деталями, относящихся к новотиторовской, преддонецкой, западно- и восточно-

манычской катакомбным культурам, с целью выяснения причин помещения повозок в могилы. При этом было констатировано существование крытых жилых повозок (уже в III тыс. до н.э.) с большой трехчастной платформой – основанием фургона или кибитки. Т-образные очертания застилавших платформы циновок А.Н. Гей объяснил наличием в повозках именно трех мест-постелей для сна и отдыха. Размещение одного спального места перпендикулярно двум другим докладчик сравнил со сходным размещением умерших в ряде тройных катакомбных погребений, что позволило трактовать камеры, а в более поздний период и катакомбы вообще как символическое воплощение интерьера и конструкции жилой (спальной) повозки. В пользу этого свидетельствует и размещение частей повозок именно во входных ямах катакомб. Переход к меридиональным ориентировкам на грани раннего и развитого бронзового века совпал со сменой типов катакомбных погребальных сооружений и изменением планировки подкурганных кладбищ вследствие смены парадигмы обряда: так как камера мыслилась как кузов, а входная яма – как передок, то "катакомба-повозка" как бы въезжала в центр подкурганного пространства с востока; размещенные же на "постелях" умершие, как и в реальных повозках, ориентировались головой по ходу движения. Редкие факты обнаружения в погребении двух повозок находят параллели в ритуале похорон хеттских царей. Тягловой силой повозок являлись быки (волы), что соответствует помещению во входные ямы катакомб "жертвенников" из черепов и костей (шкур) доместицированного быка. Такие же "жертвенники" из костей мелкого рогатого скота соотносятся А.Н. Геем с мифологемой о козлах Тора и объясняются единством жертвенной и транспортной функций крупного и мелкого рогатого скота в погребальном обряде.

Отвечая на заданные вопросы, докладчик отметил, что, хотя традиция скорченных захоронений весьма протяженна во времени и многозначна, в катакомбной культуре она связана преимущественно с идеей жилой повозки. "Трехместные" же повозки зародились в Северном Причерноморье. В ходе обсуждения выступавшие обратили внимание на терминологические неточности и обилие допущений, прозвучавших в докладе; вместе с тем указывалось на наличие сюжета с повозками, запряженными козлами, в петроглифах Семиречья, существование мифопоэтического сюжета о народе, ездившем на козлах, в кавказских этнографических материалах.

Е.И. Савченко (ИА РАН) в докладе "Погребальный обряд скальных захоронений Северо-Западного Кавказа (по материалам могильника Мощевая Балка)" подробно проанализировал результаты исследования 568 погребальных сооружений VIII–IX вв. н.э. Подавляющее большинство захоронений (83,6%) могильника Мощевая Балка было совершено в каменных подпрямоугольных гробницах, сложенных из плит песчаника, с двухслойным (каменно-деревянным) перекрытием и стенками, обмазанными саманом и побеленными. Захоронения в нишах (6,9%) располагались в естественных или искусственных пещерках в стенках скальных навесов; они имели полукруглый свод, а с внешней стороны изолировались каменной кладкой, также обмазанной саманом/глиной и побеленной. Третий тип захоронений (9%) объединял два предыдущих и представлял собой каменную гробницу, сооруженную в нише. Размеры погребальных сооружений определялись ростом погребаемых и месторасположением захоронений. Выбор типа погребального сооружения не зависел от пола погребаемых; ориентировка последних была преимущественно западной (с сезонными отклонениями), однако наряду с вытянутыми ингумациями практиковалось и положение умерших (женщин) на правый бок с подогнутыми ногами. Сопровождающий инвентарь мужских захоронений включал керамическую и деревянную посуду, боевые топорики, ножи, элементы снаряжения лучника. В женских захоронениях, кроме посуды, гребней, зеркал, деревянных пеналов, обычны бусы. Погребальные подушки (наволочки, набитые травой) либо их заменители (каменные плитки) встречены и в мужских, и в женских погребениях. В могильнике ярко прослеживался обычай символизации – замены реального предмета его частью, ломаным экземпляром или вотивным изображением. Причиной, породившей данный обычай, по мнению докладчика, мог быть страх перед мертвыми (замена вещи вотивом) и самими вещами (ритуальное умерщвление предмета), но наиболее вероятным является мотив экономии материала и труда. Западная ориентировка, поза погребенных и некоторые другие черты обрядности, по мнению Е.И. Савченко, связаны с сарматским влиянием, а использование каменных гробниц и скальных ниш – с возможным слиянием традиций предшествующих эпох.

Отвечая на заданные вопросы, докладчик подтвердил связь позы и пола погребенных, наличие особенностей мужских и женских головных уборов, отсутствие украшений и зеркал в мужских погребениях.

И.Л. Кызласов (ИА РАН) в докладе "Скальные захоронения: особая категория погребальных памятников" собрал и проанализировал ряд захоронений конца I тыс. до н.э. – II тыс. н.э. из Хакасско-Минусинской котловины и прилегающих регионов, совершенных в пещерах. По мнению докладчика, наряду с хорошо известными археологам курганными и грунтовыми существовала и третья категория погребальных памятников – скальные захоронения, требующая специального изучения. Скальные захоронения, как считает И.Л. Кызласов, послужили прообразом для разнородных видов погребений в обрывах и на склонах равнинных местностей, сказались в формировании погребальных катакомбных и подбойных конструкций. Причина же существования скальных захоронений заключается в особенностях древнего мировоззрения, в частности в восприятии горы в качестве священного центра, порождающего и поглощающего каждого члена конкретного человеческого коллектива.

В ходе ответов на заданные вопросы докладчик подчеркнул, что обряд скальных захоронений также менялся, но "запаздывал" по сравнению с захоронениями на равнине. Шаманов в саяно-алтайском регионе хоронили обычно на деревьях, в пещерах же, возможно, только в Забайкалье. Выступавшие в прениях отметили необходимость внимательного изучения всех случаев пещерных захоронений; были приведены примеры подобных захоронений в пещерах Центральной Азии.

На заключительном заседании "круглого стола" его "участники отметили несомненную научную значимость поставленных в зачитанных докладах проблем, оригинальность (в ряде случаев) предлагаемых решений, а также полезность проведенного обсуждения; было высказано пожелание опубликовать заслушанные доклады в тематическом сборнике.

Институт археологии РАН,
Москва

В.И. Гуляев,
В.С. Ольховский

II МЕЖДУНАРОДНАЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ "КУЛЬТУРЫ СТЕПЕЙ ЕВРАЗИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ I ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ Н.Э." (Самара, 1997)

Конференция проходила с 17 по 20 ноября 1997 г. в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина при финансовой поддержке Института "Открытое общество" и администрации Самарской обл. в рамках Региональной программы национально-культурного возрождения народов России на территории Самарской обл. "Возрождение"[1].

Задачей этой конференции в первую очередь было решение спорных вопросов хронологии древностей Евразии I тыс. н.э.

В работе новой конференции приняли участие 30 ученых, среди которых – археологи, историки, математики, в том числе 3 доктора наук и 10 кандидатов наук из 14 городов России, Украины и Казахстана, представляющие 20 научных учреждений и вузов.

Доклады, прочитанные на конференции, можно разделить на несколько групп. Общетеоретический и методологический характер имел доклад *В.Б. Ковалевской* (Москва) "Применение компьютерного картографирования для решения хронологических вопросов (по раннесредневековым материалам Европы)". Проблемные вопросы ставились и в докладах *М.Л. Шведова* (Донецк) "Проблемы взаимоотношений степного и лесостепного населения в эпоху раннего средневековья (на примере Подонцовья-Приазовья") и *Д.А. Сташенкова* (Самара) "Евразийская мода в эпоху раннего средневековья (на примере серег салтовского типа)".

Доклады *Е.П. Казакова* (Казань) "Новые материалы по датировке древностей VI–VIII вв. н.э. Закамья", *Ю.А. Семыкина* (Ульяновск) "Итоги исследования Чертова городка", *Г.И. Матвеевой* (Самара) "О хронологии и культурной принадлежности памятников лбищенского типа" и *С.Э. Зубова* (Самара) "Курганные погребения с конями раннеболгарского времени на Самарской Луке", основанные на материалах Поволжья, были посвящены интерпретации археологических материалов именьковского и хазарского времени Поволжского региона.

В докладах *А.В. Расторопова* (Пенза) "Проблемы хронологии археологических памятников Верхнего Посурья и Примокшанья второй половины I тыс. н.э.", *В.П. Костюкова* (Челябинск) "О хронологической позиции поминальных оградок Южного Урала" и *И.Э. Любчанского* (Челябинск) "Хронологические аспекты комплексов "курганов с усами" анализировались памятники смежных территорий Евразии. Проблемы хронологии отдельных регионов рассматривались в докладах *В.Ю. Малашева* и *И.О. Гавритухина* (Москва) "Перспективы изучения хронологии раннесредневековых древностей Кисловодской котловины" и *О.В. Букиной* (Самара) "Датировка погребений с трупосожжениями в рязано-окских могильниках (по опубликованным материалам Борковского и Кузьминского могильников)".

Анализу отдельных категорий артефактов были посвящены доклады *В.С. Аксенова* (Харьков) "Крымский импорт и хронология некоторых салтовских памятников верховьев Северского Донца", *Е.А. Беговатова*

[1] I международная археологическая конференция "Культуры степей Евразии второй половины I тысячелетия н.э." проходила в Самаре в 1995 г. при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований и администрации Самарской обл. Основываясь на резолюции этой конференции, решено превратить конференцию под названием "Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э." в периодическую.

© Д.А. Сташенков, 1999 г.

и *С.И. Валиулиной* (Казань) "Стеклянные бусы I Семеновского селища", *А.Г. Иванова* (Ижевск) "Об одном типе поясов VIII–XI вв. из Северного Прикамья", *Н.А. Тихонова* и *О.В. Орфинской* (Нижний Архыз) "Стеклянное зеркальце из Нижне-Архызского аланского погребения раннего средневековья", *А.В. Богачева* (Самара) "Кольцевые подвески с выпуклинами I тыс. н.э." и *В.Ю. Морозова* (Самара) "Использование находок сасанидских монет для хронологии археологических памятников Поволжья и Прикамья".

Серия докладов была посвящена военно-политической истории и развитию военного дела: *В.А. Иванова* "Военно-политическая история Евразийских степей как фактор формирования материальной культуры средневекового населения Южного Урала и Приуралья (I тыс. н.э.)" и *В.В. Овсянникова* (Уфа) "Развитие вооружения в лесостепном Приуралье во второй половине I тыс. н.э.", *И.Л. Измайлова* (Казань) "Хронология эволюции вооружения народов Среднего Поволжья второй половины I тыс. н.э.". В ряде докладов – *Р.С. Багаутдинова* (Самара) "К вопросу о религиозной принадлежности протоболгар", *Ю.А. Мотова* (Алматы) "О датировке мечей с настенных росписей раннесредневековых городов Средней Азии", *А.А. Демакова* и *Д.А. Фоменко* (Нижний Архыз) "К проблеме идентификации сенмурва", *В.Г. Котова* (Уфа) "Археологическая иллюстрация к башкирскому эпосу (по материалам Шиловского могильника)" – рассматривались вопросы, связанные с искусством и культурой народов Евразии.

По всем прослушанным докладам состоялась оживленная дискуссия. В принятой на заключительном заседании резолюции было решено в 1999 г. провести очередную, III конференцию, посвященную изучению истории костюма народов Евразии.

К открытию конференции изданы тезисы докладов ("Культуры степей Евразии второй половины I тыс. н.э. (вопросы хронологии)", Самара, 1997), планируется выпуск научного сборника по материалам конференции.

К началу работы конференции в Самарском областном историко-краеведческом музее им. П.В. Алабина была организована небольшая выставка археологических материалов, полученных при раскопках последних лет на территории Самарской Луки и Удмуртии.

Самарский областной
историко-краеведческий музей
им. П.В. Алабина

Д.А. Сташенков

АЛЕКСАНДРУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ ФОРМОЗОВУ 70 ЛЕТ

30 декабря исполнилось 70 лет Александру Александровичу Формозову – ученому, много сделавшему для нашей науки и заслуженно пользующемуся высоким авторитетом. Юбиляр не нуждается в особом представлении – все археологи России знакомы с его трудами. Известен он и за ее пределами. Но несколько слов все же следует сказать.

Начать надо, по-видимому, с того, что Александру Александровичу повезло с родителями. В наших старых анкетах был такой пункт – "бывшее сословие родителей". Заполняя ее он написал: "мещане". Наверное, формально он был прав, но от реальности это было далеко. А.А. Формозов родился в семье интеллигентов и рос в интеллектуальной среде. Его отец – Александр Николаевич (1899–1973) – зоолог, профессор МГУ. Великолепные картины его можно увидеть в Дарвиновском музее, его книги о природе переиздаются. Поработал он и над определением костей из археологических раскопок. Мать – Любовь Николаевна – геохимик, доктор геолого-минералогических наук, с.н.с. Института геологии АН.

Детство или отрочество нашего поколения пришлось на войну. Мы рано начинали работать, рано осознавали свою ответственность, рано становились самостоятельными. Война забросила семью Формозовых в Казахстан, в г. Актюбинск. Здесь, продолжая учиться, он участвует в работах геологической экспедиции в качестве коллектора. Это для нашего поколения обычно. Необычно, что уже в это время А.А. Формозов занимается археологическими исследованиями, обрабатывает и готовит к публикации материалы: к концу школы вышли в свет три его работы в "Вестнике Казахского филиала АН", и как минимум еще одна находилась в печати. Посвящены они были казахстанским памятникам, в частности памятникам кельтеминарской культуры.

После школы была кафедра археологии МГУ, были экспедиции Деснинская и Кустанайская, Степная скифская, Трипольская, Кубанская и Волго-Донская. И опять самостоятельная работа – разведки в Подмосковье, в Чкаловской области и Краснодарском крае. Ко времени окончания университета в 1951 г. список опубликованных работ насчитывает 12 номеров. Он получил диплом с отличием, несмотря на то, что имел четверки по основам марксизма-ленинизма на I и II курсах, по основам советского государства и права. Ему была присвоена квалификация "научного работника в области исторических наук, преподавателя вуз'а и звание учителя средней школы". Название диплома – "Палеолит Прикубанья, Нижнего Подонья и Приазовья".

Мы познакомились с Александром Александровичем именно в 1951 г., когда оба оказались в большой новостроечной Молочанской экспедиции, руководимой А.И. Тереножкиным. Я участвовал в раскопках курганов у с. Троицкого на р. Молочной. Однажды к нам пришел молодой человек не очень спортивного вида. Это и был А.А. Формозов, который шел с разведкой вниз по реке. У меня был третий полевой сезон, разведки мне были уже знакомы, но с пешим разведчиком, разведчиком-одиночкой я столкнулся впервые. Удивила не только "спортивная" сторона этого предприятия, но явная несогласованность с обстановкой. Представьте себе одинокую фигуру, явно чужого человека, совершающего какие-то непонятные действия на территории "стройки коммунизма" в период шпиономании на бытовом уровне. Для такого дела надо было обладать как минимум некоторой смелостью и твердой убежденностью в необходимости совершаемого.

Затем была аспирантура в ИИМК'е, защита диссертации в марте 1954 г. ("Локальные варианты в мезолите Восточной Европы") и зачисление сотрудником в наш Институт. Одновременно А.А. Формозов начинает поиски палеолита в районе Бахчисарая и в 1952 г. открывает мустьерскую стоянку Староселье. Этим работам посвящена плановая тема 1954–56 гг., результатом чего было появление монографии "Пещерная стоянка Староселье и ее место в палеолите" (МИА № 71, 1958).

В конце 1957 г. я поступил в аспирантуру Института и с тех пор мы работаем с А.А. Формозовым в одном учреждении. В течение многих лет наши контакты ограничивались случайными репликами при встречах. Это понятно – тематика наших занятий практически не пересекалась, Александра Александровича нельзя назвать человеком открытым, да и я не очень контактен. Однако я, как и все, был в курсе занятий Александра Александровича. Дело в том, что иногда исследователю удается создать труд, который читают независимо от специализации, который просто необходимо прочесть, чтобы быть "на уровне". И надо сказать, что А.А. Формозову это удавалось довольно часто.

В деятельности А.А. Формозова обычно выделяют три периода по преобладанию интереса к опреде-

© И.С. Каменецкий, 1999 г.

ленной тематике. Первый посвящен изучению памятников каменного века, второй – изучению первобытного искусства, третий – истории нашей науки. В какой-то мере это соответствует действительности, но при этом надо иметь в виду, что все эти темы интересовали исследователя изначально. О школьных статьях по кельтеминарской культуре я уже упоминал. Но уже в 1950 г. появилась статья "второго периода" – "Наскальные изображения Урала и Казахстана эпохи бронзы и их семантика" (СЭ, 1950, № 3). Появление первой "откровенной" работы по историографии несколько задержалось – только в 1961 г. вышли "Очерки по истории русской археологии" (М., 1961).

Таким образом, все три направления обычно соседствовали, хотя преобладание одного из них действительно было. Но при такой периодизации выпадает еще одно, как мне кажется, чрезвычайно важное для научной деятельности А.А. Формозова, теоретическое направление. Уже такие работы как "Периодизация мезолитических стоянок Европейской части СССР" (СА, 1954, Т. XXI), "О времени возникновения различий между северными и южными культурами каменного века" (КСИИМК, Вып. 59, 1955), да и диссертация, защищенная в 1954 г., имеют ярко выраженный теоретический характер. А в 1957 г. появляется сразу две статьи уже чисто теоретического характера: "О времени и исторических условиях сложения племенной организации" (СА, 1957, № 1), "Могут ли служить орудия каменного века этническим признаком?" (СА, 1957, № 4). К ним можно еще добавить написанную совместно с О.Н. Бадером, А.Я. Брюсовым и С.В. Киселевым рецензию на статью Б.Ф. Поршнева "Материализм и идеализм в вопросах становления человека" ("Некоторые вопросы возникновения человеческого общества" // СА, 1957, № 1). И эта тема имела продолжение.

Следовало бы рассмотреть заслуги юбиляра во всех указанных областях, но мне трудно судить о значении работ по каменному веку и по первобытному искусству – это не моя область. Конечно, понимаю значение уже упомянутой публикации Староселья. Не потеряли своего значения и такие работы как "Неолит Крыма и Черноморского побережья Кавказа" (МИА № 102, 1962), "Каменный век и энеолит Прикубанья" (М., 1965). Следует отметить, что в этой области им были проведены значительные полевые работы, позволившие открыть первоклассные памятники.

Характеризуя деятельность отца ("Александр Николаевич Формозов (1899–1973)". М., 1980), он подчеркивал значение его полевой деятельности, натурное знакомство с объектом исследования. Следует отметить, что этот же принцип – стремление ознакомиться с памятниками – присущ и деятельности самого А.А. Формозова. Небольшой пример. В 1956 г. на Нижнем Дону была открыта верхнепалеолитическая Чулекская стоянка. Уже на следующий год ученый произвел на ней шурфовку и обследовал ее окрестности. В результате были обнаружены стоянки в Каменной балке, раскопки которых продолжаются до сего дня. На материалах этих стоянок была выделена каменнобалковская верхнепалеолитическая культура.

В том же году А.А. Формозов ведет исследования на ашельских памятниках (Цимбал на Таманском п-ве, Игнатенков Куток и других местонахождениях по Псекупсу, Фортепьянка на р. Белой), а также на неолитическом Нижнешиловском поселении у Адлера. Первые долгое время были древнейшими памятниками на территории России, а Нижнешиловская стоянка и сейчас является эталонным, почти единственным памятником неолита в нашем Причерноморье. В этом же ряду стоят исследования мустьерских стоянок Кабази и Холодной Балки в Крыму, открытие верхнего палеолита в Прикубанье (Каменномостская пещера, Губский навес № 7). Огромное значение имело открытие серии энеолитических поселений, среди которых наиболее известно Мешоко. Надо сказать, что это свойство Александра Александровича – мобильность и стремление ознакомиться с памятниками лично – в полной мере я оценил сравнительно недавно, когда начал читать общий курс археологии. С некоторым удивлением я обнаружил, что многие ключевые памятники юга России либо открыты А.А. Формозовым, либо произведены им решающие раскопки, либо им внесено что-то очень существенное в их интерпретацию. В качестве примера последнего упомяну только изменение датировки такого памятника как Чохская стоянка.

Принцип личного знакомства соблюдался и при изучении первобытного искусства. В 1963–1968 годах А.А. Формозов объехал все наиболее интересные районы наскальной живописи от Днестра до Амура, от Белого моря до Средней Азии. Результаты этих работ широко известны. Уже в 1966 г. появились "Памятники первобытного искусства на территории СССР", где были обобщены материалы от палеолита до бронзы (дольмены). Насколько я знаю, это первая попытка рассмотреть первобытное искусство на нашей территории, причем ничего равного по ширине охвата до сих пор не создано. Три года спустя выходят "Очерки по первобытному искусству. Наскальные изображения и каменные изваяния эпохи камня и бронзы на территории СССР". Это естественное продолжение предыдущей работы, ее дополнение.

"Историографический период" в деятельности А.А. Формозова официально начинается с 1961 г., с появления книги "Очерки по истории русской археологии", но уже обширное введение и первая глава монографии 1959 года свидетельствуют о серьезных занятиях ученого историей нашей науки. Это и понятно – "Очерки..." не могли появиться в одночасье, на пустом месте. Его заслуги в области истории нашей науки общепризнаны. Характеризуя эту область деятельности, следует отметить несколько моментов. Во-первых, у А.А. Формозова фактически не было предшественников. Были отдельные работы, но часть их написана была еще в XIX в. и, естественно, касалась только ранних этапов. По более поздним, наиболее

насыщенным событиями, наиболее значимым периодам развития археологической науки ничего не было. А.А. Формозов и здесь был пионером. Второе, что необходимо отметить – он не пошел традиционным для историографов путем, перечисляя даты раскопок и публикаций. Он попытался увязать историю археологии с историей культуры России, с историей российского общества. Широко известны его работы об отношении к археологии выдающихся наших писателей, прежде всего А.С. Пушкина. В этой связи мне хочется отметить небольшую книжечку – "Русское общество и охрана памятников культуры", которая напрямую посвящена взаимоотношениям общества и исследователей древности, отношениям к археологии разных слоев общества.

В связи с историографическими исследованиями ярко проявилась и гражданская позиция А.А. Формозова. Напомню только о его работе "Русские археологи до и после революции" (1995), где впервые сказана в полный голос правда о советском периоде нашей науки.

Все это общеизвестно и я только напоминаю. Заканчивая историографическую тему, я хотел бы еще сказать о феноменальной памяти юбиляра, которой я, обладатель памяти посредственной, не перестаю восхищаться и завидовать. А.А. Формозов может долго говорить о том или ином предмете, называя даты и имена. При этом создается впечатление его личного знакомства с деятелями начала или конца прошлого века, которых он знает не только по имени-отчеству, но знает и об их родственных связях, личных взаимоотношениях, взглядах и пристрастиях. Совсем недавно, на заседании отдела теории и методики нашего Института, он в течении часа рассказывал об истории теории стадиальности. И это был не доклад, а выступление по поводу чужого доклада. Я глубоко убежден, что хорошая память является необходимым условием плодотворного занятия историографией.

Работы А.А. Формозова так насыщены конкретным материалом, идеи им высказываемые настолько с этим материалом связаны, что создается впечатление их вторичности. Парадоксально, но он не воспринимается большинством археологов как теоретик. Мне же кажется, что он теоретик прежде всего, причем совсем не рядовой.

Выше уже были упомянуты его первые шаги в этой области. В 1959 г. вышла монография "Этнокультурные области на территории Европейской части СССР в каменном веке". В ней рассматриваются материалы от ашеля до неолита включительно. Надо иметь в виду, что именно в это время оживленно обсуждались вопросы выделения "культур" в верхнем палеолите, именно в 50-х годах окончательно сформировалось представление о мезолите, шло выделение археологических культур неолита. Таким образом, книга А.А. Формозова была весьма актуальна и касалась многих спорных проблем. Не потеряла она значения и теперь.

В книге разрабатывается три основных теоретических вопроса. Во-первых, вопрос о том, что стоит за археологической культурой в разные эпохи. Мы знаем, что он дискутируется до сих пор. Во-вторых, обсуждался вопрос о времени возникновения различий в материале и их характере. В-третьих, и может это было основным, поставлен вопрос о существовании этнокультурных областей или общностей. Именно А.А. Формозов ввел эту наивысшую таксономическую единицу в нашу науку. Все положения в книге разработаны весьма убедительно и фундаментально проиллюстрированы материалом. Я считаю эту монографию классической теоретической работой.

В 1977 г. появились "Проблемы этнокультурной истории каменного века на территории европейской части СССР", которую сам автор считал "органическим продолжением" предыдущей книги. Обобщив новые материалы, А.А. Формозов рассмотрел основы периодизации каменного века. Вновь поднят вопрос о времени возникновения локальных различий и интерпретации этих различий для разных периодов. И опять все теоретические построения подтверждены рассмотрением всех доступных материалов. Причем на сей раз автор предпочел не хронологическое, а территориальное его распределение. В зоны с определенной спецификой выделены Кавказ, Северное Причерноморье, центр, север и запад Русской равнины. Отдельные главы посвящены связям восточноевропейского палеолита и мезолита с Сибирью, а также роли приаральского мезолита и неолита в истории Европы и Азии.

Можно еще долго писать о научных достижениях юбиляра. Полагаю, что когда-нибудь появится подробный разбор того вклада, который внес А.А. Формозов в теорию археологии. Сейчас же мне только хотелось обратить внимание на эту сторону его творчества и выразить надежду, что вскоре мы увидим еще одну книгу, где будут рассмотрены и интерпретированы материалы накопившиеся за последние два десятилетия. Надеюсь, что это будет не последняя из тех работ А.А. Формозова, которые следует читать всем, независимо от специализации. Чтобы быть на уровне.

Институт археологии РАН,
Москва

И.С. Каменецкий

ВНИМАНИЮ АВТОРОВ

Журнал "Российская археология" публикует на своих страницах работы теоретического и научно-исследовательского характера по вопросам археологии и смежных дисциплин, археологические материалы, представляющие большой интерес, критические статьи и рецензии на новые публикации по археологии.

Направляемые в журнал материалы должны быть оформлены в соответствии с правилами, принятыми в журнале.

1. **Содержание** рукописи должно соответствовать тематике журнала, относясь к одному из разделов: статьи, публикации, дискуссии, история науки, критика и библиография, хроника. Иные материалы (письма в редакцию, заявления и пр.) публикуются только по специальному решению редакции и редсовета.

2. Рукопись подается в 2-х экземплярах, перепечатанной на пишущей машинке или принтере (класса LQ-100 и выше).

3. Присылаемые для публикации материалы должны состоять из: основного текста, списка литературы, списка подрисуночных подписей, резюме, списка сокращений, иллюстраций (если они необходимы), сведений об авторе (авторах; см. пункт 12). Резюме обязательно только для материалов, проходящих по разделам: статьи, публикации, дискуссии. Все указанные части рукописи должны начинаться с новой страницы.

4. **Общий объем** рукописи не должен превышать 20 машинописных страниц и 8 иллюстраций; для раздела "Заметки" – не более 5 страниц и не более 3 иллюстраций. В объем рукописи включается: основной текст, список литературы, список подрисуночных подписей, резюме, цифровые (математические, статистические и другие не рисованные) таблицы. Все страницы рукописи должны иметь сквозную нумерацию без пропусков и дополнительных литер (а, б...). Превышение объема рукописи (20 стр.) не допускается.

5. Статья (включая список литературы, подрисуночных подписей и др.) должна быть напечатана четким, контрастным машинописным шрифтом через два интервала на одной стороне листа белой бумаги стандартного (А4) размера с полями. Длина строки должна быть равна 57–58 знаков, количество строк на странице – до 29. Поля вокруг текста должны быть: слева от текста – 2,5 см, справа – 1 см, сверху – 2 см, снизу – 2,5 см. Материалы, напечатанные на портативной машинке либо принтере мелким, курсивным либо иным другим (кроме машинописного) штрифтом, редакцией не принимаются. Не допускаются поправки от руки в тексте статьи и нумерации страниц.

6. Все знаки, которые не могут быть напечатаны на машинке (принтер), должны быть вписаны в текст от руки черными чернилами (пастой, тушью), отчетливо, в единой системе написания. Необходимо пояснить на левом поле, какая именно буква, знак, символ вписан, если они могут быть спутаны с другими, близкими по начертанию. Греческие буквы нужно подчеркивать красным карандашом.

7. **Иллюстрации** следует представлять в пригодном для воспроизведения виде в 2-х экземплярах (оригинал и копия). Размер авторских оригиналов иллюстраций должен быть в полтора – два раза больше размера иллюстраций в журнале. Рисунки-оригиналы (1-й экз.) представляются вычерченными тушью на ватмане или кальке, а также в виде четких фоторепродукций (ксерокопии не допускаются). 2-й экземпляр иллюстраций может являться ксерокопиями оригиналов. Следует максимально сокращать пояснения на рисунке, переводя их в подрисуночные подписи. Фотографии должны быть представлены в двух экземплярах, контрастные, на белой глянцевой бумаге, хорошо проработанные в деталях. Все необходимые на фотографиях обозначения, пояснения и монтаж следует делать только на втором экземпляре. Первый экземпляр (оригинал) фотографий не должен иметь никаких дефектов: пятен, надписей, изломов, следов от скрепок, трещин и т.д. Наклеивать первый экземпляр фотографии на бумагу или картон не разрешается. На авторских оригиналах иллюстраций с неясной ориентаций необходимо написать "верх" или "низ".

Иллюстрации должны быть пронумерованы в соответствии с порядком ссылок на них в тексте статьи. Для всех видов иллюстраций дается общая нумерация. На обороте каждой иллюстрации мягким карандашом следует написать фамилию автора, название статьи и номер рисунка. В рукописи на левом поле, в прямоугольнике должны быть указаны номера иллюстраций и таблиц напротив тех мест текста, где желательно их напечатать в издании. Подписи к иллюстрациям прилагаются на отдельном листе, где указываются фамилия автора и заглавие статьи. В подрисуночной подписи должны быть кратко расшифрованы все условные обозначения на иллюстрации. Необходимо тщательно следить за точным соответствием обозначений и нумерации в тексте, подрисуночных подписях и на рисунках.

8. **Таблицы**, напечатанные на отдельных страницах, подкладываются по тексту при первом упоминании о них. Они должны иметь тематический заголовок и номер. Текст заголовка в таблицах пишется кратко, все слова даются без сокращений. Диагональные линейки в головке не допускаются. Колонки должны отделяться вертикальными линиями и нумероваться только в тех случаях, когда на них даются ссылки в тексте (но не для замены головки при переходе таблицы на следующую страницу).

9. **Текстовые пояснения** (через два интервала) даются внизу на соответствующей странице под цифрой; нумерация сквозная: 1, 2...

10. **Список литературы** дается в алфавитном порядке и состоит из двух частей. Первая часть – издания на кириллице, вторая – на латинице. Названия отчетов о полевых исследованиях включаются в соот-

ветствующую часть. За фамилией и инициалами указывается год издания и далее сведения в соответствии с библиографическим описанием. Труды одного автора располагаются в хронологическом порядке. При ссылке на разные произведения одного автора, вышедшие в одном году, в библиографическом списке и в тексте статьи к году добавляются литеры в порядке алфавита. Источником библиографического описания является титульный лист издания.

Мелюкова А.И., 1964. Вооружение скифов // САИ. Вып. Д1–4.

Псковские летописи, 1941. Т. 1. М.; Л.

Смирнов К.Ф., 1964. Т. 1. М.; Л.

Чернов С.З., 1977. Отчет об археологических разведках в бассейне р. Вори в 1977 г. Ч. 4. // Архив ИА РАН. Р-1, № 6695.

В тексте в круглых скобках указываются фамилия и инициалы автора (на языке издания) или сокращенное название (если издание автора не имеет), год издания, ссылка на страницу, рисунок, таблицу (Смирнов К.Ф., 1964, с. 50).

Ссылки на источники – оригинальные работы древних авторов, архивные материалы (кроме полевых отчетов), музейные коллекции – приводятся в скобках в тексте и в список литературы не включаются.

В тексте и списке литературы следует использовать только общепринятые сокращения, список которых публикуется в журнале.

11. К статье, помимо списка сокращений, необходимо приложить и русский текст резюме (краткое содержание статьи со ссылкой на рисунки, иллюстрирующие основные ее положения, объемом не более 1 страницы машинописного текста). Для облегчения перевода резюме на английский язык необходимо: а) при употреблении названий периодов, типов, культур, произведенных от географических названий, дать последние в именительном падеже единственного числа (например: кушнаренковский тип от Кушнаренково); б) наиболее специфические термины давать или в переводе, или с пояснением. Помимо русского текста резюме, автор может приложить и свой вариант английского текста резюме (summary) в целом.

12. Тексты, присылаемые в редакцию для публикации, должны быть тщательно проверены и подписаны автором. На отдельном листе прилагаются сведения об авторе (авторах) с указанием фамилии, имени и отчества, полного почтового домашнего адреса, места работы и рабочего адреса, телефонов и даты отправления. При наличии нескольких авторов статья подписывается авторами.

13. Статьи, отправленные авторам для доработки, должны быть возвращены с доработки не позднее, чем через 4 месяца. Статьи, полученные позже указанного срока, будут рассматриваться как вновь поступившие.

14. Книги и журналы, присланные в редакцию для рецензирования, не возвращаются.

Статьи, оформленные без соблюдения указанных правил, к рассмотрению не принимаются

Адрес редакции:

117036, Москва, ул. Дм. Ульянова, 19

Телефон 124-34-42

Заведующая редакцией *Е.В. Бубнова*

Технический редактор *Л.И. Глинкина*

Сдано в набор 16.10.98 Подписано к печати 19.11.98 г. Формат бумаги $70\times100^{1}/_{16}$

Печать офсетная. Усл. печ. л. 20,8 Усл. кр.-отт. 23,5 тыс. Уч.-изд. л. 25,6 Бум. л. 8,0

Тираж 1121 экз. Зак. 2015

Отпечатано в типографии "Наука", 121099, Москва, Шубинский пер., 6